This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

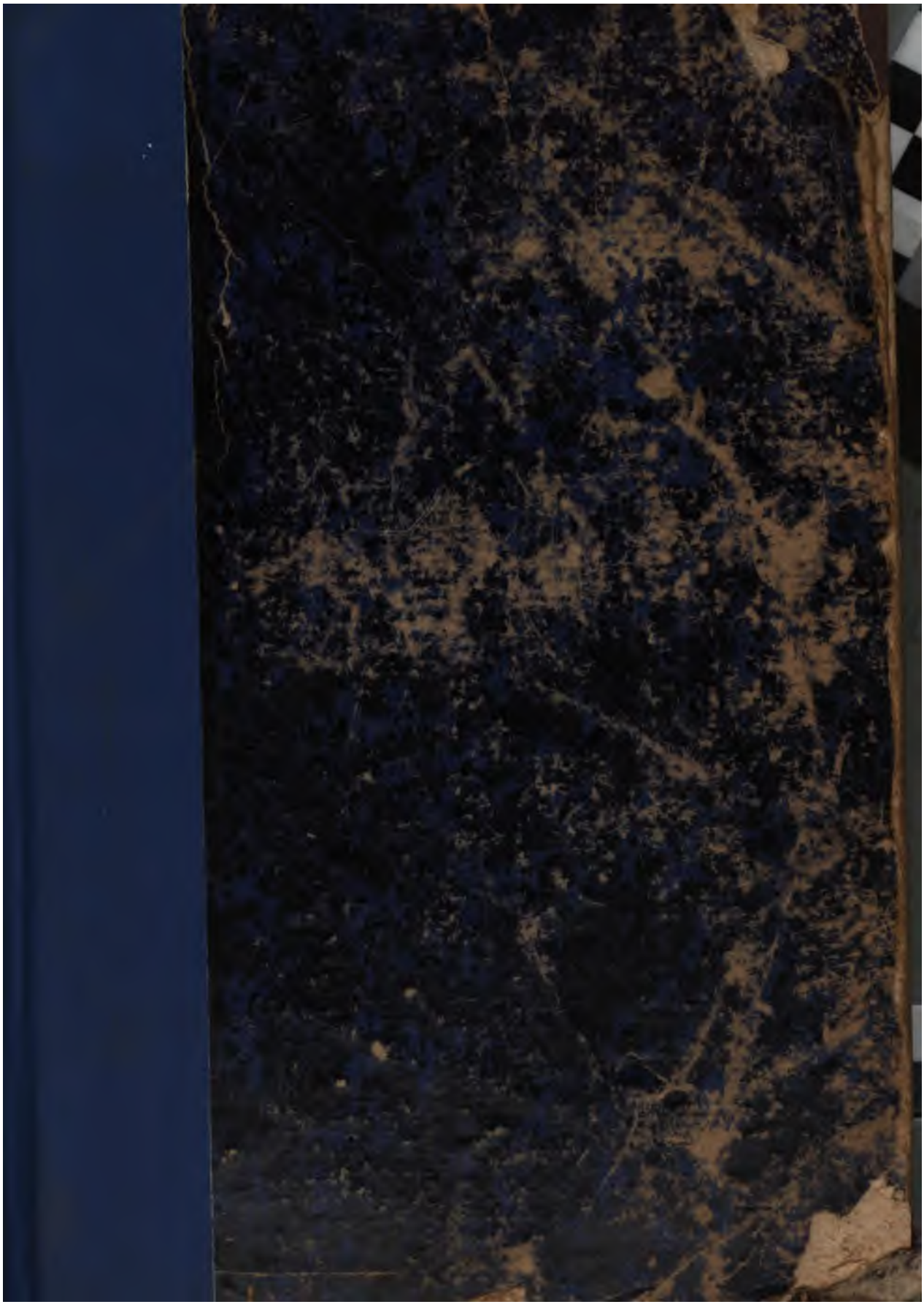
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

РУКОПИСИ
О СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНѢ

СОБРАННЫЯ

ГОСУДАРЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ

ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ

ГРАФІЯ И ЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ НА УГЛУ НЕВСКАГО И ВЛАДИМІРСКОЙ Д. № 45—1. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Сборникъ исторій.

СБОРНИКЪ РУКОПИСЕЙ

ПРЕДСТАВЛЕННЫХЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

О

СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНѢ

СЕВАСТОПОЛЬЦАМИ

Томъ III

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія и Литографія А. Траншеля, на углу Невск. и Владимірск. пр., д. № 45—1.

1873.

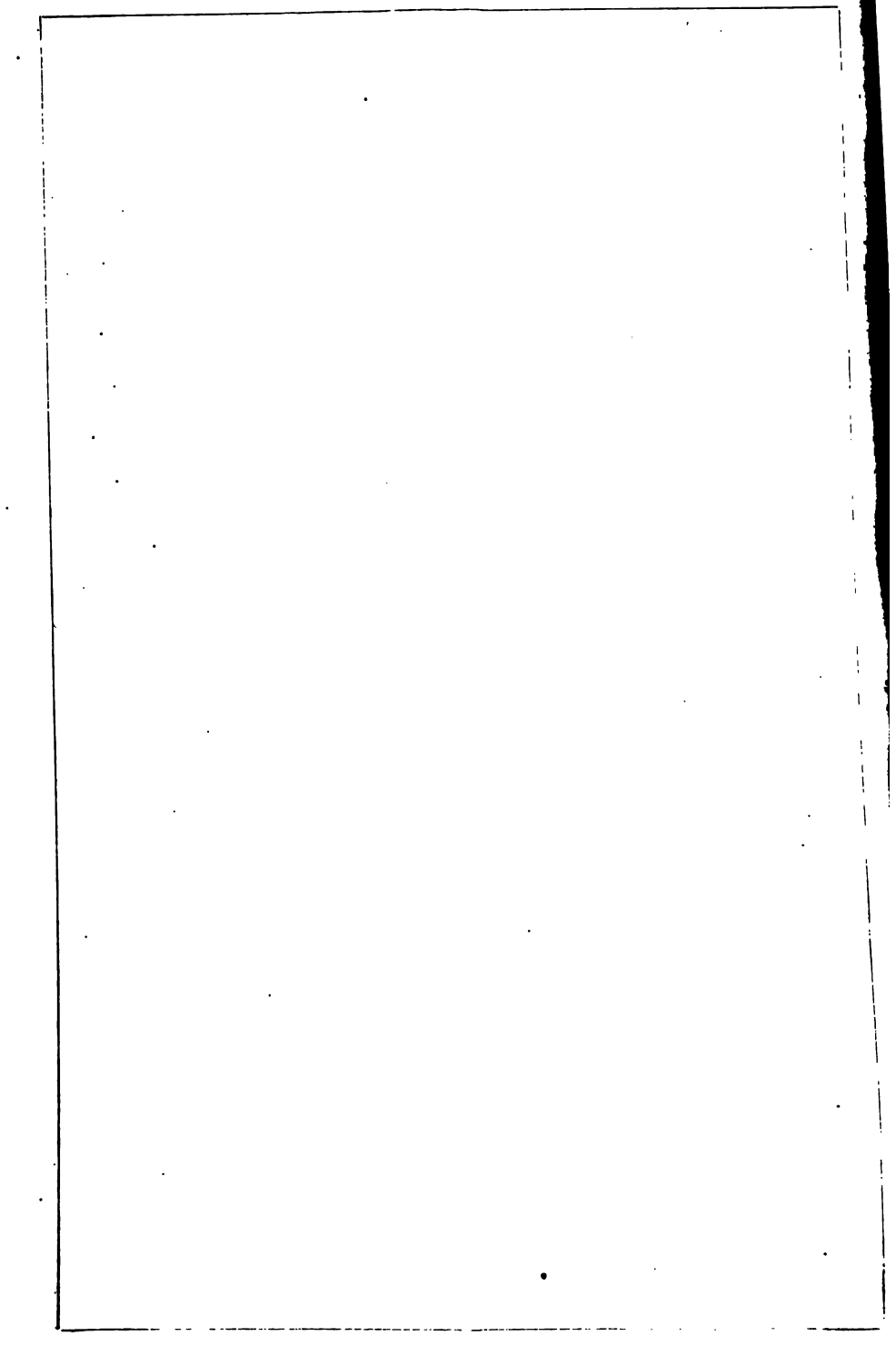
DK215.7
.S3
v.3

Оглавленіе 3-го тома.

Стран.

I. Воспоминанія о Севастополѣ Евгенія Романова Корженевскаго 1
II. Выписки изъ писемъ покойнаго генерала отъ пифантеріи Константина Романовича Семякина къ его покойной супругѣ 107
III. Воспоминанія Брянца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ Александра Гана 229
IV. Дѣйствіе въ Алминскомъ сраженіи Московскаго пѣхотнаго полка Владиміра Бейтнера 283
V. Изъ дневника одного изъ участвовавшихъ въ оборонѣ Севастополя въ войну 1853—56 годовъ 359

ВОСПОМИНАНІЯ
о Севастополѣ
Евгенія Романова Корженевскаго.



ВОСПОМИНАНІЯ

о Севастополѣ

Евгенія Романова Корженевскаго.

Прошло шестнадцать слишкомъ лѣтъ со времени знаменитой обороны Севастополя и потому много уже стушевалось въ памяти, иное вовсе изгладилось изъ нея, оставивъ по себѣ одинъ неясный слѣдъ.

Былое кажется длиннымъ, смутнымъ сномъ, самая оборона Севастополя представляется теперь въ воображеніи какимъ-то продолжительнымъ одиннадцати-мѣсячнымъ припадкомъ тяжкаго сновидѣнія, своего рода мучительнымъ кошмаромъ.

По неволѣ позавидуешь теперь иному; по неволѣ, по прошествіи почти шестнадцати лѣтъ, погружаясь въ область однихъ воспоминаній о давно минувшемъ, скажешь теперь: „блаженъ стократъ“ тотъ изъ соучастниковъ обороны Севастополя, кому удавалось, порою, съ безмятежныхъ высотъ Сѣверной стороны, созерцать бури артилле-

рійскаго огня, какимъ часто дышали бастіоны Севастополя, внимать бурному ропоту крѣпостныхъ его орудій, вообще любоваться его видами, затѣмъ, чтобы, пользуясь относительнымъ комфортомъ городской квартиры, по случаю состоянія при штабѣ, на досугѣ, въ тиши кабинета, съ фотографическою вѣрностью отмѣчать все это на бумагѣ, для того, чтобы потомъ, по приведеніи замѣтокъ въ систематическій порядокъ, при помощи типографскаго станка, выпустить ихъ въ свѣтъ на память потомству, въ назиданіе поколѣніямъ! По истинѣ, завидна доля тѣхъ немногихъ счастливцевъ.

Но доступна ли была подобная возможность—„вести записки“, тѣмъ изъ безсмѣнныхъ защитниковъ бастіоновъ, кои, проводя большую часть времени на урочныхъ работахъ, подъ открытымъ небомъ, то тамъ, то сямъ на бастіонахъ, а слѣдовательно подъ вліяніемъ ежеминутной опасности, въ борьбѣ съ лишеніями, только и могли помышлять о томъ, какъ бы, достигнувъ благополучно темныхъ сводовъ своего завѣтнаго блиндажа, прилечь на грязныхъ нарахъ, зачастую, вмѣсто подушки, съ камнемъ въ изголовьѣ и, забываясь сномъ, снова помышлять объ очереди на работы, мечтать все-таки о томъ же, темномъ блиндажѣ и жесткомъ камнѣ вмѣсто сносной подушки. Возможно ли было при условіяхъ подобной обстановки вести дневники, затѣвать „записки“... Посудите сами, читатель?

Бастіонная жизнь въ блиндажахъ или землянкахъ, на подобіе лисьихъ норъ, представляла собою каж-

дому, не посвященному въ ея подробности, особый, отдѣльный міръ жизненныхъ отправленій, гдѣ силами мышленія руководило вліяніе самыхъ разнороднѣйшихъ чувствъ и впечатлѣній, одно другому противуположнѣйшихъ. Часто самый задушевный, звонкій смѣхъ смѣнялся тяжелымъ горемъ, слезами и на оборотъ. Нетолько о письмѣ, даже о чтеніи какъ-то дико казалось помышлять, какъ о вещахъ неподходящихъ, неумѣстныхъ въ нѣкоторомъ родѣ, — въ то время, когда человѣкъ поставленъ въ обязанность ежеминутно быть готовымъ дать физическій отпоръ враждебной силѣ. Весь досугъ трудовой жизни посвящался на свиданія съ знакомыми, товарищами, иной разъ,— воспитанія, дѣтства; на поиски земляковъ для облегченія по возможности гнетущихъ чувствъ тоски по родинѣ, и только, изрѣдка развѣ, на прогулки въ городъ или за бухту на Сѣверную сторону, гдѣ квартировали наши штабы полковъ.

Заботы не менѣе важныя объ удовлетвореніи обыденныхъ нуждъ, какъ-то: пищѣ, одеждѣ, обуви и бѣльѣ, тоже не могли быть оставлены безъ вниманія, такъ какъ извѣстно, что младшее офицерство въ двухъ послѣднихъ потребностяхъ сильно нуждалось, не имѣя возможности никому о томъ заявлять изъ уваженія къ собственному чувству воинскаго достоинства.

Ежеминутно готовые на всякій случай: непріятельской вылазки, взрыва мины, фальшивой тревоги, наконецъ самаго приступа,—раздѣваться на бастіонахъ мы не могли и не смѣли, отчего бѣлье и обувь страдали неимовѣрно. Первое тлѣло отъ долгой нос-

ки, невозможности во время перемѣнить его и плохаго мытья; второе коробилось, трескалось и горѣло отъ постояннаго ношенія по камнямъ и зноя южнаго солнца, причиняя мозоли и нестерпимую боль. Неоцѣненную, въ этомъ отношеніи, услугу оказывали намъ прибывавшіе по временамъ въ Севастополь транспорты дарового бѣлья, сапогъ и полушубковъ, высылаемыхъ изъ глубины Россіи; хотя и они далеко не удовлетворяли общихъ потребностей цѣлаго гарнизона.

Не разъ приходилось, по разнымъ обстоятельствамъ, дня по два сряду вовсе не пообѣдать, ограничиваясь соленою, сухой закускою, въ родѣ копченаго языка, шамайки и пр.; чай у большинства считался величайшею роскошью. Словомъ, не распространяясь далѣе, слѣдуетъ сказать, что при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какія поставлены были необходимостью безсмѣнные защитники бастіоновъ,— невозможно было и помышлять объ умственномъ трудѣ, въ смыслѣ литературнаго развлеченія, научной работы, хотя желанія и созерцательныхъ способностей для того, чтобы вести „дневникъ“ или „записки“, у иного было и достаточно. Занятія пера требуютъ досуга и покоя, безъ которыхъ, подъ вѣчнымъ грохотомъ орудій и при сотрясеніи земли, при постоянно нравственно напряженномъ настроеніи, всякія попеченія о нихъ естественная необходимость обязывала отложить въ сторону, до другого, болѣе удобнаго времени, такъ какъ въ самую годину обороны они были рѣшительно немыслимы на бастіонахъ.

Но помимо всего, вышеприведеннаго, кто изъ наличныхъ, оставшихся въ живыхъ на Руси севастопольцевъ, одушевляемый нынѣ Державнымъ призывомъ Государя Наслѣдника Цесаревича не попытается воскресить въ памяти своей хотя часть извѣданнаго имъ самимъ, либо видѣннаго во очію, среди достопамятной тяжкой и вмѣстѣ славной обороны Севастополя, дабы на страницы Высочайше задуманнаго полнаго и подробнаго повѣствованія о славныхъ дняхъ его, внести и свою посильную лепту?! Тѣмъ болѣе, что свѣденія о Севастопольской защитѣ признаны „драгоцѣнными!!!“ Формы изложенія не требуется никакой, лишь бы писалась „сущая правда“—чуждая вымысловъ.

И такъ, исполненный этихъ мыслей, по мѣрѣ силъ своего пера, я приступаю къ дѣлу.

I.

Помнится мнѣ, что вступивъ въ предѣлы отечества черезъ р. Прутъ изъ Придунайскихъ княжествъ, какъ казалось тогда, на отдыхъ по зимовымъ квартирамъ,—Тобольскій полкъ (въ рядахъ котораго имѣлъ честь служить пишущій эти строки), „отомкнувъ штыкъ“, ретировался въ сентябрѣ мѣсяцѣ по мирному положенію въ селенія Бессарабской области, съ намѣреніемъ въ волю отдохнуть отъ боевыхъ трудовъ на Дунаѣ, покрывшихъ славою наше оружіе. Но не тутъ-то было! Дня черезъ три, четыре по приходѣ на мѣсто, внезапная дробь барабана снова взбудоражила

ки, невозможности во время перемѣнить его и плохаго мытья; второе коробилось, трескалось и горѣло отъ постояннаго ношенія по камнямъ и зноя южнаго солнца, причиняя мозоли и нестерпимую боль. Неоцѣненную, въ этомъ отношеніи, услугу оказывали намъ прибывавшіе по временамъ въ Севастополь транспорты дарового бѣлья, сапогъ и полушубковъ, высылаемыхъ изъ глубины Россіи; хотя и они далеко не удовлетворяли общихъ потребностей цѣлаго гарнизона.

Не разъ приходилось, по разнымъ обстоятельствамъ, дня по два сряду вовсе не пообѣдать, ограничиваясь соленою, сухой закускою, въ родѣ копченаго языка, шамайки и пр.; чай у большинства считался величайшею роскошью. Словомъ, не распространяясь далѣе, слѣдуетъ сказать, что при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какія поставлены были необходимостью безсмѣнные защитники бастіоновъ,— невозможно было и помышлять объ умственномъ трудѣ, въ смыслѣ литературнаго развлеченія, научной работы, хотя желанія и созерцательныхъ способностей для того, чтобы вести „дневникъ“ или „записки“, у насъ было и достаточно. Занятія пера требуютъ досуга и покоя, безъ которыхъ, подъ вѣчнымъ грохотомъ орудій и при сотрясеніи земли, при постоянно нравственно напряженномъ настроеніи, всякія попеченія о нихъ естественная необходимость обязывала отложить въ сторону, до другого, болѣе удобнаго времени, такъ какъ въ самую годину обороны они были рѣшительно немыслимы на бастіонахъ.

Но помимо всего, вышеприведеннаго, кто изъ наличныхъ, оставшихся въ живыхъ на Руси севастопольцевъ, одушевляемый нынѣ Державнымъ призывомъ Государя Наслѣдника Цесаревича не попытается воскресить въ памяти своей хотя часть извѣданнаго имъ самимъ, либо видѣннаго во очію, среди достопамятной тяжкой и вмѣстѣ славной обороны Севастополя, дабы на страницы Высочайше задуманнаго полнаго и подробнаго повѣствованія о славныхъ дняхъ его, внести и свою посильную лепту?! Тѣмъ болѣе, что свѣденія о Севастопольской защитѣ признаны „драгоцѣнными!!!“ Формы изложенія не требуется никакой, лишь бы писалась „сущая правда“—чуждая вымысловъ.

И такъ, исполненный этихъ мыслей, по мѣрѣ силъ своего пера, я приступаю къ дѣлу.

I.

Помнится мнѣ, что вступивъ въ предѣлы отечества черезъ р. Прутъ изъ Придунайскихъ княжествъ, какъ казалось тогда, на отдыхъ по зимовымъ квартирамъ,—Тобольскій полкъ (въ рядахъ котораго имѣлъ честь служить пишущій эти строки), „отомкнувъ штыкъ“, ретировался въ сентябрѣ мѣсяцѣ по мирному положенію въ селенія Бессарабской области, съ намѣреніемъ въ волю отдохнуть отъ боевыхъ трудовъ на Дунаѣ, покрывшихъ славою наше оружіе. Но не тутъ-то было! Дня черезъ три, четыре по приходѣ на мѣсто, внезапная дробь барабана снова взбудоражила

нашъ отдыхъ. Насъ двинули въ новый походъ, старымъ, уже хорошо извѣстнымъ намъ форсированнымъ маршемъ, какимъ улепетывали мы съ береговъ Дуная къ Пруту, едва-ли не отъ австрійцевъ...

Въ нѣсколько быстрыхъ переходовъ по направленію къ Одессѣ и не доходя до нея десяти верстъ, мы очутились въ нѣмецкой колоніи Гильдендорфъ. Это было въ ту пору, когда блестящая Одесса, перенеся тяжкое бомбардированіе своихъ гостепріимныхъ береговъ мирнаго времени, бредила подвигомъ Щеголева, крушеніемъ парохода „Тигръ“. Она въ своемъ энтузіазмѣ не предвидѣла, конечно, возможности увидѣть потомъ въ стѣнахъ Севастополя храбрецовъ, подобныхъ г. Щеголеву, цѣлыя сотни, если не тысячи.

Не успѣли еще приглядѣться мы къ нѣмцамъ-колонистамъ, не успѣли, такъ-сказать, расхлебать ихъ молочные супы, попробовать сыру, колбасъ и всякой нѣмецкой всячины... какъ опять въ походъ, но ужъ на этотъ разъ небывалый, диковинный походъ. На лошадяхъ, волахъ, а далѣе и на верблюдахъ приходилось странствовать изъ-подъ Одессы прямо въ Крымъ и днемъ и ночью безъ остановки.

То-то раздолье было нашимъ солдатушкамъ! Сущая благодать! Шуточное-ли дѣло въ тѣ времена, „солдату“ и „ѣхать“, тогда такъ иной съ роду не сиживалъ на повозкѣ, не ѣзжалъ на лошадяхъ! И сложитъ онъ съ себя бывало ружье да ранецъ на повозку, возсѣдая въ ней безъ устали, бодро, съ какой-то особенной важностью; либо шествуетъ на легкѣ съ боку, покуривая свою „носогрѣйку“, да распѣвая въ

одиночку монотонную себѣ пѣсенку калужской стороны:

Прощай дѣ-ѣ-ѣ-вки-та, да прощай ба-а-бы,
Намъ тапе-е-е-ерича-та а-ахъ ни до васъ,
Во солда-а-атушки-та, а-ахъ везутъ насъ...
. . . . . .

И долго, долго звучатъ еще въ ушахъ спутниковъ пѣвца эти монотонные переливы родимой стороны, перенося сердечные помыслы ихъ на берега тихой, утлой Оки-матушки, либо бурной Волги-рѣки съ ихъ отлогими заливными лугами, глубокими оврагами, свѣтлыми ручейками, крутыми пригорками и холмами, поросшими тѣнистымъ, пахучимъ боромъ, да клеверничною березою...

— Что-жъ ты замолкъ, Костяшинъ? — Затяни иную-какую, коли эта вся изошла... гласитъ съ повозки симпатичный голосъ нашего-орловца, — больно, братцы, за сердце беретъ... обращается голосъ къ пригорюнившимся товарищамъ, — такъ-бы и полетѣлъ домой!.. Анъ чортъ француза занесъ...

— Ась? помолчавъ отзывается Костяшинъ, какъ будто желающій освободиться отъ давящихъ его впечатлѣній.—Таперь твой чередъ. Затягивай ты, а мнѣ помолчать нады-ть...

Такъ странствовали мы въ Севастополь, иногда подъ дождемъ, порою подъ жгучими лучами солнца въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ: кто угрюмо выглядывалъ изъ-подъ будки неуклюжей татарской арбы, озираясь по сторонамъ; кто, рельефно рисуясь на ще-

гольскомъ нѣмецкомъ фургонѣ, обозрѣвалъ невиданныя окрестности новороссійскаго края.

— Эй, Анучкинъ! перекликался нѣмецкій фургонъ съ татарскою арбою: — спроси-ка-сь татарина, что евто по нашему означаетъ: „саломъ налейка?“ (сэлямъ-алейкюмъ).

— Чаво ты, Токаревъ? отзывается недогадливая арба: — не слыхать ничего! Скрипитъ больно наша коляска, проклятая...

— Али колеса забыли подмазать? Налей-ка сала! (алейкюмъ сэлямъ) что по нашему выходитъ, допытай татарина, говорятъ тебѣ! кричитъ Токаревъ.

— Да ну ихъ!.. отзывается другой изъ того же фургона: — важное дѣло татаринъ! стоитъ-ли овчинка выдѣлки? Вонъ Алитова допытаемъ на перемѣнѣ лошадей; вѣдь онъ все одно изъ казанскихъ. Все одно татарва... презрительно заключаетъ мудрецъ.

Нашъ солдатъ имѣетъ неизмѣнное обыкновеніе всякую фразу невѣдомаго ему языка непремѣнно преобразить на свой ладъ; такъ и тутъ: обычное татарское привѣтствіе: „сэлямъ-алейкюмъ“ и на оборотъ: „алейкюмъ-сэлямъ“, онъ исковеркалъ по своему въ „саломъ-налей-ка“, и „налей-ка саломъ“; а потомъ добивается еще перевода, либо довольствуется собственнымъ, вольнымъ измышленіемъ его значенія, по большей части гадательнаго.

Не надивишься, не налюбуешься бывало въ ясную погоду на эти невиданныя нами до толѣ, чудныя картины синяго, необозримаго моря, съ шумомъ подкатывающаго къ безропотному берегу свои безотрад-

ныя волны. Даль херсонскихъ степей съ багровѣющими солончаками и причудливыми миражами; устья Буга и Днѣпра — широчайшія какъ море; самые верблюды о двухъ горбахъ на спинѣ съ ихъ придурковатыми вожаками-татарами и многое т. п.—все чрезвычайно занимало насъ на каждомъ шагу, поражая вниманіе оригинальностью новизны.

Солдатамъ, понятно, такое передвиженіе необыкновенно приходилось по душѣ; этотъ небывалый походъ они называли по своему: „вольготный“, „чумацкій“. Шутки, говоръ, смѣхъ, пѣсни, какъ вѣчные спутники нашего солдата, и тутъ не покидали насъ ни на минуту.

— А что Гордіенко, пыталъ на одной повозкѣ пожилой капралъ своего ефрейтора изъ малороссовъ, — небось тебѣ не въ первой приходится по этой дорогѣ?

— А якъ-же, Терентій Савельичъ; бувало чумакуемъ по силь, ажь за Перекопъ.

— Какой такой Перекопъ?

— А отъ що на переди городъ будыть, то такъ прозывается.

— Чай, тогды повольготнѣе было таперишняго?

— Бувала всячина! выразительно махнувъ рукой замѣчаетъ Гордіенко и отсюда зачиналось длинное повѣствованіе о блаженныхъ дняхъ чумацкихъ странствій Гардіенки съ товарищами односельчанами. Выводились наружу тайны его романическихъ похожденій, сватовства, наконецъ женитьбы и проч. мирныхъ благъ сельскаго быта. На другой повозкѣ, какой-то

весельчакъ подшучивалъ тоже надъ малоросомъ, мотивируя свою рѣчь на иную тему:

— Мотри, Лещукъ! какъ придемъ въ Севастополь, сейчасъ посылай письмо ко своей Гапкѣ, чтобы, какъ хранцуза расшибемъ, то-ись, въ пухъ, либо въ полонъ заберемъ, да поворотимъ на вашу Украйну, чтобы муки гречишной на галушки припасла... Слышь?

— А-бы Господь помиловавъ, та „винъ“ насъ нэ покаличивъ,— то и варэники будутъ... Сумрачно отзывается злополучный Лещукъ.

— А горѣлка будетъ?

— Ну, а якъ-же-жъ!

— Ладно!

И вздохнетъ глубоко Лещукъ, помышляя не о варениках конечно, а скорѣе о своей покинутой Гапкѣ.

II.

Быстро подвигаясь впередъ, мы миновали безъостановочно Николаевъ, Херсонъ и наконецъ Перекопъ. Тутъ тоже новыя картины; на всемъ особый, своеобразный, мѣстный колоритъ. Татарскія селенія (аулы), ихъ грязныя, устланныя войлокомъ жилища (сакли), женщины и дѣти; молельные дома (мечети), все интересно было видѣть, хотя тщательно разсматривать было некогда. Главная мысль парила надъ Севастополемъ, о немъ справлялись мы по пути у всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Наконецъ уже около Симферополя до слуха нашего стали доноситься глухіе стоны севастопольскихъ крѣпостныхъ орудій. Ка-

кое-то необъяснимое, слишкомъ тяжелое чувство навалило на душу; сердце болѣзненно замирало при всякомъ отзвукѣ отдаленнаго выстрѣла...

„Идемъ вызволять бѣднаго страдальца изъ-подъ напасти, напущенной заморской злобою и завистью... Помоги Господи отстоять правое, святое дѣло, одолѣть врага!“ Такъ думалось каждому изъ насъ сознававшихъ, по силамъ своего разумѣнія, критическое положеніе дѣлъ нашего Отечества, которому видно самъ Господъ судилъ это временное, но тяжкое испытаніе для возвеличенія его въ будущемъ. Не такъ-ли сталося впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ?!

„Одни, думалось — улеглись въ далекой чужбинѣ, — по берегамъ Дуная; намъ выпала лучшая доля. Если суждено сложить голову, то уляжемся на своей землѣ священной родины!“

Избалованные успѣхами нашего оружія на Дунаѣ, мы приближались къ Севастополю въ полной увѣренности, во что бы ни стало, одолѣть врага, если не истребить его въ конецъ, но Свыше судилось иначе...

Оставимъ однако-же Симферополь съ его прозаическою Палатъ-горою (Чатырдагъ), какъ и Бахчисарай съ минаретами, грязнымъ Чорокъ-Су, дворцами хановъ и поэтически созданною Пушкинымъ легендою о „слезахъ Маріи“.

Перехожу прямо къ позиціи на Чоргунѣ, куда изнуренные большимъ переходомъ, едва волоча за собою ноги, мы прибыли о полуночи, если не ошибаюсь, 18 октября.

Ночь—зги не видать! Темень такая, что хоть глазъ выколи, какъ говорится, а мы устраиваемъ свой ночлегъ на бивакахъ, какъ попало, даже безъ соломы.

Въ сторонѣ Севастополя, на высотахъ невидимыхъ холмовъ его, зарницами сверкали выстрѣлы, сопровождаясь то глухимъ стономъ, словно ропотомъ нѣдръ земли, то зычнымъ ревомъ, какъ будто-бы какого неземнаго чудовища. То ненасытная смерть, рыская добычи, возвѣщала избраннымъ свой роковой призывъ.

Что долго думать? Ранецъ въ головы, одну полу шинели вмѣсто мягкаго тюфяка подъ себя, другую какъ одѣяло сверху—и наши воины, внимая раскатамъ выстрѣловъ, погружались въ тяжелый сонъ.

На утро 19 числа, для защиты отъ сильно припекавшаго крымскаго зноя, генералъ Соймоновъ приказалъ устроить на скоро шатры изъ хвороста, который былъ тутъ-же подъ рукою въ видѣ кустарниковъ. Но едва отдѣльныя команды принялись за рубку окрестнаго кустарника, какъ дежурный барабанъ затрещалъ „генералъ-маршъ“, возвѣщающій подъемъ.

„Что за оказія?!.“

„Куда-бы это еще?!.“

Посыпались съ разныхъ сторонъ вопросы; всякъ гадалъ о походѣ по своему.

Въ боевомъ походномъ порядкѣ мы снялись съ бивачной позиціи и пошли по правой сторонѣ Черной рѣчки долиною, гдѣ мѣстами торчалъ жидкій кустарникъ, а мѣстами кой гдѣ валялись обрывки одежды и куски сукна, сапогъ, киверовъ и проч. Въ каждомъ

изъ нихъ воображеніе искало слѣдовъ непріятельскаго пораженія нашими силами.

Около часа по полудни, когда крымское солнце неимовѣрно жжетъ палящими лучами, мы по извилистой дорогѣ стали взбираться на крутую Мекензіеву гору. О! памятенъ и до сихъ поръ этотъ безконечный крутой подъемъ, стоившій двухъ переходовъ! Жара нестерпимая, а воды и добыть негдѣ. Сверху жжетъ, снизу тоже отъ раскаленнаго, каменистаго грунта. Пока мы одолѣли эту крутизну и навершинѣ ея сдѣлали привалъ, солнце значительно уже склонилось къ горизонту. Намъ оставалось миновать еще лѣсъ, изъ за котораго глазамъ нашимъ постепенно стала открываться во всей своей широтѣ и красотѣ картина осажденнаго и вмѣстѣ величественнаго Севастополя! Ряды или лучше сказать гребни затѣйливо разбросанныхъ холмовъ его, словно молокомъ убѣленные дымомъ выстрѣловъ, при полусвѣтѣ солнечнаго заката, казалось, блѣдно-огненными языками своихъ орудій, какъ нѣкіи баснословныя чудовища, сказочныя змѣи-горынычи пытались слизать съ лица земли вражьи силы заморскихъ пришлецовъ.

Смеркалось. По очередно съ обѣихъ борющихся сторонъ ярче блистали выстрѣлы и бомбы, возносясь съ огненными хвостиками, то разрѣшались въ выси, то ниспадали въ городъ. Мы вступили въ Сѣверное укрѣпленіе, среди котораго въ полу-тьмѣ общее вниманіе обратилъ на себя длинный, освѣщенный огнями парусинный шатеръ; подъ кровомъ его гремѣлъ хоръ заудалыхъ пѣсенниковъ моряковъ.

„Ну, слава Богу!“ подумалъ я: „моряки не горюютъ; стало-быть, дѣла Севастополя еще не такъ плохи. Это намъ и на руку!“

На солдатъ нашихъ случайность эта сдѣлала отличное впечатлѣніе, оно смѣнило въ нихъ первое порожденное видомъ обурѣваемаго выстрѣлами Севастополя. Составивъ ружья „въ козлы“ и сбросивъ ранцы, всѣ они разбрѣлись въ разныя стороны, кто куда зналъ, ради своихъ потребностей. Большинство, не смотря на усталость, высыпало на валы укрѣпленія глядѣть на бомбы, картинно бороздившіе темный фонъ ночнаго неба. Мы зашагали подъ шатеръ. Тамъ горсть моряковъ дружески встрѣтила насъ безъ всякихъ церемоній, по флотскому. Оказалось, что это былъ шатеръ маркитанта. Подкрѣпивъ чѣмъ попало силы, все усталое и изнуренное большимъ переходомъ черезъ полчаса ободрилось, повеселѣло. Шатеръ наполнился нашими офицерами; посыпались разспросы, полились разсказы о сраженіи при Алмѣ, бомбардированіи 5 октября, о послѣднемъ дѣлѣ генерала Липранди и т. д., и т. д., и т. д.

Шумъ, говоръ, звонкій смѣхъ... и долго, долго за полночь подъ гостепріимнымъ шатромъ маркитанта раздавались голоса ликующей братіи въ перемежку съ лихими пѣснями матросовъ до самаго утра...

III.

Чуть брезжилъ свѣтъ, на утро 20 октября, а Тобольцы, снарядившись, уже стояли у пристани для

переправы эшелонами въ городъ. Пока-же пароходы готовились принять насъ, мы, составивъ ружья въ козлы, осматривались вокругъ. На всемъ лежалъ какой-то странный, трудно объяснимый отпечатокъ неопредѣленности. Въ одномъ мѣстѣ громадныя кучи каменнаго угля; въ другомъ—бунты съ кулями сухарей; тамъ нѣсколько жилыхъ дымящихся землянокъ; здѣсь, у самаго берега, „баракъ“ для склада „мертвецовъ“, доставляемыхъ изъ города для омовенія и погребенія. Пирамиды бомбъ, ядеръ, гранатъ и картечи какъ-то зловѣще глядѣли на насъ своими, при слабомъ освѣщеніи утра, сіяющими точками. Къ чему и зачѣмъ все это нагромождено здѣсь? Возникалъ вопросъ, дробившійся о грязную дѣйствительность истребленія себѣ подобныхъ...

По мѣрѣ того какъ свѣтало, дѣятельность на берегу, равно какъ и бухтѣ, постепенно усиливалась. Повсюду копошился только-что проснувшійся разнохарактерный военный людъ: матросъ, казакъ, артиллеристъ, черноморецъ, фурштатъ... все это сновало одинъ вслѣдъ другому на встрѣчу и на перекрестъ, иногда сталкиваясь, издали перекликаясь, либо освѣдомляясь другъ у друга „на счетъ своихъ дѣловъ“.

Въ утреннемъ октябрскомъ воздухѣ сильно отдавало дымомъ антрацита въ перемежку съ „тютюнцемъ“ нашихъ солдатъ. Слышался полуговоръ, чиханье и покашливанье. Офицеры, группируясь отдѣльно, разсматривали Севастополь; солдаты тоже отдѣльными кружками, по своему, трактовали о положеніи „его“ (непріятеля) и нашихъ...

— Вонъ, вишь ты, братцы, откуда онъ вчера изъ маркелы пущалъ бонбы. Стало быть это его леніа, говорилъ одинъ.

— Нонече что-то не пущаетъ, а вчера должно быть жарко нашимъ было, вторилъ другой.

— Это онъ насъ карaулитъ. Погоди, вотъ на пароходъ станемъ, онъ и почнетъ жарить, догадывался третій.

— Толкуй! Небось оттуда не долетитъ.

— Ядро пожалуй и не долетитъ; ну, а какъ бонба?

— Ну вестно бонба!

Такъ разсуждали наши солдаты на берегу. Между тѣмъ бухта представляла собою въ другомъ родѣ оживленное зрѣлище. На поверхности ея, среди уцѣлѣвшихъ кораблей отъ потопленнаго Черноморскаго флота, тамъ и сямъ поминутно перекликаясь, раздавались свистки, сигналы моряковъ. Катера, ялики, лодки и гички торопливо сновали, перегоняясь во всѣхъ направленіяхъ къ указаннымъ цѣлямъ; тогда какъ пароходы, полновластно господствуя надъ зыбью волнъ, съ шумомъ пѣнили свои бока и, величаво вздымая на трубахъ чорные дымовые султаны, казались своего рода одушевленными тварями, за которыми покорно слѣдовали на буксирѣ шаланды съ разнымъ грузомъ.

Къ пристани причалилъ дежурный пароходъ, кажется, „Грозный“.

„Въ ружье!“ Раздалась команда и все засуетилось на берегу. Одни крестясь, другіе вздыхая раз-

мѣщались на пароходѣ. Солнце отдѣлилось отъ горизонта и пригрѣвало; въ воздухѣ стояла тишь, изрѣдка нарушаемая выстрѣлами на бастіонахъ. На ходу парохода, кто безцѣльно глядѣлъ въ воду, прислушиваясь къ мѣрному шуму колесъ, кто почтительно освѣдомлялся у матросовъ на счетъ непріятельскихъ кораблей, видимыхъ въ морѣ, и своихъ, красовавшихся передъ нашими глазами.

Мысли мои были далеко отъ Севастополя; онѣ витали по берегамъ Оки родимой... Въ воображеніи рисовались картины далекой, мирной родины: та деревенская трущоба, гдѣ я родился и взросъ, а теперь покинулъ родныхъ. Потомъ мелькнули въ памяти семь лѣтъ воспитанія въ кадетскомъ корпусѣ, съ его суровымъ директоромъ... Сердце горячо молилось родинѣ, взывая къ Небу о скорѣйшей развязкѣ кровавой драмы, въ которой намъ предстояло теперь дебютировать.

IV.

Пароходъ присталъ къ пристани южной части города. Жутко сдѣлалось на душѣ; явилась безъотчетная потребность втайнѣ помолиться о собственномъ спасеніи. „Безъ Бога,—ни до порога“, говоритъ пословица. Да и какъ было не помолиться въ подобную минуту? Кто могъ предвидѣть будущее, и кому не хотѣлось уцѣлѣть въ живыхъ въ предстоявшей одиннадцати-мѣсячной бойнѣ. Особенно краснорѣчивыми казались мнѣ выраженія лицъ нашихъ

запыленныхъ и загорѣлыхъ солдатъ ограждавшихъ себя на ходу крестнымъ знаменіемъ въ то время, какъ уста лепетали молитву.

Медленно подвигались мы вверхъ по Екатерининской улицѣ, удивляясь красотѣ и изяществу покинутыхъ жителями зданій. Обезображенныя бомбардированіемъ 5-го октября, они все-таки были прекрасны, грандіозны, не смотря на то, что у иного дома отбитъ уголъ; гдѣ въ толщѣ каменной стѣны засѣло два, три ядра, либо торчалъ изъ нея крупный осколокъ бомбы; въ нѣкоторыхъ этажахъ не осталось ни одного цѣльнаго стекла. Мостовыя во многихъ мѣстахъ изборождены и взрыты бомбами. Мѣстами дома, насквозь отъ крыши вплоть до подваловъ, пробуравлены ракетами, которыя на пути своего стремленія захватили съ собою и исковеркали: мебель, зеркала, рояли, статуэтки и проч. предметы роскоши и комфорта. Словомъ, бомбардированіе 5-го октября видимо на всемъ и вездѣ оставило глубокіе слѣды разрушенія и разгрома.

На одномъ изъ балконовъ двухъ-этажнаго дома, какъ призракъ живыхъ существъ, одушевлявшихъ когда-то населеніе Севастополя, стояла, облокатясь на перила, какая-то почтенной наружности старушка. Она, закрывъ платкомъ лицо, казалось, плакала. Это явленіе, въ сочетаніи съ окружавшимъ старушку общимъ разгромомъ и безлюдьемъ, производило на душу тяжелое впечатлѣніе.

„Бѣдная“, думалъ я: „можетъ быть сокрушается о пережитыхъ ею дѣтяхъ, внукахъ, неустрашимо

бившихся 5-го октября. Горюетъ о нихъ, опередившихъ на брани мирный закатъ ея старческихъ дней. Обрекли они ее въ одиночествѣ мыкать по свѣту горе“!..

Въ тотъ-же день полкъ нашъ расположился по тѣснымъ квартирамъ вдоль Екатерининской улицы, вверхъ до самаго холма, замыкающаго театральную площадь. Этотъ знаменитый холмъ сталъ впослѣдствіи извѣстнымъ всей Россіи и Европы подъ именемъ: неприступнаго и грознаго 4-го бастіона. Туда-то на этотъ незабвенный холмъ, облитый потомъ и кровью братій нашихъ, преобразившихъ его изъ слабой, беззащитной виноградной плантаціи въ неприступное гнѣздо орловъ Царя-Бѣлаго! Туда-то, чередуясь между собою, денно и нощно, подъ огнемъ непріятельскихъ орудій, хаживали мы бывало для того, чтобы, обложивъ это гнѣздо шипами и терніемъ на погибель врагу, семьѣ своей орлиной уготовить пригодное жилье, пріютъ. Но многимъ-ли и долго-ли удалось пользоваться безмятежіемъ этого бурнаго пріюта?!..

V.

Первую ночь, въ ожиданіи приступа, мы провели въ сборѣ подъ кровомъ театральнаго зданія, уже порядочно побитаго снарядами. Въ эту ночь упало нѣсколько бомбъ около самаго зданія, между ними было нѣсколько „пистонныхъ“, въ видѣ „сахарной головы“, которыя вовсе не разрѣшились. Съ

вечера мы долго приглядывались къ полетамъ бомбъ, прислушивались къ шуму, съ какимъ онѣ стремились въ низъ, а въ выси издавали звукъ въ родѣ: „кіу, кіу, кіу“... Вѣроятно звукъ этотъ или свистъ производили желѣзныя кольца, какими снабжена всякая бомба. Пистонныя-же бомбы низпадали темными, невидимыми для глазъ, отличаясь въ то-же время особенно рѣзкимъ звукомъ полета при паденіи. Въ сказанную ночь, и много разъ послѣ, нѣкоторыя изъ бомбъ лопались въ самой выси съ особенно музыкальнымъ жужжаніемъ разсылаемыхъ ими осколковъ; нѣкоторые же, поднявшись до извѣстной высоты, теряли вовсе свои трубки, падавшія независимо отъ нихъ перпендикулярно внизъ, что въ послѣдствіи возбуждало смѣхъ нашихъ солдатъ и разныя на этотъ счетъ ихъ невычурныя остроты. Не мало было жертвъ неосторожнаго обращенія съ пистонными бомбами. Солдаты обыкновенно бросали ихъ изъ рукъ послѣ тщательнаго осмотра, отчего бомбы лопались мгновенно, поражая толпы любопытныхъ.

Намъ пришлось квартировать въ домѣ англичанина Уптона, долго проживавшаго въ Севастополѣ до осады, а потомъ убѣжавшаго къ своимъ. Вся богатая мебель его и прочее имущество стояло въ домѣ нетронутымъ, но сильно пострадавшимъ въ бомбардированіе 5-го октября.

Между разными лицами, попадавшимися на бастіонѣ, болѣе другихъ обращали на себя наше вниманіе „пластуны“, черноморскіе пѣшіе казаки, родъ войска, не встрѣчавшійся намъ дотолѣ.

Почти на каждомъ шагу они изумляли насъ своей неустрашимостью, оригинальностью вообще.

„И что за чудной народъ, эти пластуны!“ говаривали между собою наши солдаты: „Вотъ ужъ молодцы, такъ молодцы! Не намъ чета, братцы, правду надо говорить“.

Посмотримъ въ чемъ-же заключалось это молодечество:

Приходимъ мы напр. какъ-то на первыхъ порахъ работать на бастіонъ вечеромъ. Траншей тогда еще не было, приходилось, слѣдовательно, шагать черезъ камни, лавировать между ямами и буграми, взрытыми бомбами. Выбрали площадку, стоимъ въ ожиданіи сапернаго капитана Тонагеля (о немъ будетъ особая рѣчь впереди), чтобы взяться за работу. Слышимъ, кто-то кашлянулъ не подалеку, разъ и другой. Смеркалось на порядкахъ, а капитана еще нѣтъ. Солдаты оглянулись въ сторону кашля. „Кому-бъ тутъ быть?“ пытаютъ другъ друга: „Ужъ не раненый-ли лежитъ въ непоказанномъ мѣстѣ?“

Бомбы въ разныхъ направленіяхъ своими огненными хвостиками чертятъ темный сводъ севастопольскаго неба; по временамъ ядро, другое, просвищетъ надъ нашими головами, вызывая общій поклонъ, либо пронесется съ свирѣпымъ ржаньемъ и косматой гривою сорвавшійся (словно съ коновязи) съ французской батареи „жеребецъ“ *), а покашливанье про-

*) Жеребцомъ называли солдаты двухъ-пудовую бомбу, пущенную продольно, отчего искры, сыпавшіяся изъ трубки, походили на лошадиную гриву.

должается. Подходимъ изъ любопытства поближе къ виднѣющейся фигурѣ. Слышится храпъ; ясное дѣло, что спитъ человѣкъ. „Не хватилъ-ли зелена вина“, шевелится мысль, „горемыка-матросъ, провозившись день денской надъ орудіями?...“

„Тронь-ко его; ребята! Говоритъ капралъ солдатамъ: авосъ очнется“. Солдаты, желая открыть загадочное существо, скрывающееся подъ лохматой буркою, осторожно трогаютъ спящаго, а тотъ, преспокойно высунувъ голову въ папахѣ и озираясь съ неменьшимъ любопытствомъ на нашихъ, спрашиваетъ по своему:

„А чого вамъ?“

— Да ты нездоровъ, братъ, что-ли, али съ похмѣлья, что середь бастіона валяешься? говоритъ порядколюбивый капралъ.

„А, бо-дай вамъ такэ лыхо!“ Серчаетъ суровый пластунъ. „Сплю; тай годи!“ И перевернувшись на другой бокъ, онъ скрывается снова подъ буркой, ворча что-то сквозь зубы.

— Да неравно бонба накроетъ, землякъ: на что-жъ даромъ губить христіанскую душу! Урезониваютъ наши солдаты.

„То тикайтэ уже сами видъ нэи, а мэни и тутъ добрэ“. Огрызается пластунъ. „Тикайтэ до биса!“

— Вотъ чудной, братцы! отходя прочь замѣчаютъ солдаты.

„И всѣ вѣдь таковы отчаянные!“ Но пластунъ успѣлъ уже забыться и высвистываетъ носомъ новыя трели.

„Что и говорить!“ помолчавъ, мудритъ капралъ. „Одно слово, народъ отпѣтый! Вѣстимо дѣло, какъ ему не насобачиться, коли съизмала подъ черкесомъ войною стоитъ“...

Бывало съ трубкою въ зубахъ и манеркою своей „горилки“ подъ бокомъ, сидитъ въ лахмотьяхъ этотъ „отпѣтый“ на камнѣ, либо неразрѣшившейся бомбѣ, изъ которой порохъ уже давно обрѣтается въ его пороховницѣ, либо разстрѣлянъ уже по французамъ; сидитъ онъ у кучки тлѣющихъ угольевъ, не то надъ сырой дымящеюся плахой, притащенной съ „Пересыпи“, съ видомъ полнѣйшаго безучастія ко всему окружающему, тогда какъ нашему брату на первинкахъ жутко, въ особенности какъ разыграются непріятельскія батареи. Вотъ и подсядешь для большаго куражу къ кружку этихъ „чудаковъ“, великихъ подвижниковъ годины Севастопольской! Сидятъ, „куняютъ“, *) какъ выражались они по своему, покуривая трубки. Лицо открыто, папахи на затылкахъ, молчатъ упорно; развѣ иной полезетъ къ себѣ за воротъ, за пазуху, либо за голенище, преслѣдуя насѣкомыхъ... Откуда ни возмись фыркнетъ надъ головою и шлепнется бомба и, вращаясь около своей оси, въ избранномъ ею логовищѣ шипитъ и сыплетъ зловѣщими искрами. Иной наровитъ прикрыться за траверзомъ, другой припасть къ землѣ, оберегаясь отъ осколковъ; „пластунамъ“-же и горя мало! Не выпуская трубокъ изъ зубовъ и не трогаясь съ мѣстъ,

*) Дремлютъ.

скорѣе спѣшатъ пустить на ея счетъ красное словцо:

„Отò бисова гадюка!“... Бомба оглушительно лопается, посылая роковые осколки окрестъ. Въ ушахъ, какъ на колокольнѣ, открывается трезвонъ, иной уже ощупывается, дескать цѣлъ-ли, невредимъ-ли; а пластунъ продолжаетъ свою юмористическую рацею:

„Добрэ що нэ зачепила, трасьця еи матэри... А я уже налякався бувъ: хтивъ лягаты, та...

— Эге, дядьку! Перебиваетъ моложавый пластунъ: Вамъ що! Алэ мэнэ видьма скажэна мало, мало нэ поцилувала...

„Та вже здохла! сто-сотъ ей мами“. Заключаетъ третій, раскуривая уголькомъ потухнувшую „люльку“. „Чи нэ випьемо по чарьци, хлопци, та лягаемо спаты“.

Всѣ по очередно прикладываются къ манерочной крышкѣ и тутъ-же кто гдѣ сидѣлъ, завернувшись въ бурки, располагается спать.

Немудрено поэтому, что многіе изъ этихъ храбрецовъ, засыпая какъ попало съ вечера къ утру, или вовсе не просыпались, или-же израненные относились на перевязочный пунктъ. Матросы на бастіонахъ чувствовали себя какъ дома, нисколько не уступая въ неустрашимости пластунамъ; любимымъ развлеченіемъ у нихъ были карты, при чемъ игры: въ „три листика“ и „по носамъ“ предпочитались передъ другими. Впослѣдствіи и наши солдаты стали такими молодцами, что заткнули бы за поясъ иного и „пластуна“. Напр. попавшую въ блиндажъ гранату, бомбу

съ горящею трубкою выкинуть руками вонъ не считалось даже дикивиною.

VI.

Въ день генеральной вылазки изъ Севастополя 24 октября, со всей оборонительной линіи, преимущественно-же съ 3, 4 и 5 бастіоновъ открылась первая при насъ сильнѣйшая канонада по непріятельскимъ батареямъ, что вызвало и со стороны его такой-же огонь. Урона въ нашихъ рядахъ, къ счастію, не было. Цѣлый день этого несчастнаго эпизода мы провели въ Севастополѣ въ самомъ напряженномъ состояніи. Около полудня генералъ Баумгартенъ (герой Четати) двинулъ было насъ къ 6-мъ бастіону въ подкрѣпленіе генералу Тимофѣеву, производившему оттуда тоже вылазку, противъ лѣваго крыла непріятельскихъ силъ, но на половинѣ пути по Екатерининской улицѣ мы были задержаны доставленными свѣденіями, что генералъ Тимофѣевъ, овладѣвъ французскими батареями, заклепалъ орудія и, такимъ образомъ, великолѣпно и быстро исполнивъ свое дѣло, возвратился обратно въ Севастополь. Въ насъ нужды болѣе не было. Между тѣмъ противъ лѣваго фланга оборонительной линіи шла неумолкаемая ружейная пальба, а съ бухты два парохода ревѣли своими пушками, обстрѣливая непріятельскія позиціи противъ „Киленъ-балки“.

Насталъ вечеръ. Съ разныхъ сторонъ стали прибывать войска въ городъ. Мы ждали Екатеринбургцевъ (полкъ одной съ нами бригады). Искали зна-

комыхъ, чтобы развѣдать о результатѣ битвы. Мнѣ попался пріятель мой, подпрапорщикъ Ан. Тамара.

„Ну что? Какъ ваши дѣла? Чѣмъ кончилось сраженіе?“ Спросилъ я.

— Были въ лагерѣ у французовъ, взяли всѣ батареи, англичанъ уничтожили. Вотъ трофеи: галеты, изюмъ, рисъ,—взялъ на память, попробуй. Штыкъ въ крови! Чего-же нужно? Мы свое дѣло сдѣлали.

„Да дѣло-то въ чемъ? Каковъ конецъ?“

— Пришли назадъ, какъ видишь. Александровъ убитъ. Соймоновъ тоже, полкомъ командуетъ маіоръ Колесниковъ.

„Ну, а дѣло? Конецъ?“ допытывался я.

— Конецъ и дѣлу вѣнецъ! Вернулись и только; и не разспрашивай больше. Наше дѣло подначальное. Сильно пописались, братъ; переколотили своихъ-же Бутырцевъ, а на Московскій полкъ чуть не пошли въ штыки! И угораздило-же ихъ идти въ дѣло въ какихъ-то полуфранцузскихъ шапкахъ!..

Что послѣ этого оставалось узнавать? Чего допытываться? Ясно, что дѣло проиграно и наши „пописались“...

Но винить-ли въ этомъ солдатъ, которые, говорятъ, бились какъ львы? Видно и на то была воля Божія!

Возвращаясь частями въ городъ, изнуренные Екатеринбургцы только на другой день въ состояніи были опомниться отъ минувшаго дня, чтобы дать намъ болѣе ясный отчетъ о самомъ сраженіи 24-го октября съ его послѣдствіями, въ особенности ги-

бельными для полевой артиллеріи, которая, какъ намъ сказывали, будучи оставленною безъ прикрытія на произволъ, подъ вліяніемъ паники бѣгства, стремилась куда попало, безъ оглядки; намъ сказывали, что она, окончательно потерявшись, преслѣдуемая непріятельскою кавалеріею, въ стремительномъ движеніи своемъ летѣла съ кручь Инкерманскихъ высотъ, въ пропасть той-же долины, съ лошадьми, орудіями и прислугою; точно также какъ англичане, не ожидая движенія съ нашей стороны, въ паникѣ, застигнутые въ расплохъ, бѣжали съ батарей, покинувъ оружіе и все свое солдатское имущество въ нашихъ рукахъ, безъ выстрѣла и всякаго сопротивленія. На сколько свѣдѣнія эти вѣрны, отвѣтственности конечно на себя мы не беремъ, передавая лишь факты въ ихъ изустномъ сказаніи. Вернувшіеся съ боя невредимыми, казалось, были счастливы спасеніемъ собственнаго живота, нисколько не помышляя о результатѣ дѣла общаго для всѣхъ.

Черезъ два, три дня французы какъ будто-бы въ отместку за дѣло 24-го октября вздумали выпустить своихъ охотниковъ противъ нашего 4-го бастіона;— послѣдніе наткнулись на нашу цѣпь и пошла потѣха. Съ моря дулъ сильный вѣтеръ, такой сильный, что казалось все перевернетъ вверхъ дномъ. Французы силились ворваться на бастіонъ; произошла сильная рукопашная схватка окончившаяся полнымъ пораженіемъ непріятеля. Въ одну амбразуру съ саблей на голо затесался французскій офицеръ. Не долго думая, бомбардиръ-матросъ такъ угостилъ его банникомъ,

что тотъ тутъ-же и растянулся на платформѣ у орудія; французскіе солдаты, послѣдовавшіе примѣру храбраго офицера, остались у насъ въ плѣну. Съ разсвѣтомъ все пространство передъ бастіономъ было усѣяно трупами въ красныхъ панталонахъ; нѣкоторые изъ несчастныхъ еще обнаруживали тѣлодвиженіями признаки жизни. По уборкѣ тѣлъ, полкъ нашъ окончательно размѣстился на 4 бастіонѣ для безсмѣнной его защиты, откуда не сходилъ уже до послѣдней минуты несчастной катастрофы паденія Малахова кургана, ознаменовавшей послѣдній день Севастополя (27 августа) пораженіемъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ сказанной ночной стычки, Черное море наше, будучи все время какъ-бы безучастнымъ зрителемъ кровавой драмы, разбушевалось вдругъ не на шутку, разсвирѣпѣло такъ, что казалось готово было поглотить собою цѣлый островъ. Ревъ, стонъ, визгъ, свистъ всѣ эти звуки въ ужасающихъ размѣрахъ слились въ одинъ общій вой бури; мрачныя волны боролись съ небесами. На сушѣ тоже самое: вѣтеръ все рвалъ и металъ, засыпая глаза пескомъ; не было возможности ходить по бастіону. Съ нашей стороны опасались, чтобы волны бушующаго моря не размыли нашихъ зотопленныхъ у входа въ бухту кораблей. Съ однимъ кажется такъ и случилось. За то непріятелю буря эта причинила много бѣдствій. Тринадцать кораблей съ грузомъ выброшено на берегъ нашимъ осерчавшимъ Чернымъ морюшкомъ! Грѣшно, конечно, радоваться несчастью даже и врага; на этотъ-же разъ, надо сознаться, сердце

каждаго изъ севастопольцевъ трепетало отъ радости. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить этому очевидному чуду Божію. Каждый хотѣлъ лично убѣдиться въ справедливости сказанія, и мы для этого отправились нарочно въ городъ. Взобрались на каланчу бывшаго телеграфа, выпросили себѣ телескопъ, глядимъ:

Въ самомъ дѣлѣ: правѣе Константиновской батареи, противъ устья Бельбека, на разстояніи можетъ быть саженей 10-ти, 15 отъ берега, лежалъ на боку обезмачтенный великанъ. Сѣдыя волны еще не унявшагося моря яростно накидывались на свою жертву, изнемогшую въ неравной борьбѣ. Лежавшій на боку корабль, слегка покачиваясь между волнами, казался издали какимъ-то побѣжденнымъ морскимъ чудовищемъ. И такихъ-то жертвъ было тринадцать. Мы въ тайнѣ торжествовали, думая, что наконецъ-то послѣдовало возмездіе Божіе врагу, за всѣ причиненныя намъ бѣды его нашествіемъ. Казаки, какъ стаи птицъ, сновали на берегу, собирая пожитки и всякую снѣдь выбрасываемую услужливыми волнами.

VII.

Въ трудную годину защиты Севастополя, особенно утѣшительнымъ явленіемъ было посѣщеніе бастіоновъ Ихъ Императорскими Высочествами, Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, прибывшими доблестно раздѣлить боевые труды и опасность вмѣстѣ съ подданными Своего незабвеннаго Родителя.

„Вотъ они, ясныя солнышки, соколики наши! Провѣдать насъ пожаловали! Отъ Царя-Батюшки поклонъ привезли! Слышали, братцы?!“ Говаривали наши солдаты съ сіяющими лицами отъ радости.

Великіе Князья, посѣщая бастіоны, постоянно и вездѣ удостоивали нашихъ солдатъ самыми теплыми непринужденными бесѣдами и объясненіями, отчего они бодрились и, такъ сказать, росли. Труды и лишенія на время забывались. Эта высокая милость къ намъ Государя, сказавшаяся въ присылкѣ Царственныхъ сыновей своихъ въ составъ нашей семьи защитниковъ, право, въ стѣнахъ Севастополя была для насъ самою лучшею, драгоцѣннѣйшею наградою. Но вотъ Великіе Князья изволили отъѣхать въ Петербургъ и пригорюнились Севастопольцы; а вслѣдъ затѣмъ разнеслась страшная вѣсть о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича. Возможно-ли, казалось, чтобы Самъ Господь отказался отъ всей Руси православной, посѣтивъ ее столь тяжкимъ испытаніемъ и въ самую критическую для нея минуту, отнявъ у Севастопольцевъ ихъ главнаго Вождя, Царя-Отца?!

Это извѣстіе тѣмъ болѣе казалось намъ невѣроятнымъ, что Государь Николай Павловичъ всегда пользовался вожделеннымъ здравіемъ. Но явился на бастіонъ полковой священникъ для отправленія панихиды и приведенія къ присягѣ войскъ, и всѣ поняли истину своего ужаснаго положенія...

Надо было видѣть загорѣлыя мужественныя лица нашихъ закаленныхъ въ бояхъ воиновъ, въ минуту отправленія панихиды, когда упомянуто было имя

Императора Николая Павловича! Надо было прочувствовать, пережить эту минуту, чтобы судить на сколько способенъ любить своего Монарха нашъ солдатъ, какъ обожалъ онъ Императора Николая Павловича! Одна глубокая, общая скорбь удручала душу. Нельзя было отдать себѣ отчета въ состояніи собственныхъ чувствъ; казалось, Богу угодно было обрушиться на насъ всѣмъ своимъ гнѣвомъ, дать послѣднее испытаніе своимъ смертнымъ... Плакали многіе покидая Севастополь, плакали, провожая товарищей въ могилу, но все это были явленія частныя. Тутъ-же оплакивало все живое, ходячее своего Царя-Бѣлаго Надежу-Государя!!! Свершилось! Воля Божія! И только...

VIII.

Особенною популярностью у Севастопольцевъ пользовалось безсмертное имя Павла Степановича (Нахимова), такъ какъ у моряковъ не принято было величать своихъ начальниковъ и офицеровъ по чинамъ. Ни ваше благородіе, ни превосходительство вовсе не употреблялось въ объясненіяхъ, а звали начальство просто по имени и отчеству, иногда не помня даже и фамиліи своего офицера. Какъ сейчасъ вижу этотъ незабвенный типъ: верхомъ на козацкой лошади, съ нагайкою въ правой рукѣ, всегда при шпагѣ и генеральскихъ эполетахъ на флотскомъ сюртукѣ, съ шапкою надѣтою почти на затылокъ слѣдуетъ онъ бывало до бастіона верхомъ въ сопровожденіи козака.

Панталоны безъ штрипокъ вѣчно собьются у него у колѣней, такъ что изъ подъ нихъ выглядываютъ голенища и бѣлье, ему и горя мало, на подобныя мелочи онъ не обращалъ вниманія. Останавливаясь у подошвы нашего бастіоннаго кургана, Павелъ Степановичъ по обыкновенію слѣзалъ съ лошади, оправлялъ панталоны и шествовалъ по бастіону пѣшкомъ.

„Павелъ Степанычъ! Павелъ Степанычъ!“ зашумятъ бывало радостно матросы: и все флотское какъ будто охорашивается, растетъ, желая показаться молодцоватѣе своему знаменитому адмиралу, герою Синопа.

„Здравія желаемъ, Павелъ Степанычъ!“ отзовется какой либо смѣльчакъ изъ группы матросовъ, привѣтствуя своего любимаго, неспѣсиваго командира. „Все-ли здорово?“

— Здорово Грядка! Какъ видишь, добродушно отвѣтитъ Павелъ Степановичъ, слѣдуя далѣе.

„А что, Синопъ забылъ!“ спрашиваетъ онъ другаго.

— Какъ можно! Помилуйте, Павелъ Степанычъ; небось и теперь почесывается турокъ, усмѣхается матросъ.

„Молодецъ!“ замѣтитъ Нахимовъ; либо, потрепавъ иного молодца по плечу, самъ завязываетъ несложный разговоръ, разспрашивая о французахъ.

Кому не припомнится еще скромное, уважаемое имя сапернаго капитана Тонагеля при воспоминаніи о первоначальномъ укрѣпленіи 4 бастіона, когда еще не было на немъ ни траншей, ни блиндажей, а впе-

реди и ложементовъ, и все это возведено, построено его трудами. Рано отнятый у Севастополя непріятельскою пулею, онъ жилъ въ тѣсной и сырой землянкѣ, на правомъ склонѣ 4 бастіона: не зная день и ночь ни устали, ни досуга, этотъ храбрый капитанъ постоянно самолично руководилъ работами.

Бывало, передавая завѣдующему командою рабочихъ, пѣхотному офицеру, цѣль и размѣръ предстоящихъ работъ, капитанъ Тонагель ночью, въ сопровожденіи двухъ, трехъ саперовъ, выведетъ самъ команду за бастіонъ, присутствуетъ при закладкѣ ложементовъ, удаляется вслѣдъ затѣмъ на время для наблюденія за работами на бастіонъ и снова, какъ выростая изъ земли, представляется глазамъ нашимъ вездѣсущимъ съ своимъ неразлучнымъ спутникомъ костылемъ, не смотря ни на какія препятствія и препоны, т. е. усиленный огонь батарей, ненастье, иногда нездоровье и проч.

Однажды въ тихую, но темнѣйшую ночь, при устройствѣ ложементовъ передъ 4 и 5 бастіонами, не подалеку отъ непріятельскихъ траншей намъ послышалась французская рѣчь... Тотчасъ доложили о томъ капитану Тонагелю. Вдругъ ему вздумалось самому отправиться въ сторону непріятеля для повѣрки сообщенныхъ свѣдѣній. Не помышляя объ опасности и возможности наткнуться на непріятельскій секретъ, онъ, миновавъ нашу цѣпь, ползкомъ, какъ пластунъ направился въ сторону непріятеля. Мы опасались за его участь, но къ счастью черезъ нѣсколько минутъ капитанъ, снявъ цѣпь и прибли-

зившись къ моимъ рабочимъ, сказалъ мнѣ въ полголоса: „Надо оставить нашу работу до завтра; французы ведутъ новую траншею, необходимо имъ помѣшать. Идите съ командою назадъ, а я пойду на 5-й бастіонъ распорядиться...“ Съ этимъ нашъ капитанъ Тонагель поспѣшно исчезъ по направленію къ 5-му бастіону и едва я съ командою, поминутно цѣпляясь за виноградныя лозы, успѣлъ достигнуть до оборонительнаго рва своего бастіона, какъ съ 5-го, а потомъ и 4-го бастіоновъ полетѣли къ французамъ сперва брандскугели для освѣщенія мѣстности, а вслѣдъ за ними заревѣли бомбическія пушки, изрыгая по направленію открытыхъ г. Тонагелемъ непріятельскихъ работъ гранаты, ядра и бомбы. Эта оживленная картина жаркаго съ нашей стороны огня доставила намъ на бастіонѣ не малое удовольствіе, французовъ же озлило не на шутку: они, открывъ огонь со всѣхъ батарей, поддерживали его до утра; работы ихъ не состоялись.

Этотъ замѣчательный труженикъ по укрѣпленію 4 бастіона погибъ при постройкѣ блиндажей. Никогда не обращая вниманія на фыркавшіе и падавшіе вокругъ него снаряды, въ этотъ фатальный день капитанъ Тонагель наблюдалъ за правильнымъ накатываніемъ бревенъ на блиндажи. Подобныя работы производились исключительно днемъ. Было часовъ около восьми утра, когда, оборотясь спиною къ брустверу, онъ неосторожно высунулся половиною своего статнаго корпуса изъ-за земляной насыпи, сдѣлавшись такимъ образомъ удобною мишенью для

французскихъ стрѣлковъ, всегда съ жадностью выслѣживавшихъ такихъ случаевъ. Вкругъ него рѣзко завизжали пули. Солдаты, безгранично преданные своему любимому капитану, съумѣвшему привязать ихъ къ себѣ мягкимъ, ласковымъ обращеніемъ, крикнули было ему сообща обычное: „берегитесь, ваше благородіе“, а одинъ изъ постоянно находившихся при немъ саперовъ неотлучно сунулся было къ нему защитить собою отца-командира, но было уже поздно... Пуля опередила образцовый поступокъ подчиненнаго по отношенію къ своему начальнику, она совершила ничѣмъ не поправимое дѣло, поразивъ капитана Тонагеля въ спину на вылетъ въ грудь. Опираясь одною рукою на костыль, храбрый капитанъ схватился было другою за грудь, чтобы остановить кровотеченіе, но тутъ-же пошатнулся и упалъ на руки своихъ саперовъ. И тутъ, признаюсь, я видѣлъ слезы,—не обильныя, сопровождаемыя стенаніями слезы, но тихія, горячія, все на тѣхъ-же сморщенныхъ, загрубѣлыхъ лицахъ солдатъ. Да и одинъ-ли подобный примѣръ возможно было бы привести здѣсь изъ одиннадцатимѣсячнаго опыта?

Отдавая должную дань памяти одного изъ доблестнѣйшихъ защитниковъ Севастополя, надѣемся, что эти безъискуственныя строки найдутъ живой отголосокъ въ сердцахъ тѣхъ, кто не забылъ еще эту почтенную личность, въ которой сочетались: умъ, доброе сердце, вмѣстѣ съ мужествомъ храбраго воина.

Трудясь надъ устройствомъ блиндажей, онъ многихъ избавилъ отъ возможности быть погребенными

за живо въ землянкахъ, какъ это сталось съ двумя офицерами нашего полка: Кривоносовымъ и др. (не помню фамиліи). Бомба упала на землянку ихъ и задавила обоихъ; пока откапывали ихъ, они уже были мертвы. Подобныхъ примѣровъ было тоже не мало.

На ряду съ именемъ капитана Тонагеля возникаетъ въ памяти другой типъ нашего минера капитана Мельникова, прослывшаго у всѣхъ подъ именемъ „крота“. Кто не помнитъ его „норы“ съ длиннымъ подземнымъ проходомъ насквозь подъ исходящимъ угломъ 4-го бастіона? Кому не доводилось посѣщать ее, отправляясь съ командою на урочныя работы въ мины? Сажени на три отъ земной поверхности имъ устроена была тѣсная, сырая землянка, конечно безопасная отъ бомбъ, но гибельная для здоровья, лишенная необходимой вентиляціи, постоянно грозившая обваломъ.

Разъ вбѣгаетъ при мнѣ въ землянку капитана Мельникова, запыхавшись, саперъ:

„Ваше благородіе, идетъ французъ контра-миною; слышно работаетъ“...

Мнѣ сразу показалось, что „идетъ“ на приступъ, я бросился было наружу изъ подземелья предполагая штурмъ, но капитанъ Мельниковъ остановилъ меня словами:

„Куда вы? Пойдемте вмѣстѣ, послушаемъ работу французовъ“. Это было часовъ около девяти вечера. Мы вышли при свѣтѣ фонаря въ оборонительный ровъ; достигнувъ минныхъ колодцевъ, онъ спустился въ одинъ изъ нихъ, я остался на верху въ ожиданіи

любопытныхъ свѣдѣній. Выслушавъ работы, онъ поспѣшно направился къ своей норѣ, объявивъ мнѣ:

„Завтра мы сдѣлаемъ имъ сюрпризъ, дадимъ комуфлетъ.“

Съ этой вѣстью я поспѣшилъ въ мою очередь сообщить товарищамъ о предстоящемъ зрѣлищѣ.

На утро, когда для взрыва съ нашей стороны все было готово, лишнихъ людей съ бастіона велѣно было убрать.

Мы въ числѣ нѣсколькихъ любопытныхъ зрителей, приснастились къ брустверу, устремивъ взоры въ сторону ожидаемаго взрыва. Мгновенно дрогнула подъ нами земля и съ оглушительнымъ трескомъ взнеслась масса земли вмѣстѣ съ дымомъ, въ видѣ гигантскаго чернаго снопа, образовавъ на томъ мѣстѣ воронку. Камни посыпались къ намъ на бастіонъ, а близъ воронки упало три трупа злополучныхъ французскихъ минеровъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ тонкой бѣлой рубашкѣ, которою игралъ вѣтерокъ. Съ бастіона грянуло „ура!“ выбѣжавшихъ посмотрѣть на эту оказію нашихъ солдатъ.

Ночью французамъ удалось два трупа убрать, а третій въ бѣлой рубахѣ, упавшій по сю сторону воронки, вблизи бастіона, бѣднякъ лежалъ неубраннымъ дня три, такъ что отъ разложенія трупа его по бастіону нашему стало разноситься зловоніе. У насъ было торжество по этому случаю неописанное; у французовъ-же разрушены всѣ минныя галлереи, такъ что имъ приходилось начинать съизнова работу, столь трудную при каменистомъ грунтѣ. Капитану Мель-

никову дѣлались ованіи при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ послѣднее время тѣло его до того покрылось язвами отъ сырости подземельнаго жилья и постоянныхъ трудовъ, что онъ, къ общему сожалѣнію, долженъ былъ оставить бастіонъ и удалиться на Сѣверную; но и теперь, спустя почти пятнадцать лѣтъ, достаточно кажется упомянуть о немъ, чтобы возбудить неподдѣльный восторгъ, когда-то наполнявшій души Севастопольцевъ при каждомъ удачномъ подвигѣ въ его минахъ, ограждавшихъ бастіонъ отъ неожиданной и возможной гибели, будь только французскіе минеры искуснѣе нашихъ.

Передовой стражъ-люнетъ 4 бастіона носилъ имя своего храбраго командира. Сколько разъ приходилось „Костомаровой батареѣ“ охранять нашъ не безмятежный сонъ на бастіонѣ. Бывало, лежишь себѣ въ растяжку въ блиндажѣ, а онъ реветъ себѣ своими орудіями да играетъ „капральствами“, отважно накидываясь на непріятельскія траншеи. На утро спросишь бывало его:

„Что это вы нынче ночью расходились не на шутку?“

— Да что съ ними разговаривать долго, заняли „воронку“ и вздумали укрѣпляться было подъ самымъ носомъ, чтобъ поставить орудія. Ну не дерзостъ-ли это? Тогда и житья не будетъ отъ нихъ; такъ надо было отучить какъ нибудь по нашему...

По истинѣ въ лѣтописяхъ обороны Севастопольской имя г. Костомарова должно занять одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

Генералъ Шульцъ, контръ-адмиралъ Новосильскій, генералъ Семякинъ, полковникъ Зеленый! Все это храбрые подвижники 4 бастіона и кому не памятны эти драгоцѣнныя имена, какъ мудрыхъ начальниковъ, соединявшихъ въ себѣ качества рѣдкихъ добродѣтельнѣйшихъ людей. Они не кичились своими ролями, не сторонились младшихъ, подчиненныхъ, но будучи всегда и вездѣ съ ними, какъ истые отцы-командиры, готовы были подѣлиться съ ними своимъ послѣднимъ добромъ. Для многихъ, не исключая и пишущаго эти строки, имена эти остались на всю жизнь священными въ памяти и перейдутъ въ ихъ потомства!

Гдѣ-то теперь обрѣтается нашъ лихой однополчанинъ, начальникъ штуцерной команды Леонтій Громъ?!

Поручикъ Громъ съ своими штуцерниками обыкновенно занималъ ложементы, откуда обстрѣливалъ непріятельскія траншеи, всегда поддѣвая неосторожныхъ французовъ на выстрѣлы. Располагая лучшими противу другихъ денежными средствами поручикъ Громъ хаживалъ обыкновенно въ ложементы съ хорошимъ припасомъ разныхъ закусокъ, которыми одѣлялъ своихъ штуцерниковъ.

Карты были его любимымъ развлеченіемъ. Отправляясь на бастіонъ (квартировалъ онъ въ городѣ) онъ по обыкновенію запасался картами.

— На что вамъ карты въ ложементахъ-то? Съ кѣмъ тамъ играть; спросишь, бывало его.—

— Какъ на что! Вотъ прекрасно! Вы думаете, что я не найду партнера тамъ?

— Да кото-же, развѣ француза?

— Да, именно француза; пошлю своихъ молодцовъ, притащутъ и француза, если самъ не пойдетъ.

„Въ добрый часъ!..—

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ общій любимецъ нашъ, затѣялъ было эту штуку, во что-бы ни стало добыть французскаго офицера изъ траншеи, чтобы съ нимъ по его выраженію: „съиграться“. Молодцы его готовые по его приказанію въ огонь и воду, дѣйствительно попытались какъ-то ночью добыть француза въ партнеры къ своему поручику, но такъ какъ офицера отъискать не удалось, то привели ему трехъ французскихъ солдатъ взамѣнъ одного офицера. Онъ былъ въ восторгѣ и угощалъ потомъ своихъ молодцовъ шампанскимъ. Будучи родомъ черниговскій малороссъ (стародубскаго уѣзда) онъ любилъ пѣсенниковъ „пластуновъ“, для чего часто приглашалъ ихъ къ себѣ, устраивая для товарищей вечеринку. Нерѣдко въ шутку или заправду онъ заказывалъ имъ доставку изъ траншей французовъ, считая ихъ на штуки, за которыхъ сулилъ извѣстное денежное вознагражденіе, плату. Не знаю удавались-ли эти заказы Грому, но были удальцы, которые покушались на это, прокрадываясь съ бастіона, къ французскимъ траншеямъ и тамъ надѣлавъ суматохи, возвращались назадъ съ трофеями, либо ни съ чѣмъ.

Изъ числа подобныхъ оказій я могу привести здѣсь слѣдующее курьозное событіе:

Въ одну изъ вылазокъ противъ 4-го бастіона, произведенныхъ подъ командою командира Черно-

морскаго батальона полковника Головинскаго, нашимъ пластунамъ удалось захватить у непріятеля и принести на бастіонъ 3 маленькихъ мѣдныхъ мортирки, прозванныхъ ими „собачками“. Въ числѣ плѣнныхъ, приведенныхъ ими также на бастіонъ, оказался одинъ французскій офицеръ, съ окрававленными и сине-багровыми знаками на лицѣ, на что конечно не обратили-бы серьознаго вниманія, еслибы этотъ послѣдній красивый молодой человѣкъ, легко раненый, лежа въ залѣ бывшаго дворянскаго собранія, при посѣщеніи раненыхъ однимъ изъ генераловъ, не объявилъ громкій протестъ противъ воинскаго невѣжества, „варварства“ какъ онъ выражался одного изъ пластуновъ полонившихъ его. Оказалось, что этотъ пластунъ въ рукопашной схваткѣ въ траншеяхъ съ офицеромъ во-первыхъ ошарашилъ его оплеухою, отъ которой тотъ повалился, и придавивъ его всѣмъ своимъ существомъ, такъ какъ французъ ухватился за ружье пластуна,—принялся его грызть зубами за лицо... Конечно наивный протестъ француза остался безъ удовлетворенія, пластунъ же возбудилъ общее любопытство, такъ что на обоихъ сходились смотрѣть какъ на нѣчто небывалое со всѣхъ бастіоновъ; а пластунъ, неподалеку лежавшій отъ француза (тоже раненый), саркастически поглядывая на него, передавалъ товарищамъ вполголоса:

— Шкода, що я ему совсимъ нися нэ витгрызъ...

Слѣдующая за тѣмъ вылазка, произведенная нашими охотниками подъ командою маіора Ляпунова,

ковъ,—были окружены со всѣхъ сторонъ и окончательно отрѣзаны отъ главныхъ силъ арміи 18-ти тысячнымъ отрядомъ турецкой пѣхоты. Тобольцы сбитые съ первой позиціи необыкновенно стремительнымъ напоромъ превосходящихъ непріятельскихъ силъ, принуждены были отступить изъ с. Фынтына-Банулуй къ д. Четати. Въ это время прапорщикъ Кудрявцевъ съ горстью себѣ подобныхъ храбрецовъ, замѣтивъ, что Турки ворвались въ церковь, бросился въ нее и найдя предъ алтаремъ зарѣзаннаго священника, а до 5-ти турокъ обдирающихъ ризы съ иконъ, успѣлъ овладѣть ихнимъ оружіемъ и выведя изъ храма перекололъ ихъ въ виду сопротивленія, на церковной паперти. Затѣмъ, окруженный турками, Кудрявцевъ завидя казацкую лошадь бросился на нее, при чемъ былъ раненъ въ ногу пулею (четыре пальца лѣвой ноги были совершенно раздроблены), и отбиваясь саблею на обѣ стороны, достигъ своихъ рядовъ отступавшихъ уже на третью позицію, гдѣ до конца боя оставался уже неотлучно при полковникѣ Баумгартенѣ, примѣромъ своимъ постоянно ободряя духъ обезсиленныхъ, изнуренныхъ продолжительнымъ боемъ солдатъ, по большей части разстрѣлявшихъ свои патроны. Одновременно съ тѣмъ, онъ участвовалъ въ охотникахъ въ преслѣдованіи непріятеля въ безпорядкѣ отступившаго къ вечеру изъ Четати къ Калафату. Личное знакомство мое съ г. Кудрявцевымъ произошло въ тотъ самый моментъ этого незабвеннаго для Тобольцевъ дня, — когда противъ непріятеля изъ Четати мы собирались

— Что дѣлать? говорилъ Поповъ:—чувствую что не вернусь, а отказаться не могу; совѣстно... Если-же вернусь паче чаянія, о! тогда, „знай нашихъ!“ (его любимая поговорка), заключилъ онъ, отправляясь на сборный пунктъ. Онъ вышелъ съ бастіона рядомъ съ прапорщикомъ Яковлевымъ, однимъ изъ отважнѣйшихъ офицеровъ нашего полка. По показаніямъ солдатъ, они первыми бросились въ траншеи и французы обоихъ подняли на штыки. Предчувствіе сталобыть сбылось!.. Прапорщика Яковлева французы почли за генерала, судя по его мужественнымъ съ просѣдью густымъ бакенбардамъ (онъ былъ изъ сдаточныхъ), какъ показали потомъ при уборкѣ тѣлъ парламентеру; о храбромъ-же подпрапорщикѣ Поповѣ никакихъ свѣденій не дано.

Въ одну изъ сильныхъ непріятельскихъ канонадъ, случилось какъ-то мнѣ быть на посту у исходящаго угла 4-го бастіона. Въ теченіе двухъ, трехъ очередныхъ моихъ часовъ, всевозможныя снаряды сыпались дождемъ. Убитыхъ и раненыхъ было несчетное множество. Во многихъ мѣстахъ разрушены амбразуры, изорваны щиты и подбиты орудія. Въ воздухѣ было тихо, а бастіонъ казался будто въ бурю. Снаряды рвали и метали во всѣхъ направленіяхъ: камни, землю, щепки, туры и клочья щитовъ. Возлѣ меня у орудія одного бомбардира матроса непріятельское ядро задѣло по животу. Окровавленныя кишки шнурами брызнули изъ живота несчастнаго, а онъ собирая ихъ двумя руками, пытался уложить ихъ въ свое мѣсто, пока не грохнулся съ искаженнымъ лицомъ отъ

боли о земь. Другому перебило двѣ ноги и онъ тутъ же упалъ, какъ-бы споткнувшись, затѣмъ уже сталъ стонать отъ боли. Третьяго раненаго въ бедро осколкомъ бомбы, товарищи положили въ носилки чтобы отнести на перевязочный пунктъ, и только-что было хотѣли поднять его, какъ откуда ни возьмись бомба упала на раненаго въ носилки, лопнула на немъ, разметавъ его члены вмѣстѣ съ носилками, одновременно уложивъ двухъ изъ носильщиковъ. Новыя носилки являются для уборки новыхъ жертвъ, а бомбы все ложатся повсемѣстно, не щадя никого и ничего. Мы стояли у самого исходящаго угла, близь самаго пороховаго погреба. Вдругъ, часовъ около одиннадцати нѣсколько бомбъ, одна вслѣдъ за другою ворвались въ толстую насыпь пороховаго погреба; разметали фашину и туры, обнаружили накаты его гигантскихъ бревенъ, угрожая взрывомъ погреба растрепать въ щепки цѣлый бастіонъ. Живо явились рабочіе для засыпки яминъ. Команда около 40 человѣкъ, подъ градомъ снарядовъ, какъ муравьи подъ дождемъ, засуетилась у погреба. Суматоха и бѣготня по бастіону поднялась страшная! Всякъ спѣшилъ чѣмъ могъ устранить опасность, а опасность была несомнѣнно и близка и велика, ибо бомбы умышленно направленныя въ одинъ пунктъ, продолжали падать. Только и слышно было среди грохота орудій: „давай земли!“ „берегись!“ „маркела!“ „мимо!“ „жеребецъ!“ „Ой, ой, ой!“ „носилки!“... термины, хорошо извѣстные Севастопольцамъ.

Рявкнетъ надъ самою головою „Жеребецъ“ (двухъ

пудовая бомба), схватишься бывало за голову: „Цѣла? Ну живемъ еще!“ Либо звякнетъ почти у ногъ „квочка“ пятипудовка, прыгнетъ за траверзъ, лопнетъ и загудетъ осколками. „Ну, не пришелъ еще твой часъ“, думаешъ себѣ: не то такъ угораздитъ камнями въ спину, что толко почесываешься словно кто дубиной съѣздилъ или огрѣлъ, какъ говорятъ. Рабочіе для подноса къ пороховому погребу земли представляли собою безконечную вереницу бѣгущихъ съ мѣшками людей. Въ глазахъ моихъ и въ виду всѣхъ находившихся въ ту пору у исходящаго угла наблюдателей за ними, просвиставшее надъ нами ядро вмигъ обезглавило одного изъ бѣгущихъ другъ за другомъ рабочихъ. Шапка отлетѣла въ сторону, мѣшокъ съ землею выскользнулъ изъ рукъ; вмѣсто головы потокомъ хлынула кровь, обезглавленный споткнулся не дрогнувшись, и растянулся тутъ-же....

„Господи! Когда-же это придетъ смѣна?“ восклицаешъ себѣ въ душѣ: „или-бы солнце затмилось чтобы дать на минуту отдохнуть истерзаннымъ нервамъ“.... Но солнце не затмѣвается и смѣна не приходитъ, а долгъ обязываетъ во имя своего скромнаго девиза: терпѣть, внутренно бороться, полагаясь во всемъ на волю Божію!

Да; вѣра въ Промыслъ Божій есть единственный якорь спасенія во всѣхъ случаяхъ, какъ-бы ни казалась неизбѣжною опасность, какъ-бы ни близкою казалось смерть.

Сколько разъ, какъ припомнишъ теперь, приходилось слагать въ памяти тѣ молитвы, которыхъ

въ самомъ раннемъ возрастѣ обучала мать... и которые, стыдно признаться, казались забытыми.... Тамъ, на полѣ брани они припоминались, и перечитывались со всею точностью... Молитесь! Юные будущіе ратоборцы и Богъ во всемъ помогая вамъ, сохранитъ вамъ жизнь, на благо вашихъ родныхъ, на пользу общества и государства!

Бомбардированіе Севастополя на Святой Недѣлѣ было самымъ продолжительнымъ и разрушительнымъ для 4 бастіона. Съ вечера мнѣ удалось уже сбѣгать въ городскую церковъ помолиться, но едва я успѣлъ вернуться на бастіонъ какъ французы открыли намъ свое нехристіанское поздравленіе со всѣхъ батарей.

— И вправду братцы“ разсуждали наши солдаты христосуясь: „сказывали, что французъ нехристь, окаянная душа! И погулять-то не дастъ разговѣвшися по христіански! Вишь, вмѣсто краснаго яичка чѣмъ почалъ потчивать“....

— Погоди; прерывалъ другой: дай вотъ, флотскій Павелъ Степановичъ (Нахимовъ) пріѣдетъ христоваться съ нимъ, почешется и французъ!...

Среди этихъ ужасныхъ дней одинадцати-дневнаго кровопролитія мнѣ пришлось день отъдежурить на перевязочномъ пунктѣ, для чего съ бастіона надо было пройти добрыхъ версты двѣ, если не болѣе, почти до Екатерининской пристани. Путь предстоялъ не безопасный. Что дѣлать выпала очередъ и баста! Перекрестился: иду, вслушиваясь въ общій ревъ адской орудійской музыки. Визгъ, ревъ, громъ,

стукъ все слилось въ одну мятежную гармонію ропота и стона земли къ небесамъ.

Въ траншеѣ я наткнулся на двухъ трехъ флотскихъ офицеровъ торопившихся на смѣну своимъ товарищамъ. Разговаривать было нѣкогда, всякъ спѣшилъ къ своему посту одинъ изъ нихъ мичманъ Дурново, хорошій знакомый мой спросилъ: „Куда вы?“ Въ городъ. — „До свиданья!“ — Прощайте! — Вотъ и разговоръ весь.

Лавируя по траншеямъ, насколько это допускалось воинскимъ приличіемъ, отъ тысячей бомбъ и ядеръ, прыгавшихъ передо мною и по сторонамъ и бороздившихъ во всѣхъ направленіяхъ землю, я наткнулся въ траншеѣ на раненаго. Бѣднякъ торопился съ ротной кухни изъ артиллерійской слободки къ своей ротѣ, какъ вдругъ ядро подкосило ему ногу. Онъ сидѣлъ, ухватившись обѣими руками за пораженную ногу и отъ боли страшно взывалъ ко мнѣ умоляя глазами о помощи. Но что могъ я сдѣлать ему одинъ при томъ-же торопясь къ своему полку? Я успокоилъ только его увѣреніемъ тотчасъ прислать изъ города за нимъ носилки и послѣдовалъ далѣе, но признаюсь сердце мое невыносимо защемило когда удаляясь я услыхалъ сзади себя его умоляющій крикъ. На счастье мнѣ встрѣтилось два матроса и я упросилъ ихъ доставить раненаго на перевязочный пунктъ, обѣщая дать „на водку“. Онъ привсталъ, повисъ руками на плечахъ матросовъ и ковыляя на одной ногѣ съ болтающеюся другою ногою поплелся обратно съ бастіона. Я поторопился далѣе и кое

какъ, благодаря Создателя добрался до перевязочнаго пункта. Обошелъ палаты, гдѣ стонамъ не было конца а раненымъ мѣста и замѣтивъ что во мнѣ никто не нуждался я остановился у входныхъ дверей. Не зная въ сущности въ чемъ заключалась моя роль и скучая отъ бездѣйствія я попробовалъ было освѣдомиться у перваго попавшагося мнѣ повидимому доктора. Старикъ съ озабоченнымъ видомъ, одѣтый вмѣсто сюртука въ спальный халатъ, окутанный по головѣ и плечамъ какою то женскою талью, съ окровавленными руками сновалъ взадъ и впередъ по палатѣ, какъ будто отъискивая кого.

— Что мнѣ здѣсь дѣлать, докторъ? спросилъ было я.

— Дѣлайте что хотите. Тутъ нѣкогда разговаривать видите какая каша; — сказалъ онъ сердито скороговоркой; — а вотъ поддержите-ка, лучше этого молодца!... — И указавъ на плотнаго солдата стоявшаго въ углу съ прострѣленнымъ на сквозь пулею большимъ пальцемъ правой руки онъ сдѣлалъ призывной знакъ фельдшеру съ инструментомъ. Не надо было видно ни хлороформа, ни особенныхъ приготовленій къ операціи. Накинувшись, какъ ястребъ на свою добычу, онъ при нашемъ содѣйствіи принялся за вылущиваніе раненаго пальца. Мощный солдатъ пытался было, сначала, кричать и бороться съ нами, но когда старикъ врачь строго прикрикнулъ на него: „Молчи не то я тебѣ совсѣмъ руку отрѣжу!..“ Солдатъ тотчасъ притихъ не противуборствуя соединеннымъ силамъ лишь изрѣдка отрывисто провозгла-

шая: „Ваше благородіе!.. Помилосердствуйте!.. Явите божескую милость!.. Заставьте вѣчно Богу молить!..“ и проч. въ такомъ родѣ; но искусный операторъ уже окончилъ свое дѣло, а солдатъ поуспокоившись освободился изъ нашихъ рукъ. Еще фельдшеръ заканчивалъ сдѣланную медикомъ операцію, когда я спросилъ у него фамилію оригинальнаго оператора. — „Развѣ вы не знаете Н. И. Пирогова?“ Отвѣтилъ онъ взглянувъ на меня сомнительно и съ нѣкоторою гордостью..

— Дай Богъ и не знать его здѣсь... подумалъ я въ свою очередь, направляясь въ то-же время на поиски знаменитаго оператора, чтобы взглянуть на него поближе, но поиски мои оказались тщетными и я вновь очутился у вхожихъ дверей зданія, пропуская мимо себя носилки за носилками.

Вотъ пронесли мимо меня матроса съ исковерканною нижнею челюстью изъ которой торчалъ обезображенный и какъ-то особенно вывороченный языкъ. Матросъ стоналъ, блуждая глазами. За первыми носилками слѣдовали другія, за другими третьи и такъ еще и еще... Изъ однихъ звучалъ отчаянный крикъ, въ другихъ съ лихорадочной дрожью скрежетали зубы, третьи издавали едва внятный, изнемогающій стонъ;— я заглянулъ въ эти послѣднія и едва могъ разглядѣть какую-то неопредѣленную массу окровавленныхъ кишокъ въ перемежку съ кусками одежды „пластуна“.

— Этого въ Гущина домъ! Рѣшилъ, махнувъ рукою, откуда-то навернувшійся дежурный врачь: „Нечего было и носить сюда“, замѣтилъ онъ. Ясно было

что означалъ этотъ приговоръ: значитъ субьектъ совершенно безнадеженъ, скоро отойдетъ въ вѣчность. Да и врядъ-ли донесли его до Гущина дома, живымъ....

Меня не на шутку начинало внутренно коробить отъ этихъ неумолкаемыхъ криковъ и стоновъ приносимыхъ носилками и я направился въ ампутаціонный залъ посмотрѣть на происходившее тамъ.

На одномъ изъ трехъ операціонныхъ станковъ лежалъ лѣтъ 35 здоровый на видъ пѣхотный солдатъ съ раздробленнымъ колѣномъ правой ноги. Очевидно, что ее отнимутъ выше колѣна. Стиснувъ зубы и метаясь головою по сторонамъ онъ страшно стоналъ, видимо страдая отъ неимовѣрной боли, окруженный съ обѣихъ сторонъ фельдшерами и медиками, между которыми была сестра милосердія. Все это усиливалось въ ожиданіи хлороформированія облегчить участь страдальца. Наконецъ, инструменты въ рукахъ оператора; данъ знакъ хлороформировать. Солдату поднесли къ самому носу бѣлый, полотнянный мѣшочекъ, наполненный корпіею смоченною хлороформомъ. Больной сначала пытался побороться, но мало по малу одолѣваемый хлороформомъ забылся, потомъ крѣпко заснулъ, захрапѣлъ; сталъ бредить на всѣ лады: пѣлъ пѣсни, разговаривалъ съ своими отсутствующими товарищами; громко спорилъ съ ними или неистово ругался изъ за какой нибудь пуговицы, трубки, вообще изъ за предметовъ своего солдатскаго хозяйства, какъ на яву. Но едва забылся ампутируемый субьектъ, какъ операторъ въ два пріема правой руки, ножемъ острѣйшимъ какъ бритва успѣлъ

уже для обнаженія кости отдѣлить мясо. Кровь хлынула потокомъ изъ перерезанныхъ артерій въ подставленный для этого мѣдный тазъ, но тотчасъ-же задержана обѣими ладонями рукъ другого медика или фельдшера; операторъ-же мгновенно вооружившись пилою, пилилъ гдѣ ему нужно кость. Звукъ стальной пилы при пиленіи кости производитъ на нервы самое болѣзненное впечатлѣніе. Быстро перевязываются шелкомъ артеріи, тѣмъ операція и считается законченною, лишь фельдшеръ заканчиваетъ ее заложивъ корпіею обрѣзанное мясо и облѣпивъ ее пластыремъ. Въ продолженіи всего этого времени нашъ хлороформированный велъ себя почти безукоризненно, преимущественно распѣвая пѣсни, лишь подъ конецъ оскорбилъ слухъ сестры милосердія, отпустивъ „красное словцо“ самого забористаго свойства, на что та конечно не обратила никакого вниманія, исполненная одного христіанскаго участія къ участи несчастнаго страдальца, — но когда для него насталъ моментъ пробужденія картина совершенно преобразилась, на мѣсто временнаго комизма выступила живая, безъискуственная трагедія. Положеніе проснувшагося страдальца казалось жалче прежняго, — онъ ослабъ; лихорадочный взоръ его страдательно блуждалъ по лицамъ присутствующихъ, желая на нихъ прочитать какой-то новый, невѣдомый для него приговоръ о дальнѣйшемъ существованіи своемъ; снова началъ стонать хотя и слабѣе прежняго. Всего-же поразительнѣе была слѣдующая сцѣна: когда по окончаніи ампутаціи больной увидѣлъ свое несомнѣнное колѣ-

чество, то заплакавъ какъ ребенокъ онъ болѣзненно завопилъ:

— Гдѣ-жъ моя нога?... Батюшки мои! Погубили!... и обливаясь слезами онъ рыдалъ.

Но отнятая нога, какъ негодный членъ давно застыла, брошена въ уголъ, гдѣ и валяется въ числѣ прочихъ рукъ, ногъ и другихъ мертвенныхъ останковъ человѣческаго существа!... Этотъ уголъ представлялъ въ свою очередь не менѣе потрясающій „ensemble“.

Страдальца подняли и перенесли на койку; тѣмъ кончилось для меня посѣщеніе амнутаціоннаго зала.

Не найдя и здѣсь потребнаго отдохновенія для своихъ болѣзненно-настроенныхъ нервовъ я снова для освѣженія груди направился къ входнымъ дверямъ и какъ разъ наткнулся на новыя носилки, сопровождаемыя флотскимъ комендоромъ.

— Однимъ храбрымъ морякомъ, стало быть менѣе на бастіонахъ!... Подумалъ я, но откуда именно носилки надо было спросить у комендора:

— Откуда?

— Съ четвертаго.

— Кто это?

— Мичманъ Дурново!

„Бѣдный, славный юноша!“ Невольно вырвалось у меня изъ устъ. Давно-ли, кажись, мы видѣлись съ нимъ? Какъ рѣтиво шелъ онъ по бастіону къ своему посту! Какъ усердно работалъ бывало около своихъ орудій!... И вотъ пожаловалъ сюда въ носилкахъ!...

Невольно послѣдовалъ и я за этими носилками

обратно, въ тотъ-же ампутаціонный залъ. Безъ всякихъ признаковъ крови и увѣчій мичманъ Дурново издавалъ слабый отрывистый стонъ; его тотчасъ переложили на мягкую кровать, а врачи приступили къ осмотру.

Ворчатъ ломаютъ
И гдѣ-бъ начать лишь мѣсто выбираютъ....
(КРЫЛОВЪ.)

Припомнились мнѣ въ ту пору слова Крылова, при видѣ этого осмотра. Поблѣднѣвшій юноша потерявшій всякое сознаніе страшно замѣтался, застоналъ лежа на кровати и тутъ же въ предсмертныхъ судорогахъ отдалъ Богу душу.... Комендоръ утеръ слезу, не выдержалъ и я грѣшный.... По осмотрѣ у него найдено пораженіе пулею на вылетъ позвоночнаго столба т. е. спиннаго мозга.

Случилось-же это съ нимъ въ ту самую минуту когда пришлось наводить орудіе. Старшій братъ мичмана Дурново, тяжело раненый, еще прежде оставилъ бастіонъ.

Между нашими солдатами встрѣчались столь набожные люди, что въ продолженіе цѣлой осады или пребыванія на бастіонахъ, давъ себѣ обѣтъ, не употребляли не только водки, но даже мясной, и всякой скоромной пищи.

Иногда подъ градомъ снарядовъ внезапно являлись на бастіонъ дѣти матросовъ или жены ихъ, снабжая насъ булками, пирожками, копченкою и проч. Не мудрено было поэтому, иной разъ, на перевязочномъ пунктѣ, рядомъ съ раненымъ солдатомъ встрѣтить та-

кую-же женщину или мальчика. Тѣ и другіе допытывали бывало или утѣшали другъ друга такъ:

— Тетушка, а тетушка, усиливаясь на каждомъ словѣ, спрашивалъ однажды при мнѣ блѣдный съ обвязанною головою молодой солдатъ рядомъ лежавшую съ нимъ по сосѣдству на кровати пожилую женщину безъ лѣвой руки:—ты на какомъ бастіонѣ ранена?

— Въ Корабельной, батюшка, я на бастіонъ не хаживала, а вотъ сынишка...

— Что-жъ бомбою, или ракитою?

— Осколкомъ угораздило черезъ окошко; да я что,—пожила на вѣку; а вотъ сынишку жаль,—черевы всѣ вывернуло, помретъ должно быть...

— Ничаво! Богъ милостивъ! утѣшалъ солдатъ:—только Пирогова попроси „перацію“ сдѣлать, а то будь спокойна!..

И дѣйствительно, о бокъ съ нею лежалъ, едва переводя духъ, блѣдный, худощавый, лѣтъ тринадцати мальчикъ съ признаками близкой смерти, въ неподвижныхъ глазахъ, гдѣ искусство Пирогова, оказалось-бы безсильно.

Упомянувъ о женщинахъ, слѣдуетъ сказать, что они принимали фактическое участіе въ укрѣпленіи и оборонѣ Севастополя, такъ напр. послѣ Альминскаго сраженія, когда непріятель перешагнувъ черезъ Черную рѣчку окружилъ съ южной стороны Севастополь, при недостаткѣ войскъ и рабочихъ рукъ, одна изъ батарей позади 4-го бастіона, выходившая своими амбразурами прямо на театральную площадь, сооружена была собственными руками исключительно

„проститутокъ“, проживавшихъ въ той части города и не успѣвшихъ еще убраться съ своими пожитками изъ Севастополя. Батарея эта постоянно носила названіе: „дѣвичьей батареи“ и ей не разъ суждено было успѣшно дѣйствовать во время приступовъ противъ непріятеля.

Кто не припомнитъ еще нашего храбраго Четатскаго героя въ лицѣ скромнаго прапорщика Кудрявцева?! Не удалось ему выйдти изъ Севастополя, чтобы очутиться въ рядахъ Императорской гвардіи, или украшать собою ряды Екатеринбургскаго полка, куда онъ переведенъ былъ отъ насъ по собственному ходатайству на канунѣ битвы на Черной рѣчкѣ 24-го октября! *) Сложилъ и онъ свою буйную голову въ тоже памятное бомбардированіе на Святой недѣлѣ на 5 бастіонѣ.

Помню его въ разгарѣ Четатскаго боя! Верхомъ на добытой изъ-подъ убитаго казака лошади, въ ватной прежняго образца офицерской шинели, съ лѣвой раненою ногою безъ сапога, обвязанной какою-то тряпицею, онъ рыскалъ между кучками или группами нашими съ обнаженною саблей. Нѣсколько сутоловатый отъ природы, съ глазами полными отваги, подъ градомъ турецкихъ пуль, онъ какъ будто чувствовалъ себя на пиру, смѣялся надъ опасностью, хохоталъ глядя самой смерти прямо въ глаза. Завидя полковника Баумгартена, пытающагося взобраться на стогъ соломы, чтобы оттуда было удобнѣе обозрѣть

*) Это сраженіе извѣстно подъ именемъ Инкерманскаго; сраженіе же на Черной рѣчкѣ было 4-го августа 1855 г. *Ред.*

потѣрять лишь руку,—смѣло подходитъ къ бомбѣ и правою рукою выталкиваетъ ее наружу вонъ въ траншею! Бомба тотъ-часъ же лопнула тамъ, не причинивъ намъ конечно никакого вреда, безстрашный-же горнистъ поспѣшилъ успокоить насъ слѣдующими словами:

„Ничего ваше благородіе, не бойтесь; я свалилъ ее за стѣнку,—тамъ въ траншѣе и лопнула!..“ и зажегши сѣрную спичку равнодушно продолжалъ: „пожалуйте свѣчку зажечь...“ Какъ будто-бы онъ сотворилъ весьма обыкновенное, незначущее, пустое дѣло! Вотъ какіе замѣчательные натуры рождалъ Севастополь!

Тотчасъ послѣ этого заявленія, мы долго не могли прійдти въ себѣ,—съ одной стороны общаго испуга надѣлавшаго такую свалку, съ другой-же подвигъ простаго безоружнаго горниста, насъ всѣхъ, такъ сказать, опростоволосилъ, сконфузилъ. Выходъ изъ блиндажа оказался совершенно засыпаннымъ, такъ что не было возможности хотя-бы одному выкорабкаться изъ невольной засады, что-бы сообщить другимъ о великомъ, въ своемъ родѣ, подвигѣ нашего горниста и избѣжать новой опасности отъ „жеребца“. На поднятый нами крикъ, снаружи явились рабочіе, которые и освободили насъ наконецъ изъ заточенія, лишь передъ свѣтомъ. Смиреннаго-же горниста нашего спасителя отъ явнаго увѣчья, мы съобща щедро, кто сколько могъ одѣлили деньгами. Жаль что нестроевымъ не полагаются награды крестами. Но въ сущности, если разсудить: развѣ этотъ молодецъ

жертвовавшій собою для спасенія своихъ пятерыхъ офицеровъ не достоинъ быть кавалеромъ „знака отличія военнаго ордена?“

Впрочемъ случаевъ выбрасыванія гранатъ изъ блиндажей и траншей было безчисленное множество. Наши солдаты такъ освоились съ ними что не считали даже эти операціи за подвиги особеннаго мужества!

На излетѣ, какъ извѣстно, пуля не причиняетъ большаго вреда. Слѣдующаго случая въ подобномъ родѣ, я былъ очевидцемъ; прогуливаясь, не припомню съ кѣмъ именно изъ моряковъ вдвоемъ отъ исходящаго угла вдоль бруствера по бастіону, мы приближались къ выше описанному мною блиндажу. На встрѣчу къ намъ шелъ какой-то тоже морякъ. Вдругъ надъ головами нашими прожужжала пуля и какъ казалось такъ близко, что вотъ-вотъ задѣнетъ за голову; конечно, не тая грѣха, мы оба что называется „поклонились“ или вѣрнѣе уклонились отъ нея, такъ какъ она летѣла намъ по пути, на встрѣчу подходившему къ намъ флотскому офицеру, который въ глазахъ нашихъ въ ту-же минуту, быстро наклонившись схватился рукою за голень правой ноги. Мы бросились было къ нему на помощь и крайнѣ изумились, когда на вопросъ нашъ:

„Что съ вами?“ онъ показалъ намъ въ рукѣ поднятую, сплюснутую коническую пулю; она ударившись объ его ногу немного ниже колѣна отскочила, причинивъ легкую ссадину на кожѣ.

„Чуть, чуть было не сдѣлала калѣкою,“ обратился къ намъ морякъ.

„Ну, чуть-чуть не считается“, замѣтилъ ему мой спутникъ. Мы долго разглядывали, переварачивая на всѣ стороны, пулю и затѣмъ разошлись въ разныя стороны.

Не ручаясь за достовѣрность нижеприведеннаго факта, нахожу не лишнимъ привести разсказъ маіора Л—ва, какъ очевидца, о чудесномъ приключеніи съ грудным ребенкомъ. Маіоръ Л—овъ хаживалъ по временамъ съ бастіона на свою квартиру въ городъ. Квартира его заключалась въ одной комнатѣ во второмъ этажѣ опустѣвшаго трехъ-этажнаго, каменнаго дома, подъ которымъ былъ обширный подвалъ. Въ нижнемъ этажѣ подъ его комнатою квартировала также жена какого-то матроса съ грудным ребенкомъ, постоянно висѣвшимъ въ люлькѣ у кровати матери.

„Однажды, разсказывалъ маіоръ Л—овъ, будучи свободнымъ отъ службы, отправился я съ бастіона на квартиру отдохнуть, перемѣнить бѣлье и проч. Вхожу въ свою комнату, за мною деньщикъ. Не успѣлъ я съ нимъ слова перемолвить, не успѣлъ сабли отстегнуть, какъ вдругъ откуда ни возьмись сквозь крышу и верхній этажъ ко мнѣ въ комнату грохнулась бомба и не задерживаясь пошла далѣе внизъ, а въ подвалѣ лопнула. Все исковеркала, хоть бѣги назадъ на бастіонъ! Ошеломила деньщика,— какъ быть? Вспомнивъ еще, что ниже меня помѣщается женщина съ ребенкомъ я бросился внизъ провѣдать ее. Что-же-бы вы думали я нашелъ тамъ? Бомба пролетѣвъ мимо самой люльки ребенка увлекла импетомъ своимъ и его за собою сквозь пробоину

въ подвалъ, гдѣ и лопнула. Мать спала на кровати, но разбужденная бомбою вскочивъ хватилась ребенка и не найдя его въ люлькѣ, съ крикомъ отчаянія бросилась въ подвалъ. Мы съ деньщикомъ за нею, полагая найти истерзаннаго въ куски малютку. Каково-же было удивленіе наше и счастье матери когда ребенокъ оказался совершенно невредимымъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ лопнула бомба и своимъ паденіемъ вскопала для него, какъ будто-бы нарочно, даже не жесткое, пѣлное мягкаго мусора ложе?!“

Подобный случай нельзя иначе почесть, какъ за особенное чудо, если только разсказъ о немъ справедливъ и не относится къ области фантастической изобрѣтательности воображенія. Во всякомъ случаѣ мы приводимъ здѣсь этотъ разсказъ на тотъ конецъ: не найдется-ли ему подтвержденія во свидѣтельствѣ другихъ лицъ, либо не опровергнутъ-ли его болѣе компетентные судьи.

До чего пагубна бываетъ иногда неумѣстная храбрость, привожу въ примѣръ слѣдующій случай:

Прапорщикъ Плескачевскій одинъ изъ задушевныхъ друзей моихъ, желая однажды пощеголять передъ товарищами своею неустрашимостью пригласилъ съ собою нѣсколькихъ сверсниковъ своихъ по службѣ въ оборонительный ровъ (меня къ сожалѣнію съ нимъ не было), чтобы показать тамъ „какую-то молодецкую штуку“. Штука эта заключалась въ томъ, что онъ вскорабкавшись на валъ, усѣлся открыто лицемъ къ непріятелю и началъ курить па-

пиросу. Никакихъ увѣщаній и совѣтовъ онъ, говорятъ, въ данномъ случаѣ не принималъ продолжая сидѣть на валу. Разумѣется пули какъ рой пчелъ зажужжали вокругъ него; увидѣвъ самъ, что съ пулями шутки несподручны и закуривъ уже папиросу Конст. Плескачевскій обернулся уже спиной къ французамъ чтобы „показавъ свою штуку“ слѣзть долой, но пуля таки зацѣпила его пройдя насквозь черезъ лопатку подъ лѣвую мышку гдѣ и остановилась подъ кожею. Онъ кашлянулъ яркою кровью прошелъ нѣсколько шаговъ и опустился на руки товарищей. Нелѣпая „штука“ стоила ему жизни. Я нашелъ его уже въ „Гущина домѣ“ въ числѣ безнадежныхъ, а черезъ два дня мы его оплакивали. Это была юная, прекрасная, пылкая и благородная натура.

Привожу другой случай неумѣстной шутки, чтобы не сказать болѣе...:

Прапорщикъ Шимковскій возвратясь однажды послѣ минныхъ работъ передъ свѣтомъ въ свой блиндажъ, за неимѣніемъ свободнаго мѣста на нарахъ улегся подъ ними и крѣпко на крѣпко, какъ говорится тотчасъ уснулъ; въ то время какъ нѣкоторые изъ офицеровъ не бывшихъ въ ту ночь на работахъ уже просыпались и вставали, кто умывался а кто ухаживалъ около самоварчика.

Изъ числа послѣднихъ нѣкто фонъ Р—е желая потѣшить своихъ товарищей своего рода „шуткою“... вызвался попугать Шимковскаго бомбою, подставивъ къ лицу его самоваръ. Сказано—сдѣлано.

Фонъ Р—е ставитъ подъ нару къ самому лицу

спящаго, шипящій самоварчикъ въ нижней рѣшоточкѣ, котораго виднѣлся огонь. Понятно, что человѣку съ просонья такимъ образомъ подставленный самоваръ легко могъ сдаться за бомбу даже внѣ Севастополя, а не только на бастіонѣ. Но молодость не все обсуживаетъ строго и не всегда предвидитъ опасность. Фонъ Р—е съ шутливымъ крикомъ: „Шимковскій бомба!“ „Берегись!“,—дернулъ за ногу спавшаго и тотъ совершенно растѣрявшись бросился изъ подъ нары словно обезумѣвшій вонъ изъ блиндажика. Конечно общій взрывъ хохота, наблюдавшихъ эту сцѣну служилъ вознагражденіемъ фонъ Р—е за показанную имъ „штуку“, но за то она дорого обошлась Шимковскому. Онъ въ короткое время послѣ этого надъ собою случая совершенно посѣдѣлъ, а въ послѣдствіи тронувшись нѣсколько разсудкомъ, долженъ былъ выйдти въ отставку.

Вотъ какія печальныя послѣдствія проистекаютъ отъ неосторожныхъ въ военное время шалостей и неумѣстныхъ шутокъ. Не мѣшаетъ и это имѣть въ виду нашему молодому поколѣнію, будущимъ воинамъ!

Ночные вылазки наши съ бастіона, послѣ жаркихъ схватокъ, гдѣ преимущественно были въ работѣ штыкъ да прикладъ, кончались обыкновенно тѣмъ,—что все пространство передъ бастіономъ оставалось устланнымъ трупами, между которыми на половину было полуживыхъ, сильно израненныхъ страдальцевъ.

За увѣчьями эти бездольные, подъ прикрытіемъ

Наши солдаты высыпали, бывало, какъ муравьи на валахъ, французы тоже изъ своихъ траншей, бѣжали къ намъ какъ все истребляющія массы саранчи; все стремилось къ демаркаціонной линіи, гдѣ парламентеры, сойдясь между собой для необходимыхъ, въ общихъ интересахъ, объясненій уже давали распоряженія о поспѣшнѣйшей уборкѣ тѣлъ. Все это за минуту кровожадное человѣчество, по мановенію руки парламентера, дружно бросалось къ трупамъ, суетилось и отыскивало между ними своихъ однополчанъ, товарищей, друзей, а можетъ быть и родныхъ.

Тутъ приходилось, нерѣдко, среди разбросанныхъ въ разныхъ положеніяхъ труповъ, ступать ногами въ лужи запекшейся крови.

Въ одномъ, я помню, мѣстѣ покоилась доблестная чета противниковъ воиновъ, навѣрно въ рукопашной схваткѣ, неистово пронзившая другъ друга штыкомъ. Она безмятежно покоилась вѣчнымъ сномъ.

Французъ, на лицѣ котораго отражался послѣдній моментъ — муки, съ открытыми глазами, оскаливъ окровавленныя зубы,—лежалъ навзничь; изъ груди его сквозь синюю шинель торчалъ переломленный русскій штыкъ.

Братъ его по смерти, нашъ Севастопольскій подвижникъ, очутившись головою на правой рукѣ француза, прильнулъ грудью къ своей, родной матери, сырой землѣ, какъ бы пытаясь на прощаньѣ захватить ее въ свои мощныя, распростертыя объятья.

Далѣе пестрѣли кучками, сраженные картечью, тѣже трупы, т. е. французы и наши въ перемежку.

зыряли“ имъ, на что послѣдніе характерно приподнимали свои легонькія кепи. У французовъ обыкновенно торчало въ зубахъ ихъ неизмѣнное „Brûle-gueule“, или сигара; у нашихъ, между двухъ пальцевъ скрученная, папироса. Тутъ завязывалась между сторонами нѣсколько натянутыя объясненія переходившія въ послѣдствіи въ оживленныя бесѣды. Солдаты же групируясь отдѣльно, первоначально оглядывали другъ друга со всѣхъ сторонъ, и своеобразно-выразительными жестами обнаруживали каждый, по своему, любопытство или находчивость.

Одинъ напримѣръ допытывалъ француза насчетъ его чудодѣйственной „Алёны“ (Allons-nous), которую, по его разумѣнію, французы, идучи на штурмъ, либо подходя ночью къ нашимъ ложементамъ, постоянно выкликали на помощь.

Другой-же указывая французу на свою манерку сопровождалъ эту эволюцію тѣлодвиженіемъ на счетъ „выпивки“. Французъ, безъ обиняковъ понимая суть дѣла однимъ кивкомъ головы изъявлялъ полную на то готовность.

Между собесѣдниками происходило курьозное угощеніе въ слѣдующемъ родѣ: нашъ, напримѣръ, солдатъ, наполнивъ свою манерочную крышку водкою, и предварительно отпивъ немного самъ, подносилъ ее французу приговаривая: „Ну-ка хлѣбни мусью, да не поперхнись!“.... Французъ въ подражаніе нашему тоже отпивалъ глотокъ, морщился и отрицательно потрясая головою отдавалъ крышку обратно. „Что-жь такъ?!“ изумлялся нашъ: „Аль не по нутру

„Не приказано;“ скажетъ на отрѣзъ суровый матросъ: „кономію велѣно наблюдать, пороху мало, стало быть на лицо“...

„А онъ *), небось, жаритъ да жаритъ, не мѣряетъ пороху!... Вы-бъ ему форсъ-то сбили кавалеръ! „Капральство послать-бы не мѣшало для порядку?“

Не поддается кавалеръ, отмалчиваясь какъ-будто-бы самому не по душѣ „капральство,“—но докучливые любители не отстаютъ отъ него:

„Да ну, потѣшь! Угости братъ пожалуйста, попотчуй нехристя!“ Пытается снова какой-либо смѣльчакъ изъ группы.

„Ну, коли пороху нѣтъ, мы патронами сложимся на зарядъ, только угоди,“ вторитъ первому другой: „Отведи душу!“

„Что съ вами разговаривать,“—осерчавъ бывало не на шутку, словно задѣтый за живое отвѣтитъ матросъ:„ Тойди **)—прочь! чтобы не брызнуло, не равно оплѣшивитъ“... заключаетъ онъ прикладывая фитиль.

Мортира прыгаетъ назадъ, посылая въ то-же время свѣтящееся „капральство,“ которое у французовъ чинитъ страданія и стоны, а наши солдаты хохочутъ отъ души и удовлетворенные капральствомъ направляются далѣе до слѣдующей мортирной батарей,—гдѣ подобная сцѣна повторяется снова.

Когда ряды флотской артиллеріи, значительно

*) Французъ.

**) Отойди.

стали рѣдѣть, то начальство нашло нужнымъ освободить арестантовъ для обращенія ихъ въ штатъ артиллерійской прислуги на бастіонахъ. Между этого рода защитниками Севастополя на лѣвомъ склонѣ 4-го бастіона находился нѣкто „Шкурка," сдѣлавшійся всѣмъ извѣстнымъ по своему простому способу изобрѣтенія: мѣтать двухъ-пудовыя бомбы изъ бомбической пушки на самое далекое разстояніе, подобно англичанамъ, которые съ своихъ элеваціонныхъ станковъ, нарочито для того приспособленныхъ, бросали ядра и гранаты даже на сѣверную сторону. Шкуркѣ далось это гораздо проще: онъ выкопалъ въ аршинъ глубиною яму помѣстилъ въ ней казенною частью на днѣ снятую съ лафета пушку, такъ что дуло ея, какъ-бы выглядывало изъ ямы въ верхъ и утвердивъ ее по своему сталъ удачно посылать бомбы во французскій лагерь, который долженъ былъ по этой причинѣ сняться и избрать для себя болѣе отдаленное, уютное мѣсто.

Болѣе другихъ снарядовъ производили на насъ непріятное впечатлѣніе конгревовы ракеты. Ихъ обыкновенно пускали въ городъ съ цѣлью произвести пожаръ, что нерѣдко и удавалось непріятелю. На извѣстной севастопольцамъ, Зеленой-горкѣ противъ 3-го бастіона водружался обыкновенно для этого станокъ, съ котораго бывало въ темную, безлунную ночь, ярко освѣщая окрестность бенгальскимъ огнемъ, быстро возносилась ракета вверхъ оставляя за собою искристый слѣдъ и достигнувъ конечной высоты своего подъема вдругъ какъ-бы изчезала, устремля-

ясь оттуда съ неимовѣрной быстротой и страшнымъ визгомъ, невидимкою внизъ. Ей не было ни преградъ, ни препятствій,—все разрушала она попадавшееся на встрѣчу. Такая ракета у солдатъ называлась обыкновенно: „ракитою.“ Двухъ-пудовыя бомбы, бросаемыя къ намъ на бастіонъ продольными выстрѣлами назывались у солдатъ, какъ я уже сказалъ выше,„жеребцами,“ по той причинѣ что пускаемыя по вечерамъ и ночью они рикошетируя по бастіону, искрами сыпавшимися изъ трубки, напоминали распущенную на бѣгу лошадиную гриву, а звукомъ полета лошадиное ржанье. Бомбы величались: „квочками,“ ядра — „галками,“ — картечь— „картошкою“ и проч.

Помѣщаясь въ пятеромъ въ тѣсномъ съ узенькимъ проходомъ блиндажѣ, наружная стѣнка котораго была сдѣлана изъ туровъ и фашинъ, мы часто испытывали непріятности преимущественно отъ „жеребцовъ“, по солдатскому выраженію. Спать приходилось обыкновенно не раздѣваясь никогда и даже не снимая сапогъ, на деревянныхъ безъ всякой подстилки „нарахъ,“ при постоянно горящей свѣчкѣ, (солдаты не пользовались даже и этою роскошью). Подъ нарами помѣщался тоже кто-нибудь еще барабанщикъ или горнистъ. Все время шло для насъ кое-какъ благополучно. За то одинъ изъ подобныхъ ночлеговъ надѣлалъ намъ немалыхъ хлопотъ; всѣхъ пятерыхъ чуть не передушило обваломъ стѣны и пороховымъ дымомъ. Дѣло было такъ: заснувши крѣпко при горящей свѣчѣ, мы въ полночь были

всѣ разбужены и совершенно оглушены внезапнымъ разрывомъ бомбы, а густой пороховой дымъ душилъ насъ. Свѣчка потухла. Въ суматохѣ никто не понималъ что случилось съ блиндажемъ, но стоновъ не было слышно, а всѣ ощупывались: цѣлы-ли. Общій крикъ во тьмѣ: „огня!“ и вопросы: „гдѣ свыка?“ увеличивалъ суматоху. Мы полагали что блиндажъ обрушился подъ бомбою и намъ насталъ „капутъ“. Зажгли свѣчу; изъ подъ наръ вылезъ горнистъ какъ будто-бы тоже на совѣтъ; тѣснота сдѣлалась страшная,—невозможно было дохнуть отъ дыма. Стали осматривать стѣны и оказалось что одна изъ нихъ именно наружная хотя и не разрушена окончательно но сильно повреждена. По общему совѣщанію положено было ложиться снова спать до утра, въ полной увѣренности что болѣе опасности не предстоитъ. Но едва дымъ уступилъ чистому воздуху и мы улеглись на своихъ мѣстахъ, какъ снова глухой стукъ упавшаго снаряда въ ту-же поврежденную стѣну извѣстилъ насъ о новой неминуемой опасности. Такая-же двухъ пудовая бомба, иначе сказать: „жеребецъ“, снова ворвался въ поврежденную стѣну нашего блиндажа. Всѣ сорвались съ своихъ мѣстъ и въ темнотѣ пошла давка; давили другъ друга всякій безразборно, видя смертоносныя искры, сыпавшіяся изъ трубки бомбы готовой ежеминутно лопнуть. Что-же дѣлаетъ нашъ подъ нарами помѣщавшійся горнистъ (роты капитана Калакуцкаго)? Онъ разсчитавъ, какъ самъ послѣ признавался, что для спасенія нѣсколькихъ изъ своихъ офицеровъ онъ можетъ

потѣрять лишь руку,—смѣло подходитъ къ бомбѣ и правою рукою выталкиваетъ ее наружу вонъ въ траншею! Бомба тотъ-часъ же лопнула тамъ, не причинивъ намъ конечно никакого вреда, безстрашный-же горнистъ поспѣшилъ успокоить насъ слѣдующими словами:

„Ничего ваше благородіе, не бойтесь; я свалилъ ее за стѣнку,—тамъ въ траншѣе и лопнула!..“ и зажегши сѣрную спичку равнодушно продолжалъ: „пожалуйте свѣчку зажечь...“ Какъ будто-бы онъ сотворилъ весьма обыкновенное, незначущее, пустое дѣло! Вотъ какіе замѣчательные натуры рождалъ Севастополь!

Тотчасъ послѣ этого заявленія, мы долго не могли прійдти въ себѣ,—съ одной стороны общаго испуга надѣлавшаго такую свалку, съ другой-же подвигъ простаго безоружнаго горниста, насъ всѣхъ, такъ сказать, опростоволосилъ, сконфузилъ. Выходъ изъ блиндажа оказался совершенно засыпаннымъ, такъ что не было возможности хотя-бы одному выкорабкаться изъ невольной засады, что-бы сообщить другимъ о великомъ, въ своемъ родѣ, подвигѣ нашего горниста и избѣжать новой опасности отъ „жеребца“. На поднятый нами крикъ, снаружи явились рабочіе, которые и освободили насъ наконецъ изъ заточенія, лишь передъ свѣтомъ. Смиреннаго-же горниста нашего спасителя отъ явнаго увѣчья, мы съобща щедро, кто сколько могъ одѣлили деньгами. Жаль что нестроевымъ не полагаются награды крестами. Но въ сущности, если разсудить: развѣ этотъ молодецъ

жертвовавшій собою для спасенія своихъ пятерыхъ офицеровъ не достоинъ быть кавалеромъ „знака отличія военнаго ордена?“

Впрочемъ случаевъ выбрасыванія гранатъ изъ блиндажей и траншей было безчисленное множество. Наши солдаты такъ освоились съ ними что не считали даже эти операціи за подвиги особеннаго мужества!

На излетѣ, какъ извѣстно, пуля не причиняетъ большаго вреда. Слѣдующаго случая въ подобномъ родѣ, я былъ очевидцемъ; прогуливаясь, не припомню съ кѣмъ именно изъ моряковъ вдвоемъ отъ исходящаго угла вдоль бруствера по бастіону, мы приближались къ выше описанному мною блиндажу. На встрѣчу къ намъ шелъ какой-то тоже морякъ. Вдругъ надъ головами нашими прожужжала пуля и какъ казалось такъ близко, что вотъ-вотъ задѣнетъ за голову; конечно, не тая грѣха, мы оба что называется „поклонились“ или вѣрнѣе уклонились отъ нея, такъ какъ она летѣла намъ по пути, на встрѣчу подходившему къ намъ флотскому офицеру, который въ глазахъ нашихъ въ ту-же минуту, быстро наклонившись схватился рукою за голень правой ноги. Мы бросились было къ нему на помощь и крайнѣ изумились, когда на вопросъ нашъ:

„Что съ вами?“ онъ показалъ намъ въ рукѣ поднятую, сплюснутую коническую пулю; она ударившись объ его ногу немного ниже колѣна отскочила, причинивъ легкую ссадину на кожѣ.

„Чуть, чуть было не сдѣлала калѣкою,“ обратился къ намъ морякъ.

„Ну, чуть-чуть не считается“, замѣтилъ ему мой спутникъ. Мы долго разглядывали, переварачивая на всѣ стороны, пулю и затѣмъ разошлись въ разныя стороны.

Не ручаясь за достовѣрность нижеприведеннаго факта, нахожу не лишнимъ привести разсказъ маіора Л—ва, какъ очевидца, о чудесномъ приключеніи съ грудным ребенкомъ. Маіоръ Л—овъ хаживалъ по временамъ съ бастіона на свою квартиру въ городъ. Квартира его заключалась въ одной комнатѣ во второмъ этажѣ опустѣвшаго трехъ-этажнаго, каменнаго дома, подъ которымъ былъ обширный подвалъ. Въ нижнемъ этажѣ подъ его комнатою квартировала также жена какого-то матроса съ грудным ребенкомъ, постоянно висѣвшимъ въ люлькѣ у кровати матери.

„Однажды, разсказывалъ маіоръ Л—овъ, будучи свободнымъ отъ службы, отправился я съ бастіона на квартиру отдохнуть, перемѣнить бѣлье и проч. Вхожу въ свою комнату, за мною деньщикъ. Не успѣлъ я съ нимъ слова перемолвить, не успѣлъ сабли отстегнуть, какъ вдругъ откуда ни возьмись сквозь крышу и верхній этажъ ко мнѣ въ комнату грохнулась бомба и не задерживаясь пошла далѣе внизъ, а въ подвалѣ лопнула. Все исковеркала, хоть бѣги назадъ на бастіонъ! Ошеломила деньщика,— какъ быть? Вспомнивъ еще, что ниже меня помѣщается женщина съ ребенкомъ я бросился внизъ провѣдать ее. Что-же-бы вы думали я нашелъ тамъ? Бомба пролетѣвъ мимо самой люльки ребенка увлекла импетомъ своимъ и его за собою сквозь пробоину

въ подвалъ, гдѣ и лопнула. Мать спала на кровати, но разбужденная бомбою вскочивъ хватилась ребенка и не найдя его въ люлькѣ, съ крикомъ отчаянія бросилась въ подвалъ. Мы съ деньщикомъ за нею, полагая найти истерзаннаго въ куски малютку. Каково-же было удивленіе наше и счастье матери когда ребенокъ оказался совершенно невредимымъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ лопнула бомба и своимъ паденіемъ вскопала для него, какъ будто-бы нарочно, даже не жесткое, пѣлное мягкаго мусора ложе?!“

Подобный случай нельзя иначе почесть, какъ за особенное чудо, если только разсказъ о немъ справедливъ и не относится къ области фантастической изобрѣтательности воображенія. Во всякомъ случаѣ мы приводимъ здѣсь этотъ разсказъ на тотъ конецъ: не найдется-ли ему подтвержденія во свидѣтельствѣ другихъ лицъ, либо не опровергнутъ-ли его болѣе компетентные судьи.

До чего пагубна бываетъ иногда неумѣстная храбрость, привожу въ примѣръ слѣдующій случай:

Прапорщикъ Плескачевскій одинъ изъ задушевныхъ друзей моихъ, желая однажды пощеголять передъ товарищами своею неустрашимостью пригласилъ съ собою нѣсколькихъ сверсниковъ своихъ по службѣ въ оборонительный ровъ (меня къ сожалѣнію съ нимъ не было), чтобы показать тамъ „какую-то молодецкую штуку“. Штука эта заключалась въ томъ, что онъ вскорабкавшись на валъ, усѣлся открыто лицемъ къ непріятелю и началъ курить па-

пиросу. Никакихъ увѣщаній и совѣтовъ онъ, говорятъ, въ данномъ случаѣ не принималъ продолжая сидѣть на валу. Разумѣется пули какъ рой пчелъ зажужжали вокругъ него; увидѣвъ самъ, что съ пулями шутки несподручны и закуривъ уже папиросу Конст. Плескачевскій обернулся уже спиной къ французамъ чтобы „показавъ свою штуку“ слѣзть долой, но пуля таки зацѣпила его пройдя насквозь черезъ лопатку подъ лѣвую мышку гдѣ и остановилась подъ кожею. Онъ кашлянулъ яркою кровью прошелъ нѣсколько шаговъ и опустился на руки товарищей. Нелѣпая „штука“ стоила ему жизни. Я нашелъ его уже въ „Гущина домѣ“ въ числѣ безнадежныхъ, а черезъ два дня мы его оплакивали. Это была юная, прекрасная, пылкая и благородная натура.

Привожу другой случай неумѣстной шутки, чтобы не сказать болѣе...:

Прапорщикъ Шимковскій возвратясь однажды послѣ минныхъ работъ передъ свѣтомъ въ свой блиндажъ, за неимѣніемъ свободнаго мѣста на нарахъ улегся подъ ними и крѣпко на крѣпко, какъ говорится тотчасъ уснулъ; въ то время какъ нѣкоторые изъ офицеровъ не бывшихъ въ ту ночь на работахъ уже просыпались и вставали, кто умывался а кто ухаживалъ около самоварчика.

Изъ числа послѣднихъ нѣкто фонъ Р—е желая потѣшить своихъ товарищей своего рода „шуткою“... вызвался попугать Шимковскаго бомбою, подставивъ къ лицу его самоваръ. Сказано—сдѣлано.

Фонъ Р—е ставитъ подъ нару къ самому лицу

спящаго, шипящій самоварчикъ въ нижней рѣшоточкѣ, котораго виднѣлся огонь. Понятно, что человѣку съ просонья такимъ образомъ подставленный самоваръ легко могъ сдаться за бомбу даже внѣ Севастополя, а не только на бастіонѣ. Но молодость не все обсуживаетъ строго и не всегда предвидитъ опасность. Фонъ Р—е съ шутливымъ крикомъ: „Шимковскій бомба!“ „Берегись!“,—дернулъ за ногу спавшаго и тотъ совершенно растѣрявшись бросился изъ подъ нары словно обезумѣвшій вонъ изъ блиндажика. Конечно общій взрывъ хохота, наблюдавшихъ эту сцѣну служилъ вознагражденіемъ фонъ Р—е за показанную имъ „штуку“, но за то она дорого обошлась Шимковскому. Онъ въ короткое время послѣ этого надъ собою случая совершенно посѣдѣлъ, а въ послѣдствіи тронувшись нѣсколько разсудкомъ, долженъ былъ выйдти въ отставку.

Вотъ какія печальныя послѣдствія проистекаютъ отъ неосторожныхъ въ военное время шалостей и неумѣстныхъ шутокъ. Не мѣшаетъ и это имѣть въ виду нашему молодому поколѣнію, будущимъ воинамъ!

Ночные вылазки наши съ бастіона, послѣ жаркихъ схватокъ, гдѣ преимущественно были въ работѣ штыкъ да прикладъ, кончались обыкновенно тѣмъ,—что все пространство передъ бастіономъ оставалось устланнымъ трупами, между которыми на половину было полуживыхъ, сильно израненныхъ страдальцевъ.

За увѣчьями эти бездольные, подъ прикрытіемъ

ночнаго мрака, иные, не могли даже доползти къ своимъ бастіонмъ; а пролѣжавъ такимъ образомъ всю ночь на бранномъ полѣ и среди бренныхъ останковъ собратій своихъ, на утро, опираясь на обѣ руки приподнимались до половины съ нѣмою мольбою о помощи, либо отчаянно озираясь по сторонамъ и не видя ничего вокругъ, кромѣ безпомощнаго участія, зорко слѣдившихъ изъ амбразуръ глазъ своихъ товарищей, (въ тоже время обязанныхъ поддерживать съ бастіона пальбу) снова опускались на земь въ ожиданіи единственнаго успокоенія отъ смерти. Иной за невозможностью приподняться, судорожно махалъ въ воздухѣ рукою, либо сгибалъ колѣно, обнаруживая одни страданія и страданія.

Стоны, то отчаянные, то изнемогающіе оглашали воздухъ, зараженный зловоніемъ, міазмами отъ разлагавшихся труповъ.

Въ эти, раздирающія душу, минуты, по обоюдному съ обѣихъ враждующихъ сторонъ,—согласію, устанавливалось перемиріе на полъ-часа, часъ, а смотря по обстоятельствамъ и болѣе. На валахъ французскихъ траншей, или нашихъ бастіоновъ водружался обыкновенно бѣлый флагъ, вслѣдъ за появленіемъ котораго, на тѣхъ же мѣстахъ возникали спасительныя фигуры парламентеровъ, сопровождаемыхъ своими трубачами (съ нашей стороны гарнистами); послѣдніе, трубою обращенною въ сторону непріятеля, взывали о перемиріи т. е. прекращеніи пальбы, почему мгновенно, по обѣимъ сторонамъ враждующихъ, наставала тишь, какъ сладкій призракъ благодатнаго мира.

Наши солдаты высыпали, бывало, какъ муравьи на валахъ, французы тоже изъ своихъ траншей, бѣжали къ намъ какъ все истребляющія массы саранчи; все стремилось къ демаркаціонной линіи, гдѣ парламентеры, сойдясь между собой для необходимыхъ, въ общихъ интересахъ, объясненій уже давали распоряженія о поспѣшнѣйшей уборкѣ тѣлъ. Все это за минуту кровожадное человѣчество, по мановенію руки парламентера, дружно бросалось къ трупамъ, суетилось и отыскивало между ними своихъ однополчанъ, товарищей, друзей, а можетъ быть и родныхъ.

Тутъ приходилось, нерѣдко, среди разбросанныхъ въ разныхъ положеніяхъ труповъ, ступать ногами въ лужи запекшейся крови.

Въ одномъ, я помню, мѣстѣ покоилась доблестная чета противниковъ воиновъ, навѣрно въ рукопашной схваткѣ, неистово пронзившая другъ друга штыкомъ. Она безмятежно покоилась вѣчнымъ сномъ.

Французъ, на лицѣ котораго отражался послѣдній моментъ — муки, съ открытыми глазами, оскаливъ окровавленныя зубы,—лежалъ навзничь; изъ груди его сквозь синюю шинель торчалъ переломленный русскій штыкъ.

Братъ его по смерти, нашъ Севастопольскій подвижникъ, очутившись головою на правой рукѣ француза, прильнулъ грудью къ своей, родной матери, сырой землѣ, какъ бы пытаясь на прощаньѣ захватить ее въ свои мощныя, распростертыя объятья.

Далѣе пестрѣли кучками, сраженные картечью, тѣже трупы, т. е. французы и наши въ перемежку.

Подходишъ бывало поближе къ французамъ: все мертво, оцѣпенѣло, спитъ сномъ глубокимъ. Раны страдальцевъ уже успѣли покрыться червями; рой мухъ жужжитъ надъ ними, въ то время какъ наши рабочіе съ носилками въ рукахъ торопятся сносить чужіе трупы на деморкаціонную линію, забирая обратно оттуда своихъ.

Другая команда носильщиковъ, а чаще и тѣже самые люди, удалялись съ печальною ношею черезъ бастіонъ и городъ къ пристани; откуда уже на шаландахъ, управляемыхъ двумя гребцами мертвецы, уложенные по нѣсколько десятковъ въ рядъ, слѣдовали на Сѣверную сторону для погребенія.

Случалось, что при уборкахъ тѣлъ, какой нибудь трупъ оказывался еще теплымъ. „Эхъ-ма!! Только что отошелъ, Царствіе ему небесное!!!“ замѣчали съ сердечнымъ умиленіемъ, крестясь, наши солдаты-носильщики, не разбирая былъ ли то французъ или нашъ братъ Севастополецъ. Несказывалась-ли и въ этой чертѣ высокая христіянская добродѣтель Севастопольскаго, закаленнаго въ боевомъ огнѣ воина, безъ-условно сострадавшаго участи даже ненавистнаго врага! Живыхъ обыкновенно отправляли на перевязочный пунктъ, гдѣ рѣдко кому изъ нихъ удавалось оправиться. Зимою же подобные субъекты коченѣли на снѣгу, замерзали отъ холода.

Между тѣмъ какъ продолжалась уборка тѣлъ, свободные отъ занятій люди обѣихъ сторонъ сходились между собою, какъ говорится „покалякать“. Наши офицеры приближаясь къ французамъ солидно „ко-

зыряли“ имъ, на что послѣдніе характерно приподнимали свои легонькія кепи. У французовъ обыкновенно торчало въ зубахъ ихъ неизмѣнное „Brûle-gueule“, или сигара; у нашихъ, между двухъ пальцевъ скрученная, папироса. Тутъ завязывалась между сторонами нѣсколько натянутыя объясненія переходившія въ послѣдствіи въ оживленныя бесѣды. Солдаты же групируясь отдѣльно, первоначально оглядывали другъ друга со всѣхъ сторонъ, и своеобразно-выразительными жестами обнаруживали каждый, по своему, любопытство или находчивость.

Одинъ напримѣръ допытывалъ француза насчетъ его чудодѣйственной „Алёны“ (Allons-nous), которую, по его разумѣнію, французы, идучи на штурмъ, либо подходя ночью къ нашимъ ложементамъ, постоянно выкликали на помощь.

Другой-же указывая французу на свою манерку сопровождалъ эту эволюцію тѣлодвиженіемъ на счетъ „выпивки“. Французъ, безъ обиняковъ понимая суть дѣла однимъ кивкомъ головы изъявлялъ полную на то готовность.

Между собесѣдниками происходило курьозное угощеніе въ слѣдующемъ родѣ: нашъ, напримѣръ, солдатъ, наполнивъ свою манерочную крышку водкою, и предварительно отпивъ немного самъ, подносилъ ее французу приговаривая: „Ну-ка хлѣбни мусью, да не поперхнись!“.... Французъ въ подражаніе нашему тоже отпивалъ глотокъ, морщился и отрицательно потрясая головою отдавалъ крышку обратно. „Что-жь такъ?!“ изумлялся нашъ: „Аль не по нутру

пришлася? Пей до дна мусью! Уважъ любезный, не обидь, сдѣлай милость!!“ упрашиваль нашъ.

Остальные французы поддѣпивъ на язычекъ наше родимое, „уважъ“ разсыпаются громкимъ смѣхомъ, предполагая въ немъ что либо общее съ ихнимъ словомъ „vache“ (корова) и трунятъ немилосердно надъ своимъ; а тотъ, отнѣкиваясь отъ новаго угощенія и отплевываясь въ стороны, отъ крѣпкаго спирта пыхтитъ, задыхается. За тѣмъ, вновь дополненная крышка переходитъ въ другія, болѣе надежныя французскія руки. Другой, бравый французъ, разомъ опоражниваетъ крышку, и выпучивъ глаза, удаляется съ аванъ-сцѣны—на нѣкоторое время.

„Вотъ это по нашему!“ поощряетъ его группа нашихъ солдатъ. „Это, значитъ, молодецъ!! Но этотъ молодецъ, вытаращивъ глаза, комически высовываетъ какъ бы обозженный языкъ и запустивъ руки въ свои глубокіе карманы за „галетою,“ уморительно картавитъ.

„Brrrr.... Sacrre nom!... Tel fort!! Ah diable!!! и проч.“ Наши въ свою очередь разражаются неудержимымъ хохотомъ „помираютъ,“ какъ говорится, со смѣху; а за симъ кто нибудь изъ французовъ, протягивая экономично миніатюрную фляжку, предлагаетъ нашимъ своего рому. „Это мы могимъ! нѣсколько поломавшись отвѣтствуетъ, бывало, нашъ бойкій малорослый тоболецъ, и утерѣвъ, по обыкновенію предварительно рукавомъ, либо полою шинели губы прикладывается къ французской фляжкѣ, и такимъ образомъ тянетъ и тянетъ изъ нея безна-

казанно „напитокъ,“ даже безъ всякой паузы. „Смотри совсѣмъ не проглоти!“ трунятъ надъ товарищемъ свои, а тотъ прищуривъ оба глаза сосетъ себѣ изъ мизерной французской фляжки вмѣстимое, если не до дна, то вѣрно до половины, послѣ чего по неизмѣнному солдатскому обыкновенно, сплюнувъ въ сторону, дебютантъ важно относится къ своимъ:

„Ничего братцы и у нихъ эта статья, выходитъ важная; только наша будетъ позабористѣе!“

Въ другой менѣе многолюдной и воздержанной группѣ шло угощенье трубками и табакомъ.

Французъ, предлагаетъ нашему, „brull-guculle,“ нашъ простодушно тычетъ ему свою „носо-грѣйку.“

Первый снабжаетъ собесѣдника щепоткою чернаго, алжирскаго, тонко искрошеннаго и душистаго табаку; нашъ щедро отпускаетъ ему, взамѣнъ, цѣлую пригоршню, своихъ доморощенныхъ, зеленоватыхъ черниговскихъ, корешковъ, и оба, внимательно вглядываясь въ физіономіи другъ друга, остаются, повидимому, совершенно довольными новымъ положеніемъ, нежданнымъ знакомствомъ, страннымъ сближеніемъ, а въ особенности угощеніемъ.

Но тѣла уже убраны, парламентеры подаютъ знаки, каждый своимъ сторонамъ убираться во свояси.... и что же?!...

Все это суетившееся за нѣсколько минутъ христіанское человѣчество, готовое было на вѣки отрѣшиться отъ необходимости истреблять другъ друга для мирной получасовой бесѣды: вдругъ, по данно-

му знаку стремилось почти бѣгомъ къ своимъ мѣстамъ, къ ружью, затѣмъ, чтобы только что угостившись чаркою, да табачкомъ, попотчивать другъ друга, инаго свойства „свинцовою или чугунною“ закуской..... И снова человѣчество дышало жаждою истребленія себѣ подобныхъ тварей, спѣшило скорѣе спровадить противника къ праотцамъ, на лоно Авраама,—чѣмъ примириться,

Бѣлый флагъ падалъ и съ обѣихъ сторонъ открывалась, болѣе прежняго ожесточенная битва—пальба.

Помню еще какъ въ одно прекрасное погожее утро лѣтняго дня, съ Константиновскаго приморскаго форта замѣчено было, что дежурный непріятельскій паровой фрегатъ или шкуна, стоя на вахтѣ противъ фарватера нашей бухты (на благородную конечно отъ приморскихъ батарей дистанцію) для наблюденія за движеніями войскъ и работами въ Севастополѣ, оказалась безъ паровъ. У адмирала Нахимова, тотъ часъ родилась мысль о возможности захватить въ полонъ этотъ фрегатъ или шкуну. Снарядили въ море два парохода къ бою, собрали охотниковъ и вѣсть объ отважномъ предпріятіи въ мигъ разнеслась по гарнизону Севастополя.

Соскучившіеся по морю моряки, сподвижники знаменитаго Синопскаго героя, жаждали этого развлеченія, сулившаго имъ „абордажъ.“ Они мечтали стяжать себѣ громкую славу у родныхъ береговъ въ виду національностей почти цѣлой Европы; думали утѣшить скорбѣвшую тогда матушку Русь!.... Съ бастіоновъ общіе взоры обращены были къ морю.

Для насъ, сухопутныхъ въ особенности интересно было имѣть понятіе о невиданной картинѣ морскаго сраженія, схватки; слово „абордажъ“ безпрестанно звучало изъ устъ пылкихъ моряковъ.

И вотъ бойко молодецки наши пароходы тронулись изъ бухты, „Владиміръ“ и кажется „Херсонесъ.“

Они миновали уже извѣстный проходъ въ бухтѣ и почуявъ свободный просторъ родной стихіи, отважно устремились на непріятельскій фрегатъ за добычею; были уже на половинѣ пути къ дремавшему фрегату, какъ вдругъ изъ Камышевой бухты, какой то гигантскій, англійскій пароходъ въ сопровожденіи другихъ, еще энергичнѣе ринулся въ море на выручку своего опростоволосившагося товарища. Со всѣхъ нашихъ береговыхъ батарей загремѣли громы, испещряя снарядами гладь моря. Александровскій фортъ неистово, яростно ревѣлъ изъ своихъ громадныхъ орудій, но англійскій пароходъ молча „не почесываясь“ какъ говорили наши моряки, осыпаемый снарядами, быстро шелъ къ своей цѣли и только очутившись на прямомъ посту, сталъ жарить залпами по нашимъ отважнымъ пароходамъ, вмѣстѣ съ очнувшимся фрегатомъ, который на разведенныхъ уже парахъ сталъ удаляться въ море.

Такимъ образомъ сказанное предпріятіе не удалось осуществить и пароходы наши, лишь надѣливъ непріятельскія суда порядочнымъ числомъ пробоинъ, должны были ретироваться въ бухту.

Видъ этого въ миніятюрѣ морскаго сраженія представлялъ одну изъ живописнѣйшихъ картинъ

общій осады Севастополя въ особенности, какъ сказано, для насъ сухопутныхъ воиновъ. Носились еще между Севастопольцами слухи о громадномъ, въ своемъ родѣ, отчаянномъ, предпріятіи того же адмирала Нахимова, которое заключалось въ намѣреніи истребить весь непріятельскій флотъ огнемъ. Для этого, говорили, будто бы адмиралъ Нахимовъ предполагалъ въ темную, осеннюю ночь пробраться съ охотниками изъ матросовъ въ Камышевую бухту и тамъ предать огню во множествѣ скученныя суда союзнаго флота, и хотя предпріятіе это, на вѣрно стоило бы жизни цѣлой партіи смѣльчаковъ, но личное предводительство надъ ними самого неустрашимаго героя Синопа, ручалось за несомненный успѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ: если бы адмиралъ Нахимовъ могъ знать впередъ свою участь, то конечно, предпочелъ бы умрѣть, скорѣе, въ волнахъ его возлюбленной стихіи, чѣмъ отъ шальной пули на третьемъ бастіонѣ! *)

Послѣдніе дни Севастопольской обороны, были самыми бурными, зловѣщими, безотрадными днями для осажденныхъ.

Ежечасныя потери товарищей, неукротимое свирѣпство по всюду падавшихъ снарядовъ; этотъ неугомонный стонъ, трескъ и визгъ всеобщаго разрушенія въ городѣ, на бастіонахъ; какая-то адская музыка, звучавшая въ воздухѣ, какъ бы напоминая, о послѣднихъ дняхъ вселенной, терзали, мучили насъ невыносимо.

*) Нахимовъ убитъ не на третьемъ бастіонѣ, а на Малаховомъ курганѣ. *Ред.*

И вотъ; истерзанные ощущеніями внутреннихъ страданій почти годовой осады и изнуренные физически бродили мы по бастіону, втайнѣ моля Провидѣніе о скорѣйшемъ наступленіи рѣшительнаго дня, развязки кровавой драмы!

И этотъ день желанный, но роковой для Севастополя день,—приближался.

За два дня до штурма, съ ранняго утра по Севастополю, со стороны непріятеля была открыта сильнѣйшая, ожесточенная канонада. Со всѣхъ непріятельскихъ батарей, въ Севастополь, какъ въ котелъ сыпались повсемѣстно разрушительные снаряды; словомъ эта была канонада, какой не приходилось еще слышать севастопольцамъ во всю осаду.

Снаряды во всѣхъ направленіяхъ рыли землю, коверкали брустверъ, подбивали орудія, разрушали амбразуры, истребляли людей.

Ночью бомбы и ракеты въ видѣ фейерверка въ обиліи сыпались на Севастополь, по всюду распространяя пламя.

Всеобщее разрушеніе и неистовый безъ умолку ревъ орудій, давалъ намъ чувствовать, что наступилъ рѣшительный моментъ, долженствующій порѣшить участь борьбы. На бастіонахъ все наличное, не занятое дѣломъ воинство ежеминутно готово было оставить свой блиндажъ, чтобы очутиться на стѣнахъ лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Въ промежутки получасовыхъ паузъ, выбѣгая къ стѣнкѣ, мы натыкались бывало, на трупы и носилки не любопытствуя даже „кого и куда несутъ“?

Эти послѣдніе дни были самыми тяжелыми, во вѣки незабываемыми днями. Ночъ проходила на усиленныхъ по укрѣпленіямъ работахъ подъ тѣмъ-же огнемъ непріятельскихъ орудій и въ ежеминутномъ ожиданіи штурма кровопролитной схватки.

Наконецъ, 27 Августа, часовъ около одинадцати утра настала послѣдняя, рѣшительная пауза. По сигналу о штурмѣ: въ одинъ мигъ мы были на стѣнѣ, и по командѣ, дышавшаго тогда отвагою полковника Зеленаго, дождь пуль въ перемежку съ градомъ картечи, полетѣлъ съ нашей стороны на встрѣчу французовъ, показавшихся изъ траншей, дерзновенно посягавшихъ на нашу, омытую кровью святыню—четвертый бастіонъ!.

Уже перекладывались въ непріятельскихъ траншеяхъ мосты, показались штурмовыя лѣстницы и французы въ синей одеждѣ и красныхъ панталонахъ съ крикомъ устремилися на насъ лавою.

Трудно передать впечатлѣнія этой знаменательной, для каждаго изъ насъ, осажденныхъ минуты. Но попытаюсь однако-же изобразить ее по возможности.

Огонь съ нашей стороны былъ до такой степени убійственъ,—силенъ, что ни одинъ изъ французовъ не въ состояніи былъ приблизиться къ бастіону, а кто достигъ оборонительнаго рва, тотъ безъ преувеличеній, повисъ на штыкахъ. И такъ три раза пытавшіеся овладѣть четвертымъ бастіономъ французы, всѣ пали не достигнувъ цѣли.

На 5-й бастіонъ ворвалась была часть францу-

толковъ о добровольной и будто бы преднамѣренной сдачѣ непріятелю Малахова кургана, неминуемо могъ произойти безпорядокъ. По общему совѣту рѣшено было объявить солдатамъ, что мы идемъ на Сѣверную для ночлега, съ тѣмъ чтобы на зарѣ слѣдующаго дня двинуться на непріятеля, съ рѣшительною цѣлью истребить его либо со славою пасть костьми за Севастополь.

Затѣмъ, мы разбрѣлись по траншеямъ передать по возможности солдатамъ сказаную мысль, а вмѣстѣ и сокрушенно распроститься съ бастіономъ.

„Боже!“ думалось мнѣ въ ту пору: „эту родную колыбель, взрастившую и закалившую столькихъ героевъ въ пороховомъ дыму; этотъ священный холмъ облитый и упитанный кровью вѣрныхъ чадъ Руси православной, къ которому невольно природнилася душа каждаго и мы должны оставить, покинуть на всегда, для того, чтобы завтра дерзновенно попралъ его стопами ненавистный врагъ!!“.

По истинѣ эта необходимость была выше всякихъ понятій о лишеніяхъ, утратахъ, несчастіяхъ не сопряженныхъ съ оскорбленіемъ національной гордости, чести оружія, воинской доблести! Не дай Богъ никому переживать подобныя минуты въ жизни!!!

Уже смеркалось; зловѣщій вѣтеръ съ моря застилалъ туманомъ небо, когда тобольцамъ приказано было по ротно отступать съ бастіона, зажигая за собою все встрѣчавшееся на пути отступленія.

Молча становились въ строй солдаты; и иной крестясь на всѣ четыре стороны, прощался съ ба-

„Да не можетъ быть!“ „Господи, неужели правда?!“ раздались наконецъ, одинъ за другимъ возгласы съ разныхъ сторонъ; „что будетъ дальше?!“

Зрительная труба, добытая у маіора Грома переходила изъ рукъ въ руки; всѣ глядѣли на Малаховъ и внутренно, неистовствуя на врага, не зримо плакали, полагаясь лишь на милость Божію, да на русское „авось“....

„Авось“ отобьютъ подсказывало сердце, и графъ Сакенъ да генералъ Хрулевъ, на утро поведутъ новые полки на выручку неустоявшихъ Малаховцевъ, — но не то говорилъ разсудокъ, и суетными оказались эти полурадужныя мысли, когда каждый убѣдился въ томъ, что уже пробилъ послѣдній часъ грознаго бытія Севастополя, настала неизбѣжная катастрофа его славнаго паденія.

Умолкли голоса, одно упорное молчаніе, во ожиданіи приказаній начальства, овладѣло всѣми; невозможно передать ощущенія перечувствованныя и пережитыя въ ту пору...

Одно нѣмое отчаяніе сковало душу и языкъ, а въ умѣ шевелился ропотъ: „Господи! за что же и зачѣмъ мы дожили до этой ужасной минуты пораженія, униженія побѣжденныхъ. Гдѣ этотъ призракъ славы, о которомъ прежде мечталось среди лишеній, египетскихъ трудовъ, утратъ?!“

Гдѣ все это, изъ за чего каждый изъ насъ готовъ былъ распяться грудью и умѣреть съ улыбкой на устахъ!...

Что подумаетъ и скажетъ объ насъ наша роди-

мая матушка Русь православная?! Множество вопросовъ въ этомъ родѣ одолѣвало умъ.

Не сказанно горько и тяжело было это сознаніе и лишь теперь только, когда благодаря Его Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу обращено милостивое вниманіе на защиту Севастополя; только теперь отрадно убѣждаешся, что слава, этотъ свѣтозарный девизъ Севастопольцевъ, стала наконецъ неотъемлемымъ ихъ достояніемъ!

И такъ подъ кровомъ тѣхъ же блиндажей, сдѣлавшихся для насъ въ теченіи одинадцати мѣсяцевъ чисто родственными колыбелями, сошлися мы, передъ закатомъ солнца, сбились въ кучки думать думу, какъ бы на отпѣванье сраженнаго праотца-богатыря.

Отъ грома батарей, канонадной бури, своего рода землятресенія все перешло къ гробовому молчанію; тишь въ блиндажахъ, тишь у орудій и лишь дымящіеся фитили, напоминали собою готовность ежеминутно дать отпоръ врагу, брызнуть по извѣстному направленію смертоноснымъ дождемъ картечи, либо градомъ „капральства“, да въ рядахъ солдатъ сдержанный шопотъ въ сочетаніи съ рѣдкими выстрѣлами орудій нарушали злополучную тишь?

Къ вечеру, какъ провинившіеся школьники сгруппировались мы въ блиндажахъ около своихъ старшинъ въ ожиданіи отъ нихъ перваго слова.

Ждали, что скажутъ они въ утѣшеніе, чѣмъ разсудятъ прегрѣшеніе Малаховцевъ, уступившихъ свою позицію французамъ, но они были еще суровѣе и

молчаливѣе насъ; а добиться слова не хватало ни охоты, ни смѣлости. Наконецъ, дежурный по полку капитанъ Бершадскій (одинъ изъ храбрѣйшихъ и лучшихъ офицеровъ полка) торопливо возвращаясь отъ полковаго командира, полковника Зеленаго, съ таинственнымъ выраженіемъ въ лицѣ, забѣжалъ къ намъ въ блиндажъ и приблизившись къ старшему въ чинахъ подполковнику Шумакову, что то шепнулъ ему на ухо.

Послѣдній вытаращивъ глаза, подскочилъ на своемъ мѣстѣ, остальные всѣ переглянулись.

„Не можетъ быть!“ что вы говорите Платонъ Иванычъ?! воскликнулъ подполковникъ Шумаковъ.

— Да, Осипъ Алексѣевичъ, такъ! былъ отвѣтъ.

Мы не могли догадаться въ чемъ дѣло:

Подполковникъ Шумаковъ всталъ, молча вышелъ по направленію къ блиндажу командира полка, а капитанъ Бершадскій, таинственно передалъ намъ слѣдующее: „да будетъ извѣстно господа, что мы оставляемъ Севастополь, французы заняли Малаховъ курганъ, должно послѣдовать генеральное отступленіе войскъ, на Сѣверную, но чтобы эта необходимость не вліяла на духъ солдатъ, слѣдуетъ передъ ними о томъ благоразумно умолчать“.

Съ этимъ онъ вышелъ; мы же, пораженные нежданною вѣстью, стали совѣщаться между собою на счетъ того, какъ объяснить солдатамъ горькую необходимость отступленія на Сѣверную, такъ какъ, въ виду начавшихъ было бродить между солдатами

толковъ о добровольной и будто бы преднамѣренной сдачѣ непріятелю Малахова кургана, неминуемо могъ произойти безпорядокъ. По общему совѣту рѣшено было объявить солдатамъ, что мы идемъ на Сѣверную для ночлега, съ тѣмъ чтобы на зарѣ слѣдующаго дня двинуться на непріятеля, съ рѣшительною цѣлью истребить его либо со славою пасть костьми за Севастополь.

Затѣмъ, мы разбрѣлись по траншеямъ передать по возможности солдатамъ сказаную мысль, а вмѣстѣ и сокрушенно распроститься съ бастіономъ.

„Боже!“ думалось мнѣ въ ту пору: „эту родную колыбель, взрастившую и закалившую столькихъ героевъ въ пороховомъ дыму; этотъ священный холмъ облитый и упитанный кровью вѣрныхъ чадъ Руси православной, къ которому невольно природнилася душа каждаго и мы должны оставить, покинуть на всегда, для того, чтобы завтра дерзновенно попралъ его стопами ненавистный врагъ!!“.

По истинѣ эта необходимость была выше всякихъ понятій о лишеніяхъ, утратахъ, несчастіяхъ не сопряженныхъ съ оскорбленіемъ національной гордости, чести оружія, воинской доблести! Не дай Богъ никому переживать подобныя минуты въ жизни!!!

Уже смеркалось; зловѣщій вѣтеръ съ моря застилалъ тумановъ небо, когда тобольцамъ приказано было по ротно отступать съ бастіона, зажигая за собою все встрѣчавшееся на пути отступленія.

Молча становились въ строй солдаты; и иной крестясь на всѣ четыре стороны, прощался съ ба-

стіономъ; другой суетился за своимъ багажемъ, чтобы непозабыть чего въ блиндажахъ.

Наконецъ, выстроившись въ траншеяхъ, тихо тронулись мы, какъ въ погребальной процессіи, неся въ груди неотвязную печаль, горе, скорбь....

Изрѣдко еще, незаклепанныя орудія какъ то отрывисто, равнодушно, стонали въ сторону непріятеля, будто посылая ему свои немощныя проклятья. Онъ же, какъ бы издѣваясь пускалъ въ слѣдъ намъ „жеребцовъ“ *), бомбы и ракеты.

Безжалостно передавался Севастополь всесожженію. Все что ни попадалось въ домахъ подъ усердную руку „честныхъ“ поджигателей: мебель рояли, зеркала уцѣлѣвшія отъ бомбъ, мраморныя статуетки и многое другое, все коверкалось топоромъ, киркою, или мотыгою, а въ добавокъ на роскошныхъ паркетныхъ полахъ раскладывался огненный костеръ, отъ котораго занималось цѣлое зданіе.

Товарные склады мѣстныхъ торговцевъ, подвалы и винные погреба все было отперто и предано истребленію.

Между тѣмъ, какъ наступалъ ночной мракъ, мы приближались къ временно наведенному черезъ бухту мосту.

Свѣжій вѣтеръ съ моря способствовалъ развитію пожара, а равно и освѣщенію картины.

По Екатериненской улицѣ попадались намъ собаки, жалобно взвывавшія въ сторону пожарища,

*) Продольно пускаемыя бомбы.

нѣкоторыя изъ маленькихъ, сострадательными солдатами были взяты съ собою.

У моста черезъ бухту къ которому мы подошли часовъ около 12 ночи, въ массѣ войска собравшагося со всѣхъ пунктовъ для переправы на Сѣверную, сбилось множество разнороднаго люда со всякимъ имущественнымъ грузомъ. Тутъ попадались и женщины матроски, съ узлами на плечахъ, которымъ всякими неправдами удалось таки удержаться въ Севастополѣ до послѣдней крайности; были тутъ и полевыя орудія съ зарядными ящиками предназначенными къ затопленію; лазаретныя носилки и проч.

Все это стремилось къ одной цѣли попасть на мостъ, чтобы скорѣе, если удастся, очутиться на Сѣверной сторонѣ.

„Дай дорогу!“ надрывался, что есть мочи, фурштатъ, управляя тройкою лошадей на громоздкомъ полуфуркѣ съ грузомъ.

„Батюшки пропустите!“ вопила старуха проталкиваясь въ толпѣ подъ тяжестью увѣсистаго узла, который, какъ то особенно характерно, бѣлелся среди сіявшихъ предъ заревомъ штыковъ и полуосвѣщенныхъ лицъ нашихъ солдатъ,—въ то время какъ бомбы и ракеты продолжая посѣщать Севастополь бороздили въ разныхъ направленіяхъ черный сводъ неба, вызывая предупредительные возгласы „берегись“.

„Арина! А, Арина!“ звучалъ близъ меня женскій голосъ: „и куда-те нелегкая занесла?! Али ребятъ на француза покинешъ, угорѣлая, чтобъ тебѣ?“...

— Чаво ты раскудахталась! отозвалась изъ подъ узла старуха, стоя надъ самымъ берегомъ бухты—„иди штоль скорѣй, — видно пришелъ нашъ часъ“....

И старушка съ тяжелымъ узломъ собиралась вступить на мостъ, но при напорѣ массы людей оступилась и ухнула одной ногою въ воду бухты, не успѣвъ даже и крикнуть. Товарка неистово взвизгнула за нее, а сосѣдній съ нею солдатъ мигомъ выхватилъ старушку съ грузомъ изъ воды нравоучительно проговоривъ: „Эхъ ты тетка! Чего лезешъ куда не слѣдъ!“

„Носилкамъ дорогу! Пропусти,—говорятъ вамъ!“ раздавался могучій голосъ и ряды немедленно разступались на двое, пропустить въ носилкахъ кого нибудь изъ раненыхъ.

Стоявшіе на всемъ протяженіи моста жандармы, обязаны были наблюдать, чтобы отступающія войска, слѣдовали непремѣнно черезъ мостъ по парно, въ рядъ, въ должномъ порядкѣ.

Не столько однако-же вліяла на правильность перехода эта мѣра какъ собственное благоразуміе каждаго. Схватившись рука объ руку, люди осторожно ступали по бревнамъ — геніально построеннаго моста, который, морская зыбь коробила и вздымала по своему, а грозныя боковыя волны подкатываясь подъ бревна, вызывали въ нихъ, въ тоже время, страдательные: трескъ, скрипъ, и визгъ.

Мы наконецъ, вступили въ свою очередь пере-

хода черезъ мостъ вмѣстѣ съ кн. Г. О. и схватившись рука объ руку, зашагали по бревнамъ, по щиколку въ водѣ.

На серединѣ моста, какой-то темный снарядъ перерѣзалъ намъ путь съ такимъ неистово-зычнымъ свистомъ и такъ близко, что мы волей, не волею, оба должны были поклониться; переходъ шедшихъ по два рядами войскъ по этому поводу пріостановился.

Мы предполагали, что кого либо ранило; окликнули впереди идущихъ и, стоя на одномъ мѣстѣ нѣсколько секундъ, тогда только почувствовали, какъ морская зыбь, словно на качеляхъ, играючи вздымаетъ и ниспускаетъ насъ къ своей безднѣ.

Вмѣсто отвѣта на вопросъ, заглушаемый сильнымъ вѣтромъ, когда ряды двинулись, товарищъ мой запѣлъ сигналъ:

„Намъ хоть какую переправу,
Перейдемъ ее на славу—
Маршъ“!...

„Ну, братъ, не на такую переправу сложена эта пѣснь,“ замѣтилъ я: „видишь,—отступаемъ,“

— Зато со славою! Отбили штурмъ и отступаемъ сами, добровольно. Чего-жъ еще? А помнишь какъ, бывало, въ корпусѣ (кадетскомъ) распѣвали хоромъ эту штуку?!—продолжалъ онъ: „да еще на паркетѣ. Право, такой переправы и во снѣ никому тогда не грезилось.“

Визгъ невидимой ракеты снова покоробилъ насъ внутренно, заставивъ молчать; но мы продолжали

идти лишь осыпаемые мѣлкимъ дождемъ да брызгами волнъ.

„Ишь-ты кваситъ проклятый, безъ дрожжей и солоду,—чтобъ ему!.“ звучалъ чей то солдатскій голосъ сзади насъ.

„Самъ и расхлебывать будетъ коли не захлебнется..“—вторилъ другой.

Наконецъ, достигнувъ берега Сѣверной стороны и ступивъ у Михайловой батареи на сушу, мы оглянулись на Севастополь....

„Боже мой!!!“ восклицаю я мысленно теперь; если можно имѣть какое либо понятіе объ адѣ, то это именно тому, кто видѣлъ въ этотъ моментъ Севастополь предаваемый всесожженію. Столько времени лелѣянный, обороняемый 11-ть мѣсяцевъ,—воспитавшій въ гнѣздахъ своихъ (бастіоновъ) героевъ, подобныхъ безсмертнымъ именамъ: Казарскаго, Корнилова, Нахимова и другихъ—и теперь этотъ страдалецъ-богатырь пылалъ весь въ огнѣ, освѣщая величественнымъ заревомъ своимъ далекую окрестность на сушѣ и морѣ.

Зарево это вмѣстѣ съ чернымъ шатромъ неба, какъ-бы опиралось въ тоже время на гигантскій дымовой столпъ пожарища.

Громадныя сооруженія Николаевской батареи и Павловскаго мыска, при яркомъ освѣщеніи и взрывахъ на бастіонахъ казались одушевленными, но немощными стражами, изнемогающаго Богатыря.

Пароходы, катера, ялики и шлюпки шумно сновали взадъ и впередъ для перевозки войскъ,

Живой мостъ съ вереницею отступающихъ войскъ, самые корабли наши въ бухтѣ и непріятельскіе противъ форватера въ морѣ, отдаленный Константиновскій мысъ—все это вмѣстѣ, эфектно освѣщенное, представляло собою одну изъ тѣхъ ужасающихъ и живописныхъ картинъ, кои служатъ украшеніемъ, напримѣръ нашего Императорскаго Эрмитажа въ С. Петербургѣ! „Послѣдній день Помпеи,“—не то же ли для насъ, Севастопольцевъ была картина покидаемаго нами Севастополя?

Физически и нравственно изнуренные, мы удалились, наконецъ, отъ Михайловской батареи на гору, гдѣ въ совершенномъ изнеможеніи, подъ какимъ-то кустомъ упали и забылись сномъ.

Передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня я вскочилъ ошеломленный необыкновеннымъ громомъ, или трескомъ разрушенія, и глазамъ моимъ представился гигантскій огненный снопъ взрыва Павловской батареи. Картина, въ общемъ созерцаніи, казалась еще ужаснѣе. Громадные камни сыпались, испещряя невозмутимую, утреннюю гладь бухты, по которой еще, мѣстами, сновали лодки. Корабли всѣ были уже затоплены; живой мостъ былъ разведенъ и лишь пароходы одолѣваемые топорами боролись съ добровольною смертью.

На Сѣверной сторонѣ скликались и перекликались разрѣженныя части войска.

Очутившись одинъ, я послѣдовалъ примѣру прочихъ въ отступленіи и, прощально оглядываясь на Севастополь, побрелъ выше, гдѣ собирался нашъ полкъ. Тамъ послѣ извѣстнаго ночлега, очутившись

между своими, я вспомнилъ, что съ багажемъ, покинутымъ въ Севастополѣ, забытъ и мой, злосчастный дневникъ, поглащенный, стало-быть, пламенемъ. Оставшись при томъ въ единственной парѣ бѣлья и одежды, надо было прибѣгнуть за выручкою къ товарищамъ,—но и у тѣхъ все оказалось брошеннымъ, покинутымъ или позабытымъ въ Севастополѣ.

Переночевавъ кое-какъ на сказанныхъ высотахъ рѣки Бельбекъ, мы къ вечеру бесѣдовали съ нашимъ славнымъ отважнымъ начальникомъ дивизіи генераломъ Семякинымъ. На простой, казачьей лошади, въ сѣромъ солдатскаго покроя плащѣ, съ крайне суровою физіономіей, онъ, осматривая ввѣренныя ему войска, старался ободрить насъ и вывести изъ унынія, обѣщая новые, кровавые пиры для разсчета съ непріятелемъ.

Всегда энергичный, отважный, онъ и въ этотъ разъ произвелъ на всѣхъ насъ отличное впечатлѣніе. И дѣйствительно, удалившись отъ Севастополя къ рѣкѣ Бельбеку, черезъ Дуванку въ долину Зеленкой, мы пошли потомъ ущельемъ (если не ошибаюсь Каракалъ) опять таки противъ непріятеля, прогнали его своимъ неожиданнымъ появленіемъ, и затѣмъ, возвратясь на Качу, стали готовиться къ зимовью близъ города Бахчисарая.

Покинувъ Севастополь, повидимому, на всегда, наша дивизія и полкъ подъ незабвеннымъ начальствомъ К. Р. Семякина и отца-командира *) А. А.

*) Въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Зеленаго (нынѣ генералъ-адъютанта, быв. министр. госу. имущ.) послѣ небольшой прогулки съ генераломъ Семякинимъ по ущелью, окончательно расположились на зимовьѣ въ долинѣ р. Качи.

Тамъ мы основательно отдохнули; ходили на пригорки Чатырдага для охоты, строили себѣ землянки, справляли праздники, прогулки по окрестностямъ и много и часто пѣвали!

Это была чуть-ли не самая лучшая пора для нашего полковаго юношества, послѣ тяжкихъ трудовъ боевой жизни въ Севастополѣ.

Каждый вечеръ сходилась молодежъ у кого либо изъ товарищей, преимущественно-же у добрѣйшаго квартирмейстра Ѳ. Д. Ширмо-Щербинскаго (младшій братъ его Андрей мой однокашникъ и другъ по Орловскому Бах. кадетскому корпусу убитъ въ сраженіи подъ Журжею).

На мою долю, какъ голосистому запѣвалѣ, постоянно выпадала пріятная обязанность пѣть; руководилъ же импровизованнымъ офицерскимъ хоромъ Ѳ. Д. Ш. Щербинскій

Сладко вспомнить это время! Неизгладимые изъ памяти типы полковыхъ товарищей живо возникаютъ въ ней и теперь! Братья Семякины, Тамара Анатолій и Леонтій Васильевичи Громы, Геришъ, Судзиловскій, Князь Орбеліани, П. И. Бершадскій, Маковецкій, полковой дядюшка О. А. Шумаковъ, Снѣжинъ, Путята и многіе другіе.... гдѣ вы драгоцѣнные моему сердцу нынѣ обрѣтаетесь?! Какъ вамъ живется-можется?!!

Откликнитесь!!! Вспомните Севастополь; зимовье на Качѣ, не исключая и знаменитаго нашего „звѣринца!“ *)... Скажите со мною: миръ праху убитымъ братьямъ нашимъ: Калакуцкимъ, Плескачевскому, Русько, Козловскому и прочимъ...

Перезимовавъ, такимъ образомъ, „съ грѣхомъ пополамъ“, какъ говорится, въ угарныхъ и сырыхъ землянкахъ, мы съ наступленіемъ весны удостоились видѣть Государя Императора и Его Царственныхъ Братьевъ-Севастопольцевъ **). Государь горячо благодарилъ насъ за службу и обѣщалъ выслать серебрянныя медали.

Потомъ мы снова двинулись подъ Севастополь, гдѣ, помѣстясь въ баракахъ, намъ показалось какъ будто-бы нѣсколько поудобнѣе, чѣмъ въ землянкахъ на Качѣ, не потому ли именно, что тяжелыхъ работъ не было, служебныхъ занятій мало; развлеченія заключались въ томъ, что пойдешь, бывало, на берегъ поглядѣть на злосчастный островъ Севастополя, помолишься на его церкви, вздохнешь глубоко, искренно, проклиная ненавистныхъ иноземцевъ... и возвращаешься домой.

Стали наконецъ носиться слухи о какомъ-то генеральномъ перемиріи. Что оно обѣщало, и чѣмъ могло разрѣшиться—мы не знали; но бездѣйствіе до-

*) Только тобольцамъ понятенъ этотъ терминъ.

**) Государь Императоръ посѣтилъ Крымъ не весною 1856, а осенью 1855 года. 28 октября 1855 г. Онъ изволилъ прибыть въ г. Бакчисарай и удостоилъ потомъ своимъ посѣщеніемъ почти всѣ войска крымской арміи. *Ред.*

кучало не на шутку. Слухи эти о перемиріи вскорѣ оправдались. Ежедневно съ обѣихъ сторонъ, не преступая границъ деморкаціонной линіи, непріятель и мы сходились смотрѣть другъ на друга издали, — въ ожиданіи мира который вскорѣ и послѣдовалъ.

Однажды послѣ обѣда, часовъ около трехъ, мы сидѣли въ баракѣ одного изъ товарищей за важнымъ, какъ-бы сказать, дѣломъ, т. е. „и приписывали и отписывали мѣломъ“...

Вдругъ слышимъ залпъ отдаленныхъ, въ сторонѣ моря, пушечныхъ выстрѣловъ. Не понимая, что бы это значило, всѣ бросились вонъ изъ барака, направляясь въ сторону выстрѣловъ, бѣгомъ. Достигли вершины холма, и въ недоумѣніи увидѣли далеко въ морѣ, противъ „Камышевой“ бухты, густые, стлавшіеся по водѣ клубы пороховаго дыма. Залпъ за залпомъ продолжали эфектно раздаваться въ морѣ. Нѣкоторые изъ насъ шутя замѣчали, что французы съ англичанами перессорились и положили истребить другъ друга; другіе же полагали, что то была практическая стрѣльба.

Никто не допускалъ мысли о возможности скораго, дѣйствительнаго и благодатнаго мира, въ честь котораго иностранцами, получившими ранѣе насъ свѣдѣнія о немъ, и производился обычный салютъ.

Съ быстротою молніи пронеслось извѣстіе объ этомъ радостномъ событіи. Лица всѣхъ сіяли радостью. На другой же день послѣ панихиды о падшихъ товарищахъ и благодарственнаго молебна

о мирѣ, открылись сношенія между обѣими, такъ недавно истреблявшими другъ друга, сторонами.

Однажды совершенно неожиданно я получилъ приказаніе тотъ-часъ явиться къ начальнику дивизіи генералу Семякину. Вхожу въ его квартиру и застаю трехъ командировъ полковъ: А. А. Зеленаго, В. Н. Веревкина и полковника Лидова. Генералъ Семякинъ объявилъ мнѣ, что по общему совѣщанію какъ георгіевскій кавалеръ я назначенъ для отвода въ гвардію нижнихъ чиновъ (георгіевскихъ кавалеровъ), выбранныхъ изъ 4-хъ полковъ дивизіи. Въ неописанномъ восторгѣ, поблагодаривъ за довѣріе, я побѣжалъ въ лагерь сообщить объ этомъ товарищамъ, а на другой день получилъ слѣдующее приказаніе:

„Господинъ начальникъ дивизіи отъ 12 сего іюня за № 3060 далъ мнѣ знать, что ваше благородіе назначаетесь, для отвода нижнихъ чиновъ, выбранныхъ по Высочайшему повелѣнію, изъ полковъ 10-й пѣхотной дивизіи въ войска гвардейскаго корпуса. Вслѣдствіе чего предписываю вашему благородію съ полученія сего явиться завѣдывающему командою нижнихъ чиновъ, назначенныхъ въ гвардію отъ пѣхотныхъ дивизій 4 армейскаго корпуса господину маіору Кареницкому. Полковникъ Зеленый № 2918—13 іюня 1856 года. Лагерь при с. Терпѣны. Въ должн. полк. адъют. подпоручикъ Маковецкій“.

Этотъ драгоцѣнный документъ, доставившій мнѣ столько незабвеннаго счастія лицезрѣть Государя Императора и Священнѣйшее коронованіе Ихъ

Императорскихъ Величествъ,—я сохранилъ до сихъ поръ.

Знакъ отличія военнаго ордена св. Великомученика и побѣдоносца Георгія за № 95,356 мною полученъ за участіе въ охотникахъ при отбитіи орудій у непріятеля въ бою при с. Четати 25 декабря 1853 г. на Дунаѣ.

Въ Севастополѣ награжденъ чинами прапорщика и подпоручика.

Я кончилъ свое повѣствованіе. Многое изъ него упущено и позабыто. Но необходимымъ считаю замѣтить, что въ продолженіе этой почти годовой бойни, а до того еще въ четырехъ сраженіяхъ на Дунаѣ, много видѣлъ смертей, жертвъ. Много падало сраженныхъ рядомъ стоявшихъ со мною, самъ-же отдѣлывался контузіями, ушибами не болѣе, ибо меня охраняло благословеніе крестной матери моей, довольно объемистый и тяжеловѣсный „Образъ Пресвятыя Богородицы Умягченія злыхъ сердецъ“,— который, надѣвъ однажды, я никогда не снималъ съ груди. Нынѣ-же храню эту икону, какъ чудотворную!

Евгеній Романовъ Корженевскій.

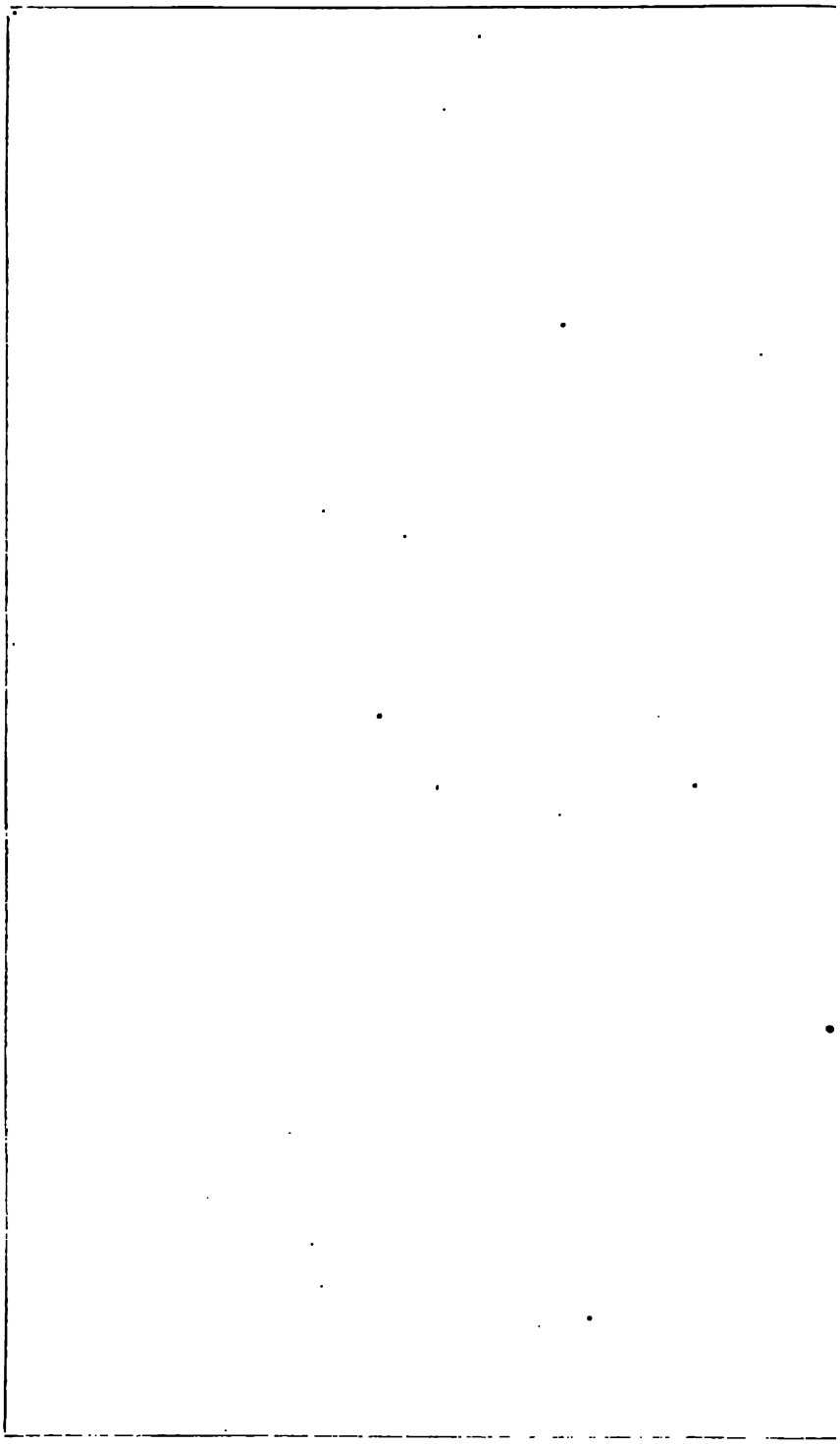
29 іюня 1872 года.
Г. Острогъ.

ВЫПИСКИ

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПОКОЙНАГО ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ

Константина Романовича Семякина

КЪ ЕГО ПОКОЙНОЙ СУПРУГѢ.



ВЫПИСКИ

из писемъ покойнаго генерала отъ инфантеріи

Константина Романовича Семякина

къ его покойной супругѣ.

29-го сентября 1854 г.

Вчера ночью пріѣхалъ я въ Перекопъ; азовцы *) уже сегодня пошли далѣе, днѣпровцы приходятъ и лишь только я поймаю своихъ лошадей, тотчасъ же ѣду впередъ, дабы быть съ первымъ полкомъ. Воскресеніе вечеромъ поднялась такая буря, что переправа наша въ Херсонѣ сдѣлалась невозможною, и потому всѣ войска обратились на Бериславль, я же, отправивъ своихъ лошадей, думалъ въ понедѣльникъ переѣхать Лиманъ на лодкѣ и ѣхать на своихъ лошадяхъ далѣе, но Богъ распорядился иначе, и я пріѣхалъ на почтовыхъ, а гдѣ моя четверка, не знаю, надѣюсь отыскать.

---

*) Въ то время, когда началось движеніе нашихъ войскъ въ Крымъ, генералъ Семякинъ командовалъ 1-ю бригадою 12-й пѣхотной дивизіи. Азовскій и Днѣпровскій полки входили въ составъ этой бригады.

Мы имѣемъ отъ князя Меншикова свѣжія вѣсти, войска стоятъ у Севастополя бивуаками, веселы, поютъ пѣсни, ни съ той ни съ другой стороны ничего еще нѣтъ, наши казаки ловятъ непріятеля десятками, даже нѣкоторые сами сдаются. Сентъ-Арно умеръ и тѣло его отправили къ супругѣ, а какъ онъ былъ началомъ и изобрѣтателемъ этой экспедиціи, тогда какъ другіе были противъ, то теперь у нихъ надо предполагать разногласіе. Насъ торопятъ и мы 4-го или 5-го будемъ у князя Меншикова, идемъ безъ дневокъ, усиленными переходами, солдаты чуть не бѣгутъ, азовскій полкъ сегодня выступилъ изъ Алешекъ, днѣпровскій вступилъ въ Алешки. Еще свѣжее извѣстіе изъ Севастополя: наши и непріятели стоятъ покойно, чего они ждутъ, никто не знаетъ, надо думать, что они или ждутъ подкрѣпленія или хотятъ здѣсь зимовать. Къ намъ по Высочайшему повѣленію слѣдуютъ 11 и 10-я дивизіи; кто будетъ у васъ въ Одессѣ—не знаю, но ты будь готова на все и ежели, чего Боже сохрани, начнутъ изъ Одессы выводить учебныя заведенія, то не теряя времени пускайся въ путь, туда гдѣ будутъ дѣти;—но Богъ милостивъ къ русскимъ, и не допуститъ до этого несчастія. Третій день вѣтеръ бушуетъ и союзному флоту вѣрно не хорошо, но еще не знаемъ держится ли береговъ.

Симферополь 2-го октября 1854 г.

Благодаря милостямъ Господа Бога, я благополучно прибылъ сегодня съ первымъ полкомъ въ Симферополь, завтра идемъ въ Бахчисарай, и 4-го числа на позицію къ Севастополю, второй полкъ приходитъ 5-го. Сегодня князь Васильчиковъ возвратится отъ князя Меншикова и привезетъ намъ всѣ его распоряженія. Послѣднее свѣдѣніе намъ передалъ сынъ князя Меншикова, генералъ-маіоръ, который ѣдетъ въ Петербургъ къ Царю.

Непріятель стоитъ между Балаклавой, занимая ее, Георгіевскимъ монастыремъ, южною частію Севастополя; ничего важнаго не предпринимаетъ, построилъ двѣ батареи и, какъ предполагаютъ, намѣренъ вести формальную осаду;—это дѣло не легкое въ настоящее время года. Бываютъ частыя схватки, изъ Севастополя вылазки, и по немногу ихъ бьютъ; они нуждаются въ продовольствіи и въ особенности въ водѣ; говорятъ, что у нихъ холера. Сентъ-Арно умеръ, другой французскій генералъ заступилъ на это мѣсто, и поэтому вышло между англичанами и французами разногласіе; Рагланъ считаетъ себя обиженнымъ; говорятъ ихъ до 80 т. Отъ нихъ начинаютъ являться перебѣжчики, и въ особенности изъ иностраннаго легіона. Князь Меншиковъ покоенъ и ждетъ прибытія нашей дивизіи, которая около 10-го числа будетъ вся въ его распоряженіи.

7-го октября 1854 г.

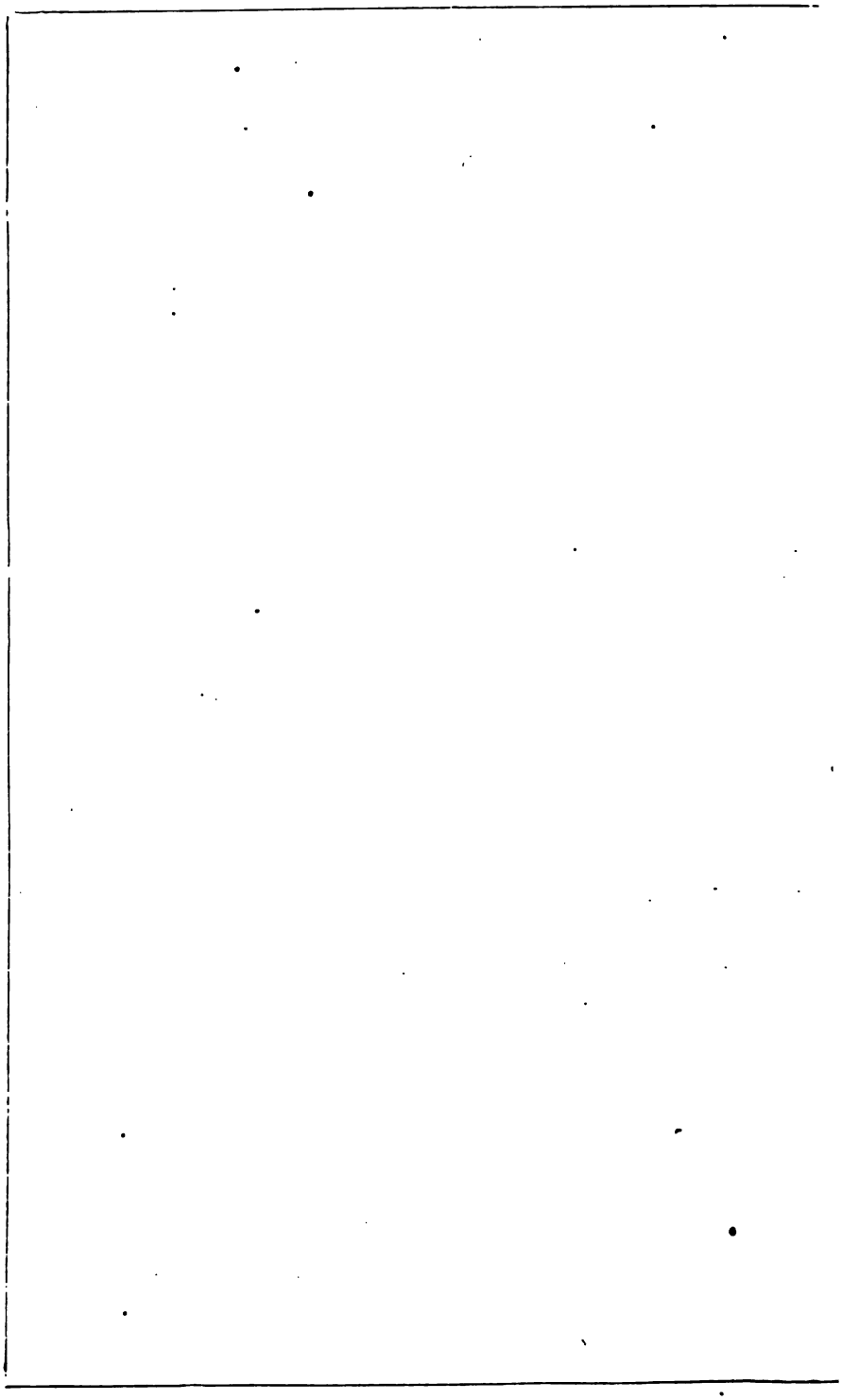
Вотъ мой другъ, я попалъ съ моею бригадой въ дѣятельные поборники Севастопольскихъ защитниковъ. Въ краткихъ словахъ опишу наше положеніе: вотъ три дня какъ Севастополь бомбардируютъ англо-французы и турки; дорого имъ стоитъ эти три дня; конечно и у насъ не безъ потери: въ первый адскій день союзники потеряли два корабля перваго ранга, отправленные на дно, третьему оторвало весь носъ, а одинъ пароходъ взлетѣлъ подъ небеса *); кромѣ поврежденія другихъ судовъ,—на ходу перебито очень много. Наша потеря до 300 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ; но самое важное то, что Корнилову оторвало ногу, и онъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Непріятельскіе батареи были срыты нашими выстрѣлами; были огромные взрывы съ обоихъ сторонъ—день былъ ужасный; но русскимъ Богъ далъ силу и мужество;—били враговъ какъ только можно было. 3-го числа, изъ Бахчисарая, я былъ потребованъ княземъ Меншиковымъ; онъ принялъ меня очень милостиво и объяснилъ цѣль моего назначенія. Ночью поздно я возвратился. 4-го числа прибылъ я съ Азовцами въ деревню Чоргунъ, въ тылу непріятельской позиціи,

*) Въ дѣйствительности это не вполнѣ справедливо, и на сообщенія подобнаго рода слѣдуетъ смотрѣть какъ на слухъ ходившій въ то время между защитниками. *Ред.*

гдѣ и нашелъ свѣтлѣйшаго, пріѣхавшаго осмотрѣть мѣсто это,—это такая трущоба, что и онъ ничего не рѣшилъ, а предоставилъ мнѣ. 5-го прибылъ Днѣпровскій полкъ съ артиллеріею, а вечеромъ получилъ я приказаніе *) 6-го числа утромъ сдѣлать наступательное движеніе впередъ. Въ командѣ моей былъ Владимірскій полкъ, съ 4-мя орудіями, полкъ уланъ и двѣ сотни казаковъ. Адъютантъ князя Меншикова, маіоръ баронъ Виллебрантъ, отобравъ мои соображенія, отправился къ князю, а въ 1½ часа пополуночи я получилъ приказаніе, что его свѣтлость совершенно одобряетъ мое предположеніе, но по слабости калибра моей артиллеріи не разрѣшаетъ атаковать непріятельскія укрѣпленія, а приказываетъ ограничиться занятіемъ высотъ.

Дѣйствія мои были, по милости Божіей, очень удачны, разсчетъ времени хорошъ, и всѣ войска быстро, славно исполнили дѣло, начали въ 7 утра и кончили въ 9 вечера, и возвратились на позицію. 3-е убитыхъ, 1 тяжело раненъ и 1 контуженъ—всѣ азовцы. Этимъ я отвлекъ непріятеля, и какъ бывшій сегодня у меня генералъ Липранди объявилъ, что подарилъ день Севастополю, ибо непріятель былъ изумленъ, началъ движенія противъ меня и ослабилъ огонь,—но ничего и мнѣ не сдѣлалъ. Сегодня у меня отдыхъ; владимірцы и уланы ушли, я стою на позиціи, непріятель ничего не предпринимаетъ, я разставилъ свои войска, учу и осматриваю части,

*) См. Приложеніе № 1.



ВЫПИСКИ

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПОКОЙНАГО ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ

Константина Романовича Семякина

КЪ ЕГО ПОКОЙНОЙ СУПРУГѢ.

особенно моряки. Нѣтъ! Богъ справедливъ и не попуститъ Россіи къ худому, будемъ молиться и надѣяться.

14-го октября 1854 г. Бивуакъ на укрѣпленной высотѣ близъ селенія Комары и Кадыкіой.

Возблагодаримъ Господа за 13-е число, день тяжкій по трудамъ и опасности, и день славный для русскаго оружія и въ особенности для Азовскаго полка. 13-го числа назначено было атаковать непріятельскую линію укрѣпленій, защищавшую Балаклавскій рейдъ, гдѣ депо англичанъ. Я былъ назначенъ, по диспозиціи мною писанной, въ средней колонѣ, состоявшей изъ двухъ отдѣленій; Божіею помощью совершилъ дѣло; въ 5½ часовъ тронулся изъ Чоргуна, прошелъ версть шесть по горамъ и въ 7½ часовъ знамена Азовцевъ были водружены на главной укрѣпленной горѣ, а вмѣстѣ и сосѣднія два укрѣпленія очищены отъ непріятеля. Трофеями 8 крѣпостныхъ орудій, огромнаго калибра, лагерь и все солдатское оружіе, амуниція, платье, много пороху и все англійскаго—тутъ мои красныя вспополошились—завязался упорный бой, прежде пѣхотный, а пополудни кавалерійское дѣло, на которое я смотрѣлъ чуть не съ облаковъ. Пишу сидя на патронномъ англійскомъ ящикѣ, а вмѣсто стола другой такой-же для пороху;—подъ турецкой палаткой провелъ ночь, на войлокѣ, безъ клочка соломы; но это все милостью Бога проходитъ, и я здоровъ. Въ память этого дня, посылаю тебѣ турецкіе часы, ко-

торые я купилъ у унтеръ-офицера. Много турокъ и англичанъ положилъ нашъ русскій штыкъ, много англичанъ проткнули пики уланъ и казаковъ, съ добавкою сабель гусаръ. Моими погребено болѣе 200 тѣлъ, а кавалеристовъ до 600. Я погерялъ убитыми оберъ-офицера 1, нижнихъ чиновъ 44;—ранено: оберъ-офицеровъ 4, а нижнихъ чиновъ 132; это изъ бригады съ артиллеріею и стрѣлками, но главная потеря въ Азовскомъ полку, въ которомъ выбыло изъ фронта 2 офицера и 149 человѣкъ солдатъ. Крюднеръ *) молодецъ. Генералъ Липранди, прискакавъ, обнялъ, поцѣловалъ меня и объявилъ, что Георгій 3-й степени мнѣ принадлежитъ; въ полдень пріѣхалъ свѣтлѣйшій, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „поздравляю, вы потѣшите Государя, и я отправляю курьеромъ, очевидца **) вашихъ прежнихъ трудовъ и настоящаго подвига“. Дай-то Боже, чтобы сердце Царя возвеселилось. Некогда писать болѣе, притомъ мѣшаетъ музыка канонады, не умолкаемой ни день, ни ночь, всѣ помыслы свои обращаемъ къ охраненію чести и долга—прощай—молись.

20-го октября 1854 г. на той же высотѣ.

Пишу тебѣ съ той же горы, которую Богъ помогъ взять 13-го числа; жизнь наша трудна, всѣ эти дни не раздѣваемся и въ безпрерывной тревогѣ; если

---

*) Командиръ Азовскаго полка.

**) Баронъ Вилльбрантъ, адъютантъ князя Меншикова.

Мы имѣемъ отъ князя Меншикова свѣжія вѣсти, войска стоятъ у Севастополя бивуаками, веселы, поютъ пѣсни, ни съ той ни съ другой стороны ничего еще нѣтъ, наши казаки ловятъ непріятеля десятками, даже нѣкоторые сами сдаются. Сентъ-Арно умеръ и тѣло его отправили къ супругѣ, а какъ онъ былъ началомъ и изобрѣтателемъ этой экспедиціи, тогда какъ другіе были противъ, то теперь у нихъ надо предполагать разногласіе. Насъ торопятъ и мы 4-го или 5-го будемъ у князя Меншикова, идемъ безъ дневокъ, усиленными переходами, солдаты чуть не бѣгутъ, азовскій полкъ сегодня выступилъ изъ Алешекъ, днѣпровскій вступилъ въ Алешки. Еще свѣжее извѣстіе изъ Севастополя: наши и непріятели стоятъ покойно, чего они ждутъ, никто не знаетъ, надо думать, что они или ждутъ подкрѣпленія или хотятъ здѣсь зимовать. Къ намъ по Высочайшему повѣленію слѣдуютъ 11 и 10-я дивизіи; кто будетъ у васъ въ Одессѣ—не знаю, но ты будь готова на все и ежели, чего Боже сохрани, начнутъ изъ Одессы выводить учебныя заведенія, то не теряя времени пускайся въ путь, туда гдѣ будутъ дѣти;—но Богъ милостивъ къ русскимъ, и не допуститъ до этого несчастія. Третій день вѣтеръ бушуетъ и союзному флоту вѣрно не хорошо, но еще не знаемъ держится ли береговъ.

весьма любезенъ. Молись за насъ, и будь тверда, все въ волѣ Господа Бога, Онъ милостивъ, избавитъ отъ несчастій; но ежели ему будетъ угодно— да будетъ его святая воля.

25-го октября 1854 г. на той же высотѣ.

Послѣ 13-го числа у насъ особеннаго ничего не произошло, малыя тревоги—вотъ и все. Вчера мы весь день съ 6 часовъ утра до 5 вечера простояли на позиціи, дѣлая демонстрацію, ибо съ другой стороны было дѣло, гдѣ 14-ть нашихъ полковъ 10, 11, 16 и 17 дивизій подвизались, но какой результатъ, мы не знаемъ, ибо князь Меншиковъ тамъ, и до сихъ поръ ничего отъ него не получено. Всѣ мы молили Бога, чтобы товарищамъ нашимъ послалъ успѣхъ, а мы держали въ уздѣ до 14 т. англичанъ и турокъ, чтобы они не могли подать помощи своимъ. Тутъ, стоя и ожидая, чѣмъ все это развяжется, посреди страшнаго огня, съ обоихъ сторонъ у Севастополя, какъ отъ насъ, такъ и по насъ, я получилъ твое письмо чрезъ Талызина, съ которымъ ни слова не могъ сказать, ибо его усадили на казачью лошадь и отправили къ свѣтлѣйшему, къ которому были у него бумаги. Время ужасное, холодно, сыро, но Богъ насъ укрѣпляетъ, больныхъ немного, всѣ ждутъ рѣшительнаго боя и грѣются мыслію отслужить службу батюшкѣ Царю. Моя бригада, надѣюсь, и впредь, ежели съ толкомъ прикажутъ, исполнитъ все отчетливо. Севастополь съ 5-го числа громимъ англо-

7-го октября 1854 г.

Вотъ мой другъ, я попалъ съ моею бригадой въ дѣятельные поборники Севастопольскихъ защитниковъ. Въ краткихъ словахъ опишу наше положеніе: вотъ три дня какъ Севастополь бомбардируютъ англо-французы и турки; дорого имъ стоитъ эти три дня; конечно и у насъ не безъ потери: въ первый адскій день союзники потеряли два корабля перваго ранга, отправленные на дно, третьему оторвало весь носъ, а одинъ пароходъ взлетѣлъ подъ небеса *); кромѣ поврежденія другихъ судовъ,—на ходу перебито очень много. Наша потеря до 300 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ; но самое важное то, что Корнилову оторвало ногу, и онъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Непріятельскіе батареи были срыты нашими выстрѣлами; были огромные взрывы съ обоихъ сторонъ—день былъ ужасный; но русскимъ Богъ далъ силу и мужество;—били враговъ какъ только можно было. 3-го числа, изъ Бахчисарая, я былъ потребованъ княземъ Меншиковымъ; онъ принялъ меня очень милостиво и объяснилъ цѣль моего назначенія. Ночью поздно я возвратился. 4-го числа прибылъ я съ Азовцами въ деревню Чоргунъ, въ тылу непріятельской позиціи,

*) Въ дѣйствительности это не вполнѣ справедливо, и на сообщенія подобнаго рода слѣдуетъ смотрѣть какъ на слухъ ходившій въ то время между защитниками. *Ред.*

„мякинъ, дайте руку, будемъ знакомы, я повторю „только то, что братъ уже вѣрно исполнилъ“. Осмотрѣвъ въ подробности гору, укрѣпленія, сказали:— „дѣло молодецкое“. Послѣ того Его Высочество Николай Николаевичъ поѣхалъ въ Комары, а Михаилъ Николаевичъ къ драгунамъ, я долженъ былъ провожать перваго, ибо тамъ стоятъ два баталіона, днѣпровцевъ. Дорогой, Великій Князь остановился, обернулся назадъ и сказалъ: „Разскажите, какъ и откуда была атака“. Когда я объяснилъ, во всей подробности все, онъ изволилъ выразить: „Мы съ „братомъ очень жалѣемъ, что не были здѣсь, чтобы „начать наше военное поприще, въ такой прекрас„ный для русскихъ день, и я былъ бы непремѣнно „у васъ подъ командой“, — и протянулъ мнѣ руку.

Эти добрыя слова я никогда не забуду, если умру, передай ихъ нашимъ сыновьямъ. По окончаніи объѣзда, въ которомъ о многомъ было говорено, всѣ собрались у стоянки князя Горчакова, гдѣ Ихъ Высочества закусили, и гдѣ я познакомился съ ихъ свитой.

Вчера 29-го генералъ Липранди и я, были потребованы къ свѣтлѣйшему, на сѣверную сторону Севастополя, гдѣ онъ живетъ, на пароходѣ „Громоносецъ“, а Ихъ Высочества у самаго берега, въ домѣ почтовой станціи. Послѣ многихъ сужденій и разсмотрѣній разныхъ предположеній и полученія приказаній, мы откланялись свѣтлѣйшему. Великіе же Князья узнавъ, что Липранди и я пріѣхали, поручили своему адъютанту просить насъ ихъ обождать, ибо они поѣхали въ госпиталь къ раненымъ. Часу во второмъ,

ибо занимаю огромное пространство горъ, и могу сказать, что сегодня отдохнулъ, но до того 4 дня былъ постоянно на конѣ, а вчера былъ крайне утомленъ, но по особенной милости Господа здоровъ;—плохо быть воиномъ въ 54 года, это не то, что молодость.

Бивуакъ при деревнѣ Чоргунъ 10-го октября 1854 г.

У насъ ночи очень холодны, я даже обзавелся полушубкомъ, дни жарки, но солдатская шинель защищаетъ меня отъ зноя. Живу я въ татарской избѣ въ десяти шагахъ отъ войскъ. Позицію занимаю обширную въ горахъ, а потому постоянно въ разъѣздахъ,—теперь меньше, ибо все узналъ, вездѣ принялъ мѣры, защитивъ себя отъ нечаяннаго нападенія; — со вчерашняго дня, подчинена мнѣ и Байдарская долина, гдѣ находится резервный уланскій полкъ, прибавлено мнѣ еще двѣ сотни казаковъ, и я теперь болѣе обезпеченъ; долго-ли буду въ этомъ положеніи—не знаю, ибо съ прибытіемъ большаго числа войскъ, это мѣсто будетъ театромъ важныхъ дѣйствій; кто ими будетъ управлять—не знаю; но сколько могу судить и вѣрить слухамъ, то князь Меншиковъ мною доволенъ, что подтвердилъ и бывшій у меня флигель-адъютантъ полковникъ Альбединскій.

8-го числа по-полудни, я дѣлалъ другую диверсію *), съ другими видами и другимъ маневромъ;

---

*) См. Приложеніе № 2.

англо-французы были встревожены по всей линіи и открыли было огонь артиллеріи, но какъ ядра не долетали, то они начали угощать конгревовыми ракетами, которыя перелетали, и мы не понесли никакой потери; я же, въ виду ихъ, пробилъ зарю съ церемоніею и, какъ стемнѣло, ушелъ къ себѣ. Тогда они начали меня тревожить разными продѣлками, но принявъ всѣ мѣры предосторожности, я пролежалъ въ цѣпи, до часу ночи, потомъ опять воротился въ избу и до разсвѣта поспалъ, на зарѣ снова былъ готовъ ихъ встрѣтить; но они были благоразумны, ничего не предприняли; и такъ, 8-го числа были только шутки, благодаря Бога, безъ потери хотя бы одного человѣка. Меня мучитъ только большая переписка, ибо долженъ доносить въ главную квартиру и Липранди;—отправленіе же партій, разъѣзды и проч. проч. отнимаетъ много времени, ибо мой адъютантъ вовсе не военный писецъ,—а мирный; но лишь бы Богъ далъ здоровья—управлюсь.

А Севастополь стонетъ,—ежедневно канонада съ утра до ночи, и съ ночи до утра, съ малыми промежутками; обѣ стороны страшно упорно противодѣйствуютъ, слышу не только ужасную пальбу, но даже и свистъ бомбъ и ядеръ, ибо мы стоимъ не очень далеко отъ Балаклавы, не болѣе 6 верстъ. а отъ оконечности Севастополя въ 4-хъ верстахъ. Ночью видны огни выстрѣловъ. Чѣмъ все это разрѣшится,—неужели Господь попуститъ пасть Севастополю,—этого думать невозможно; но войскъ мало еще для рѣшительныхъ дѣлъ.

Гарнизонъ Севастополя, говорятъ, чудо богатыри,

особенно моряки. Нѣтъ! Богъ справедливъ и не попуститъ Россіи къ худому, будемъ молиться и надѣяться.

14-го октября 1854 г. Бивуакъ на укрѣпленной высотѣ близъ селенія Комары и Кадыкіой.

Возблагодаримъ Господа за 13-е число, день тяжкій по трудамъ и опасности, и день славный для русскаго оружія и въ особенности для Азовскаго полка. 13-го числа назначено было атаковать непріятельскую линію укрѣпленій, защищавшую Балаклавскій рейдъ, гдѣ депо англичанъ. Я былъ назначенъ, по диспозиціи мною писанной, въ средней колонѣ, состоявшей изъ двухъ отдѣленій; Божіею помощью совершилъ дѣло; въ 5½ часовъ тронулся изъ Чоргуна, прошелъ верстъ шесть по горамъ и въ 7½ часовъ знамена Азовцевъ были водружены на главной укрѣпленной горѣ, а вмѣстѣ и сосѣднія два укрѣпленія очищены отъ непріятеля. Трофеями 8 крѣпостныхъ орудій, огромнаго калибра, лагерь и все солдатское оружіе, амуниція, платье, много пороху и все англійскаго—тутъ мои красныя всполошились—завязался упорный бой, прежде пѣхотный, а пополудни кавалерійское дѣло, на которое я смотрѣлъ чуть не съ облаковъ. Пишу сидя на патронномъ англійскомъ ящикѣ, а вмѣсто стола другой такой-же для пороху;—подъ турецкой палаткой провелъ ночь, на войлокѣ, безъ клочка соломы; но это все милостью Бога проходитъ, и я здоровъ. Въ память этого дня, посылаю тебѣ турецкіе часы, ко-

торые я купилъ у унтеръ-офицера. Много турокъ и англичанъ положилъ нашъ русскій штыкъ, много англичанъ проткнули пики уланъ и казаковъ, съ добавкою сабель гусаръ. Моими погребено болѣе 200 тѣлъ, а кавалеристовъ до 600. Я погерялъ убитыми оберъ-офицера 1, нижнихъ чиновъ 44;—ранено: оберъ-офицеровъ 4, а нижнихъ чиновъ 132; это изъ бригады съ артиллеріею и стрѣлками, но главная потеря въ Азовскомъ полку, въ которомъ выбыло изъ фронта 2 офицера и 149 человѣкъ солдатъ. Крюднеръ *) молодецъ. Генералъ Липранди, прискакавъ, обнялъ, поцѣловалъ меня и объявилъ, что Георгій 3-й степени мнѣ принадлежитъ; въ полдень пріѣхалъ свѣтлѣйшій, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „поздравляю, вы потѣшите Государя, и я отправляю курьеромъ, очевидца **) вашихъ прежнихъ трудовъ и настоящаго подвига“. Дай-то Боже, чтобы сердце Царя возвеселилось. Некогда писать болѣе, притомъ мѣшаетъ музыка канонады, не умолкаемой ни день, ни ночь, всѣ помыслы свои обращаемъ къ охраненію чести и долга—прощай—молись.

20-го октября 1854 г. на той же высотѣ.

Пишу тебѣ съ той же горы, которую Богъ помогъ взять 13-го числа; жизнь наша трудна, всѣ эти дни не раздѣваемся и въ безпрерывной тревогѣ; если

---

*) Командиръ Азовскаго полка.

**) Баронъ Вилльбрантъ, адъютантъ князя Меншикова.

удаѣтся спать, то спимъ подъ музыку ядеръ, но Пресвятая Богородица хранитъ насъ. Вчера я имѣлъ счастіе прочесть собственноручное письмо Государя, гдѣ Онъ, между прочимъ, изволилъ сказать: Движеніе Семякина очень хорошо, но я боюсь, чтобы онъ не погорячился и не попалъ въ большое дѣло.

Это былъ отвѣтъ на то дѣло, которое было 6-го числа; о 13-мъ числѣ свѣтлѣйшій писалъ обо мнѣ самымъ блестящимъ образомъ. Чѣмъ Богъ и сердце Царя порадуетъ!

Англичане и французы сильно напираютъ на Севастополь, мы стоимъ у первыхъ въ тылу, и ожидаемъ прибытія 11-й дивизіи, которая сегодня приходитъ. Баумгартенъ посланъ съ бригадой въ Севастополь на усиленіе гарнизона. Предполагаемъ, что союзникамъ будетъ очень плохо, много жертвъ будетъ и у насъ, но имъ хвастать нечѣмъ будетъ. Дундасъ и Рагланъ живы; въ дѣлѣ 13-го числа ихъ кавалерія сильно пострадала, такъ что смѣло можно положить до 700 убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ; возвратились же назадъ весьма мало; четыре дня хоронили наши ихъ тѣла, но и теперь еще въ цѣпи непріятеля есть много ихъ не погребенныхъ. Да, разыгралась у насъ исторія на землѣ—подлецы татары въ началѣ имъ сильно помогали, теперь все прекратилось; но окрестности въ 90 лѣтъ не поправятся. Прибылъ Даненбергъ съ своимъ штабомъ, первый его визитъ былъ моей горѣ, гдѣ онъ благодарилъ солдатъ и офицеровъ, а со мною былъ

весьма любезенъ. Молись за насъ, и будь тверда, все въ волѣ Господа Бога, Онъ милостивъ, избавитъ отъ несчастій; но ежели ему будетъ угодно— да будетъ его святая воля.

25-го октября 1854 г. на той же высотѣ.

Послѣ 13-го числа у насъ особеннаго ничего не произошло, малыя тревоги—вотъ и все. Вчера мы весь день съ 6 часовъ утра до 5 вечера простояли на позиціи, дѣлая демонстрацію, ибо съ другой стороны было дѣло, гдѣ 14-ть нашихъ полковъ 10, 11, 16 и 17 дивизій подвизались, но какой результатъ, мы не знаемъ, ибо князь Меншиковъ тамъ, и до сихъ поръ ничего отъ него не получено. Всѣ мы молили Бога, чтобы товарищамъ нашимъ послалъ успѣхъ, а мы держали въ уздѣ до 14 т. англичанъ и турокъ, чтобы они не могли подать помощи своимъ. Тутъ, стоя и ожидая, чѣмъ все это развяжется, посреди страшнаго огня, съ обоихъ сторонъ у Севастополя, какъ отъ насъ, такъ и по насъ, я получилъ твое письмо чрезъ Талызина, съ которымъ ни слова не могъ сказать, ибо его усадили на казачью лошадь и отправили къ свѣтлѣйшему, къ которому были у него бумаги. Время ужасное, холодно, сыро, но Богъ насъ укрѣпляетъ, больныхъ немного, всѣ ждутъ рѣшительнаго боя и грѣются мыслію отслужить службу батюшкѣ Царю. Моя бригада, надѣюсь, и впредь, ежели съ толкомъ прикажутъ, исполнитъ все отчетливо. Севастополь съ 5-го числа громимъ англо-

скоро полагаю послѣдуетъ разрѣшеніе. Великіе Князья добры ко мнѣ, всякій разъ, какъ видятъ меня, говорятъ: „Зачѣмъ вы не бываете у насъ, чтобы раздѣлить вмѣстѣ нашу хлѣбъ-соль“,—честь велика, но рѣшительно нѣтъ времени.

28-го ноября 1854 г. при Севастополѣ.

У насъ все по прежнему и ничего пока нѣтъ такого, чтобы можно было положительно сказать что будетъ; работы со стороны непріятеля и нашей идутъ, пальба съ обѣихъ сторонъ бываетъ, но не сильная, словомъ ни то, ни се. Погода невыносимая, грязь, дождь, холодъ, не хорошо намъ, не хорошо и имъ—но, что всего хуже—это что дороги сдѣлались непроѣзжими, и всѣ транспорты наши чуть чуть двигаются, а у союзниковъ море все доставляетъ. Пока еще голода мы не терпимъ, но ежели продлится, то будетъ плохо — фуражъ для лошадей невыносимо дорогъ, небольшой возикъ сѣна стоитъ 12 рублей серебромъ, при мнѣ пять лошадей, они меня объѣдаютъ.

Здоровье мое, благодаря Бога ничего, хоть подъ часъ и кряхчу поѣздивши часовъ восемь верхомъ—но ничего—работы много, очень много, даже черезъ силу. Свѣтлѣйшій день ото дня болѣе любезенъ и откровененъ. Великіе Князья просто ангелы. Третьяго дня, я провозился въ Севастополѣ съ утра до 3½ часовъ съ Тотлебеномъ по укрѣпленіямъ; возвращаясь на берегъ, меня увидѣли Ихъ Высочества, спросили „откуда?“ Когда я имъ сказалъ, что изъ Севасто-

поля, то они вскричали: „Только теперь“—ибо видѣли утромъ когда я ѣхалъ. „Ну, такъ теперь насильно поведемъ къ намъ обѣдать, вѣрно ничего не ѣлъ?“—на мой отвѣтъ, „точно, ничего не ѣлъ“—они оба взяли меня за руки и повели къ себѣ. Графъ Сакенъ *) прибылъ, и я съ нимъ хорошо познакомился; вчера до 12 часовъ ночи трактовали, ибо онъ назначенъ свѣтлѣйшимъ начальникомъ войскъ въ Севастополѣ.

Живу подъ дурной крышей, вмѣстѣ съ Герсевановымъ, кругомъ ординарцы, топографы, писаря и прислуга, такъ что насъ въ 4-хъ небольшихъ комнатахъ живетъ душъ до 40, ежели не болѣе.

4-го декабря 1854 г. бивуакъ при Севастополѣ.

Восторгъ Гавріила Антоновича **) меня тронулъ, а вмѣстѣ и обидѣлъ; онъ представляетъ меня въ карикатурномъ видѣ, пистолетъ въ рукахъ и сабля въ зубахъ. Сколько ни живу и сколько ни бывалъ въ дѣлахъ, я не вооружался такъ, а въ дѣлѣ 13-го октября я и сабли изъ ноженъ не вынималъ, перекрестился и махнулъ шапкою въ обѣ стороны,—всѣ ринулись со мною, и я былъ защищенъ грозными усачами азовцами; они сами, какъ я послѣ узналъ, избрали изъ среды своей охранителей, ибо я и этого при себѣ не имѣлъ, горнистъ и казакъ—вотъ мой

---

*) Здѣсь очевидно ошибка. Баронъ Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ возведенъ въ графское достоинство 10 апрѣля 1855 г.

**) Сенаторъ Катакази, умершій въ С.-Петербургѣ въ 1867 г.

они возвратились, и когда я вошелъ, то поздоровались, очень привѣтливо, угощали чаемъ, сказавъ: „Жаль, „что не можемъ вмѣстѣ обѣдать, Липранди говоритъ, „что далеко ѣхать, дороги дурны и будетъ темно „ѣхать, мы это когда нибудь да сдѣлаемъ“.

Баронъ Виллебрантъ, адъютантъ князя Меншикова, который привезъ вѣсть Царю о нашемъ дѣлѣ 13-го, произведенъ чрезъ чинъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ, это знакъ, что мы порадовали нашего Батюшку Царя.

Сыро, холодно ужасно, живу въ турецкой палаткѣ, полушубокъ мой кое-какъ согрѣваетъ мои старыя кости, много ѣзжу верхомъ, по постамъ, ибо дистанція моя очень велика, а свой глазъ куда какъ нуженъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Сегодня будемъ освящать Георгіевскіе кресты, присланные для азовцевъ, 48, а для днѣпровцевъ 36 равно и другимъ; по освященіи будемъ возлагать на избранныхъ самими солдатами. 24-го числа много погибло— грустно, сколько гибнетъ молодцовъ. Передаю тебѣ анекдотъ: полковой священникъ Азовскаго полка, когда мы шли еще на позицію, благословилъ баталіоны, и оставшись назади; — съ началомъ дѣла сталъ на колѣни и началъ служить молебенъ, а дьячекъ читалъ молитву; когда дьячекъ услышалъ крикъ ура, то, закрывъ книгу, сказалъ: „довольно „батюшка, пора идти туда, дѣло кончилось, и тамъ „надо быть, будетъ и тамъ много работы“;—точно, чрезъ часъ онъ отпѣлъ 37 нашихъ тѣлъ.

2-го ноября 1854 г. на Сѣверной сторонѣ Севастополя.

Вчера 1-го числа, свѣтлѣйшій потребовалъ меня къ себѣ въ Севастополь, куда я уже ночью едва дотащился, по случаю дождя и страшной бури. Когда я явился, свѣтлѣйшій сказалъ: „хотѣлъ прежде, не„жели подпишу вотъ эту бумагу, спросить васъ по„желаете-ли вы“. Это былъ приказъ, что онъ назначаетъ меня къ себѣ начальникомъ штаба. Отблагодаривъ его, я сказалъ: „что употреблю все усиліе, чтобы оправдать его довѣріе“. Переночевавъ на пароходѣ, утромъ хотѣлъ ѣхать, но буря такъ сильна, что мы съ парохода перешли на берегъ, и едва съ опасностію перебрались. Сегодня ѣду домой, чтобы забрать вещи, и завтра утромъ возвращусь въ должность начать работу. Буря на морѣ ужасная, Севастополь отдыхаетъ, ибо гостямъ вѣрно не по вкусу.

7-го ноября 1834 г. бивуакъ при Сѣверной сторонѣ Севастополя.

Вчера цѣлый день былъ въ Севастополѣ, по приказанію свѣтлѣйшаго осмотрѣлъ всѣ наши укрѣпленія, а вмѣстѣ и непріятельскія — видѣлъ этихъ пришлецовъ очень близко и видѣлъ и слышалъ ихъ пули,—это меня очень хорошо ознакомило, какъ со всѣми нашими обстоятельствами, такъ и лицами, которыя были очень довольны, ибо ихъ рѣдко кто посѣщаетъ—этихъ героевъ Россіи.

Бывшая буря дорого обошлась союзникамъ, болѣе 25 судовъ выброшено, столько же повреждено, мы видѣли корабль безъ мачтъ, другой безъ руля, и вѣрно много другихъ поврежденій.

10-го ноября 1854 г. бивуакъ при Севастополѣ на Сѣверной сторонѣ.

У насъ пока, новаго мало, кромѣ вѣстей, съ разныхъ мѣстъ береговъ моря о погибели многаго числа судовъ союзниковъ, у Эвпаторіи лежатъ на берегу 16, а 17-й увели, въ этомъ числѣ и два двухъпалубныхъ корабля и два парохода; они вѣрно не досчитаются болѣе 30 судовъ, о 29-ти мы знаемъ точно, поврежденіе у нихъ во флотѣ очень велико. Дѣйствія ихъ очень слабы и даже, можно сказать, они бездѣйствуютъ, все роются, чтобы укрѣпить свой тылъ, къ чему все это поведетъ, еще разгадать трудно. Перебѣзчиковъ день ото дня болѣе, видно не больно хорошо принимаемъ незваныхъ.

Севастополь отдохнулъ, оправился, снова готовъ на борьбу, я былъ тамъ, осмотрѣлъ всѣ укрѣпленія— видно, что была хорошая схватка;—мнѣ были вездѣ рады, какъ начальники, такъ и гг. офицеры; а солдаты встрѣчали и провожали съ радостію, рады стараться, былъ общій откликъ, а французамъ слышно и досадно, давай стрѣлять, но безвредно.

Потеря наша въ Севастополѣ, не превышаетъ иной день и 20 человѣкъ. Всѣ, отъ свѣтлѣйшаго до солдата, относятъ нашъ переходъ къ лучшему къ 13-му числу. Великіе Князья все такъ же добры ко

мнѣ, и я ихъ вижу всякій день, они меня ласкаютъ, видятъ мои труды, и приказали, когда-бы то ни было, ежели мнѣ захочется отдохнуть, поѣсть, то чтобы я шелъ къ нимъ. „Вы трудитесь за всѣхъ, наше дѣло васъ успокоить“. Генералы Философовъ и Корфъ, состоящіе при Ихъ Высочествахъ, по истинѣ благородные и хорошіе люди. Свѣтлѣйшій очень любезенъ, самъ пріѣзжаетъ ко мнѣ, ежели что есть передать, но все-таки въ сутки приходится быть у него разъ шесть и болѣе — съ довѣренностью выслушиваетъ, даже принимаетъ и возраженія—говоря: „прошу, прошу мнѣ все говорить, что у васъ на душѣ“. Да подкрѣпитъ меня Господь, буду работать пока силъ хватитъ — не страшился штурма, не заискивалъ и не подличалъ, выбрали, да будетъ Его святая воля, видно Богу угодно, хоть сколько нибудь усладить за прошедшее. Здоровье мое коекакъ держится, пословица старая говоритъ, старое дерево скрыпитъ, да не ломится; имѣю небольшой уголъ вмѣстѣ съ полковникомъ Герсевановымъ, съ которымъ и работаю, ибо онъ исправляетъ должность генералъ-квартирмейстера. Пришли фонарь, мнѣ очень нужно, чтобы ночью ходить по горамъ. Надѣюсь, на милость Божью, исполнится общее наше желаніе, и съ новою радостію и торжествомъ, отстоявъ Севастополь и честь нашей матушки Россіи, я обниму васъ, ибо смѣло буду въ правѣ тогда сказать, что и моя кроха тутъ-же.

21-го декабря 1854 г. при Севастополѣ.

Вотъ скоро и Рождество Христово, а мы все по прежнему живемъ на манеръ циганскій. Ждемъ холода, чтобы хоть скрючило пришельцовъ, да на бѣду намъ все хорошая погода, иногда только то разгрязнится, то опять остынетъ; со вчерашняго дня подулъ свѣжій вѣтеръ, не пошлетъ-ли Господь холоду хорошаго. Мы и непріятели все въ одинаковомъ положеніи, то мирно, то громко бранимся; громада судовъ, стоятъ, плаваютъ и дымятъ, а пока ничего не предпринимаютъ *). Свѣтлѣйшій со мною хорошъ, и день ото дня болѣе довѣряетъ; служу, работаю, сколько силы позволяютъ, и это онъ видитъ, онъ рѣдкій день не заѣдетъ ко мнѣ два раза, праднымъ не застаетъ, а не то видитъ меня на конѣ или въ Севастополѣ, гдѣ тоже хлопотъ много. Союзники всѣ обѣщаютъ штурмъ, но не дѣлаютъ, войска ихъ робщутъ, а власти не позволяютъ, а не то давно бы убрались. Вотъ снова шлютъ намъ подмогу, и въ первыхъ числахъ января, мы будемъ 20-ю т. сильнѣе, и тогда, быть можетъ, что-нибудь будетъ рѣшительное, а до того только пальба съ обѣихъ сторонъ, и разумѣется и потери.

6-го декабря Крюднеръ произведенъ въ генералъ-маіоры за дѣло 13-го октября, и дано 5

*) См. приложеніе № 3.

лентъ въ томъ числѣ и Гриббе *) Станислава 1-й степени. Мое представленіе еще не вышло.

26-го декабря 1854 г. при Севастополѣ.

Давно, очень давно, не имѣю отъ тебя писемъ, ежели они посланы по почтѣ, то лежатъ на какой нибудь станціи—ибо нѣсколько почтъ постигла такая участь, по неимѣнію лошадей; случается, что курьеры приходятъ къ намъ пѣшкомъ. Это наслѣдство оставилъ Пестель, а теперь Николай Адлербергъ не знаетъ что и дѣлать. У насъ съ 24-го числа началась зима, выпалъ снѣгъ и морозы до 5 градусовъ, холодно намъ, но полагаю, что и гостямъ не только не лучше, но едва-ли не хуже, ибо наши войска построили себѣ землянки, а у нихъ лѣсу нѣтъ, слѣдовательно и дровъ. Канонада продолжается день и ночь, хотя не такъ сильно, какъ было, но они много бросаютъ къ намъ бомбъ изъ мортиръ, которыя причиняютъ намъ значительный вредъ—мы съ своей стороны отвѣчаемъ какъ можемъ **) и вѣрно и у нихъ не безъ потери. Вотъ третій день никакихъ ни у кого, не производится работъ, по случаю мороза и снѣга.

Въ половинѣ января будутъ у насъ опять Великіе Князья, а потому я перебираюсь въ другое помѣщеніе потому, что-то которое я занималъ, берутъ для

---

*) Командиръ Днѣпровскаго полка.

**) См. приложеніе № 4.

скоро полагаю послѣдуетъ разрѣшеніе. Великіе Князья добры ко мнѣ, всякій разъ, какъ видятъ меня, говорятъ: „Зачѣмъ вы не бываете у насъ, чтобы раздѣлить вмѣстѣ нашу хлѣбъ-соль“,—честь велика, но рѣшительно нѣтъ времени.

28-го ноября 1854 г. при Севастополѣ.

У насъ все по прежнему и ничего пока нѣтъ такого, чтобы можно было положительно сказать что будетъ; работы со стороны непріятеля и нашей идутъ, пальба съ обѣихъ сторонъ бываетъ, но не сильная, словомъ ни то, ни се. Погода невыносимая, грязь, дождь, холодъ, не хорошо намъ, не хорошо и имъ—но, что всего хуже—это что дороги сдѣлались непроѣзжими, и всѣ транспорты наши чуть чуть двигаются, а у союзниковъ море все доставляетъ. Пока еще голода мы не терпимъ, но ежели продлится, то будетъ плохо — фуражъ для лошадей невыносимо дорогъ, небольшой возикъ сѣна стоитъ 12 рублей серебромъ, при мнѣ пять лошадей, они меня объѣдаютъ.

Здоровье мое, благодаря Бога ничего, хоть подъ часъ и кряхчу поѣздивши часовъ восемь верхомъ—но ничего—работы много, очень много, даже черезъ силу. Свѣтлѣйшій день ото дня болѣе любезенъ и откровененъ. Великіе Князья просто ангелы. Третьяго дня, я провозился въ Севастополѣ съ утра до 3½ часовъ съ Тотлебеномъ по укрѣпленіямъ; возвращаясь на берегъ, меня увидѣли Ихъ Высочества, спросили „откуда?“ Когда я имъ сказалъ, что изъ Севасто-

поля, то они вскричали: „Только теперь“—ибо видѣли утромъ когда я ѣхалъ. „Ну, такъ теперь насильно поведемъ къ намъ обѣдать, вѣрно ничего не ѣлъ?“—на мой отвѣтъ, „точно, ничего не ѣлъ“—они оба взяли меня за руки и повели къ себѣ. Графъ Сакенъ *) прибылъ, и я съ нимъ хорошо познакомился; вчера до 12 часовъ ночи трактовали, ибо онъ назначенъ свѣтлѣйшимъ начальникомъ войскъ въ Севастополѣ.

Живу подъ дурной крышей, вмѣстѣ съ Герсевановымъ, кругомъ ординарцы, топографы, писаря и прислуга, такъ что насъ въ 4-хъ небольшихъ комнатахъ живетъ душъ до 40, ежели не болѣе.

4-го декабря 1854 г. бивуакъ при Севастополѣ.

Восторгъ Гавріила Антоновича **) меня тронулъ, а вмѣстѣ и обидѣлъ; онъ представляетъ меня въ карикатурномъ видѣ, пистолетъ въ рукахъ и сабля въ зубахъ. Сколько ни живу и сколько ни бывалъ въ дѣлахъ, я не вооружался такъ, а въ дѣлѣ 13-го октября я и сабли изъ ноженъ не вынималъ, перекрестился и махнулъ шапкою въ обѣ стороны,—всѣ ринулись со мною, и я былъ защищенъ грозными усачами азовцами; они сами, какъ я послѣ узналъ, избрали изъ среды своей охранителей, ибо я и этого при себѣ не имѣлъ, горнистъ и казакъ—вотъ мой

---

*) Здѣсь очевидно ошибка. Баронъ Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ возведенъ въ графское достоинство 10 апрѣля 1855 г.

**) Сенаторъ Катакази, умершій въ С.-Петербургѣ въ 1867 г.

конвой,—но зоркіе гренадеры сторожили. Выборъ меня княземъ въ начальники штаба весьма лестенъ, но ты себѣ представить не можешь, сколько труда, тѣмъ болѣе, что не было ни штаба, ни чиновниковъ, ни даже писарей, — все надо создать и работать; много на первое время труда;—но какъ вижу свѣтлѣйшій доволенъ—и такъ добръ, что не рѣдко, дабы не отрывать меня отъ работы, самъ старикъ по два раза въ день пріѣзжаетъ и взбирается, по гадчайшей въ мірѣ лѣстницѣ, на мою голубятню. Вотъ не далѣе какъ вчера поздно вечеромъ прислалъ сказать, чтобы я къ нему не пріѣзжалъ, а что онъ самъ будетъ; темно, грязно, дождикъ, а старикъ приплелся на ослѣ, подписалъ все, что было, принялъ докладъ и отправился на покой. Вчера же въ 10½ часовъ утра проводили мы Великихъ Князей въ Петербургъ. Какъ грустно было разставаніе,—въ 8 часовъ поѣхали въ Севастополь, отслужили молебенъ и, возвратясь, просили съѣсть хлѣба-соли,—закусивъ отправились. Причина отъѣзда та, что Государыня очень слаба, Царь, извѣщая, не отзывалъ, предоставляя имъ самимъ рѣшить; вотъ молодые орлы и вспорхнули.

Великіе Князья обняли меня, разцѣловали и сказали: „жалѣемъ, что разстаемся, но можетъ быть не на долго, трудитесь по прежнему, Государь не забудетъ“. Свѣтлѣйшій послѣ мнѣ сказалъ: „Они васъ полюбили“. Признаюсь, съ ихъ отъѣздомъ, я осиротѣлъ; эти люди придавали мнѣ духу, крѣпости и жизни, мнѣ казалось, что ихъ глазами видитъ нашъ Царь. Передъ ихъ отъѣздомъ, два вечера они при-

11-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Время течетъ, дни за днями, люди гибнутъ и не видимъ исхода, дѣла тянутся, погода какъ на зло сдѣлалась теплѣе, снѣгъ сошелъ и басурманы ожили, мечутъ бомбы, бьютъ нашихъ, хотя и хоронятъ своихъ; вотъ картина нашего положенія. Ждемъ пріѣзда Великихъ Князей, не привезутъ ли они чего утѣшительнаго, а утѣшеніе состоитъ въ 30 т. пѣхоты, чтобы разомъ повершить дѣло, а то ежели протянемъ до весны, то дѣло пойдетъ въ затяжку, и больше будетъ потери. Свѣтлѣйшій нашъ нездоровъ, жаль смотрѣть на старика, перемогается, а работаетъ, я его сколько можно облегчаю, и вижу, что онъ этимъ доволенъ, хотя и не говоритъ, и я этого не хочу, ибо я служу Царю и Россіи, какъ и онъ, исполняю свой долгъ по чистой совѣсти. Изъ всѣхъ концовъ Россіи я получаю много писемъ, кто съ просьбой, кто съ коршіей, а лучше всѣхъ кременчугскій купецъ прислалъ мнѣ нагольный тулупъ, дубленый, какіе носятъ кучера, съ вычурными обшивками и надписью на полѣ: храброму русскому воину Константину Романовичу Семякину, отъ купца и кавалера. Сколько намъ присылаютъ изъ разныхъ мѣстъ образовъ разной величины, изъ одного Кіева выслано до семи тысячъ. Свѣтлѣйшему, что ни почта, то икона отъ духовенства. Пожертвованіямъ нѣтъ конца,—солдатамъ бѣлье, чай, сахаръ, коршіи и бинтовъ огромныя массы. Королева Нидерландская и

положеніе, то не случилось бы 24-го числа. Графъ *) Сакенъ, я тебѣ писалъ, въ Севастополѣ. Онъ принялся съ толкомъ, и теперь тамъ тоже водворяется порядокъ, а о храбрости защитниковъ онъ самъ чуть не со слезами говоритъ. Тебѣ правду передали, что меня старшіе любятъ, а солдаты похваливаютъ; это неудивительно, я бываю среди ихъ, они видятъ, что пуль и ядеръ не боюсь. Моряки не даромъ кричали ура 13-го числа, а когда я первый разъ обходилъ укрѣпленія, то всѣ встрѣтили со словами: „ради стараться, умремъ, а Севастополя не выдадимъ“. Бываю я на укрѣпленіяхъ хоть и не очень часто, но то князь пошлетъ, то дѣла, то награды развожу, все въ недѣлю раза три Севастополь меня видитъ, видятъ меня и французы и англичане, и я ихъ вижу. Увидишь преосвященнаго Иннокентія, попроси его благословенія и скажи, что я помню его послѣднія слова: „Идите и спасайте мѣсто, гдѣ Россія приняла крещеніе“. Да, Господь сподобилъ быть участникомъ великаго дѣла—да поможетъ Онъ намъ и впередъ.

9-го декабря 1854 г. при Севастополѣ.

Дѣла наши идутъ въ тугую; какъ кажется, союзники хотятъ зимовать и мы тоже готовимся. Севастополь крѣпится, не смотря на ежедневную перестрѣлку, потери наши не очень велики, но всякій день выбываетъ изъ фронта отъ 30 до 50 человѣкъ. Графъ Сакенъ въ Севастополѣ начальникомъ гарни-

*) Далѣе вездѣ слѣдуетъ читать баронъ.

зона, князь Васильчиковъ начальникомъ штаба гарнизона. Многаго мнѣ стоило, чтобы усадить этихъ людей, и ежели бы не Великіе Князья, не знаю—успѣлъ-ли бы. Они мнѣ помогли и свѣтлѣйшій согласился, сначала Васильчикова, а потомъ и графа Сакена. Теперь я вижу, что свѣтлѣйшій доволенъ. Наконецъ утвердили вчера только мой штатъ, т. е. дежурство, отданъ приказъ и я теперь начинаю устраивать правильное теченіе дѣлъ. Богъ милостивъ поможетъ мнѣ въ этомъ гигантскомъ трудѣ, лишь бы обстоятельства не затянулись. Я становлюсь совершенно глухъ, это происходитъ отъ того, что во время дѣла 13-го октября я контуженъ ядромъ въ голову; но будь покойна—это ничего, я даже и больнымъ не рапортовался. Продолжаю опять письмо, меня прервали сигналомъ по телеграфу, что отрядъ въ Чоргунѣ атакованъ, на коня къ свѣтлѣйшему, онъ тоже готовъ, посадилъ меня въ коляску, и я съ нимъ добрался до извѣстнаго пункта, онъ поѣхалъ на право, къ телеграфу, а я въ отрядъ къ генералу Липранди, вызвалъ отрядъ въ ружье, отдалъ нужныя приказанія и, двинувъ часть отряда, пріѣзжаю къ его свѣтлости, а онъ сидитъ на бревнѣ и хохочетъ—князь Горчаковъ *) шутитъ, далъ сигналъ, что атакованъ, а это „просто осадили нашихъ казаковъ, а онъ забылъ дать сигналъ, что нѣтъ ничего, — вотъ мы проѣздились даромъ.—Вернемся“.

*) Командиръ 6-го корпуса.

21-го декабря 1854 г. при Севастополѣ.

Вотъ скоро и Рождество Христово, а мы все по прежнему живемъ на манеръ циганскій. Ждемъ холода, чтобы хоть скрючило пришельцовъ, да на бѣду намъ все хорошая погода, иногда только то разгрязнится, то опять остынетъ; со вчерашняго дня подулъ свѣжій вѣтеръ, не пошлетъ-ли Господь холоду хорошаго. Мы и непріятели все въ одинаковомъ положеніи, то мирно, то громко бранимся; громада судовъ, стоятъ, плаваютъ и дымятъ, а пока ничего не предпринимаютъ *). Свѣтлѣйшій со мною хорошъ, и день ото дня болѣе довѣряетъ; служу, работаю, сколько силы позволяютъ, и это онъ видитъ, онъ рѣдкій день не заѣдетъ ко мнѣ два раза, праздникъ не застаетъ, а не то видитъ меня на конѣ или въ Севастополѣ, гдѣ тоже хлопотъ много. Союзники всѣ обѣщаютъ штурмъ, но не дѣлаютъ, войска ихъ робщутъ, а власти не позволяютъ, а не то давно бы убрались. Вотъ снова шлютъ намъ подмогу, и въ первыхъ числахъ января, мы будемъ 20-ю т. сильнѣе, и тогда, быть можетъ, что-нибудь будетъ рѣшительное, а до того только пальба съ обѣихъ сторонъ, и разумѣется и потери.

6-го декабря Крюднеръ произведенъ въ генералъ-маіоры за дѣло 13-го октября, и дано 5

*) См. приложеніе № 3.

лентъ въ томъ числѣ и Гриббе *) Станислава 1-й степени. Мое представленіе еще не вышло.

26-го декабря 1854 г. при Севастополѣ.

Давно, очень давно, не имѣю отъ тебя писемъ, ежели они посланы по почтѣ, то лежатъ на какой нибудь станціи—ибо нѣсколько почтъ постигла такая участь, по неимѣнію лошадей; случается, что курьеры приходятъ къ намъ пѣшкомъ. Это наслѣдство оставилъ Пестель, а теперь Николай Адлербергъ не знаетъ что и дѣлать. У насъ съ 24-го числа началась зима, выпалъ снѣгъ и морозы до 5 градусовъ, холодно намъ, но полагаю, что и гостямъ не только не лучше, но едва-ли не хуже, ибо наши войска построили себѣ землянки, а у нихъ лѣсу нѣтъ, слѣдовательно и дровъ. Канонада продолжается день и ночь, хотя не такъ сильно, какъ было, но они много бросаютъ къ намъ бомбъ изъ мортиръ, которыя причиняютъ намъ значительный вредъ—мы съ своей стороны отвѣчаемъ какъ можемъ **) и вѣрно и у нихъ не безъ потери. Вотъ третій день никакихъ ни у кого, не производится работъ, по случаю мороза и снѣга.

Въ половинѣ января будутъ у насъ опять Великіе Князья, а потому я перебираюсь въ другое помѣщеніе потому, что-то которое я занималъ, берутъ для

---

*) Командиръ Днѣпровскаго полка.

**) См. приложеніе № 4.

Великихъ Князей; не воображай, что это великолѣпіе, просто таможенный кордонъ, но у насъ это считается палатами. Вотъ уже два съ половиною мѣсяца какъ было дѣло 13-го октября, всѣмъ вышли награды, а мнѣ ничего, — вѣрно забыли. Дай Богъ намъ крѣпость и силъ, перенести всѣ настоящія передряги.

31-го декабря 1854 и 1855 г. при Севастополѣ.

Пишу наканунѣ новаго года, а пойдетъ это письмо въ новый годъ. Поздравляю, дай Господь, чтобы 1855 годъ былъ болѣе покойнымъ и благополучно для насъ оконченнымъ, и чтобы намъ свидѣться живыми; а для матушки Россіи,—утѣшительнымъ, она сильно страдаетъ. У насъ все одна исторія, пальба, и большею частію изъ мортиръ; союзникамъ такъ же холодно какъ и намъ, здѣсь уже были морозы болѣе 5 градусовъ, но потомъ дождь, а сегодня опять морозъ, такая смѣсь заставляетъ призадумываться, что будетъ далѣе, наши солдатики кое какъ грѣются въ вырытыхъ землянкахъ, и живутъ кое какъ, а гостямъ въ палаткахъ холодновато. Здоровье-мое кое какъ держится, но отъ недостатка сна ослабѣваю, но если хорошенько высплюсь, снова ободряюсь и съ новыми силами принимаюсь за трудъ, но что меня обезкураживаетъ—это то, что дурно слышу, и шумъ въ головѣ сильный. Я просилъ Пирогова меня осмотрѣть и посовѣтовать что мнѣ дѣлать; посмотримъ, что онъ скажетъ.

Жизнь наша въ матеріальномъ отношеніи ужасно дорога, меня лошади скоро съѣдятъ, четверть овса стоитъ 8 рублей; пудъ сѣна 1 р. 20 к. и то съ трудомъ имѣемъ, какъ будто одолженіе дѣлаютъ, что продаютъ. Говядина, хлѣбъ, сахаръ и пр. пр. тоже очень дороги. а какъ я живу своимъ домомъ, то становится тяжело, ибо я положительно о содержаніи ничего не знаю. Штабъ нашъ есть что-то особенное; я начальникъ штаба. тогда какъ слѣдовало быть главнаго штаба; генеральный штабъ, вмѣсто оберъ-квартирмейстера, назначилъ генералъ-квартирмейстера, словомъ свѣтлѣйшій что-то хочетъ доказать, но едва ли не вредитъ и себѣ, и намъ. Чрезъ нѣсколько дней мы увидимъ снова Великихъ Князей—они намъ привезутъ утѣшеніе, ибо это такіе люди, что трудно безъ восторгу говорить.

5-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Скажи преосвященному Иннокентію, что Севастополь стоитъ грудью русскою, ему до весны ничего не сдѣлаютъ, а ежели къ намъ не подойдетъ достаточно силъ, чтобы разомъ смахнуть ненужное съ лица русской земли, то съ апрѣля борьба будетъ сильная,—теперь намъ надо силы, ибо патріоты, которые отъ насъ далеко, кричатъ, а дѣла не знаютъ и только сбиваютъ съ толку благонамѣренныхъ. Пусть эти громкіе патріоты пріѣдутъ къ намъ и увидятъ, что дѣлаютъ русскіе солдаты, начиная отъ [illegible]шаго;—хорошо разсуждать въ теп-

лой гостиной, на мягкихъ диванахъ, пусть-ка хоть десятую долю перенесутъ того, что выдерживаетъ каждый по своему значенію, и поразсмотрятъ ближе всѣ обстоятельства, тогда вѣрно будутъ проситься, для излеченія недуговъ, въ отпускъ.

Корфъ стоитъ такъ же близко къ Эвпаторіи, какъ и прежде, и даже еще крѣпче, обнялъ эту красавицу, набитую турками, татарами и для прикрасы 200-ми французами и англичанами.

Баронъ Врангель, главный попечитель Эвпаторіи, все ждетъ, чтобы они вышли, но едва-ли дождется.

Великіе Князья выѣзжаютъ изъ Петербурга 2-го и пріѣдутъ къ намъ около 12-го числа. Свѣтлѣйшій третій день уже не здоровъ, но работаетъ за десятерыхъ. У насъ въ Севастополѣ всякій день вылазки, охотниковъ много, бьютъ въ особенности англичанъ, ибо французы болѣе солдаты и всегда лучше берегутся, а британцы спятъ, и многіе подъ штыками не просыпаются особенно отличаются два моряка Астаповъ и Бирюлевъ. Вчера свѣтлѣйшій сказалъ мнѣ, что мой Георгій 16-го декабря утвержденъ самимъ Государемъ, когда получу и надѣну, поблагодарю Азовцевъ, и скажу у меня два Георгія, одного дала мнѣ жена—а другаго русскій законъ и Царь.

11-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Время течетъ, дни за днями, люди гибнутъ и не видимъ исхода, дѣла тянутся, погода какъ на зло сдѣлалась теплѣе, снѣгъ сошелъ и басурманы ожили, мечутъ бомбы, бьютъ нашихъ, хотя и хоронятъ своихъ; вотъ картина нашего положенія. Ждемъ пріѣзда Великихъ Князей, не привезутъ ли они чего утѣшительнаго, а утѣшеніе состоитъ въ 30 т. пѣхоты, чтобы разомъ повершить дѣло, а то ежели протянемъ до весны, то дѣло пойдетъ въ затяжку, и больше будетъ потери. Свѣтлѣйшій нашъ нездоровъ, жаль смотрѣть на старика, перемогается, а работаетъ, я его сколько можно облегчаю, и вижу, что онъ этимъ доволенъ, хотя и не говоритъ, и я этого не хочу, ибо я служу Царю и Россіи, какъ и онъ, исполняю свой долгъ по чистой совѣсти. Изъ всѣхъ концовъ Россіи я получаю много писемъ, кто съ просьбой, кто съ корпіей, а лучше всѣхъ кременчугскій купецъ прислалъ мнѣ нагольный тулупъ, дубленый, какіе носятъ кучера, съ вычурными обшивками и надписью на полѣ: храброму русскому воину Константину Романовичу Семякину, отъ купца и кавалера. Сколько намъ присылаютъ изъ разныхъ мѣстъ образовъ разной величины, изъ одного Кіева выслано до семи тысячъ. Свѣтлѣйшему, что ни почта, то икона отъ духовенства. Пожертвованіямъ нѣтъ конца,—солдатамъ бѣлье, чай, сахаръ, корпіи и бинтовъ. мясы. Королева Нидерландская и

та своей работы корпіи прислала съ запиской. Наша Царская фамилія неисчерпаемо шлетъ всего для раненыхъ и больныхъ; — я право не успѣваю отвѣчать о полученіи — транспорты приходятъ по десятку подводъ. Изъ этого видно, какъ напряжена Россія, какъ всѣхъ вниманіе обращено на нашъ уголъ, въ которомъ ежедневно, не смотря ни на время года, ни на лишенія, наши молодцы дерутся и умираютъ. Дороговизна у насъ страшная, пудъ сѣна стоитъ 1 р. 25 к.—четверть овса 12 р., пудъ мяса 3 р., фунтъ сахару 70 к. такъ и все другое; за перевозку изъ Симферополя до Севастополя, 70 верстъ—берутъ 1 р. 20 к. съ пуда, да и то не хотятъ. Каждый больной солдатъ, отправленный отъ насъ въ Николаевъ, безъ продовольствія, на обратныхъ повозкахъ обошелся до девяти рублей—тяжкое время.

— —

18-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Вчера фельдъегерь привезъ мнѣ орденъ св. Георгія; свѣтлѣйшій лишь только получилъ, прислалъ ко мнѣ съ своимъ адъютантомъ; я туже минуту, не надѣвая присланнаго и не снимая прежняго, поѣхалъ къ нему, поблагодарилъ, и просилъ возложить,—старикъ разчувствовался, прослезился, обнялъ, поцѣловалъ, самъ снялъ старый, надѣлъ новый и сказалъ: „Главнокомандующій и его начальникъ штаба, въ „одинаковомъ русскомъ украшеніи, его дарожъ не даютъ“, опять поцѣловалъ и прибавилъ: „Нехитро во славу русскаго воинства“. Третьяго дня

ли Великіе Князья, я ихъ встрѣтилъ, верстъ за 8-мъ; нельзя было не восхититься ихъ добротою, съ которою они меня встрѣтили, поцѣловали и передали поклонъ Царя, говоря: „Государь приказалъ вамъ „поклониться, благодарить за службу и труды, и сказать, что Онъ вами очень доволенъ, ибо видитъ во всемъ и вездѣ порядокъ:—кромѣ того есть еще много приказаній лично вамъ".

Остальную всю дорогу они ѣхали верхомъ, ибо мною были высланы лошади, разспрашивали и передавали все, что Царю угодно было приказать къ исполненію. Послѣ того, генералъ Философовъ тоже передалъ мнѣ поклонъ Царя и Наслѣдника, а также и разныя приказанія. И такъ батюшка Царь видѣлъ, что я служить умѣю, и къ чему нибудь, да годенъ.

20-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Севастополь по прежнему стонетъ, французы хотѣли насъ потѣшить минами, да не удалось, наши тоже не промахи, подслушали ихъ работу, бывъ подъ землею на 29 сажень отъ нашихъ укрѣпленій и ежели уже не задушили, то съ часу на часъ это будетъ сдѣлано, ибо у насъ все готово, а они трудятся и шумятъ, а мы ждемъ, чтобы они подошли ближе. Вотъ тебѣ по этому поводу маленькій анекдотъ. Французы очень разозлились, что ихъ мина не удалась и, что напротивъ того, ихъ подорвали наши манеры, опасались, чтобы еще не случилось худшаго — вздумали тоже потѣшиться. Они кое-какъ поправили свою гал-

лерею, и отъ мѣста, гдѣ нашъ камуфлетъ ихъ задушилъ, и гдѣ образовалась впадина сажень 8 назадъ. заложили тоже камуфлетъ предъ моментомъ взрыва, выбѣжали два французскихъ минера, стали на возвышенное мѣсто и начали кланяться, снимая шапки; послѣдовалъ взрывъ, но не только безъ вреда намъ, а съ значительнымъ вредомъ для нихъ; тутъ въ свою очередь наши минеры выскочили на поверхность, и ударили имъ въ ладоши. Приходитъ же охота такъ школьничать, довольно кажется на поверхности земли, а они еще изъ подъ земли, чтобы посмѣяться другъ надъ другомъ. Великіе Князья все такъ же добры и обязательны, сношенія наши довольно часты.

26-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Хлопоты наши и труды день ото дня дѣлаются больше, ибо и самыя дѣйствія разширяются. Благодарю Господа, что до сихъ поръ могу угодить князю, онъ, какъ мнѣ кажется, привыкъ къ моей прямотѣ, не знаю, какъ въ душѣ у него, трудно разгадать; но по обстоятельствамъ вижу, что довѣряетъ мнѣ совершенно такъ, что всѣ доклады идутъ безъ затрудненій, и все мною разсматриваемое онъ утверждаетъ. Дѣломъ его не утомляю, а онъ знаетъ и не разъ убѣдился лично, какъ я заваленъ дѣлами, а потому не лѣнится заѣзжать ко мнѣ или приказываетъ не отрываться отъ работы, а присылать къ нему готовое. Третьяго дня вечеромъ въ 9 ча-

совъ, я къ нему поѣхалъ съ докладомъ—но не засталъ его; возвращаюсь къ себѣ и нахожу его, а на моемъ столѣ лежала кипа бумагъ, онъ спросилъ: „Что это за горы?“—„Ваша свѣтлость, это я долженъ сегодня подписать, а это прочитать“.—„Поздравляю, я не думалъ, что у насъ столько работы“. Оно и правда, ибо онъ подписываетъ только важнѣйшіе, а исполненіе по арміи все отъ меня. Работы по Севастополю идутъ упорно, французы стоятъ, а дѣлу исходъ знаетъ единъ Богъ; Севастополь крѣпится, потери ежедневныя до 40 человѣкъ убитыми и ранеными, болѣзненность, по милости Господа, не велика.

30-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Пишу отрывисто, ибо мой старикъ князь захворалъ, 28-го и 29-го ему было очень нехорошо, цѣлыя ночи просиживалъ я у него, и писалъ секретныя бумаги. Сегодня, благодаря Бога, князю лучше и я хоть утомленъ но покоенъ, ибо вся тягота лежала на мнѣ, а тутъ еще какъ нарочно скопилось много разнаго роду важныхъ обстоятельствъ, а свѣтлѣйшій былъ такъ слабъ, что едва говорилъ, а по закону умри онъ, я его именемъ долженъ дѣйствовать. Великіе Князья подкрѣпляли меня своимъ вниманіемъ, говоря: „Не уставайте, будьте молодцомъ“. Они заставали меня въ положеніи чуть не сумашедшаго. Теперь прошло, свѣтлѣйшій не терялъ памяти, все помнилъ. Странные слухи ходятъ, го-

ворятъ, что князь меня не любитъ, и что я мало имѣю на него вліянія, да я этого и не хочу, быть можетъ онъ меня не любитъ, какъ любимца, ибо я на себя ничего не принимаю безъ его вѣдома, а обо всемъ докладываю, что его и сердитъ, потому что онъ избалованъ льстецами, которые все выставляютъ въ розовомъ цвѣтѣ, я же, напротивъ, черное—чернымъ; но за то съ другой стороны вижу, что онъ меня уважаетъ — чего и добивался всегда, говорю правду, какъ главнокомандующему и какъ отцу, быть же льстецомъ не умѣю, командовать не хочу, и держу себя тѣмъ, чѣмъ долженъ быть его помощникъ и исполнитель.

6-го февраля 1855 г. при Севастополѣ.

На дняхъ заѣхалъ ко мнѣ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, и нашелъ чуть не по уши въ бумагахъ: „Ну теперь не удивляюсь, что рѣдко васъ видимъ, чтобы все это прочесть, дать ходъ и исполнить —надо время и терпѣніе, дай вамъ Богъ здоровья“. Да, не даромъ я начальникъ штаба сухопутныхъ и морскихъ силъ.

Свѣтлѣйшаго здоровье поправилось, но онъ еще изъ комнаты не выходитъ, его настоящее обращеніе со мною, приняло манеру дружественно величественную, вѣжливую и полную довѣрія и ласки. Онъ человѣкъ подозрительный и долго меня испытывалъ, теперь убѣдился, что я не люблю говорить на вѣтеръ; на все, что докладываю и предлагаю,

2-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Вчера мы всѣ присягали Императору Александру II. Утро я провелъ въ устройствѣ повсемѣстной, присяги и присягали подъ гулъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Получилъ отъ свѣтлѣйшаго письмо изъ Перекопа, онъ очень слабъ, онъ хочетъ видѣться съ княземъ Горчаковымъ, но когда послѣдній прибудетъ—еще не знаемъ. Графъ Ридигеръ назначенъ главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, дай ему Богъ здоровья. Какъ много разнаго роду перемѣнъ, и сколько еще послѣдуетъ, при ново воцарившемся, укрѣпи Его Господь, дабы Его царствіе было счастливое, и дабы намъ выйдти изъ труднаго положенія.

9-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

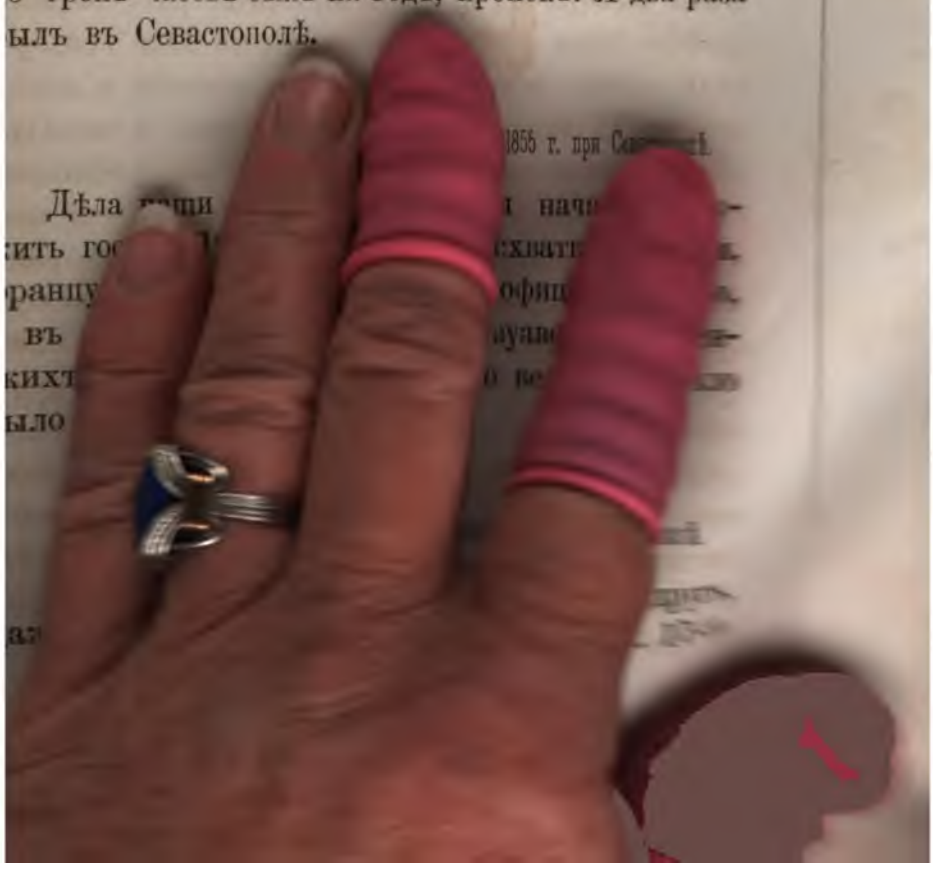
Наконецъ, вчера пріѣхалъ князь Горчаковъ, очень любезно встрѣтилъ меня, благодарилъ за труды и службу; теперь не знаю еще какъ будетъ, ибо хотя арміи и не сливаются вмѣстѣ, но съ нимъ пріѣхалъ Коцебу, и ѣдутъ всѣ старшіе; но, какъ кажется, я останусь все начальникомъ штаба крымской арміи, ибо онъ хотѣлъ имѣть общій штабъ. Посмотрю какъ пойдутъ дѣла, ежели плохо, то удалюсь. Свѣтлѣйшій попрощался съ войсками приказомъ *), а мнѣ при-

*) Приказъ главнокомандующаго военными сухопутными и морскими силами въ Крыму. Перекопъ, февраля 28-го 1855 г. № 72.

нъ говоритъ: „дѣлайте это хорошо“. Продолжаю
го письмо 8-го, а не окончилъ его по разнымъ
роисшествіямъ — курьеры, фельдьегеря и распоря-
енія двое сутокъ не давали вздохнуть, было за-
ѣяно предпріятіе противу Эвпаторіи, куда сосре-
оточили 23 баталіона, 104 орудія, 62 эскадрона
авалеріи и два полка казаковъ, но бѣглый уланъ
въ поляковъ предупредилъ непріятеля и все огра-
ичилось рекогносцировкой; — мои Азовцы дрались
а славу—Крюднеръ раненъ легко въ ногу, но въ
олку выбыло много изъ фронта, около 300 чело-
ѣкъ. Надо было все уладить, снова распредѣлить
ойска, а на это надо и время, и трудъ. Сегодня по-
ода ужасная, мятель, морозъ и вѣтеръ, а я съ утра
о трехъ часовъ былъ на водѣ, промокъ. Я два раза
ылъ въ Севастополѣ.

1855 г. при Се[illegible]

Дѣла [illegible] нач[illegible]
ить го[illegible] схват[illegible]
ранцу[illegible] офиц[illegible]
въ [illegible] вуав[illegible]
кихт[illegible] о ве[illegible]
ыло [illegible]



адъютантъ Великихъ Князей, и говоритъ: „Ихъ Высочества васъ просятъ къ себѣ, они черезъ часъ ѣдутъ въ Петербургъ,“—новый ударъ; вмѣсто лодки. на коня, Они получили съ фельдъегеремъ извѣстіе, чтобы пріѣхать поспѣшнѣе въ столицу, потому, что не только Государыня,—но Боже! Самъ Царь трудно боленъ. Это окончательно доконало меня. Ихъ Высочества обняли меня, поцѣловали и, чуть не рыдая, сказали: „застанемъ-ли Его?“ Многое и многое было еще говорено, и вотъ мои птенцы въ 10 часовъ ускакали;—отъ нихъ съ коня въ лодку и къ графу Сакену.

25-го февраля 1855 г. при Севастополѣ.

Не успѣваю опомниться отъ разныхъ событій; только что графъ Сакенъ вступилъ въ главные распорядители, какъ опять перемѣна. Вдругъ получаю отъ свѣтлѣйшаго прилагаемое при семъ письмо *). Храни его на память дѣтямъ, отъ истинно государственнаго человѣка. Чѣмъ-то Богъ пошлетъ мнѣ съ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ,—крутенекъ онъ немного, да ничего, а если замѣчу, что я ему не по сердцу, тотчасъ же отпрошусь, тѣмъ болѣе, что боль отъ контузіи, которая причиняетъ мнѣ ужасныя головныя боли, все болѣе и болѣе усиливается, и мнѣ необходимо отдохнуть, но при святомъ дѣлѣ, безъ побудительныхъ причинъ, и думать не

*) См. приложеніе № 5.

... безъ
... скачу,
... Старикъ
... продер-
... и нако-
... и сказалъ:
... работали.

ПЕТРЪ КОШКА.

адъютантъ Великихъ Князей, и говоритъ: „Ихъ Высочества васъ просятъ къ себѣ, они черезъ часъ ѣдутъ въ Петербургъ,“—новый ударъ; вмѣсто лодки. на коня, Они получили съ фельдъегеремъ извѣстіе, чтобы пріѣхать поспѣшнѣе въ столицу, потому, что не только Государыня,—но Боже! Самъ Царь трудно боленъ. Это окончательно доконало меня. Ихъ Высочества обняли меня, поцѣловали и, чуть не рыдая, сказали: „застанемъ-ли Его?“ Многое и многое было еще говорено, и вотъ мои птенцы въ 10 часовъ ускакали;—отъ нихъ съ коня въ лодку и къ графу Сакену.

25-го февраля 1855 г. при Севастополѣ.

Не успѣваю опомниться отъ разныхъ событій; только что графъ Сакенъ вступилъ въ главные распорядители, какъ опять перемѣна. Вдругъ получаю отъ свѣтлѣйшаго прилагаемое при семъ письмо *). Храни его на память дѣтямъ, отъ истинно государственнаго человѣка. Чѣмъ-то Богъ пошлетъ мнѣ съ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ,—крутенекъ онъ немного, да ничего, а если замѣчу, что я ему не по сердцу, тотчасъ же отпрошусь, тѣмъ болѣе, что боль отъ контузіи, которая причиняетъ мнѣ ужасныя головныя боли, все болѣе и болѣе усиливается, и мнѣ необходимо отдохнуть, но при святомъ дѣлѣ, безъ побудительныхъ причинъ, и думать не

*) См. приложеніе № 5.

смѣю. Ежели Богу угодно будетъ продлить мнѣ дни и укрѣпить меня, то оставлю дѣтямъ единственное наслѣдство, это имя хорошаго и честнаго офицера; дай только Господи покончить эту святую войну.

Пока у насъ ничего не происходитъ въ Севастополѣ, ничего непріятелю не удается, наши минеры молодцы, вездѣ душатъ французовъ такъ, что имъ не удалось ни разу намъ повредить, а наши уже 8 разъ, въ разныхъ мѣстахъ, ихъ душили. Теперь мы начали наступленіе, отодвигая ихъ работы, вотъ уже два укрѣпленія, Селенгинское и Волынское, поставили на землѣ, занятой англичанами; ежели не сегодня, то завтра приступятъ къ устройству третьяго, тоже впередъ, а потомъ посмотримъ, что далѣе дѣлать; все это оставилъ свѣтлѣйшій въ наслѣдство. Подъ Евпаторіей было хорошее кавалерійское дѣло, наши уланы турокъ поколотили исправно; но ничего особенно важнаго не слѣдуетъ выводить, это удачная стычка и только. Ждемъ теперь офиціальнаго назначенія какъ князя Горчакова, такъ и того, кто будетъ назначенъ въ южную армію. Немного времени осталось намъ быть въ покоѣ, послѣ первой половины марта дѣла должны пойдти бойко, грозно; чья возметъ? Дай-то Господи, покончить благополучно, ибо въ газетахъ пишутъ, что и сардинцы хотятъ къ намъ въ гости, тутъ-то стукотня пойдетъ со всѣхъ сторонъ.

2-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Вчера мы всѣ присягали Императору Александру II. Утро я провелъ въ устройствѣ повсемѣстной, присяги и присягали подъ гулъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Получилъ отъ свѣтлѣйшаго письмо изъ Перекопа, онъ очень слабъ, онъ хочетъ видѣться съ княземъ Горчаковымъ, но когда послѣдній прибудетъ—еще не знаемъ. Графъ Ридигеръ назначенъ главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, дай ему Богъ здоровья. Какъ много разнаго роду перемѣнъ, и сколько еще послѣдуетъ, при ново воцарившемся, укрѣпи Его Господь, дабы Его царствіе было счастливое, и дабы намъ выйдти изъ труднаго положенія.

9-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Наконецъ, вчера пріѣхалъ князь Горчаковъ, очень любезно встрѣтилъ меня, благодарилъ за труды и службу; теперь не знаю еще какъ будетъ, ибо хотя арміи и не сливаются вмѣстѣ, но съ нимъ пріѣхалъ Коцебу, и ѣдутъ всѣ старшіе; но, какъ кажется, я останусь все начальникомъ штаба крымской арміи, ибо онъ хотѣлъ имѣть общій штабъ. Посмотрю какъ пойдутъ дѣла, ежели плохо, то удалюсь. Свѣтлѣйшій попрощался съ войсками приказомъ *), а мнѣ при-

*) Приказъ. главнокомандующаго военными сухопутными и морскими силами въ Крыму. Перекопъ, февраля 28-го 1855 г. № 72.

слалъ два письма, одно офиціальное *), а другое собственноручное **), спасибо ему и за это; я на него жаловаться не смѣю, хотя могъ бы за труды мои и представить, но я не знаю, что онъ сдѣлалъ, можетъ быть и писалъ. Дѣла Севастополя начинаютъ принимать положеніе грознѣе — союзники страшно мечутъ бомбы. 5-го числа въ три часа времени, бросили болѣе 3 т. и, что же, съ Божіемъ милосердіемъ, мы потеряли не болѣе 40 человѣкъ, когда одна удачная можетъ убить столько-же.

14-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Дѣла Севастополя трудно опредѣлить, ибо собственно дѣла Севастополя пока хороши, но какъ будетъ вообще, когда разыграются всѣ силы союзниковъ; наконецъ, прибытіе сардинцевъ и еще турокъ и когда они изъ Евпаторіи съ одной стороны, изъ Ѳеодосіи съ другой и изъ Севастополя откроютъ свои дѣйствія одновременно, то хватитъ ли насъ, чтобы дѣло повести какъ слѣдуетъ. Господи, помоги намъ! на Него вся надежда, Онъ не оставитъ православной Россіи. Ночь съ 10-го на 11-е была ужасная: союзники истощили всѣ усилія, да и наши не только не дали ни шагу сдѣлать, но множество ихъ работъ срыли, три мортиры заклепали и разорили батареи—увлеклись молодечествомъ такъ, что даже не

*) См. приложеніе № 6.

**) См. приложеніе № 7.

слушали ни сигналовъ, ни приказаній начальства, такъ, что начальникъ вынужденъ былъ послать іеромонаха Іоаникія Бакчисарайскаго съ крестомъ уговорить ихъ, и этотъ пастырь едва убѣдилъ ихъ вернуться, получивъ при этомъ двѣ легкія раны, и кромѣ того отбита была верхняя часть креста, который онъ держалъ въ рукахъ. Потеряли мы много, но непріятель ужасно, взято въ плѣнъ: одинъ полковникъ, нѣсколько офицеровъ и до 60 человѣкъ французскихъ зуавовъ, въ числѣ коихъ арабы, да нѣсколько англичанъ. Ежедневная канонада, очень сильная, непріятель не жалѣетъ бомбъ, бросаетъ по 2 т. и по 3 т. въ ночь, но отъ нихъ нашли средство защищаться, хотя и не безъ потери. Съ прибытіемъ Ушакова, Бутурлина и другихъ, надѣюсь отдохнуть немного. Что будетъ впереди не знаю, можетъ быть дадутъ дивизію.

21-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Много сюда пріѣхало, и любуются Севастополемъ, грозностью нашихъ приготовленій и сооруженій *), молодечествомъ моряковъ и нашихъ пѣхотинцевъ. Потеря наша теперь, не говоря объ экстренныхъ случаяхъ, бываетъ ежедневно отъ 150 до 200 человѣкъ и болѣе, выбывающихъ изъ строя; достается и гостямъ, но это неутѣшительно, они живутъ на землѣ русской. Что будетъ далѣе, относительно

*) См. приложеніе № 8.

дѣйствій трудно сказать, ибо непріятели вѣрно чего то поджидаютъ, вотъ третій день и канонада меньше. Къ намъ идутъ на подкрѣпленіе 2½ дивизіи пѣхоты и дивизія драгунъ, но я боюсь, что опоздаютъ.

27-го марта 1854 г. при Севастополѣ.

Христосъ Воскресе. Нынѣ первый день великаго праздника, пальба неумолкаемая цѣлую ночь и цѣлый день, многіе, многіе наши въ такой день убиты и ранены, конечно не безъ того и у союзниковъ. Вотъ гдѣ именно видно христіанство и утонченная образованность пресловутыхъ европейцевъ. Грустно, подъ такой акомпаниментъ сидѣть въ лачугѣ, въ которой отъ каждаго выстрѣла дребезжатъ окна, ибо каждый выстрѣлъ всякій разъ толкаетъ въ сердце. День какъ бы на заказъ тихій, въ полдень прошелъ маленькій дождь, а потомъ сдѣлалось опять тихо и ясно—а стрѣльба все продолжается. Изъ Петербурга получилъ письма отъ генерала Корфа, состоящаго при Великихъ Князьяхъ; они не знаютъ многихъ подробностей моего настоящаго положенія, буду писать и просить ихъ покровительства, ибо оставаться въ неизвѣстности невыносимо. Съ свѣтлѣйшимъ я въ перепискѣ, но ничего положительнаго не знаю, сдѣлаетъ-ли онъ, что нибудь для меня, за мой трудъ и усердіе, знаю только, что всѣмъ онъ говоритъ обо мнѣ, хорошо и за то спа-

---

сибо. Теперь во время отдыха, буду лечиться отъ моей контузіи, а то мочи нѣтъ, шумъ въ головѣ и плохо слышу.

28-го марта 1854 г. при Севастополѣ.

Въ пять часовъ и пять минутъ утра, гг. европейцы, открыли сильнѣйшую канонаду по всей линіи Севастопольскихъ укрѣпленій такъ, что съ обѣихъ сторонъ заговорило до тысячи орудій большаго калибра. Какъ я ни глухъ, а услышалъ, одѣлся и, помолясь Богу, вышелъ посмотрѣть: дождь, туманъ, холодный вѣтеръ и страшный орудійный громъ. Собравъ бумаги и приказавъ уложить вещи, я совершенно приготовился, по первому приказанію, ѣхать куда прикажутъ. Въ половинѣ восьмого, поѣхалъ къ князю; онъ былъ тревоженъ, и увидя меня, попросилъ къ себѣ въ кабинетъ: „было-ли прежде такъ?“ я отвѣчалъ: „было гораздо хуже, 5-го и 6-го октября, канонада была въ нѣсколько кратъ сильнѣе, тогда дѣйствовалъ и весь флотъ, а теперь онъ молчитъ, бывали и послѣ такіе же дни; но успокойтесь, Богъ милостивъ, потерь большихъ не будетъ, ибо люди закрыты, а прикажите только рѣже стрѣлять, ибо эта музыка протянется нѣсколько дней, а у насъ пороху не очень много“. Онъ сейчасъ-же послалъ графу Сакену приказаніе. Такъ тянулся весь день, вотъ и вечеръ, а канонада продолжается, хотя по временамъ и рѣже; въ 10 часовъ ночи, какъ пушеч-

ная стрѣльба, такъ и бросаніе бомбъ еще болѣе усилились—трескотня невыразимая.

29-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Съ разсвѣтомъ этого числа, канонада усилилась до ожесточенія по всей линіи; въ 9 часовъ флотъ началъ вытягиваться, какъ-бы желая тоже участвовать въ бомбардировкѣ. Господи, помоги нашимъ!—дѣло идетъ не на шутку. До ночи ничего съ флота не предпринято, только жестокая канонада съ суши. Ночь началась, снова, метаніемъ бомбъ и конгревовыхъ ракетъ; я пишу, а Севастополь обстрѣливаютъ по всѣмъ направленіямъ. Въ сутки 28-го числа, т. е. съ 6-го часу утра до 6 часовъ утра 29-го, потеря наша была убитыми и ранеными 475 человѣкъ, въ текущіе сутки еще неизвѣстно. Молитесь Господу Богу, и да расточатся враги. 30-е число исходитъ, а канонада не только не умолкаетъ, но какъ будто усиливается. Канонада слышна за 110 верстъ, сейчасъ это сказалъ мнѣ пріѣхавшій офицеръ. 31-го сильная канонада не умолкаетъ, такъ что голова трещитъ.

2-го апрѣля 1855 г. при Севастополѣ.

Положеніе Севастополя продолжается одинаково. артиллерійскій неумолкаемый огонь съ обѣихъ сторонъ; днемъ еще какъ то выносимо, но съ наступленіемъ сумерокъ всегда начинается страшная кано-

нада—такъ, что вчера, напримѣръ, на одинъ 4-й бастіонъ французы бросили до 2800 бомбъ; грустно на сердцѣ, а Севастополь стоитъ; все, что въ теченіи дня разбито и испорчено, въ ночь, не смотря на огонь исправляется такъ, что къ утру какъ ни въ чемъ не бывало. Много потери, но наши герои не унываютъ и храбро стоятъ, ждутъ съ нетерпѣніемъ штурма, но какъ кажется, гости не очень то къ этой продѣлкѣ расположены, ибо знаютъ, что ихъ примутъ не шутя. Сегодня ночью одинъ паровой корабль попробовалъ подойти поближе и пострѣлять по нашимъ батареямъ, но его такъ хорошо приняли, что онъ поскорѣе отправился назадъ.

19-го апрѣля *) 1855 г. при Севастополѣ.

Вечеромъ 17-го числа, насилу добрался до Севастополя; здѣсь все благополучно, канонада стихла, приняла обыкновенные размѣры, и даже какъ будто меньше обыкновеннаго. Дѣлъ особенно важныхъ не было, а тѣ, о которыхъ шла молва, были ни что иное, какъ вылазки, удачно исполненныя. Князь встрѣтилъ меня очень любезно. Союзники работаютъ дѣятельно и ежели, чего Боже сохрани, они привезутъ еще сардинцевъ, то не знаю какъ дѣла пойдутъ—развѣ прибытіе драгунъ насъ подкрѣпитъ. Снаряжай нашихъ сыновей, и какъ только кончатъ экзамены, отслужи

*) Съ 3-го апрѣля былъ командированъ въ Перекопъ, Николаевъ Одессу и Бендеры, дабы дать скорѣйшій ходъ транспортамъ съ порохомъ и снарядами къ Севастополю.

молебенъ—благослови, и, какъ я сказалъ, съ Богомъ отпускай ихъ на жизнь съ людьми и на службу;—пора начинать имъ жить своимъ умомъ *).

Сегодня утромъ въ 9½ часовъ потребовалъ меня князь; когда я вошелъ, то онъ встрѣтилъ меня словами: „я назначаю васъ начальникомъ I-й дистанціи Севастополя, и всѣхъ войскъ, тамъ находящихся, вотъ бумага, поѣзжайте къ графу Сакену, и скажите, что я въ часъ буду у него. Вы же, осмотрите все, и будьте къ этому времени тоже у графа Сакена, съ вашими замѣчаніями". И такъ, я теперь водворился на 1-й дистанціи, вмѣстѣ съ Зоринымъ; онъ меня пріютилъ въ своемъ блиндажѣ, и вотъ ночь прошла безъ сна; канонада очень малая, мы больше ихъ тревожимъ; но работы много.

22-го апрѣля 1855 г. Севастополь. 1-я дистанція.

Благодареніе Богу, все благополучно, а непріятель все усиливается; намъ приходится крѣпко натуживаться, князь Горчаковъ усилилъ меня войсками; и, уповая на благость Всевышняго, буду крѣпко ихъ удерживать. Вчера познакомился съ французскимъ полковникомъ Раулемъ, онъ противъ меня ведетъ траншеи. Живу я почти на срединѣ дистанціи, ближе къ 6-му бастіону, въ блиндажѣ, вмѣстѣ съ Зоринымъ, тутъ же канцелярія и вся молодежь.

---

*) Старшему было 18 лѣтъ, второму 17, воспитывались въ Ришельевскомъ лицеѣ.

28-го апрѣля 1855 г. Севастополь.

Сегодня большое спокойствіе, идетъ дождь и гг. французы притаились въ своихъ логовищахъ; ночью мы ссорились и, милостью Творца, все благополучно окончилось; мои молодцы охотники ходили въ гости, разтаскали часть траншеи и принесли, какъ трофеи, 16 кирокъ, 8 лопатъ и 18 мѣшковъ; а ходили только два офицера, юнкеръ и пять рядовыхъ, одного изъ рядовыхъ легко задѣло пулей. Работы идутъ усиленно, и я сегодня ночью, съ часу до пяти утра, ходилъ по работамъ, чтобы ободрить духъ труженниковъ солдатъ; чудо, что за народъ—терпѣливъ и послушенъ. У меня въ командѣ 6 полковъ: Владимірскій, Бѣлостокскій пѣхотные, Подольскій, Житомирскій, Углицкій и Великаго Князя Михаила Николаевича егерскіе; два резервныхъ баталіона, рота стрѣлковъ, двѣ роты саперъ и моряки, да 260 орудій и мортиръ—чуть не корпусъ, всѣхъ надо видѣть, со всякимъ поговорить, гдѣ и побраниться, а гдѣ и приласкать. Ежели Господь не лишитъ меня силъ, надѣюсь, что полюбятъ, моряки называютъ меня адмираломъ и говорятъ: „вотъ онъ, подъ всякимъ вѣтромъ ходить умѣетъ“. Когда представляется случай раздавать Георгіевскіе кресты, то это я всегда самъ исполняю, это ихъ очень радуетъ, при этомъ много рѣчей и много смѣху. Начальники батарей, всѣ морскіе офицеры, весьма бравые молодцы и всѣ почти на своихъ мѣстахъ съ начала обороны. Рѣдко

кого вижу, охотниковъ заходить ко мнѣ мало, ибо не всегда покойно, сегодня противъ обыкновенія тишина надъ Севастополемъ, изрѣдка слышится ружейный выстрѣлъ. Дождь пересталъ къ вечеру, и музыка началась.

3-го мая 1854 г. Севастополь.

Съ 1-го на 2-е число, на моей дистанціи было сдѣлано двѣ вылазки и обѣ съ помощію Бога удались—французы хитры, но и у насъ хватаетъ ума. Одну вылазку я сдѣлалъ въ 10 часовъ вечера, 160 охотниковъ и баталіонъ въ подкрѣпленіе, подошли удачно, къ траншеямъ непріятеля, бросились на нихъ, заставъ въ расплохъ, перекололи и перепортили ихъ работы, и возвратились назадъ. Наша потеря не велика, а французамъ досталось порядочно; разумѣется, вслѣдствіе этого тревога во всемъ союзномъ лагерѣ, всѣ стали въ ружье, а наши уже были дома. Давъ имъ успокоиться и предположить дѣло конченнымъ, въ часъ ночи я началъ другое движеніе на лѣвомъ флангѣ—эта вылазка была еще удачнѣе, 110 охотниковъ и двѣ роты бросились такъ быстро, что гг. французы, полусонные, улепетывали куда глаза глядятъ. Снова тревога, и раза три французы совались впередъ, но ура и штыкъ всякій разъ отбрасывалъ ихъ. Поразоривъ ихъ работы, начали отступать французскія колонны, хотѣли настигнуть насъ, но у меня былъ готовъ для нихъ сюрпризъ; какъ только наши спустились въ лощину, какъ по данному сиг-

налу, болѣе 40 орудій и до 15 мортиръ открыли картечный огонь, продолжавшійся болѣе 15 минутъ;— это былъ адъ, а гостямъ крайне было не по нутру. Тутъ у насъ тоже потеря очень малая. Этой вылазкой командовалъ полковникъ Лидовъ, теперь онъ командиромъ Волынскаго полка. Князь былъ очень доволенъ обѣими вылазками, жду отъ него Георгіевскихъ крестовъ для солдатъ и наградъ для офицеровъ. У меня на дистанціи работъ очень много, такъ что ежедневно болѣе 3000 человѣкъ выходятъ на работы. Сыновей буду поджидать, ибо ты пишешь, что отправишь ихъ около 24-го числа, быть по твоему; но не грусти, Богъ милостивъ, сохранитъ ихъ отъ пули непріятеля, я ихъ поручу князю Горчакову, онъ не откажетъ мнѣ ихъ пристроить.

Ночь 14-го мая 1855 г. Севастополь.

Благодаря Господа, я здоровъ на сколько возможно быть; стучимъ денно и ночно, въ особенности съ 10-го на 11-е и 11-го на 12-е; ночи были очень не покойныя—дрались русскіе съ французами сильно и порядкомъ пощипали Наполеоновскую гвардію, досталось и намъ; но гдѣ дрова рубятъ, тамъ щепки летятъ; на досугѣ, когда нибудь, опишу эти двѣ ночи; а теперь некогда, надо еще обойдти дистанцію, гдѣ производится много работъ. Самое большое, на что могу пожаловаться, это на шумъ въ головѣ и глухоту, да сильныя головныя боли по временамъ тревожатъ. Сардинцы прибыли — что предпримутъ

трудно угадать; часть флота съ войсками пошла къ Керчѣ, и часть въ Байдарскую долину, какъ кажется о морѣ мало думаютъ, а начинаютъ разыгрывать драму во всей полнотѣ. На Одессу теперь трудно ожидать какого либо нападенія, а ежели что будетъ, то вѣроятнѣе всего, что бросятся на Бессарабію, но откуда—это загадка.

18-го мая 1855 г. Севастополь.

Мы, русскіе, однимъ урокомъ не довольствуемся, надо два и три, такъ случилось и теперь. Въ апрѣлѣ надѣлали глупостей у 3-го бастіона, и у редута Шварца, послѣ которыхъ князь назначилъ меня, 19-го апрѣля, сдѣлана была дневная вылазка и Коцебу распоряжался, кончилось не совсѣмъ удачно, но и не дурно. Затѣмъ предоставлено было мнѣ, но дожди мѣшали нѣсколько дней; наконецъ я сдѣлалъ двѣ вылазки въ одну ночь съ 1-го на 2-е мая, о которыхъ и писалъ, онѣ были очень удачны. Были у меня и другія предположенія, но явился Хрулевъ съ своими проэктами; не знаю какъ князь согласился, но кончилось тѣмъ, что подъ главнымъ начальствомъ Хрулева, въ ночь съ 9-го на 10-е, заложили мы огромныя траншеи впереди нашихъ укрѣпленій, непріятель не мѣшалъ, ибо не зналъ, что мы дѣлаемъ; но днемъ разглядѣлъ и когда наши пошли въ ночь съ 10-го на 11-е продолжать работы, завязался страшный бой: 10 баталіоновъ оказалось мало, взяли у меня 4 баталіона, и, мы хотя въ крови, но удержали

а собою все, что нами было начато. Въ эту адскую ночь, мы потеряли 1 генерала, до 70 штабъ и оберъ-офицеровъ и около 3000 нижнихъ чиновъ, убитыми и ранеными, собственно убитыхъ около 900 человѣкъ; съ 11-го на 12-е вмѣсто того, чтобы поддержать большею силою то, что такъ дорого стоило удержать, Хрулевъ послалъ только 2 баталіона; непріятель ихъ сбилъ и занялъ наши работы. Грустно смотрѣть, что мы работали для нихъ, и дали имъ возможность безъ всякихъ работъ съ ихъ стороны приблизиться къ намъ, болѣе чѣмъ на 200 сажень; теперь едва-ли ихъ оттуда выбьемъ, они роются сильно и, не смотря на огонь нашей артиллеріи, работы ихъ подвигаются, хотя они еще и далеко отъ 6-го бастіона, но пули ихъ уже летаютъ къ намъ. У 5-го бастіона, я заложилъ 10 минныхъ рукавовъ, чтобы не дать имъ взорвать редутъ Шварца. У Баумгартена они въ 10 саженяхъ, но ничего не предпринимаютъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что Керчь занята непріятелемъ, наши батареи взорваны, наши казенные запасы уничтожены, но частнаго добра говорятъ попало въ ихъ руки много. 4 нашихъ парохода ушли въ Азовское море; непріятель потерялъ два парохода и одну канонирскую лодку. Барона Дельвига у меня взяли, Зоринъ заболѣлъ и я остался одинъ, прислали мнѣ полковника Бусау, онъ добрый человѣкъ и помогаетъ мнѣ. Главная квартира переходитъ на Инкерманъ, т. е. версты за четыре далѣе—назадъ. Вчера князь Горчаковъ былъ у меня и обходилъ со мною всю дистанцію, остался очень доволенъ и сказалъ: „многихъ слабыхъ мѣстъ я не

узнаю, такъ они преобразились". У Шварца редута, гдѣ наиболѣе опасно, и гдѣ произведены были мною самыя большія и трудныя работы, онъ былъ восхищенъ. Наконецъ, зашелъ ко мнѣ въ блиндажъ, посидѣлъ, благодарилъ всѣхъ начальниковъ батарей, и начальниковъ работъ, а ко мнѣ обратился со словами: „Я не нахожу словъ васъ благодарить, чтобы въ мѣсяцъ такъ все преобразовать—надо много труда и умѣнія".

22-го мая 1855 г. Севастополь 1-е отдѣленіе.

Вчера былъ день нашего общаго ангела, а я одинъ, въ чужой флотской семьѣ. Отслужили молебенъ и выпили по стакану шампанскаго, и этимъ отпраздновали имянинника. Французы вѣрно узнали это, потому что салютовали бросаніемъ бомбъ, которыя разрывались вблизи блиндажа. Затѣмъ день прошелъ въ распоряженіяхъ, ибо наканунѣ ночью. да и днемъ, союзники за что-то сердились и надѣлали у меня большіе безпорядки *), понарыли пропасть ямъ, засыпали амбразуры, испортили платформы и подбили нѣсколько орудій, все надо было привести въ порядокъ и этимъ то я исключительно занялся въ этотъ день.—благодаря Господа, потеря въ людяхъ была не велика. Вечеромъ другія работы, приготовленія на ночь, а тутъ пріѣхали ко

*) Всѣ серьезныя дѣла онъ описывалъ довольно легко, дабы не тревожить жену и старуху мать.

мнѣ князь Урусовъ, князь Васильчиковъ и еще другіе знакомые, и мы выпили по стакану чаю, потолковали о дѣлахъ и все подъ звуки непріятельской пальбы. Керчь занята, непріятель проникъ въ Азовское море, Геническъ и въ особенности Бердянскъ сильно пострадали, первый выжгли, а второй выжгли и ограбили, а суда потопили или сожгли. Постигла ли таже участь Маріуполь и Таганрогъ, не знаю, но далѣе они не пойдутъ. Теперь мы въ горѣ отправляемъ нашихъ молодцовъ, Богъ и Пресвятая будутъ имъ защитниками; не тужи, молись и все будетъ какъ свыше благословится, Онъ не оставитъ насъ, сохранитъ ихъ для насъ.

25-го мая 1855 г. Севастополь 1-е отдѣленіе.

Здоровье мое кое-какъ держится, но жара невыносимая, да и труда довольно, а чѣмъ все разыграется Единъ Творецъ знаетъ; къ намъ идутъ три дивизіи и два ополченія, и дней черезъ 10 или 15 должно все прибыть *). Съ нашимъ Севастополемъ много, много перемѣнъ: 25-го въ три часа пополудни, вдругъ непріятель открылъ сильнѣйшую канонаду по 1, 2 3-му бастіонамъ, Малахову кургану и по редутамъ Камчатскому, Волынскому и Селенгинскому—этотъ адскій и убійственный огонь продолжался всю ночь; второе отдѣленіе тоже было въ огнѣ, а мое въ совершенномъ спокойствіи, это всѣхъ насъ сбило съ

*) Тутъ письмо было прервано до 29-го.

толку, и потому никто не дремалъ. Съ разсвѣто[redacted]ъ 26-го открыли огонь и по моей дистанціи; ты [redacted]е можешь себѣ представить, что это былъ за концер[redacted]ъ на протяженіи всей линіи; въ 5 часовъ пополудн[redacted]и, вдругъ къ пушечному огню прибавился на 3-мъ [redacted]и 4-мъ отдѣленіяхъ еще и ружейный, который про[redacted]о- должался до 10 часовъ ночи, что это значило, п[redacted]о отдаленности мы не знаемъ. Въ это время огонь [redacted] меня совершенно прекратился, а только барабанны[redacted] бой и крикъ ура по временамъ долетали до насъ[redacted]. Все стояло въ ружьѣ — работы были прекращены[redacted] и мы ждемъ приступа;—часовъ въ 12 доходитъ до[redacted] насъ вѣсть, что непріятель, сосредоточивъ огром[redacted]- ныя силы, напалъ одновременно на наши три ре[redacted]- дута, которые переходили два раза изъ рукъ в[redacted] руки, но за кѣмъ остались—не знаю; такъ продол[redacted]- жалось до утра. Наконецъ, дошла до насъ грустная[redacted] вѣсть, что непріятель овладѣлъ и удерживаетъ за[redacted] собою редуты. Потеря наша очень значительна; ге[redacted]- нералъ Тимофѣевъ раненъ въ голову пулей, нѣ[redacted]- сколько полковыхъ командировъ тоже ранены, въ[redacted] томъ числѣ легко и баронъ Дельвигъ. Непріятельская потеря ужасная, болѣе 300 человѣкъ находятся у насъ въ плѣну, а раненыхъ и убитыхъ, должна быть ужасная цифра, ибо картечный огонь нашей артиллеріи 1, 2 и 3-го бастіоновъ и Малахова кургана былъ ужасный. Вчера подбирали тѣла, кромѣ убраныхъ непріятелемъ прежде, нашими похоронено очень много. И вотъ съ тѣхъ поръ, огонь артиллеріи противъ этихъ бастіоновъ, т. е. на лѣвой поло-

винѣ города, неумолкаемый, а мое отдѣленіе, какъ бы на отдыхѣ, стрѣляетъ, но рѣдко. Только ночью бомбы летятъ безъ числа и Севастополю достается ужасно. Чѣмъ все это кончится? Неужели Господь попуститъ, чтобы они пересилили насъ—и взяли Севастополь! Сегодня князь Горчаковъ подписалъ приказъ о назначеніи меня начальникомъ 10-й пѣхотной дивизіи *). Жду не дождусь сыновей, полагаю, что они скоро прибудутъ.

1-го іюня 1855 г. Севастополь. 1-е отдѣленіе.

Вотъ третьи сутки, мы отдыхаемъ отъ третьей канонады. Редуты: Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій окончательно остались за непріятелемъ; плохо, но нечего дѣлать. У меня на лѣвомъ моемъ флангѣ, редутъ Шварца—крайне опасенъ, и потому необходима самая строгая бдительность; вотъ были двѣ фальшивыя тревоги, которыя дорого стоятъ непріятелю, и къ тому еще, что онъ убѣдился въ чуткости нашей; впрочемъ, пока все благополучно и хотя пострѣливаютъ, особенно вечеромъ бомбами, но на это мы смотримъ какъ на фейерверкъ, или какъ на необходимое, ибо ежели совершенно тихо, то начинаемъ тревожиться, не зная, что бы это означало. Съ окончаніемъ канонады, непріятель остается какъ бы въ бездѣйствіи, чего-то у него не достаетъ; но чего, трудно угадать, или не хочетъ ли насъ усы-

*) См. приложеніе № 9.

пить, а потомъ вдругъ штурмовать; но мы не дремлемъ, а съ помощію Божіею попытка эта ему не удастся; или не надумалъ ли г. Пелисье что и безъ того потеря велика—поговариваютъ будто и онъ раненъ въ голову. Работы непріятеля идутъ мѣстами дѣятельно, но вообще что-то копотливо. У насъ все одинаково, хотя люди и поустали, но бодрствуютъ и работаютъ.

Въ Керчѣ англичане выдѣлывали чудеса варварства, князь Барятинскій возвратился оттуда и разсказывалъ такіе ужасы, какихъ и войска Чингисъ-Хана никогда не выдѣлывали. Французы, напротивъ, ведутъ себя хорошо.

7-го іюня 1855 г. Севастополь.

Послѣ краткаго отдыха, г-нъ Пелисье задаетъ намъ новые спектакли, и вотъ въ чемъ они состоятъ: 5-го утромъ въ 4 часа, открылась самая ужасная канонада на лѣвой половинѣ; меня же и сосѣда моего оставили въ покоѣ, долго мы недоумѣвали, что все это значитъ, но огонь самый ужасный разгорался часъ отъ часу сильнѣе и сильнѣе съ обоихъ сторонъ. Въ $2^1/_2$ часа выстрѣлы противниковъ начались и противъ меня, и все чаще и чаще, и наконецъ все слилось въ одинъ общій гулъ — по всей линіи Севастополя шла самая сильнѣйшая канонада, какъ изъ орудій, такъ и изъ мортиръ; наступилъ вечеръ, мы думали, что утихнетъ,—не тутъ-то было, надбавили ракетъ, да начали подходить пароходы и

задавать залпы то гранатами, то ракетами,—чего и чего мы не насмотрѣлись; такъ продолжалось цѣлую ночь, всѣ были на ногахъ; день былъ удушливый, а ночь жаркая по огню и отъ пожаровъ, которые начали мѣстами оказываться, тушить ихъ было не кому, да и невозможно, ибо союзники, лишь только замѣтятъ это, такъ тотъ часъ сосредоточиваютъ туда свои выстрѣлы, предполагая, что тамъ большое скопленіе людей.

6-го числа съ разсвѣтомъ, услышали мы, на лѣвомъ флангѣ, на 1 и 2-мъ бастіонахъ и на Малаховомъ курганѣ, сильнѣйшій ружейный огонь, который продолжался болѣе 2-хъ часовъ, а потомъ на 3-мъ бастіонѣ. Сигналъ указалъ намъ, что штурмуютъ, всѣ мы тоже ждемъ очереди, но у насъ только ужасная канонада. Въ 10 часовъ мы еще исхода штурма не знали, но огонь ружейный прекратился; но за то пушечный кипѣлъ; только послѣ полудня графъ Сакенъ прислалъ сказать, что непріятель штурмовалъ, но что штурмъ вездѣ отбитъ, и что взято въ плѣнъ много офицеровъ и 400 человѣкъ французовъ и англичанъ мертвецки пьяныхъ, убитыми покрыто все поле, и ихъ никакъ не менѣе 5 т. или 6 т. человѣкъ,—а огонь артиллерійскій все кипѣлъ и только къ 5 часамъ пополудни началъ уменьшаться, а къ вечеру совершенно прекратился. Благодареніе Бо́гу, что помогъ такъ хорошо отпотчивать пришлецовъ, это отобьетъ имъ охоту лазить на штурмъ, а наши между тѣмъ поободрились, ибо какъ то начали пріунывать, теперь же снова воскрѣсло молодечество, а гг. евро-

пейцы, какъ кажется, поджали хвосты. Потеря наша не такъ велика, собственно канонада насъ опустошаетъ: у меня въ теченіе сутокъ выбыло изъ строю до 400 человѣкъ; но убитыхъ мало, а почти все раненыя хотя много и тяжело, но за то много и легко и даже до 80 человѣкъ остались послѣ перевязки на своихъ мѣстахъ. Я описалъ вкратцѣ тебѣ два дня, болѣе писать некогда, потому что много хлопотъ и распоряженій, чтобы поправить разрушенное, перемѣнить разбитое и пополнить убылыхъ артиллеристовъ, которымъ достается жутко, но все остаются молодцами.

— —

8-го іюня 1855 г. Севастополь.

Послѣ передряги описанной мною, гг. союзники поусмирились, вчера 7-го, было на лѣвой половинѣ перемиріе и уборка тѣлъ убитыхъ, въ числѣ ихъ англійскихъ два генерала, одинъ штабъ-офицеръ и 15 оберъ-офицеровъ, число же нижнихъ чиновъ сосчитать было невозможно, ибо за цѣпью убирали сами, а другихъ наши переносили на назначенные пункты. Вообще очевидцы говорятъ, что потеря огромная и надо думать, что убитыхъ и раненыхъ за 10 т. человѣкъ; вчера же ушли два корабля, вѣроятно съ ранеными. Гг. союзники, въ особенности французы, были очень переконфужены, англичане этого не такъ замѣтно обнаруживали. Впродолженіе вчерашняго дня было тихо, изрѣдка кое гдѣ раздавался выстрѣлъ—даже ночь была по нашему по-

койна. 8-го числа тоже было очень покойно днемъ, одинъ только штуцерный огонь мѣстами былъ силенъ, а пушечнаго и не было; вотъ 11 часовъ ночи, а къ намъ летитъ очень мало бомбъ, и то больше въ городъ. Наша потеря въ двое сутокъ жесточайшаго бомбардированія простирается за 3 т., на моей одной дистанціи болѣе 500 человѣкъ, 1 штабъ-офицеръ и до 15 офицеровъ. Сегодня раненъ въ ногу пулей Тотлебенъ, но не знаю до какой степени сильно. Милостью Бога, я цѣлъ, а много пролетѣло ядеръ, осколковъ и пуль около меня, въ особенности одинъ кусочекъ былъ не далѣе $^1/_4$ аршина отъ головы;—благодарю Господа за Его милость, это молитвы ваши меня хранятъ. Войска наши сильно ободрились, что Господь пошлетъ далѣе—не знаю, но теперь какъ то легче, настали лунныя ночи, слѣдовательно, легче наблюдать, а то въ потемкахъ, трудно уберечься отъ нечаянности. Иногда пароходы подходятъ и задаютъ залпы, но уже не такъ смѣло, какъ 4-го числа, вѣрно которому нибудь хорошо досталось. Жаль, что мы ничего теперь не предпринимаемъ, а теперь настоящее время что нибудь сочинить — и это бы намъ удалось и не стоило бы столькихъ жертвъ, какъ то дѣло, которое я выше описывалъ.

15-го іюня 1855 г. Севастополь.

Вчера былъ у меня князь Горчаковъ, благодарилъ за службу, обошолъ всю дистанцію и сказалъ:

Графъ Сакенъ получилъ аренду въ 6 т., князь Васильчиковъ и Тотлебенъ Георгія 3-й степени, Хрулевъ Владиміра 2-й степени, князь Урусовъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, генералъ Шульцъ бріантовую шпагу. Князь Горчаковъ назначенъ шефомъ Брянскаго полка, и Бутурлинъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; все это привезъ изъ Петербурга адъютантъ князя Горчакова, графъ Сухтеленъ. Ты меня бранишь, что я на Шварцъ редутѣ, наблюдая за работами, сижу на барабанѣ и курю сигару въ виду непріятеля, тебѣ правду сказали, но не тутъ только можетъ случиться несчастіе, оно вездѣ застигнетъ, если Всевышнему угодно будетъ,—вся моя дистанція не хуже Шварца редута, не прятаться же мнѣ.—Пресвятая Заступница хранитъ меня, но за то я смѣло могу смотрѣть въ глаза не только начальникамъ, но и солдатамъ. Скажи нашимъ дѣтямъ, что отецъ ихъ былъ въ несчастіи, но съумѣлъ выйдти честно изъ него своею безукоризненною службою и получить двѣ такія награды, какихъ и во снѣ не видалъ *).

26-го 1855 г. Севастополь на правой половинѣ оборонительной линіи.

Въ прошломъ письмѣ, я писалъ тебѣ о производствѣ моемъ, за симъ послѣдовало уже мѣстное назначеніе начальникомъ правой половины оборонительной линіи, состоящей изъ 1 и 2 отдѣленій,

*) Георгія 3-й степени и генералъ-лейтенанта.

что вся дивизія на другой дистанціи и я съ нею незнакомъ, только одинъ полкъ немного знаю, это Колыванскій, онъ былъ у меня на дистанціи, на короткое время, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда мнѣ въ голову не приходило, что я буду командовать 10-ю дивизіею. У насъ довольно покойно, непріятель что-то готовитъ, но что и когда—трудно понять, ежели еще бомбардировку, то это будетъ пятая, а что за нею послѣдуетъ — загадка; ходятъ слухи о смѣнѣ Пелисье, но на сколько это вѣрно—не можемъ добиться толку. Перебѣжчики говорятъ, что французы и англичане потеряли во время штурма болѣе 12 т. человѣкъ. Флотъ стоитъ огромный, на дняхъ прибыло еще болѣе 60 коммерческихъ судовъ—вѣроятно съ провизіею и снарядами, и вчера опять ушли; у нихъ безпрерывно то приходятъ, то отходятъ корабли, у нихъ морскія силы громадныя; я изъ своего блиндажа вижу весь ихъ флотъ, какъ на ладонѣ. Въ городѣ теперь гораздо хуже, нежели у насъ на оборонительной линіи. Изъ Севастополя въ послѣднее время всѣ выѣхали, даже почти всѣ купцы, такъ что трудно что нибудь достать, а что нужно—получаемъ изъ Симферополя.

23-го іюня 1855 г. Севастополь.

Сегодня утромъ получилъ я отъ князя Горчакова, поздравленія, что я произведенъ въ генералъ-лейтенанты, возблагодаримъ Господа!—много горевали мы вмѣстѣ, такъ и порадуемся же вмѣстѣ.

безсознательномъ положеніи. Этотъ курганъ надъ стоитъ трехъ отличнѣйшихъ людей: Корнилова, Истомина, а теперь Нахимова. Господи Боже, когда перестанетъ Твоя Святая воля, отнимать у Россіи достойныхъ сыновъ! Грустная новость, но къ несчастію дѣйствительная, мы всѣ молимъ Бога, чтобы оказалъ милосердіе и исцѣлилъ Павла Степановича Нахимова. Моряки въ отчаяніи.

4-го іюля 1855 г. Севастополь.

Къ намъ на дняхъ приходитъ много войскъ и ополченіе, съ прибытіемъ которыхъ не придумаетъ ли чего князь. Нахимовъ на третій день послѣ раны скончался, и 1-го числа его похоронили. Вотъ истинно жаль этого рыцаря, какъ представителя до баснословія, неустрашимаго человѣка, а такъ же и потому, что въ будущемъ едва ли найдется подобный ему зиждитель флота. Въ городѣ день ото дня все хуже, непріятельскія бомбы большею частію все падаютъ туда, а на насъ грѣшныхъ ядра и пули.

По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ отъ перебѣжчиковъ, у непріятеля много потерь отъ нашего огня, холеры, скорбута и другихъ болѣзней. Пелисье, говорятъ смѣняютъ, а ѣдетъ маршалъ Бараге-д'Илье, и съ нимъ 40 т. войскъ.

бастіоновъ № 7 и № 8, укрѣпленія Александровскаго и № 10-го, такъ что на правой половинѣ я, а на лѣвой Хрулевъ. У насъ обоихъ въ командѣ значительныя силы войскъ, съ ихъ начальниками, а о числѣ пушекъ я и говорить не буду, ибо ихъ наберется у меня одного до 500. Много прибавилось хлопотъ, въ особенности для моихъ старыхъ ногъ, накладно, тутъ ѣздить нельзя, все пѣшкомъ. Говорятъ, что мнѣ назначилъ чинъ самъ Государь— по особенной рекомендаціи князя Горчакова, — это еще болѣе меня утѣшаетъ; видно и до Царя дошли слухи о моей честной и усердной службѣ. Дай ему Творецъ долгіе годы! Теперь у насъ тихо, стрѣляемъ больше мы, а враги умѣренно, работать имъ не очень даемъ, бьемъ какъ только можемъ и ждемъ чѣмъ-то Господь порѣшитъ это дѣло. Состояніе здоровья войскъ у насъ хорошо и холерныхъ случаевъ очень мало; говорятъ, что на позиціяхъ внѣ Севастополя холерныя случаи чаще—хотя они живутъ на свободѣ.

30-го іюня 1855 г. Севастополь.

Все у насъ покойно, обѣ стороны работаютъ и стрѣляютъ, но не очень сильно; ждемъ чего нибудь серьезнаго, и вѣрно это будетъ съ которой нибудь стороны. Третьяго дня на Малаховомъ курганѣ тяжело и даже безнадежно раненъ нашъ добрѣйшій и храбрѣйшій изъ храбрыхъ Нахимовъ, пулею въ лѣвый високъ; вчера онъ еще былъ живъ, но въ

безсознательномъ положеніи. Этотъ курганъ нам[illegible] стоитъ трехъ отличнѣйшихъ людей: Корнилова[illegible] Истомина, а теперь Нахимова. Господи Боже, когд[illegible] перестанетъ Твоя Святая воля, отнимать у Росс[illegible] достойныхъ сыновъ! Грустная новость, но къ н[illegible] счастію дѣйствительная, мы всѣ молимъ Бога, что[illegible] оказалъ милосердіе и исцѣлилъ Павла Степанови[illegible] Нахимова. Моряки въ отчаяніи.

4-го іюля 1855 г. Севастополь.

Къ намъ на дняхъ приходитъ много войскъ [illegible] ополченіе, съ прибытіемъ которыхъ не придумает[illegible] ли чего князь. Нахимовъ на третій день послѣ раны скончался, и 1-го числа его похоронили. Вотъ истинно жаль этого рыцаря, какъ представителя до баснословія, неустрашимаго человѣка, а такъ же и потому, что въ будущемъ едва ли найдется подобный ему зиждитель флота. Въ городѣ день ото дня все хуже, непріятельскія бомбы большею частію все падаютъ туда, а на насъ грѣшныхъ ядра и пули.

По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ отъ перебѣжчиковъ, у непріятеля много потерь отъ нашего огня, холеры, скорбута и другихъ болѣзней. Пелисье, говорятъ смѣняютъ, а ѣдетъ маршалъ Бараге-д'Илье, и съ нимъ 40 т. войскъ.

сильно подвигаются, въ особенности противъ Малахова кургана и 2-го бастіона; вѣроятно ихъ намѣреніе попытаться взять эту часть, а въ случаѣ неудачи броситься на мою гдѣ тоже подготовлено, но, по моему мнѣнію не совсѣмъ для нихъ выгодно. Надо думать, что и князь на дняхъ что нибудь да предприметъ, а тамъ что Богъ дастъ; мы будемъ бодрствовать и хорошо примемъ супостатовъ, если вздумаютъ сунуться въ Севастополь. Наши сыновья здоровы и веселы, и надѣюсь, ежели Господь благословитъ, будутъ полезные и хорошіе слуги Царю и отечеству.

7-го августа 1855 г. Севастополь.

4-го числа князь Горчаковъ имѣлъ большое дѣло съ желаніемъ помочь Севастополю. Не знаю подробнаго хода его, а только слышалъ, что не удалось— потеря чувствительная, много потеряли генераловъ: Реадъ, добрый Веймарнъ и генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, много переранено и контужено, въ числѣ раненыхъ начальникъ 5-й дивизіи; штабъ и оберъ-офицеровъ очень много выбыло изъ фронта,— 5-го числа утромъ непріятель открылъ бомбардировку по лѣвой половинѣ, т. е. 1, 2 и 3-му бастіонамъ и въ особенности по Малахову кургану. Эта продѣлка продолжается уже третьи сутки, и все на одну часть. Ночью мѣчутъ бомбы безъ числа, которыми и насъ надѣляютъ, особенно 4-й и 5-й бастіоны, за то днемъ, очень мало насъ безпокоютъ. Надо ду-

мать, что они хотятъ штурмовать обстрѣливаемую часть; вотъ тутъ то будетъ рѣзня, и ежели Богъ поможетъ отбиться, то дѣла наши пойдутъ лучше. Наши сыновья въ числѣ охотниковъ ходили сегодня ночью на вылазку, которая очень удалась, и благодаря Бога вернулись цѣлы, и меня просто восхищаетъ ихъ храбрость *). Молись, моя старушка, чтобы намъ троимъ вернуться къ тебѣ на радость, и тогда ты увидишь своихъ первенцовъ уже какъ воиновъ окуренныхъ порохомъ, они не постыдятъ насъ, и ты возгордишься имѣя кромѣ меня еще двухъ Севастопольцевъ.

10-го августа 1855 г. Севастополь.

Поздравляю тебя съ нашими удалыми молодцами: вчера они выслужили Царю мѣсяцъ, а по Севастопольски годъ, и такъ какъ они нѣсколько разъ были въ охотникахъ и участвовали въ вылазкахъ и дѣйствительно доказали удаль и храбрость, то Зоринъ, какъ начальникъ 1-го отдѣленія, представилъ ихъ къ Георгіевскимъ крестамъ, которые князь Горчаковъ имъ сегодня прислалъ и мы ихъ возложили на нихъ съ подобающею торжественностію. Дѣла Севастополя какъ то странны и непонятны; съ 6-го числа непріятель началъ сильно бомбардировать лѣвую половину, 7-го тоже, 8-го утромъ слабо, 8-го

*) Дабы не безпокоить мать, онъ не писалъ, что старшій былъ раненъ штыкомъ въ правый бокъ, но остался въ строю.

же вечеромъ сорвался на мой 4-й бастіонъ, хотя растрепалъ его, но и ему за то сильно досталось; теченіе 9-го числа дѣйствовалъ совершенно слабо, сегодня тоже слабо; мы же, напротивъ того, дѣйствуемъ гораздо болѣе, а потому и трудно ожидать штурма, ибо непріятель видитъ, что онъ нашего артиллерійскаго огня нисколько не уменьшилъ. Дѣло 4-го августа много стоило намъ жертвъ, много генераловъ, около 300 человѣкъ офицеровъ, а нижнихъ чиновъ, одни говорятъ, за 7 т., а другіе за 10 т. человѣкъ.

14-го августа 1855 г. Севастополь.

Дѣла Севастополя въ сильной затяжкѣ, бомбардировка кончилась; но наступила постоянная, неумолкаемая долбня, денно и ночно, то на лѣвую половину, на которую не сильно налегаютъ, то на мой 4-й бастіонъ, то на 5-й, то на Растиславскій редутъ, а теперь начали безпокоить и 10-й. Убыль у насъ ежедневная отъ 500 до 700 человѣкъ, на всей линіи у меня постоянно четверть всей убыли, а три четверти у Хрулева; у него они день ото дня все приближаются, и теперь даже начали очень близкія работы;—одинъ Богъ знаетъ чѣмъ все это кончится, мы же, грѣшные, можемъ судить, что хорошаго трудно ожидать. Ежели какимъ нибудь чудомъ свыше удержимся въ Севастополѣ до половины октября, когда погода въ этой мѣстности всегда портится, то тогда трудно будетъ гостямъ; — но и мы Богъ

знаетъ какъ проведемъ зиму, ибо городъ совершенно разбитъ, и въ немъ гораздо хуже, чѣмъ у насъ на передней линіи. Николаевскія казармы были до сихъ поръ неприкосновенны, ибо очень удалены; но теперь и имъ достается, ежедневно бьютъ по нимъ и попадаютъ, такъ что поселившіеся, тамъ генералы, числомъ до 15, начали опасаться за свое существованіе.

18-го августа 1855 г. Севастополь.

У насъ все по прежнему, долбятъ насъ, а мы ихъ,—третьяго дня въ часъ ночи, взорванъ у французовъ, на бывшемъ нашемъ Камчатскомъ редутѣ, большой пороховой погребъ, какъ ни далеко отъ насъ этотъ погребъ, но наши блиндажи дрогнули порядкомъ; тѣ, кто видѣлъ этотъ взрывъ вблизи, говорятъ, что онъ надѣлалъ имъ много бѣды. Противу меня начинается подземная война, и они строютъ сильныя батареи, но когда окончутъ ихъ—трудно опредѣлить. Мостъ черезъ бухту готовъ и теперь у насъ переправа безпрепятственная. Третьяго дня я едва не уподобился Ахиллесу, пуля чуть не попала мнѣ въ пятку, а Богъ знаетъ отъ куда она взялась, не болѣе какъ на палецъ отъ правой пятки шлепнулась въ землю, ординарецъ подалъ мнѣ ее еще теплою.

23-го августа 1855 г. Севастополь.

Вчера въ 5½ часовъ утра, союзники открыли сильнѣйшую канонаду по моей половинѣ, и продолжали до ночи, а ночью бросали бомбы, гранаты, до свѣта; съ разсвѣтомъ загорѣлась опять канонада, чуть ли не сильнѣе вчерашней и, пока я пишу на всей линіи совершенный адъ, потому что подобной трескотни ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Потеря у меня въ офицерахъ не велика, но очень жаль Лидерса, которому оторвало ногу, и ему сдѣлали ампутацію выше колѣна. Нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя на обоихъ отдѣленіяхъ до 700 человѣкъ. Вотъ какъ насъ угощаютъ незваные гости; перебѣжчики говорятъ, что и у нихъ не менѣе потери, ибо въ теченіе дня изъ одной роты ихъ легіона, что составитъ не болѣе 400 человѣкъ, убито 40, ранено 76 человѣкъ, а у французовъ еще больше; нѣкоторыя батареи ихъ почти зарыты, къ прискорбію не всѣ, да и сдѣлать этого безъ чуда нельзя. Мои солдаты артиллеристы и моряки почти что чудеса дѣлали въ эти дни—и князь прислалъ сегодня на мою дистанцію 18 Георгіевскихъ крестовъ *).

*) См. приложеніе № 12.

31-го августа 1855 г. Станція Дуванка. 15 верстъ.

Сильнѣйшая бомбардировка съ 24-го числа длилась 25-го, 26-го и 27-го; этотъ день съ полудня что-то предвѣщалъ недоброе; ты изъ моего рапорта *) увидишь весь ходъ дѣла на моей дистанціи; у Хрулева же на лѣвой половинѣ шла ружейная неумолкаемая пальба, но за дымомъ ничего нельзя было различить. У меня штурмъ отбитъ два раза, непріятель бѣжалъ и потерпѣлъ громадную потерю; Малаховъ курганъ занятъ французами, хотя отъ 2 и 3-го бастіоновъ штурмъ тоже былъ отбитъ. Въ 6 часовъ пополудни прискакалъ ко мнѣ подполковникъ Циммерманъ и, не вымолвивъ ни слова, подалъ бумагу,—это была роковая диспозиція, очистить немедленно Севастополь. Мнѣ приказано начать отступленіе въ 6½ часовъ и окончить въ 10; оставить на оборонительной линіи охотниковъ и нѣсколько человѣкъ прислуги при орудіяхъ, дабы поддерживать огонь; когда всѣ войска выйдутъ, то, по данному сигналу, взорвать бастіоны, батареи и всѣ пороховые погреба, числомъ 35 на 1 отдѣленіи, 28 на приморскихъ батареяхъ и бастіонахъ № 7 и № 8-й. Разсуждать было некогда, надо было дѣйствовать, приказано, исполнено.

Почти съ послѣдними войсками, въ 9½ часовъ, попрощавшись съ блиндажомъ, пустился въ путь, до-

*) См. приложеніе № 13.

брелъ измученный, съ разбитою душею до Николаевскихъ казармъ, гдѣ нашелъ главнокомандующаго, который самъ былъ почти какъ мертвецъ, но твердъ; увидя меня, взялъ за руку и сказалъ: „Благодарю, благодарю, ежели бы всѣ сдѣлали свое дѣло какъ вы, мы бы кончили сегодняшній день со славою для Россіи; но что дѣлать, Малаховъ курганъ дѣло испортилъ, Хрулевъ раненъ, Лысенкѣ и Мартинау оторвало руки—некому было дать во время дѣлу хорошій толчекъ, я самъ былъ тамъ; но уже было поздно. Теперь помогите мнѣ на счетъ порядка переправы".

Выпивъ стаканъ бульона (ибо въ теченіе дня ничего не ѣлъ), пошелъ я на переправу, и Боже что тамъ засталъ; все столпилось, каждому хотѣлось быть первому. Началъ я приводить все въ порядокъ и устроивать — и промучился такъ до 12 часовъ; тутъ потребовалъ меня къ себѣ князь и просилъ переѣхать на Сѣверную сторону и тамъ приводить въ порядокъ переправленныя войска. Я тотчасъ на лодкѣ переѣхалъ на другую сторону, но тамъ было еще хуже: никто ничего не зналъ, всѣ столпились на одномъ мѣстѣ и ни шагу далѣе,—новыя хлопоты; къ разсвѣту съ помощью жандармовъ успѣлъ немного водворить порядокъ и дать безъостановочный ходъ переправленнымъ войскамъ.

Въ три часа утра получилъ повелѣніе, что назначаюсь начальникомъ войскъ Сѣверной стороны, и всѣхъ находящихся тамъ укрѣпленій. Утромъ въ 7 часовъ Севастополь былъ совершенно очищенъ и

зажженъ, а передъ тѣмъ всѣ бастіоны и погреба взорваны. Буря, громъ, огонь, взрывы до того ошеломили союзниковъ, что они не осмѣлились преслѣдовать насъ, и такъ съ благословеніемъ Господа, дѣло небывалое въ военномъ быту,—огромная масса войскъ, въ виду въ трое сильнѣйшаго непріятеля, очистила городъ, годъ защищаемый, къ тому войска все разныхъ вѣдомствъ, да еще моряки, которые родились и состарились въ немъ. Да—случай безпримѣрный, чтобы все это перешло безъ малѣйшаго несчастія, и что даже мостъ развели безпрепятственно. Корабли всѣ потоплены, пароходы ходили взадъ и впередъ, подбирая отсталыхъ,—а непріятель все стрѣлялъ по нашимъ укрѣпленіямъ, а въ городъ не входилъ; только на Малаховомъ курганѣ видны были массы его войскъ. Утромъ началъ я очищать берегъ, ибо уже ядра союзниковъ начали ложиться на Сѣверную сторону, а бомбы въ рейдъ около моста; но ни одна во время перехода войскъ не попала на мостъ, а когда его уже разводили, то попала одна, слѣдовательно, безъ вреда. Въ 11 часовъ увидѣлъ я опять князя Горчакова, и онъ передалъ мнѣ разныя приказанія и почти въ 12 уѣхалъ. Мнѣ нуженъ былъ отдыхъ, — съѣвъ тарелку супу, легъ уснуть, проснувшись, я уже не могъ пошевелиться, весь былъ разбитъ, сильное колотье въ груди и страшный жаръ; почувствовавъ себя въ такомъ положеніи, я послалъ рапортъ, и просилъ, чтобы назначали другого генерала, ибо я не былъ въ состояніи распоряжаться. Присланъ вице-адмиралъ Панфи-

ловъ *). Рано утромъ прискакалъ ко мнѣ Коцебу и нашелъ меня въ ужасномъ положеніи, но, спроси[illegible]въ мое мнѣніе по нѣкоторымъ важнымъ обстоятел[illegible]ъ-ствамъ, отправился дѣлать нужныя распоряжен[illegible]я. Я отправился въ село Дуванку, гдѣ мнѣ уже бы[illegible]ла приготовлена квартира; доктора лѣчутъ и надѣютс[illegible]я, что съ помощію Божіею, дней черезъ 10, я сове[illegible]р-шенно поправлюсь и отдохну, а тогда опять сл[illegible]у-жить. Чѣмъ вся эта трагедія разыграется, Еди[illegible]ъ Богъ вѣдаетъ; много жертвъ пало **), многихъ хо-рошихъ слугъ и людей мы лишились. Отслужи бл[illegible]а-годарственный Господу Богу молебенъ за спасен[illegible]іе наше. Сыновья наши молодцы, они были все вре[illegible]я въ охотникахъ и помогали взрывать бастіоны и п[illegible]о-греба и разводить мостъ, они будутъ въ послѣдств[illegible]і и хорошими слугами Царю и Россіи, ибо видѣли т[illegible]о, что не многимъ достанется въ удѣлъ; надѣюсь, ч[illegible]то они будутъ произведены въ офицеры. То-то буде[illegible]тъ теперь разсказывать сказокъ у васъ въ Одессѣ, но т[illegible]ы только слушай, а вѣрь лишь тому, что я тебѣ пиш[illegible]у. Что предприметъ и какъ распорядится тепе[illegible]рь князь—ничего не знаю; но мы теперь вышли из[illegible]ъ огромной опасности, ибо рѣшеніе оставить Севаст[illegible]о-поль и быстрое исполненіе спасло армію. Потери н[illegible]е-измѣримы какъ для Россіи, такъ и каждаго изъ нас[illegible]ъ, почти всѣ офицеры лишились своего имущества — [illegible]и многіе остались съ тѣмъ, въ чемъ были. Рапортъ м[illegible]ой

*) См. приложеніе № 14.

**) См. приложеніе № 15.

зажженъ, а передъ тѣмъ всѣ бастіоны и погреба взорваны. Буря, громъ, огонь, взрывы до того ошеломили союзниковъ, что они не осмѣлились преслѣдовать насъ, и такъ съ благословеніемъ Господа, дѣло небывалое въ военномъ быту,—огромная масса войскъ, въ виду въ трое сильнѣйшаго непріятеля, очистила городъ, годъ защищаемый, къ тому войска все разныхъ вѣдомствъ, да еще моряки, которые родились и состарились въ немъ. Да—случай безпримѣрный, чтобы все это перешло безъ малѣйшаго несчастія, и что даже мостъ развели безпрепятственно. Корабли всѣ потоплены, пароходы ходили взадъ и впередъ, подбирая отсталыхъ,—а непріятель все стрѣлялъ по нашимъ укрѣпленіямъ, а въ городъ не входилъ; только на Малаховомъ курганѣ видны были массы его войскъ. Утромъ началъ я очищать берегъ, ибо уже ядра союзниковъ начали ложиться на Сѣверную сторону, а бомбы въ рейдъ около моста; но ни одна во время перехода войскъ не попала на мостъ, а когда его уже разводили, то попала одна, слѣдовательно, безъ вреда. Въ 11 часовъ увидѣлъ я опять князя Горчакова, и онъ передалъ мнѣ разныя приказанія и почти въ 12 уѣхалъ. Мнѣ нуженъ былъ отдыхъ, — съѣвъ тарелку супу, легъ уснуть, проснувшись, я уже не могъ пошевелиться, весь былъ разбитъ, сильное колотье въ груди и страшный жаръ; почувствовавъ себя въ такомъ положеніи, я послалъ рапортъ, и просилъ, чтобы назначали другого генерала, ибо я не былъ въ состояніи распоряжаться. Присланъ вице-адмиралъ Панфи-

ловъ *). Рано утромъ прискакалъ ко мнѣ Коцебу и нашелъ меня въ ужасномъ положеніи, но, спросивъ мое мнѣніе по нѣкоторымъ важнымъ обстоятельствамъ, отправился дѣлать нужныя распоряженія. Я отправился въ село Дуванку, гдѣ мнѣ уже была приготовлена квартира; доктора лѣчутъ и надѣются, что съ помощію Божіею, дней черезъ 10, я совершенно поправлюсь и отдохну, а тогда опять служить. Чѣмъ вся эта трагедія разыграется, Единъ Богъ вѣдаетъ; много жертвъ пало **), многихъ хорошихъ слугъ и людей мы лишились. Отслужи благодарственный Господу Богу молебенъ за спасеніе наше. Сыновья наши молодцы, они были все время въ охотникахъ и помогали взрывать бастіоны и погреба и разводить мостъ, они будутъ въ послѣдствіи хорошими слугами Царю и Россіи, ибо видѣли то, что не многимъ достанется въ удѣлъ; надѣюсь, что они будутъ произведены въ офицеры. То-то будетъ теперь разсказывать сказокъ у васъ въ Одессѣ, но ты только слушай, а вѣрь лишь тому, что я тебѣ пишу. Что предприметъ и какъ распорядится теперь князь—ничего не знаю; но мы теперь вышли изъ огромной опасности, ибо рѣшеніе оставить Севастополь и быстрое исполненіе спасло армію. Потери неизчислимы какъ для Россіи, такъ и каждаго изъ насъ, почти всѣ офицеры лишились своего имущества — и многіе остались съ тѣмъ, въ чемъ были. Рапортъ мой

*) См. приложеніе № 14.

**) См. приложеніе № 15.

можешь прочесть многимъ, дабы знали, что Севастополь оставленъ послѣ кровопролитнаго, серіознаго и славнаго боя.

5-го сентября 1855 г. Село Дуванка.

Ты уже получила мое длинное письмо, въ которомъ я описывалъ оставленіе Севастополя и мое нездоровье; дней черезъ 10 надѣюсь быть совершенно молодцомъ, пожалуй даже и ранѣе, если понадоблюсь князю *). Наши молодые герои, Костя и Рома, здоровы, и на дняхъ будутъ прапорщиками, тогда я попрошу графа Сакена доставить мнѣ случай, послать ихъ курьерами въ Одессу, чтобы ты посмотрѣла на нихъ и снова благословила. Въ военномъ отношеніи пока еще нѣтъ ничего новаго, непріятель, какъ мнѣ говорили, занялъ городъ, но слабо устраиваетъ батареи и начинаетъ тревожить Сѣверную сторону; но это не та уже будетъ бойня, ибо войска наши стоятъ внѣ выстрѣловъ, а батареямъ много вреда не сдѣлаютъ, они земляныя, слѣдовательно, болѣе безопасны; жаль только, что Николаевская батарея не взорвана, они, завладѣвъ ею, будутъ закрыты отъ дѣйствія нашихъ выстрѣловъ. Вчера князь Васильчиковъ поѣхалъ къ Царю—этотъ человѣкъ разъяснитъ Царю все дѣло по справедливости. Бѣдный Лысенко послѣ ампутаціи умеръ, а Мартинау, не смотря на вылощенную изъ плеча руку, поправляется.

---

*) См. приложеніе № 16.

Будемъ благодарить Господа за сохраненіе насъ надѣяться, что Онъ и впередъ не лишитъ насъ своей благости.

10-го сентября 1855 г. Дуванка.

Поздравляю тебя дорогой другъ, твои два старшіе сына произведены въ прапорщики, за мужество и храбрость, оказанную при бомбардированіи и отбитіи штурма 27-го августа. Теперь они уже стоятъ на хорошей дорогѣ, и не сомнѣваюсь, что они будутъ хорошіе слуги Царю. Союзники особеннаго ничего еще не предпринимаютъ въ Севастополѣ, въ зданіи библіотеки помѣстился Пелисье и штабъ его, а въ разныхъ мѣстахъ города расположено 15 т. войскъ, остальныя войска на позиціяхъ.

Наступленія никакого пока еще нѣтъ, мы же укрѣпляемъ Сѣверную сторону, по которой они стрѣляютъ, но войска наши стоятъ лагеремъ далеко внѣ выстрѣловъ. Наша главная квартира намѣрена переѣхать въ Бакчисарай, гдѣ уже для нее приготовляютъ помѣщенія.

14-го сентября 1855 г. С. Отаркой.

Сегодня покинулъ я Дуванку и присоединился къ дивизіи; намъ предстоитъ движеніе, но куда—еще неизвѣстно *). Каковъ приказъ Государя 30-го

*) См. приложеніе № 17.

французовъ вдругъ сдѣлалась тоже героемъ, когда къ тебѣ прилетѣли твои дорогіе первенцы, и мнѣ кажется, что если бы теперь не только союзная армія и флоты, но и еще какіе нибудь враги пришли, то ты не напугаешься. Радуюсь твоей радости и утѣшенію, я ихъ передъ отъѣздомъ не видѣлъ, ибо съ дивизіей пошолъ въ горы, а ихъ отправилъ въ главную квартиру, не балуй только ихъ и не нѣжъ. Путешествіе мое было весьма удачное, ибо 1-го октября, мы предполагали атаковать непріятеля, но вообрази наше удивленіе, когда утромъ мы увидѣли, что никого нѣтъ, и что непріятель ушелъ снова за горы, въ Байдарскую долину, оставивъ только посты на грѣбнѣ, чтобы обезпечить отступленіе. 7-го числа утромъ, оставляю я горы на попеченіе генерала Тетеревникова, который остается съ своею дивизіею, а я перехожу къ Бакчисараю, и буду отъ него въ 6 верстахъ, у деревни Тиберти.

19-го октября 1855 г. лагерь на рѣкѣ Качѣ.

Стоимъ теперь лагеремъ близъ Бакчисарая, на рѣкѣ Качѣ, начинаемъ строить землянки на зиму. Дѣла по службѣ много, да къ тому еще князь не даетъ мнѣ покою, вотъ и теперь только что возвратился съ поѣздки съ нимъ, по окрестностямъ Бакчисарая, сдѣлавъ болѣе 30 верстъ верхомъ, съ горы на гору.

Относительно непріятеля, онъ, какъ кажется, тоже собирается зимовать, ибо никакихъ движеній и

ничего видимаго не предпринимаетъ. Мое путешествіе въ горы окончилось благополучно и заставило французовъ уйдти за горы, въ Байдарскую долину; тамъ я состоялъ въ командѣ генерала Сухозанета, съ которымъ сошлись. Потомъ мнѣ было дали въ командованіе три дивизіи, но прибылъ графъ Сакенъ, главнымъ начальникомъ и теперь, онъ и я остались при своихъ должностяхъ, т. е. онъ корпуснымъ, а я дивизіоннымъ.

27-го октября 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

Все у насъ по прежнему, только одна радостная новость пронеслась какъ молнія, это то, что Государь будетъ у насъ; всѣ встрепенулись, солдатики чистятся, рядятся, какъ бы на пиръ какой, а старшіе, у кого совѣсть не чиста, суетятся; но какъ бы намъ ни хотѣлось щегольнуть, да бѣда въ томъ, что мы только одѣты отъ непогодъ, а для парада каждому не хватаетъ необходимаго, а мы выступимъ щеголями въ солдатскихъ шинеляхъ и шапкахъ; но повѣришь-ли, что такихъ торжественныхъ лицъ трудно увидѣть гдѣ либо;—я назначилъ къ Царю на часы двухъ молодцовъ, у одного носъ отстрѣленъ, а у другого пальцы, вообще лица такія, что съ почтеніемъ снимешь передъ ними шапку. Какъ говорятъ, Государь будетъ въ Бакчисарѣ 28-го; приготовленія къ смотру воспрещены.

Что-то съ нами будетъ— осенью и зимою трудно себѣ представить, уже теперь нуждаемся въ фу-

ражѣ, а дороговизна усиливается на всѣ предметы;— правда, съ голоду, не умремъ, кусокъ мяса и сухарь будутъ; но къ веснѣ останемся безъ лошадей.

4-го ноября 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

28-го числа прикатилъ къ намъ Царь въ Бакчисарай и прямо въ церковь, гдѣ мы Его ждали; послѣ литіи, Онъ пошелъ прямо въ квартиру князя Горчакова, а мы собрались на дворѣ; тутъ я увидѣлъ Великихъ Князей, которые поцѣловали меня и распрашивали обо всемъ, но были прерваны Государемъ, который сказалъ. „Я сей-часъ ѣду въ лагерь 10-й дивизіи — людямъ быть въ шапкахъ“. Въ ту же минуту я поскакалъ въ лагерь, по тревогѣ вызвалъ и построилъ дивизію, и самъ едва успѣлъ, пересѣсть на другую лошадь и подписать строевой рапортъ, какъ увидѣли ѣдущаго Царя. Онъ былъ съ княземъ въ колескѣ; отрапортовавъ, я подалъ рапортъ, Государь вышелъ изъ коляски и пошелъ пѣшкомъ. Подойдя къ 1-му баталіону Екатеринбургскаго полка, Государь обратился къ князю и сказалъ: „Посмотри князь, какими женихами они выведены, щегольство“—оборотясь ко мнѣ: „Откуда эти прекрасныя шинели?“ — „Ваше Величество, въ Севастополѣ сберегли.“ — „Какъ въ Севастополѣ?“ — „Тамъ было очень жарко, мы дрались въ рубахахъ“. Государь засмѣялся и сказалъ: — „Спасибо“. Тутъ началъ обходить ряды, разспрашивать, благодарить гг. офицеровъ и солдатъ; на лѣвомъ

флангѣ стоялъ нашъ сынъ; „Гдѣ вы получили крестъ?“ — „Въ Севастополѣ за вылазку;“ — „А чинъ?“—„Тоже въ Севастополѣ за 27-е августа, за штурмъ.“ — Какъ ваша фамилія?“—„Семякинъ, Ваше Императорское Величество“.

Государь обратился ко мнѣ: — „Это сынъ вашъ?“—„Есть и другой—такой, Ваше Величество, въ этомъ же полку“. Такимъ же порядкомъ обошелъ Царь всѣ полки, о многомъ спрашивалъ, былъ веселъ, добръ и до невыразимости внимателенъ;—а когда кончилъ осмотръ, сказалъ: „Генералъ Семякинъ, благодарю отъ души за дивизію, за собственную твою службу, я не забылъ, и помню прошлогодніе труды и службу;“ — протянулъ руку, поцѣловалъ три раза и, продолжая держать за руку, сказалъ: „Какъ пріятно мнѣ, что могу лично при всѣхъ благодарить тебя, я вижу—люди веселы, хорошо накормлены, одѣты и совершенно молодцы—богатыри, еще разъ благодарю“. Вотъ первая моя встрѣча съ Царемъ, затѣмъ три дня ѣздилъ Царь осматривать войска на разныхъ позиціяхъ, былъ на кладбищѣ и плакалъ на взрыдъ, видя могилы десятковъ тысячъ павшихъ за Царя, Вѣру и Отечество. 31-го Царь смотрѣлъ мою дивизію въ парадѣ, съ разными другими частями,—тутъ ласкамъ его не было конца, онъ такъ былъ доволенъ дивизіею, что даже сказалъ: „Мнѣ гвардія никогда такого народа не давала“—а когда я ему доложилъ, что во фронтѣ, стояло до 100 офицеровъ и 3737 человѣкъ рядовыхъ раненыхъ, то онъ заставилъ повторить, и началъ меня

рѣжѣ, а дороговизна усиливается на всѣ предметы;— правда, съ голоду, не умремъ, кусокъ мяса и сухарь будутъ; но къ веснѣ останемся безъ лошадей.

4-го ноября 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

28-го числа прикатилъ къ намъ Царь въ Бакчисарай и прямо въ церковь, гдѣ мы Его ждали; послѣ литіи, Онъ пошелъ прямо въ квартиру князя Горчакова, а мы собрались на дворѣ; тутъ я увидѣлъ Великихъ Князей, которые поцѣловали меня и распрашивали обо всемъ, но были прерваны Государемъ, который сказалъ. „Я сей-часъ ѣду въ лагерь 10-й дивизіи — людямъ быть въ шапкахъ“. Въ ту же минуту я поскакалъ въ лагерь, по тревогѣ вызвалъ и построилъ дивизію, и самъ едва успѣлъ, пересѣсть на другую лошадь и подписать строевой рапортъ, какъ увидѣли ѣдущаго Царя. Онъ былъ съ княземъ въ колескѣ; отрапортовавъ, я подалъ рапортъ, Государь вышелъ изъ коляски и пошелъ пѣшкомъ. Подойдя къ 1-му баталіону Екатеринбургскаго полка, Государь обратился къ князю и сказалъ: „Посмотри князь, какими женихами они выведены, щегольство“—оборотясь ко мнѣ: „Откуда эти прекрасныя шинели?“ — „Ваше Величество, въ Севастополѣ сберегли.“ — „Какъ въ Севастополѣ?“—„Тамъ было очень жарко, мы дрались въ рубахахъ“. Государь засмѣялся и сказалъ: — „Спасибо“. Тутъ началъ обходить ряды, разспрашивать, благодарить гг. офицеровъ и солдатъ; на лѣвомъ

ное, когда Государь, среди солдатъ и офицеровъ, былъ гораздо проще, любезнѣе и добрѣе каждаго изъ нашихъ корпусныхъ. Теперь предстоитъ намъ переформированіе, куча работы, да еще устройство на зиму землянокъ.

10-го ноября 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

Я, благодаря Бога здоровъ, какъ только можетъ быть разбитая и старая посуда; много хлопотъ по переформированію, а болѣе по устройству землянокъ, ибо морозы настали, а дивизія еще въ палаткахъ. Цѣны на жизненные припасы ужасныя, фуражъ скоро будетъ дороже прошлогодняго, теперь пудъ сѣна по рублю, а четверть овса 10 рублей; мнѣ же надо кормить 10 лошадей, а средствъ, кромѣ жалованія, не имѣю. Въ теченіе недѣли, на нашемъ горизонтѣ ничего не произошло новаго и хоть сколько нибудь любопытнаго. Наше время проходитъ въ занятіяхъ; вотъ три дня осматриваю полки, укомплектованные изъ 17-й дивизіи, которая въ кадрахъ, уходитъ; погода ужасная, вчера снѣгъ и морозъ, такъ что не угадать какъ и одѣться, а бѣдные мои солдатики еще въ палаткахъ, хотя и холодно. Посылаю тебѣ приказъ Царя и князя Горчакова *), ты увидишь, какъ Государь былъ доволенъ нами, солдатикамъ уже роздано по рублю за смотръ, и они въ

*) Высочайшій приказъ Крымской арміи. Г. Симферополь. Ноября 1-го дня 1855 г. и приказъ главнокоманд. Крымской арміи, ноября 2-го дня 1855 г. главн. кварт. г. Бакчисарай.

цѣловать, и слезы были на глазахъ; ѣздилъ между рядами, говорилъ съ солдатами, разспрашивалъ, вызвалъ всѣхъ офицеровъ, разспрашивалъ каждаго и благодарилъ за службу и, снова поцѣловавъ меня, сказалъ: „благодарю за дивизію, за Севастополь, и еще собственно тебя за твою службу". Сегодняшній день я никогда не забуду. Отпустивъ пѣхоту и осмотрѣвъ кавалерію—потребовалъ меня:—„Скажи войскамъ, защитникамъ Севастополя, что въ память геройства вашего Я приказалъ выбить медаль, вы ее будете носить на Георгіевской лентѣ, на ней будутъ вензеля: покойнаго Государя и Мой вмѣстѣ". Я поскакалъ, и когда объявилъ объ этомъ дивизіи, то крикъ ура! и шапки въ верхъ оглушили меня. На возвратномъ пути черезъ лагерь, вся дивизія выбѣжала провожать Царя, онъ еще благодарилъ и прощался;—я же былъ въ Бакчисараѣ, дабы быть при его отъѣздѣ. Въ 3 часа Государь вышелъ, началъ прощаться, цѣлуя каждаго, подошелъ и ко мнѣ сказалъ: „Еще разъ благодарю тебя за все, желая тебѣ здоровья", обнялъ и поцѣловалъ, потомъ, оборотясь ко всѣмъ, сказалъ: „Прощайте, я бы отъ души желалъ остаться, посреди васъ, но это дѣло невозможное", круто повернулся — и почти бѣгомъ, направился къ экипажу, Онъ едва могъ удержаться, чтобы не заплакать. По окончаніи смотра, вся свита подъѣзжала поздравлять съ блестящимъ смотромъ героевъ, въ числѣ коихъ и твоихъ три. Наши сыновья восхищены смотромъ, имъ въ первые удалось быть участниками, и по истинѣ было, что то торжествен-

на, солдатскія землянки теплы, а моя хата холодна какъ ледникъ; хотя топимъ немилосердно, цѣлый день сижу въ шубѣ, а сплю укрывшись тулупчикомъ, одѣяломъ и шубой, и это только что въ пору. Къ этимъ морозамъ въ добавокъ еще постоянно очень сильный вѣтеръ, ежели такъ продолжится долго, то не знаю, что будетъ съ союзниками, русскимъ хорошо и здорово по привычкѣ, да къ тому и полезно, дороги поправятся, и подвезутъ намъ кое-что, ибо дороговизна невыносимая, напримѣръ: вчера привезли мнѣ 5 возиковъ сѣна, въ которыхъ не болѣе 100 пудовъ, и за нихъ заплочено 160 рублей, за овсомъ послалъ въ Симферополь, не знаю почемъ онъ тамъ,—въ Бакчисараѣ стоитъ 15 руб. четверть; представь себѣ, что будетъ далѣе къ веснѣ, когда запасы истощатся.

Время провожу болѣе среди своей семьи, 10-й дивизіи, и могу похвастаться, что хорошая семья, въ числѣ ихъ полковникъ Зеленой, человѣкъ умный, образованный и веселый, много путешествовалъ, и два раза кругомъ свѣта, я его очень полюбилъ за его честность и правдивость.

6-го декабря 1855 г. на р. Качѣ.

Графъ Сакенъ теперь уже, вѣроятно, у васъ въ Одессѣ, ибо онъ уѣхалъ въ четвергъ утромъ, я вмѣсто него назначенъ командующимъ корпусомъ. До сихъ поръ не шлютъ намъ денегъ, такъ что мы и войска безъ гроша; князь телеграфировалъ, что армія отъ пере-

восхищеніи. Князь ко мнѣ весьма внимателенъ, любезенъ.

1-го декабря 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

Вчера прибылъ курьеръ изъ Варшавы, съ извѣстіемъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ уже пріобщился и ему читалась отходная; съ его смертію, надо полагать, будутъ большія перемѣны въ назначеніи старшихъ. Я боюсь, чтобы не взяли отъ насъ князя Горчакова въ Варшаву, и кого Богъ пошлетъ къ намъ; къ новымъ лицамъ привыкать тяжело, а паче къ тѣмъ, съ кѣмъ мало знакомъ, лучше даже когда вовсе не знаешь. Относительно военныхъ дѣйствій нѣтъ ничего новаго, какъ мы, такъ и они въ настоящее время двигаться не можемъ, и обѣ стороны расположились зимовать; непріятель значительно уменьшилъ войска свои, отправивъ часть ихъ зимовать въ Турцію. Ежели въ теченіи зимы не будетъ мира, то весною возгорится сильная война, и я думаю, что съ начала она обнаружится у насъ, а потомъ перейдетъ въ Бессарабію или даже быть можетъ въ Одессу, ибо они уже вездѣ попробовали и вездѣ видятъ нашу готовность. Зимою конечно будутъ стычки на передовыхъ постахъ, но это пустяки.

3-го декабря 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

Новаго у насъ ничего, холода настали небывалыя, 15 градусовъ и болѣе, снѣгъ глубиною въ полъ-арши-

детъ Святая Воля Господа—онъ до сихъ поръ былъ милостивъ, но и я ничего не сдѣлалъ противъ совѣсти, служу вѣрно и правдиво, а потому крѣпко уповаю на Заступницу нашу передъ Творцомъ. Тяжелое время для Россіи, тяжело и намъ грѣшнымъ, прочь мысль о трудѣ и лишеніяхъ, а тяжка борьба въ ней, и въ особенности тамъ, гдѣ преобладаетъ духъ партій, — нѣмцы и поляки насъ одолѣваютъ, и мало русскихъ по душѣ, всѣ смотрятъ какъ бы избавиться отъ опасности и труда; Петербургъ, Москва теплый и покойный уголъ, свой очагъ— вотъ мысли почти всѣхъ.

Лишь только послѣдуетъ новое назначеніе и прибудетъ корпусный командиръ, я буду проситься у кого подлежитъ, чтобы мнѣ дали отпускъ, надо отдохнуть немного тѣломъ и душою и полечиться. Жаль мнѣ разставаться съ княземъ Горчаковымъ, я его душевно люблю, и для него готовъ на всякіе лишенія и труды.

29-го декабря 1855 г. на р. Качѣ.

Наступающій новый годъ введетъ у насъ большія измѣненія, и чѣмъ-то Господь порадуетъ насъ и матушку Россію. Лидерсъ къ намъ прибылъ, онъ назначенъ на мѣсто князя, на его мѣсто отправится Сухозанетъ, а командиръ 5-го корпуса будетъ Коцебу; Непокойчицкій будетъ начальникомъ штаба, словомъ весь Одесскій штабъ переѣзжаетъ къ намъ, а тамъ создается новый: князь Васильчиковъ будетъ начальникомъ штаба Южной арміи. Графъ Сакенъ, говорятъ,

тоже получилъ новое назначеніе въ Москву не знаемъ только, кто будетъ на его мѣстѣ; дай Богъ, чтобы назначали поскорѣе кого нибудь, да притомъ хорошаго человѣка. Всѣ эти перемѣны поведутъ ли къ лучшему? — но видно необходимо. Князь уѣзжаетъ въ Петербургъ 31-го числа, а теперь ѣздитъ съ Лидерсомъ по позиціямъ и передаетъ ему все. Вотъ живу въ Крыму, и переживаю третьяго главнокомандующаго, Меншикова, Сакена и Горчакова, каково то будетъ съ новымъ. Я увѣренъ, что Лидерсъ, не смотря на огромное удовлетвореніе честолюбія, спать будетъ не на розахъ; здѣсь служба не одесская. Сухозанетъ тоже не фельдмаршалъ, онъ честный и трудолюбивый до крайности человѣкъ, но выжилъ уже изъ того ума, который необходимъ въ настоящую эпоху. Наше дѣло служить по мѣрѣ силъ, но они не стальные и при дурной администраціи упадемъ духомъ и потеряемъ послѣднюю энергію и охоту. Теперь молю Господа, чтобы онъ вразумилъ меня жить съ новыми лицами, такъ какъ Онъ сподобилъ меня жить со старыми. Сегодня видѣлъ Лидерса, онъ принялъ меня, какъ стараго знакомаго, очень любезно, а что будетъ далѣе—не знаю.

Только что отъ Коцебу, графъ Сакенъ не получилъ никакого назначенія, а назначеніе его въ Москву чистыя пустяки, никогда объ этомъ и рѣчи не было; онъ остается по прежнему командиромъ 4-го корпуса подъ командою Лидерса, который гораздо его моложе по службѣ.

Какъ неудовлетворено честолюбіе Лидерса, но видна въ немъ печаль,—отравила она его,—это не Одесса, гдѣ и тепло, и весело, и работъ мало; а здѣсь не одну ночь долженъ будетъ провести безъ сна, выдумывая и средства и способы содержать и накормить армію. Ежели дѣло съ корпусомъ скоро развяжется, то я буду просить, чтобы меня отпустили полѣчиться отъ контузій, а до того ничего сдѣлать не могу.

11-го января 1856 г. на р. Качѣ.

Нашъ новый главнокомандующій Богъ знаетъ что со мною дѣлаетъ, по пріѣздѣ новаго корпуснаго я подалъ докладную записку, прося о дозволеніи мнѣ съѣздить въ Одессу лѣчиться,—онъ отвѣчалъ, что намѣренъ сдѣлать какую то рекогносцировку, и что я нуженъ ему при оной, а по окончаніи ея онъ дозволитъ; вотъ слова, которыя мнѣ передалъ чрезъ смотрѣвшаго мою дивизію генерала Гельфрейга, а какъ по неизвѣстнымъ никому причинамъ главнокомандующій еще ничего не видѣлъ, да и войска его не видѣли, то я боюсь, чтобы эта рекогносцировка не отложилась въ долгій ящикъ. Грустно такъ служить, а по истинѣ не знаю на что рѣшусь; но ежели черезъ нѣсколько дней ничего положительнаго не добьюсь, то быть можетъ буду просить или перевода въ другое мѣсто, или же увольненія для излѣченія болѣзни. Правду сказать, что то и другое, будетъ противно моимъ основнымъ правиламъ,

но что же дѣлать, я уже забылъ когда былъ прапорщикомъ. Я начинаю подозрѣвать, что Лидерсъ не совсѣмъ мною доволенъ, ибо при первомъ же визитѣ ему хотѣлось слышать отъ меня что нибудь въ укоръ князю Горчакову, но какъ я преданъ душою этому благородному русскому дворянину, то отвѣчалъ: „Время укажетъ какой это былъ труженикъ, и каковы были обстоятельства войны;—порицать дѣйствія другихъ легко, и на это есть очень много охотниковъ; — но чтобы они сдѣлали на его мѣстѣ?—А князь сдѣлалъ много“. Наконецъ сегодня Высочайшій приказъ отъ 1-го января разрѣшилъ задачу графа Сакена, онъ назначенъ въ государственный совѣтъ,—это его аранжируетъ хорошо.

Объ военныхъ дѣйствіяхъ ничего не слышно, и вѣроятно ничего и не будетъ до весны, а чѣмъ благословитъ Господь матушку Россію—весна укажетъ.

8-го марта 1856 г. на р. Качѣ.

Вернулся изъ отпуска *) благополучно, засталъ здоровыми всѣхъ моихъ ратныхъ товарищей и друзей. Здѣсь тифъ не такъ свирѣпствуетъ, какъ у васъ, изъ 13 т. состава дивизіи больныхъ не болѣе 500 человѣкъ, это и въ мирное время рѣдкость, дружины хвораютъ сильно, такъ что не знаютъ что и дѣлать, ибо уменьшились на половину. Вчера ѣздилъ являться властямъ и былъ принятъ какъ нельзя

*) Былъ въ 28 дневномъ отпуску въ Одессѣ.

Какъ неудовлетворено честолюбіе Дидерса, видна въ немъ печаль,—отравила она его,—это не Одесса, гдѣ и тепло, и весело, и работъ мало; а здѣсь не одну ночь долженъ будетъ провести безъ сна, выдумывая и средства и способы содержать и накормить армію. Ежели дѣло съ корпусомъ скоро развяжется, то я буду просить, чтобы меня отпустили полѣчиться отъ контузій, а до того ничего сдѣлать не могу.

11-го января 1856 г. на р. Качѣ.

Нашъ новый главнокомандующій Богъ знаетъ что со мною дѣлаетъ, по пріѣздѣ новаго корпуснаго я подалъ докладную записку, прося о дозволеніи мнѣ съѣздить въ Одессу лѣчиться,—онъ отвѣчалъ, что намѣренъ сдѣлать какую то рекогносцировку, и что я нуженъ ему при оной, а по окончаніи ея онъ дозволитъ; вотъ слова, которыя мнѣ передалъ чрезъ смотрѣвшаго мою дивизію генерала Гельфрейга, а какъ по неизвѣстнымъ никому причинамъ главнокомандующій еще ничего не видѣлъ, да и войска его не видѣли, то я боюсь, чтобы эта рекогносцировка не отложилась въ долгій ящикъ. Грустно такъ служить, а по истинѣ не знаю на что рѣшусь; но ежели черезъ нѣсколько дней ничего положительнаго не добьюсь, то быть можетъ буду просить или перевода въ другое мѣсто, или же увольненія для излѣченія болѣзни. Правду сказать, что то и другое, будетъ противно моимъ основнымъ правиламъ,

не будетъ еще объявленъ миръ, никакихъ военныхъ дѣйствій не предпринимать, это тебя должно успокоить, и я почти увѣренъ, что миръ будетъ.

21-го марта 1856 г. Сѣверная сторона Севастополя.

Въ понедѣльникъ водворился я на Сѣверной сторонѣ, поселился въ землянкѣ; хлопотъ по новому переходу и вообще по разнородности частей войскъ очень много; но такъ какъ развязка дѣла кончена, то думаю, что вся эта суматоха недолго продолжится.

Недавно уѣхалъ отъ меня Гюненъ, привозившій для передачи трехъ французскихъ офицеровъ, и поздравилъ насъ съ заключеніемъ мира, который подписанъ 18-го (30-го) марта, и лишь только онъ уѣхалъ, на всемъ союзномъ флотѣ и на позиціяхъ открылась страшная салютаціонная пальба; вѣрно они уже получили официальное извѣстіе о мирѣ, а у насъ, хотя тоже знаютъ, но отъ злости, или какого-либо другого похвальнаго чувства, молчатъ; вообще, поведеніе главной квартиры куда какъ хитро.

22-го марта 1856 г. Сѣверная сторона.

И такъ миръ; нашъ 4-й корпусъ предположено двинуть на Чонгарскій мостъ, къ Мелитополю, гдѣ мы должны будемъ простоять 10 дней, можетъ быть и болѣе, въ видѣ карантиннаго очищенія, а куда затѣмъ пойдемъ — еще не знаютъ, — такъ мнѣ пи-

лучше; корпусный очень обрадовался и сказалъ: „я думалъ, что вы къ намъ уже не возвратитесь;“— вернувшись домой, я засталъ распоряженіе, что моя дивизія, 10-го числа, должна перейдти на Сѣверную сторону и на Инкерманскую позицію, на мѣсто 9-й дивизіи. Это обстоятельство совершенно разстраиваетъ полки, и я выпросилъ отсрочку этому движенію до 16-го, а ежели, къ этому времени, не будетъ извѣстій о мирѣ, то волей неволей 15-го или 16-го поѣду туда, и вступлю въ командованіе этими позиціями, что будетъ далѣе—неизвѣстно, но Богъ милостивъ! Здѣсь все, до невѣроятности дорого, пудъ сѣна 2 р. 40 к., четверть овса 15 руб., пудъ мяса 3 р. 20 к., а все другое почти въ двое противъ прежняго.

14-го марта 1856 г. на р. Качѣ.

Завтра ѣду на Мекензіеву гору къ Веселицкому, чтобы собрать отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія, отъ туда на Инкерманъ, дабы принять эту позицію, и наконецъ на Сѣверную сторону, гдѣ и будетъ моя резиденція. Гдѣ тамъ помѣщусь, что будетъ происходить Единъ Господь только знаетъ; а я вижу въ переди только труды, хлопоты и занятія; конечно, ежели миръ, то все скоро измѣнится, и будетъ совсѣмъ другое, ежели война, то опять другое. Сейчасъ ѣду въ Бакчисарай, чтобы откланяться корпусному, и ежели надобность укажетъ, то и къ главнокомандующему—не будетъ ли какихъ наставленій. Получено распоряженіе, чтобы нынѣ 19-го, ежели даже

не будетъ еще объявленъ миръ, никакихъ военныхъ дѣйствій не предпринимать, это тебя должно успокоить, и я почти увѣренъ, что миръ будетъ.

21-го марта 1856 г. Сѣверная сторона Севастополя.

Въ понедѣльникъ водворился я на Сѣверной сторонѣ, поселился въ землянкѣ; хлопотъ по новому переходу и вообще по разнородности частей войскъ очень много; но такъ какъ развязка дѣла кончена, то думаю, что вся эта суматоха недолго продолжится.

Недавно уѣхалъ отъ меня Гюненъ, привозившій для передачи трехъ французскихъ офицеровъ, и поздравилъ насъ съ заключеніемъ мира, который подписанъ 18-го (30-го) марта, и лишь только онъ уѣхалъ, на всемъ союзномъ флотѣ и на позиціяхъ открылась страшная салютаціонная пальба; вѣрно они уже получили официальное извѣстіе о мирѣ, а у насъ, хотя тоже знаютъ, но отъ злости, или какого-либо другого похвальнаго чувства, молчатъ; вообще, поведеніе главной квартиры куда какъ хитро.

22-го марта 1856 г. Сѣверная сторона.

И такъ миръ; нашъ 4-й корпусъ предположено двинуть на Чонгарскій мостъ, къ Мелитополю, гдѣ мы должны будемъ простоять 10 дней, можетъ быть и болѣе, въ видѣ карантиннаго очищенія, а куда затѣмъ пойдемъ — еще не знаютъ, — такъ мнѣ пи-

шетъ баронъ Дельвигъ; движеніе наше начнется около 20 апрѣля.

29-го марта 1856 г. Сѣверная сторона.

Благодаря Бога миръ, съ часу на часъ, ждемъ манифеста, чтобы помолиться офиціально. Теперь у насъ, въ лагеряхъ, настоящая ярмарка: французы, англичане и сардинцы гостятъ у нашихъ солдатъ, пьянствуютъ до невозможности, много комическихъ сценъ, въ особенности при объясненіяхъ, которыя сопровождаются мимикой и самыми уморительными жестами; наши тоже подъ часъ гостятъ у союзниковъ и пьянство доходитъ до смертныхъ случаевъ, какъ у насъ, такъ и гг. союзниковъ. Офицеры, какъ наши, такъ и ихъ, тоже разъѣзжаютъ; — на дняхъ хотѣлось бы и мнѣ поѣхать въ Севастополь, посмотрѣть на его развалины, и объѣхать Камышъ и Балаклаву, но не знаю когда мнѣ это удастся.

Воскресеніе даютъ обѣдъ союзнымъ главнокомандующимъ, на Мекензіевой горѣ, но всего на 400 человѣкъ, между тѣмъ какъ намъ извѣстно, союзники готовятъ обѣдъ для всѣхъ офицеровъ нашей арміи, изъ этого выходитъ ужасное недоразумѣніе,—по мнѣ въ подобномъ случаѣ, или ничего, или широко.

4-го апрѣля 1856 г. Сѣверная сторона.

Миръ, — всѣ знаемъ, а я стою съ дивизіей, точно какъ бы завтра въ бой — манифеста до

сихъ поръ нѣтъ. Я частно знаю, что только въ концѣ апрѣля моя дивизія выступаетъ къ Мелитополю, гдѣ, простоявъ 10 дней, пойдемъ далѣе, но куда — не знаю. Севастополь разоренъ такъ, какъ едвали возможно болѣе, гг. союзники ни на минуту не остаются безъ дѣла, все ломаютъ, лѣсъ, желѣзо, даже гвозди, все забираютъ и вывозятъ. Объѣхалъ я эти дорогія развалины, осмотрѣлъ непріятельскія работы, былъ у нихъ въ лагерѣ, въ Камышѣ и подумалъ, — славны бубны за горами,—а лагерь, какъ и нашъ, кто въ землянкѣ, кто въ баракѣ, а кто въ палаткѣ. Работы возведенныя ими около Камыша, на случай отступленія, гигантскія, видно, что они побаивались, а самый Камышъ, прославленный ими какъ городъ, все одно, что наши ярмарки, дома выстроены изъ досокъ, громкія названія улицъ, театръ, куча сброду, ничего хорошаго,—цѣны на все страшныя, вездѣ француженки вертятся передъ гг. побѣдителями, которые впрочемъ очень любезны къ намъ.

Поѣздка моя была совершенно случайная, флигель-адъютантъ Ахматовъ пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ меня показать ему Севастополь и работы, а то я не больно тороплюсь оказать имъ мою любезность, хотя имѣю очень много приглашеній; — но завтра поѣду на смотръ всѣхъ войскъ, который будетъ дѣлать Пелисье, это меня очень интересуетъ и ежели успѣю увернуться отъ обѣда, то проѣду въ Балаклаву; завтракать буду у начальника штаба арміи, генерала Мартенпре, онъ до того любезенъ,

что сегодня прислалъ просить и Константина *). На обѣдѣ, данномъ Лидерсомъ, я приглашонъ не былъ и мое отсутствіе было даже замѣчено французскимъ главнокомандующимъ.

12-го апрѣля 1856 г. Сѣверная сторона.

Нашъ главнокомандующій уѣхалъ къ вамъ въ Одессу на Пасху, но говорятъ, что онъ опять возвратится, чтобы еще кое-что осмотрѣть, и потомъ опять будетъ вашимъ гостемъ. Теперь онъ и графъ Строгоновъ въ Симферополѣ обсуждаютъ устройство края; я надѣюсь, что графъ Строгоновъ будетъ здѣсь. Былъ я на смотру французскихъ и англійскихъ войскъ, передъ смотромъ представился маршалу Пелисье, который былъ очень любезенъ—это короткая, толстая фигурка, съ весьма ординарнымъ лицемъ. Войскъ было представлено до 60 т.; солдаты и офицеры боевые. У англичанъ другое: Кодрингтонъ, по физіономіи докторъ, лицо доброе, чисто выбритое, остриженъ гладко, ну точно вольнопрактикующій заграничный дамскій докторъ. Всѣ англійскія войска настоящая театральная декорація, одѣты очень богато, выучены маршировать недурно, такъ что наши фронтовики были въ восхищеніи; шотландцы въ особенности отличались своимъ фантастическимъ костюмомъ; они были въ юпкахъ съ голыми колѣнами, а музыка у нихъ состоитъ изъ во-

*) Старшій сынъ Константина Романовича.

лынокъ. Передъ смотромъ, у Кодрингтона былъ маленькій обѣдъ, блюдъ въ 20, а питья столько, что вся англійская публика поѣхала на смотръ порядочно раскраснѣвшись. Приглашены были всѣ генералы русскіе, французскіе, піемонтскіе и свои. У Ламармора лицо чрезвычайно представительное и воинственное. Французы и сардинцы уже начали по немногу отправлять свои войска, а англичане не только что не думаютъ отправлять, а все еще привозятъ. Дороговизна у нихъ страшная, а потому теперь наши купцы стараются перещеголять ихъ въ грабежѣ.

18-го апрѣля 1856 г. Сѣверная сторона.

Христосъ Воскресе!

Пишу послѣднее письмо, глядя на Севастополь—мѣсто, которое такъ дорого каждому русскому, и гдѣ я два раза встрѣчалъ этотъ высокоторжественный день, и оба раза одинъ другого грустнѣе: въ первый разъ Севастополь разстрѣливали, а въ настоящій видна только груда камней, изъ которыхъ союзные выбираютъ каждый гвоздь, каждый кусокъ дерева и даже тесанный гранитъ, и здѣшній мѣстный камень; гг. союзники, не стыдясь, все разрушаютъ, хотя уже миръ.

21-го числа, я долженъ ѣхать въ Симферополь, гдѣ и пробуду дней десять, ибо нашъ корпусный уѣхалъ въ отпускъ, и я приказомъ по арміи назначенъ командующимъ и получилъ депешу, чтобы быть къ 22-му въ Симферополѣ, для полученія оконча-

тельныхъ распоряженій относительно движеній корпуса. Мнѣ грустно оставлять это мѣсто, гдѣ каждый клочекъ земли, каждый камень напоминаютъ трудъ и геройство русскихъ солдатъ, и такъ невнимательно оцѣненный соотечественниками. Радуюсь, что не буду болѣе видѣть этихъ голодныхъ бродягъ-пришельцевъ; я никогда не имѣлъ особенной симпатіи къ нимъ, а теперь, увидавъ ихъ ближе и узнавъ короче, скажу, что никогда бы не желалъ болѣе сталкиваться съ ними, развѣ только для разоренія Лондона и Парижа, гдѣ я показалъ бы себя достойнымъ имени Тамерлана, чтобы отплатить имъ хотя сотую часть того, что они намъ сдѣлали.

Приложенія.

№ 1.

Командиру 1 бригады 12 пѣхотной дивизіи, господину генералъ-маіору и кавалеру Скмякину.

Его свѣтлости угодно, чтобы ваше превосходительство, съ полученіемъ сегодняшняго числа мортиръ, снарядили бы на завтрашній день экспедицію къ Балаклавѣ.

Сообщая о семъ вашему превосходительству для распоряженія, присовокупляю, что какъ составъ экспедиціи, такъ и порядокъ исполненія оной, я предоставляю усмотрѣнію вашему.

Генералъ-лейтенантъ Липранди.

№ 2.

Начальнику 12 пѣхотной дивизіи господину генералъ-лейтенанту Липранди.

Диверсія горною дорогою на Балаклаву достигла своей цѣли; по телеграфу доносятъ, что часть англійскаго лагеря сняла палатки, и двѣ колонны пѣхоты, изъ подъ Севастополя, потянулись къ Балаклавѣ, почему его свѣтлость поручилъ мнѣ, передать свое желаніе, что-бы и завтрашній день, отъ ввѣренной вашему превосходительству дивизіи, была послана такая же колонна, но безъ мортиръ и артиллеріи; отрядъ не долженъ идти такъ далеко и не завязывать дѣла, а ограничиться тѣмъ, чтобы присутствіе его было замѣчено не-

пріятелямъ, разложить на высотахъ какъ можно болѣе огней и, пробывъ тамъ до разсвѣта, присоединиться къ отряду.

Генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ.

На этой запискѣ сдѣлана надпись рукою генерала Липранди:

Прошу васъ, Константинъ Романовичъ, назначить экспедицію, согласно желанія его свѣтлости, я полагаю, достаточно двухъ ротъ изъ одного изъ полковъ, по вашему усмотрѣнію, поручивъ команду надъ ними маіору Мамышеву.

Липранди.

№ 3.

Союзный флотъ въ 1854 году.

Въ Балтійскомъ морѣ.

Англійскихъ . .	44 корабля	съ 2,200	орудіями
Французскихъ .	23 „	„ 1,250	„

Въ Черномъ морѣ.

Англійскихъ . .	37 кораблей	съ 1,329	орудіями
Французскихъ. .	26 „	„ 1,120	„

Въ Средиземномъ морѣ.

Французскихъ 10 кораблей съ 622 орудіями.

№ 4.

Прошу Константина Романовича еще написать министру:

Для обороны Севастополя остается всего около 240 зарядовъ на орудіе, и мало свинца, между тѣмъ непріятель начинаетъ дѣйствовать съ весьма большою настойчивостію, и ускореніе доставленія пороху и свинцу необходимо.

Меншиковъ.

№ 5.

Симферополь 22 февраля 1855 г.

Мои недуги усиливаются, любезный Константинъ Романовичъ, и грозитъ къ тому лихорадка. Медики гонятъ меня изъ Крыма вонъ, и я рѣшаюсь отправиться въ Николаевъ завтра же.

Не знаю, приведетъ-ли меня судьба сойтиться опять съ вами по службѣ, и потому нынѣ-же обязываюсь выразить вамъ, что оно было-бы мнѣ пріятно, ибо умѣю васъ цѣнить.

. . . . . .

За симъ, прошу еще меня не забывать, и съ курьерами, отправляющимися на кіевскій телеграфъ, извѣщать меня о происходящемъ въ Крыму.

Сейчасъ прибылъ баронъ Виллебрантъ, и вручилъ мнѣ письмо ваше отъ вчерашняго числа, съ рапортомъ г. Сакена за № 20, и запискою г. Хрулева. Ежели достанетъ силъ, то напишу отвѣтъ до отъѣзда. Съ приложеннаго къ моимъ бумагамъ плана прикажите сдѣлать для меня копію.

Не успѣлъ еще запечатать письма этого, какъ получилъ письмо Наслѣдника, увѣдомляющаго меня, что я увольняюсь по болѣзни отъ званія главнокомандующаго, и что князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ назначенъ на мое мѣсто. Я пріостановился выѣздомъ изъ Симферополя, а когда соберусь—дамъ знать.

Сынъ мой получилъ званіе генералъ-адъютанта.

Меншиковъ.

№ 6.

Милостивый государь
Константинъ Романовичъ!

По Всемилостивѣйшему соизволенію, оставя за тяжкою болѣзнію главное командованіе войсками въ Крыму и отдавъ въ приказѣ отъ 28 февраля общую мою благодарность всѣмъ бывшимъ моимъ, морскимъ и сухопутныхъ войскъ сотрудникамъ, я поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ еще отдѣльно симъ свидѣтельствовать, вашему превосходительству, мою искреннюю признательность за то усердіе, ту неутомимость, и ту быструю распорядительность, съ коими вы трудились при мнѣ, заботливость о войскахъ, исполняя съ примѣрною дѣятельностію все, что по званію начальника штаба было на васъ возлагаемо.

Примите, ваше превосходительство, увѣреніе, что съ благодарностію за ваше сотрудничество, я сохраню и самое пріятное воспоминаніе о взаимныхъ нашихъ трудахъ по общему дѣлу и, что еслибы довелось встрѣтиться намъ на ратномъ поприщѣ, то въ числѣ сотрудниковъ моихъ желалъ-бы найдти ваше превосходительство. Въ сихъ желаніяхъ, остаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Князь А. Меншиковъ.

Перекопъ.
4 марта 1855 г.

№ 7.

Перекопъ 4-го марта 1855 г.

Благодарю васъ, любезный Константинъ Романовичъ, за извѣщенія и сообщенія ваше, изъ коихъ послѣднее доставлено мнѣ минувшею ночью флигель-адъютантомъ Мирбахомъ.

Я слышалъ отъ него, что на Сѣверной, по соображеніямъ Баумгартена, предполагается распространить укрѣпленія и выдвинуть ихъ къ Бельбеку, но чѣмъ-же защищать будете эти укрѣпленія, ежели армія вынуждена будетъ сдѣлать движеніе? Опасаюсь, чтобы непріятель не обратилъ ихъ противу насъ.

Завтра отправлюсь чрезъ Алешки въ Херсонъ, куда надѣюсь прибыть прежде князя М. Д. Горчакова, отъ котораго не возвратился еще мой посланный въ Кишиневъ, долженствующій привезти положительное о его выѣздѣ свѣденіе.

При желаніи вамъ всего лучшаго, остаюсь Вашъ всегда готовый къ услугамъ.

Меншиковъ.

№ 8.

Прошу Константина Романовича доложить его сіятельству, что по возвращеніи Тотлебена съ работъ, что послѣдуетъ не прежде вечера, я переговорю съ нимъ и увѣдомлю; отправленіе же днѣпровскаго полка прежде завтряшняго числа послѣдовать не можетъ.

По множеству дѣлъ я совсѣмъ забылъ, что Тотлебенъ просилъ у главнокомандующаго продленія срока полку, только на два дня, а сегодня четвертый уже день; въ чемъ испрашиваю извиненія.

Для огражденія редута — ключа подступа къ Малахову кургану, который господствуетъ надъ всѣмъ Севасто-

полемъ, мы начали большія траншейныя работы, требующія много рукъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ блиндажей, еще нѣкоторыя необходимыя работы не окончены.

Баронъ Д. Ос. Сакенъ.

14 марта 1855 г.
Севастополь.

№ 9.

Желая имѣть васъ дивизіоннымъ начальникомъ во вверенномъ мнѣ корпусѣ, любезный Константинъ Романовичъ, я испросилъ на то согласіе главнокомандующаго. Теперь, по случаю болѣзни Баумгартена отъ расширенія жилъ въ ногахъ, давнишней его болѣзни, которая получила полное развитіе, Вы получите 10 дивизію, на что я имѣю обѣщаніе князя Михаила Дмитріевича.

Баронъ Д. Ос. Сакенъ.

24 мая 1855 г. Севастополь.

№ 10.

20-го іюля 1855 г.

Чтобы не дать непріятелю болѣе приблизиться къ намъ, въ чемъ уже онъ много успѣлъ,—а близость его для насъ смертоносна, и требуетъ непрестаннаго бдѣнія, главнокомандующему угодно, чтобы на отдѣленіяхъ часто были производимы вылазки, съ бо́льшею осмотрительностію и меньшею по возможности потерею людей. Я желалъ переговорить о томъ съ вами, любезный Константинъ Романовичъ, но узнавъ, къ сожалѣнію, что вы чувствуете себя нездоровымъ, прошу прислать ко мнѣ кого либо изъ начальниковъ частей, съ вашими о томъ предположеніями.

Графъ Д. Ос. Сакенъ.

№ 11.

Вопросы, предложенные главнокомандующимъ гг. генераламъ на военномъ совѣтѣ 28 іюля.

Ополченіе предназначаемое въ мое распоряженіе, независимо отъ Курскихъ дружинъ, окончательно можетъ собраться къ Перекопу,—только къ концу октября.

По приблизительному соображенію генералъ-интенданта войска, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, могутъ довольствоваться сѣномъ, въ Крыму, до 15 октября. Если же уменьшить число лошадей на половину, то сѣна достанетъ до половины января; если на $^3/_4$ лошадей, то по 15 апрѣля, т. е. до появленія подножнаго корма.

И такъ, нынѣ настало время рѣшить неотлагательно вопросъ о предстоящемъ намъ образѣ дѣйствія въ Крыму: продолжать-ли пассивную защиту Севастополя, стараясь только выигрывать время и не видя впереди никакого опредѣленнаго исхода, или же немедленно по прибытіи войскъ 2 корпуса и курскаго ополченія перейдти въ рѣшительное наступленіе?

Вопросъ этотъ предлагаю на ваше обсужденіе и въ дополненіе онаго, если мы не должны долѣе оставаться въ пассивномъ положеніи, то:

1) Какое дѣйствіе предпринять?

2) Въ какое время?

Мнѣніе генералъ-лейтенанта Семякина, на вопросы предложенные на военномъ совѣтѣ 28 іюля, 1855 года.

На вопросы, предложенные вашимъ сіятельствомъ, вчерашняго числа, имѣю честь, по долгу вѣрноподданнаго и крайнему моему разумѣнію, изложить мое мнѣніе.

Оставаться въ Севастополѣ въ пассивномъ состояніи на продолжительное время, по многоразличнымъ причинамъ,

какъ въ военномъ, такъ и административномъ отношеніяхъ— мы не можемъ.

Непріятель приблизился уже на многихъ пунктахъ, на весьма близкое разстояніе къ нашимъ веркамъ, и на столько, что послѣ продолжительной и усиленной бомбардировки, какой либо части оборонительной линіи, атака его можетъ быть даже успѣшною, не смотря на несомнѣнное самоотверженіе, съ которымъ войска будутъ защищаться. Результатомъ успѣшной атаки будетъ потеря Севастополя и большей части гарнизона.

Для перехода въ наступательное состояніе представляется два способа:

а) атаковать непріятеля изъ крѣпости и в) атаковать его со стороны Черной рѣчки.

Но оба эти способа трудно исполнить и не принесутъ существенной пользы.

Для приведенія въ исполненіе перваго способа, необходимо будетъ, въ той части города, откуда будетъ назначена атака, сосредоточить значительныя массы войскъ, не менѣе 50 т., а скрыть отъ взоровъ непріятеля такую массу войскъ мы не имѣемъ возможности, слѣдовательно, онъ будетъ уже подготовленъ.

Затѣмъ, для вывода войскъ въ бой, изъ-за нашихъ оборонительныхъ укрѣпленій, мы не имѣемъ достаточно удобныхъ выходовъ, выдвигать-же большія массы, черезъ амбразуры и другія незначительные выходы, значитъ раздробить ихъ, почти въ одиночку, и устраивать ихъ потомъ въ виду непріятеля потребуетъ много времени. Непріятель будетъ зорко слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ, и открывъ начало наступленія и, подвергнетъ головныя части сильнѣйшему артиллерійскому и ружейному огню, слѣдовательно и разстройству, вслѣдствіе котораго и все предпріятіе можетъ сдѣлаться неудачнымъ.

Допустивъ, что не смотря на всѣ затрудненія и неминуемо значительныя потери, успѣхъ будетъ на нашей сто-

ронѣ, и мы займемъ какой либо важный пунктъ, который, чтобы удержать за собою, необходимо будетъ укрѣпить, и до того имѣть на немъ постоянно массы войскъ, совершенно открытыми дѣйствію артиллеріи, обстоятельство, которое, не говоря уже о значительной потери, замедлитъ и самый ходъ работъ. Непріятель-же, высмотрѣвъ наше положеніе, чрезъ сутки, или менѣе, сосредоточитъ свои силы, въ большой числительности, употребитъ всѣ свои усилія, чтобы сбить насъ и при возможной неудачѣ удержаться, вмѣстѣ съ нами. ворвется въ наши укрѣпленія.

Наконецъ, если даже намъ вполнѣ удастся удержать за собою занятый пунктъ и на ономъ укрѣпиться, то мы все таки не выходимъ изъ пассивнаго положенія, потому что союзники перенесутъ свою атаку на другую половину города, такъ какъ ихъ подступы, на обѣихъ половинахъ, очень близки.

А потому, смѣю думать, что этимъ способомъ мы нисколько не выиграемъ и не выйдемъ изъ пассивнаго положенія, а только понесемъ весьма значительную потерю въ войскахъ, и безъ того ослабленныхъ въ числительности, но за то еще не упавшихъ духомъ. Второе предположеніе атаки, со стороны Черной рѣчки, можетъ принести временную пользу; озаботить непріятеля, на нѣсколько дней, заставить его сосредоточить всѣ его растянутыя силы снова къ балаклавскому лагерю и на Сапунъ гору; Севастополь-же останется въ одинаково невыгодномъ положеніи и даже, быть можетъ, еще и худшемъ.

Если-же ограничиться только занятіемъ и укрѣпленіемъ чоргунской позиціи, на которой имѣть не болѣе $1^1/_2$ дивизіи пѣхоты и небольшаго количества кавалеріи, а остальныя войска снова сколь можно поспѣшнѣе приблизить къ Севастополю, го и тутъ наше положеніе нисколько не измѣнится.

Кромѣ того, долгомъ считаю присовокупить, что нѣсколько дневное отсутствіе войскъ отъ Севастополя, и его ослабленіе, подвергаетъ городъ величайшей опасности; союзники,

пріятелямъ, разложить на высотахъ какъ можно болѣе огней и, пробывъ тамъ до разсвѣта, присоединиться къ отряду.

Генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ.

На этой запискѣ сдѣлана надпись рукою генерала Липранди:

Прошу васъ, Константинъ Романовичъ, назначить экспедицію, согласно желанія его свѣтлости, я полагаю, достаточно двухъ ротъ изъ одного изъ полковъ, по вашему усмотрѣнію, поручивъ команду надъ ними маіору Мамышеву.

Липранди.

№ 3.

Союзный флотъ въ 1854 году.

Въ Балтійскомъ морѣ.

Англійскихъ . . 44 корабля съ 2,200 орудіями
Французскихъ . 23 „ „ 1,250 „

Въ Черномъ морѣ.

Англійскихъ . . 37 кораблей съ 1,329 орудіями
Французскихъ. . 26 „ „ 1,120 „

Въ Средиземномъ морѣ.

Французскихъ 10 кораблей съ 622 орудіями.

№ 4.

Прошу Константина Романовича еще написать министру:

Для обороны Севастополя остается всего около 240 зарядовъ на орудіе, и мало свинца, между тѣмъ непріятель начинаетъ дѣйствовать съ весьма большою настойчивостію, и ускореніе доставленія пороху и свинцу необходимо.

Меншиковъ.

№ 5.

Симферополь 22 февраля 1855 г.

Мои недуги усиливаются, любезный Константинъ Романовичъ, и грозитъ къ тому лихорадка. Медики гонятъ меня изъ Крыма вонъ, и я рѣшаюсь отправиться въ Николаевъ завтра же.

Не знаю, приведетъ-ли меня судьба сойтиться опять съ вами по службѣ, и потому нынѣ-же обязываюсь выразить вамъ, что оно было-бы мнѣ пріятно, ибо умѣю васъ цѣнить.

. . . . . .

За симъ, прошу еще меня не забывать, и съ курьерами, отправляющимися на кіевскій телеграфъ, извѣщать меня о происходящемъ въ Крыму.

Сейчасъ прибылъ баронъ Виллебрантъ, и вручилъ мнѣ письмо ваше отъ вчерашняго числа, съ рапортомъ г. Сакена за № 20, и запискою г. Хрулева. Ежели достанетъ силъ, то напишу отвѣтъ до отъѣзда. Съ приложеннаго къ моимъ бумагамъ плана прикажите сдѣлать для меня копію.

Не успѣлъ еще запечатать письма этого, какъ получилъ письмо Наслѣдника, увѣдомляющаго меня, что я увольняюсь по болѣзни отъ званія главнокомандующаго, и что князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ назначенъ на мое мѣсто. Я пріостановился выѣздомъ изъ Симферополя, а когда соберусь—дамъ знать.

Сынъ мой получилъ званіе генералъ-адъютанта.

Меншиковъ.

№ 12.

Рапортъ начальнику севастопольскаго гарнизона генералъ-адъютанту графу Остенъ-Сакену начальника 1 и 2 отдѣленій оборонительной линіи генералъ-лейтенанта Семякина. Отъ 30 августа 1856 года, № 1369.

Въ ½ перваго часа съ 5 бастіона дано было знать, что въ непріятельскихъ траншеяхъ, противу лѣваго фланга 1 отдѣленія, замѣчено большое скопленіе войскъ; такъ какъ тамъ траншеи отстояли отъ нашихъ рвовъ: редута Шварца, 5 бастіона и люнета Бѣлкина, отъ 35 до 50 сажень, то я предположилъ, что непріятель намѣренъ предпринять какое либо покушеніе, тѣмъ болѣе, что на лѣвой половинѣ оборонительной линіи уже слышенъ былъ ружейный огонь; но за пожарами города разсмотрѣть не было возможности, гдѣ и что происходитъ.

По случаю предшествовавшей 3-хъ-суточной усиленной бомбардировки, всякаго рода смѣны войскъ были невозможны; вслѣдствіе чего войска были расположены на лѣвомъ флангѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: одинъ баталіонъ житомірскаго полка въ редутѣ Шварца, другой баталіонъ въ чесменскомъ редутѣ; весь подольскій полкъ въ люнетѣ Бѣлкина, 5 бастіонѣ и на батареяхъ Бурцова и Завалишина, углицкій полкъ въ редутѣ Ростиславскомъ; минскаго полка одинъ баталіонъ за Чесменскимъ редутомъ, а другой по стѣнкѣ; прочія войска на мѣстахъ назначенныхъ по диспозиціи.

Дабы не быть захваченнымъ въ расплохъ, я нашелъ необходимымъ сдѣлать, предварительно, слѣдующія распоряженія: всѣмъ войскамъ разослалъ приказаніе быть въ ружьѣ и совершенной готовности, гарнизонамъ въ бастіонахъ и на бастіонахъ не высовываться, что-бы скрыть нашу готовность, цѣпь стрѣлковъ на банкетахъ сгустить с[illegible]ъ

№ 7.

Перекопъ 4-го марта 1855 г.

Благодарю васъ, любезный Константинъ Романовичъ, за извѣщенія и сообщенія ваше, изъ коихъ послѣднее доставлено мнѣ минувшею ночью флигель-адъютантомъ Мирбахомъ.

Я слышалъ отъ него, что на Сѣверной, по соображеніямъ Баумгартена, предполагается распространить укрѣпленія и выдвинуть ихъ къ Бельбеку, но чѣмъ-же защищать будете эти укрѣпленія, ежели армія вынуждена будетъ сдѣлать движеніе? Опасаюсь, чтобы непріятель не обратилъ ихъ противу насъ.

Завтра отправлюсь чрезъ Алешки въ Херсонъ, куда надѣюсь прибыть прежде князя М. Д. Горчакова, отъ котораго не возвратился еще мой посланный въ Кишиневъ, долженствующій привезти положительное о его выѣздѣ свѣденіе.

При желаніи вамъ всего лучшаго, остаюсь Вашъ всегда готовый къ услугамъ.

Меншиковъ.

№ 8.

Прошу Константина Романовича доложить его сіятельству, что по возвращеніи Тотлебена съ работъ, что послѣдуетъ не прежде вечера, я переговорю съ нимъ и увѣдомлю; отправленіе же днѣпровскаго полка прежде завтряшняго числа послѣдовать не можетъ.

По множеству дѣлъ я совсѣмъ забылъ, что Тотлебенъ просилъ у главнокомандующаго продленія срока полку, только на два дня, а сегодня четвертый уже день; въ чемъ испрашиваю извиненія.

Для огражденія редута — ключа подступа къ Малахóву кургану, который господствуетъ надъ всѣмъ Севасто-

не рѣшились. Послѣ сего со всѣхъ батарей непріятель открылъ сильнѣйшую канонаду, продолжавшуюся не болѣе часу. Французы понесли весьма большую потерю, на площади редута Шварца, во рвахъ и на всемъ пространствѣ между нашими верками и траншеями осталось множество тѣлъ и раненыхъ.

Наша потеря, по предварительно собраннымъ свѣдѣніямъ, доходитъ до числа: убитыхъ оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 114; ранено штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 14 и нижнихъ чиновъ 406; контужены: я—въ спину и многіе штабъ и оберъ-офицеры. Въ числѣ убитыхъ къ общему сожалѣнію находится всѣми уважаемый, храбрый и распорядительный лейтенантъ Банковъ, командовавшій съ честію 5 бастіономъ, раненъ въ обѣ ноги отлично храбрый и распорядительный командиръ 2 баталіона житомірскаго полка, маіоръ Романовичъ. При отбитіи штурма взято въ плѣнъ французовъ: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 8, рядовыхъ 148. Изъ числа коихъ партія въ 50 человѣкъ, взята подольскаго полка, подпоручикомъ Банковскимъ, во рву Бѣлкина люнета.

На мнѣ лежитъ священная обязанность свидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ объ отличной распорядительности начальника 1 отдѣленія капитана 1 ранга Зорина, въ которомъ я имѣлъ постоянно самаго полезнаго помощника; начальника артиллеріи, на дистанціи, капитана 2 ранга Данилевскаго, распорядительнаго и распоряжавшагося своимъ дѣломъ съ отличнымъ хладнокровіемъ.

Генералъ-маіоръ Хрущевъ еще разъ явилъ доказательство личной храбрости и распорядительности; дѣйствія командира житомірскаго полка, подполковника де-Жерве, бывшаго въ редутѣ Шварца, которому досталась защита онаго быть въ самомъ жаркомъ дѣлѣ, выше всякой похвалы; [redacted] подольскаго полка полковникъ Олениковъ, [redacted] стіонѣ, доказалъ какъ свою храбро[redacted] тельность; подольскаго полка

примѣрную храбрость и распорядительность; командующій екатеринбургскимъ полкомъ, подполковникъ Веревкинъ лично, со сводною ротой, дѣйствовалъ въ рукопашномъ бою и получилъ двѣ сильныя контузіи пулями, въ правую половину живота и правую руку съ содраніемъ кожи.

Всѣ войска, участвовавшія въ дѣлѣ, дрались съ геройствомъ и храбростію, будучи одушевляемы своими начальниками. Всѣ офицеры какъ морскаго такъ и сухопутнаго вѣдомства были, какъ и всегда, примѣромъ самоотверженія; въ особенности командиры атакованныхъ батарей, и изъ нихъ командовавшій редутомъ Шварца, лейтенантъ Саблинъ былъ въ самомъ жаркомъ дѣлѣ.

Генералъ-лейтенантъ Семякинъ.

№ 13.

Благодарю душевно ваше превосходительство за примѣрное мужество войскъ ввѣренныхъ вамъ отдѣленій, посылаю вамъ десять знаковъ отличія военнаго ордена для 1 отдѣленія и предлагаю ихъ раздать наиболѣе отличившимся, объявя всѣмъ воинскимъ чинамъ онаго признательность мою, за безпримѣрную храбрость и стойкость, ими оказываемую; на кого будутъ возложены знаки и подъ какими номерами; мнѣ прошу донести; во 2 отдѣленіе, я посылаю прямо 8 знаковъ отличія.

Князь М. Горчаковъ.

№ 14.

Ваше превосходительство велѣли мнѣ сказать чрезъ [redacted] моего, что вы нездоровы и просите поручить [redacted] другому лицу командованіе на Сѣверной сторонѣ. [redacted] главнокомандующій изволилъ поручить вице- принять временно начальство надъ

всѣми батареями и войсками на Сѣверной сторонѣ, прося васъ содѣйствовать ему во всемъ; равномѣрно его сіятельство надѣется, что генералъ-маіоръ Тетеревниковъ, оставаясь ближайшимъ помощникомъ вице-адмирала Панфилова, приложитъ все усердіе, чтобы помочь ему во всѣхъ отношеніяхъ опытностію своею и знаніемъ мѣстныхъ средствъ и обстоятельствъ. Прошу васъ объявить объ этомъ генералу Тетеревникову и увѣдомить его, что онъ на дняхъ долженъ будетъ вступить въ командованіе 8 дивизіи. Г. полковнику Шейдеману прошу сказать, что главнокомандующему угодно, чтобы онъ состоялъ въ полной зависимости отъ вице-адмирала Панфилова, и что его сіятельство увѣренъ въ его готовности.

Генералъ-адъютантъ Коцебу.

28 августа.
1855 г.

№ 15.

Свѣденіе объ убыли на правой половинѣ Севастополя.

1 отдѣленія.

	При орудіяхъ.			Въ полкахъ.		
	Убито.	Ранено.	Конт.	Убито.	Ранено.	Конт.
24 августа убито . .	26	123	6	61	297	123
25 „ „ . .	31	102	5	59	326	23
26 „ „ . .	25	93	2	42	153	29
	82	318	13	162	776	175
		413			1,113	
			1,526			

2 отдѣленія.

	Убито.	Ранено.	Конт.	Убито.	Ранено.	Конт.
24 августа убито . .	15	67	2	39	157	95
25 „ „ . .	25	89	—	39	179	33
26 „ „ . .	12	49	—	17	94	36
	52	203	2	95	430	164
		257			689	
			946			

№ 16.

Увѣдомте меня о вашемъ здоровьѣ, и могу-ли я надѣяться, что въ случаѣ весьма важныхъ обстоятельствъ, вы явитесь къ дивизіи, которая будетъ находиться около Зеленкіой, завтра или послѣ завтра; я васъ потребую только въ крайней и весьма важной надобности, и пришлю вамъ о томъ приказаніе съ нарочнымъ.

Отъ души вамъ преданный

кн. Горчаковъ.

№ 17.

Весьма можетъ случиться, что 10 дивизія, предназначенная для нападенія на непріятеля, двинется въ походъ черезъ нѣсколько дней, а можетъ быть и завтра. Я требую отъ вашего превосходительства, какъ отъ стараго моего пріятеля и честнаго офицера, чтобы вы были при ней, когда она двинется; о времени выступленія я васъ увѣдомлю, но будьте готовы.

Отъ души вамъ преданный

князь М. Горчаковъ.

всѣми батареями и войсками на Сѣверной сторонѣ, прося васъ содѣйствовать ему во всемъ; равномѣрно его сіятельство надѣется, что генералъ-маіоръ Тетеревниковъ, оставаясь ближайшимъ помощникомъ вице-адмирала Панфилова, приложитъ все усердіе, чтобы помочь ему во всѣхъ отношеніяхъ опытностію своею и знаніемъ мѣстныхъ средствъ и обстоятельствъ. Прошу васъ объявить объ этомъ генералу Тетеревникову и увѣдомить его, что онъ на дняхъ долженъ будетъ вступить въ командованіе 8 дивизіи. Г. полковнику Шейдеману прошу сказать, что главнокомандующему угодно, чтобы онъ состоялъ въ полной зависимости отъ вице-адмирала Панфилова, и что его сіятельство увѣренъ въ его готовности.

Генералъ-адъютантъ Коцебу.

28 августа.
1855 г.

№ 15.

Свѣденіе объ убыли на правой половинѣ Севастополя.

1 отдѣленія.

	При орудіяхъ.			Въ полкахъ.		
	Убито.	Ранено.	Конт.	Убито.	Ранено.	Конт.
24 августа убито . .	26	123	6	61	297	123
25 „ „ . .	31	102	5	59	326	23
26 „ „ . .	25	93	2	42	153	29
	82	318	13	162	776	175
		413			1,113	
			1,526			

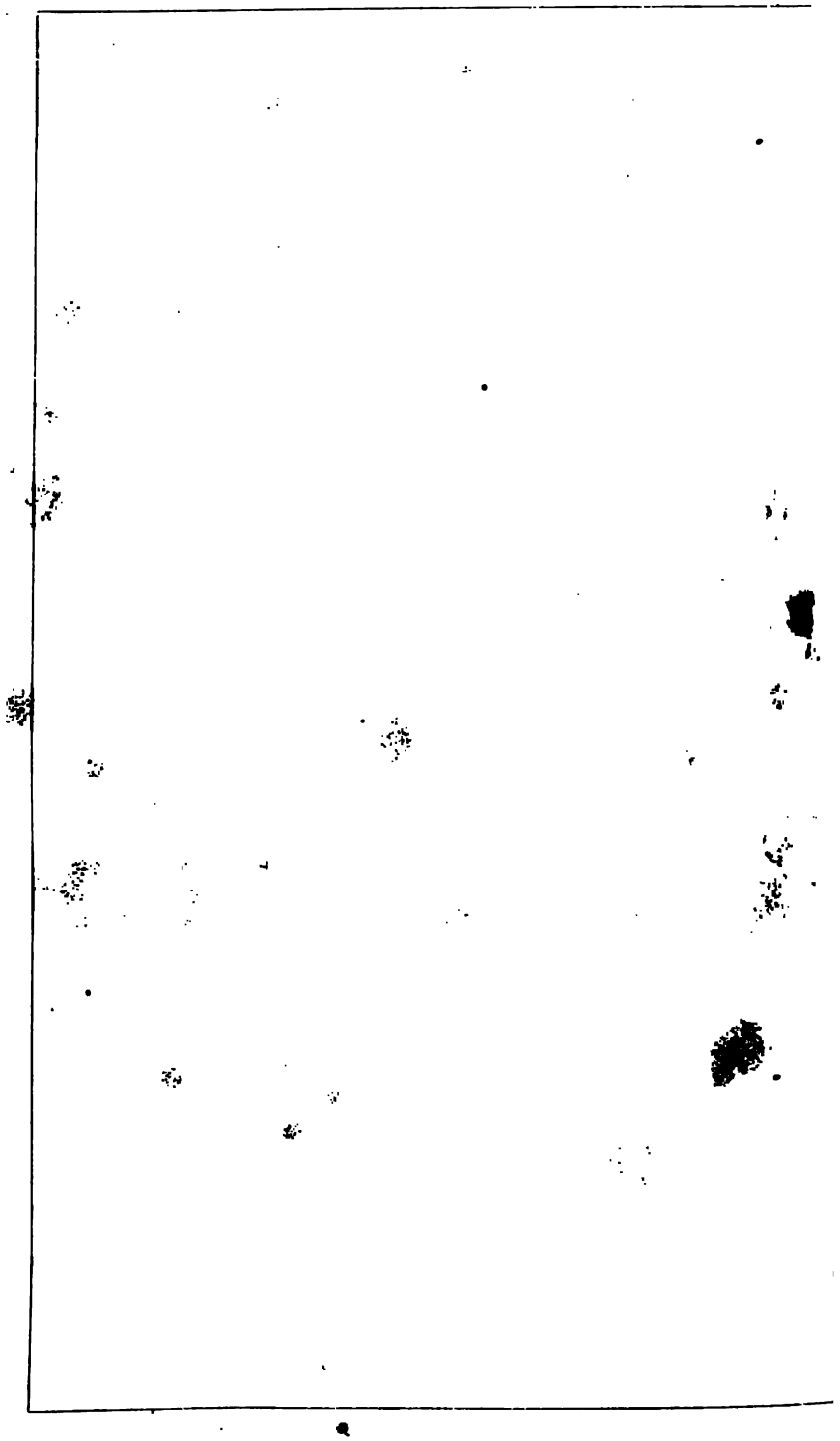
2 отдѣленія.

	Убито.	Ранено.	Конт.	Убито.	Ранено.	Конт.
24 августа убито . .	15	67	2	39	157	95
25 „ „ . .	25	89	—	39	179	33
26 „ „ . .	12	49	—	17	94	36
	52	203	2	95	430	164
		257			689	
			946			

ВОСПОМИНАНІЯ

Брянца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ

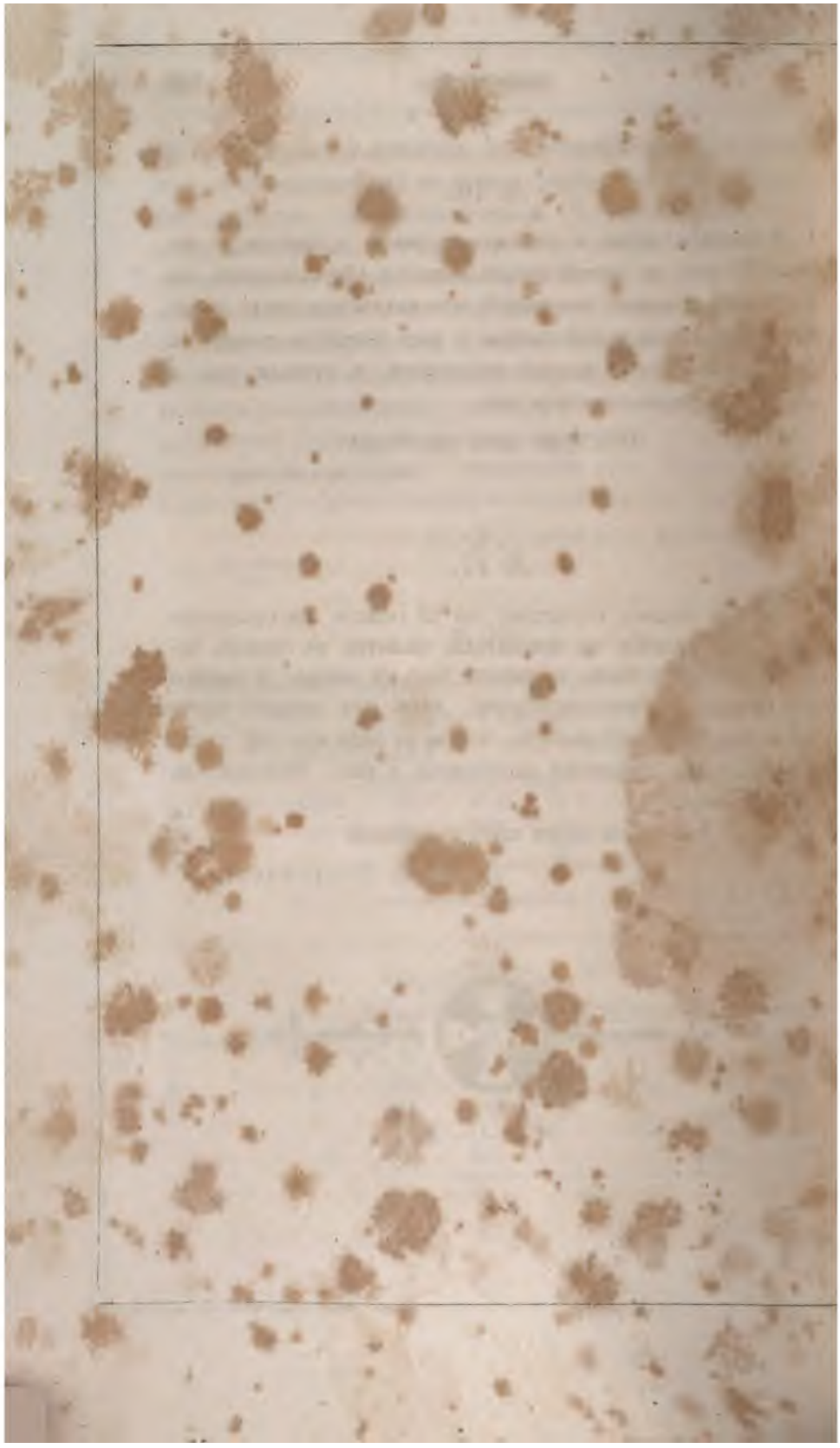
Александра Гана.



ВОСПОМИНАНІЯ

Брянца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ

Александра Гана.



ВОСПОМИНАНІЯ

Бранца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ

Александра Гана.

южной сторонѣ пострадавшихъ полковъ (одинъ изъ нихъ былъ 11-й пѣхотной дивизіи Якутскій), переведенныхъ на Сѣверную сторону, и командиръ 6-го сапернаго баталіона полковникъ Ползиковъ (нынѣ Керченскій комендантъ). Ожидали только прибытія командира Брянскаго полка и тотчасъ-же всѣ отправились къ главнокомандующему, генералъ-адъютанту князю Горчакову. Князь казался крайне озабоченнымъ и безпокойнымъ. Всѣ пріемы князя составляли поразительную противоположность съ спокойствіемъ начальника главнаго штаба. Князь Михаилъ Дмитріевичъ лично передалъ собравшимся, что съ утреннею зарею должна начаться работа по возведенію на Сѣверной сторонѣ кремальерной линіи. Важность и необходимость скорѣйшаго ея окончанія были, по видимому, предметомъ его внутренняго волненія. Князь, обратившись къ своему, такъ онъ называлъ полковника Гана, командиру полка, при всѣхъ присутствовавшихъ объявилъ, что какъ ввѣренный ему полкъ силенъ численностію и свѣжъ, то успѣшная постройка кремальерной линіи возлагается на полкъ и строжайшая отвѣтственность падетъ на всѣхъ чиновъ при малѣйшей медленности или неодобрительномъ заявленіи полковника Ползикова, какъ распорядителя работъ. На этомъ должна была кончиться эта вечерняя бесѣда, продлившаяся часовъ до десяти. Отпуская собравшихся, князь еще разъ повторилъ, чтобы на работы выводились, подъ ближайшимъ наблюденіемъ полковыхъ командировъ, всѣ безъ исключенія люди полковъ. Когда послѣ

того, какъ бы нѣсколько успокоившись, главнокомандующій обратился къ полковнику Гану съ вопросомъ о состояніи полка, мундиръ котораго онъ самъ въ тотъ вечеръ имѣлъ на себѣ, то начальникъ главнаго штаба доложилъ князю, что Брянскому полку трудно будетъ съ утреннею зарею приступить къ изнурительнымъ земляннымъ работамъ и что полезно бы было дать полку хоть суточный отдыхъ. Это замѣчаніе вновь взволновало князя. Онъ гнѣвно обратился къ полковнику Гану и сталъ укорять его въ уклоненіи отъ трудовъ въ то время, когда другіе не жалѣютъ жизни своей и сотнями кончаютъ честную и вѣрную службу на батареяхъ Южной стороны.

Какъ пораженный предъ гнѣвнымъ княземъ стоялъ полковникъ Ганъ, не чувствовавшій въ ту минуту ни за собою, ни за полкомъ ни малѣйшей вины. Что было ему дѣлать и какъ оправдаться въ виду непрошеннаго заступника? „Напрасно, ваше сіятельство, вы гнѣваетесь на вашего полковаго командира“, сказалъ спокойный начальникъ главнаго штаба. „Не онъ васъ проситъ объ этомъ, а я вамъ о томъ докладываю. Полкъ безостановочно форсированнымъ маршемъ только что совершилъ дальній походъ. Дайте ему отдыхъ, чтобы онъ могъ успѣшно начать работы свѣжими, а не изнуренными силами людей“. Князь прекратилъ разговоръ и довольно холодно отпустилъ полковаго командира, еще разъ предупредивъ его, чтобы къ четыремъ часамъ утра всѣ чины полка были выведены на работу кремальерной линіи.

Не радостны были первыя впечатлѣнія подъ Се-

южной сторонѣ пострадавшихъ полковъ (одинъ изъ нихъ былъ 11-й пѣхотной дивизіи Якутскій), переведенныхъ на Сѣверную сторону, и командиръ 6-го сапернаго баталіона полковникъ Ползиковъ (нынѣ Керченскій комендантъ). Ожидали только прибытія командира Брянскаго полка и тотчасъ-же всѣ отправились къ главнокомандующему, генералъ-адъютанту князю Горчакову. Князь казался крайне озабоченнымъ и безпокойнымъ. Всѣ пріемы князя составляли поразительную противоположность съ спокойствіемъ начальника главнаго штаба. Князь Михаилъ Дмитріевичъ лично передалъ собравшимся, что съ утреннею зарею должна начаться работа по возведенію на Сѣверной сторонѣ кремальерной линіи. Важность и необходимость скорѣйшаго ея окончанія были, по видимому, предметомъ его внутренняго волненія. Князь, обратившись къ своему, такъ онъ называлъ полковника Гана, командиру полка, при всѣхъ присутствовавшихъ объявилъ, что какъ ввѣренный ему полкъ силенъ численностію и свѣжъ, то успѣшная постройка кремальерной линіи возлагается на полкъ и строжайшая отвѣтственность падетъ на всѣхъ чиновъ при малѣйшей медленности или неодобрительномъ заявленіи полковника Ползикова, какъ распорядителя работъ. На этомъ должна была кончиться эта вечерняя бесѣда, продлившаяся часовъ до десяти. Отпуская собравшихся, князь еще разъ повторилъ, чтобы на работы выводились, подъ ближайшимъ наблюденіемъ полковыхъ командировъ, всѣ безъ исключенія люди полковъ. Когда послѣ

того, какъ бы нѣсколько успокоившись, главнокомандующій обратился къ полковнику Гану съ вопросомъ о состояніи полка, мундиръ котораго онъ самъ въ тотъ вечеръ имѣлъ на себѣ, то начальникъ главнаго штаба доложилъ князю, что Брянскому полку трудно будетъ съ утреннею зарею приступить къ изнурительнымъ земляннымъ работамъ и что полезно бы было дать полку хоть суточный отдыхъ. Это замѣчаніе вновь взволновало князя. Онъ гнѣвно обратился къ полковнику Гану и сталъ укорять его въ уклоненіи отъ трудовъ въ то время, когда другіе не жалѣютъ жизни своей и сотнями кончаютъ честную и вѣрную службу на батареяхъ Южной стороны.

Какъ пораженный предъ гнѣвнымъ княземъ стоялъ полковникъ Ганъ, не чувствовавшій въ ту минуту ни за собою, ни за полкомъ ни малѣйшей вины. Что было ему дѣлать и какъ оправдаться въ виду непрошеннаго заступника? „Напрасно, ваше сіятельство, вы гнѣваетесь на вашего полковаго командира“, сказалъ спокойный начальникъ главнаго штаба. „Не онъ васъ проситъ объ этомъ, а я вамъ о томъ докладываю. Полкъ безостановочно форсированнымъ маршемъ только что совершилъ дальній походъ. Дайте ему отдыхъ, чтобы онъ могъ успѣшно начать работы свѣжими, а не изнуренными силами людей“. Князь прекратилъ разговоръ и довольно холодно отпустилъ полковаго командира, еще разъ предупредивъ его, чтобы къ четыремъ часамъ утра всѣ чины полка были выведены на работу кремальерной линіи.

Радостны были первыя впечатлѣнія подъ Се-

вастополемъ полковаго командира. Не успѣлъ еще полкъ ступить на Севастопольскую почву, а тѣнь незаслуженнаго, но всегда сильнаго чувства перваго сомнѣнія могла уже вкрасться въ душу высшаго начальника и близкаго полку, шефа его. Если бы въ эту минуту Брянцамъ приказано было идти на приступъ, то едва ли устояла бы передъ ихъ дружнымъ напоромъ сильнѣйшая изъ непріятельскихъ батарей. Но полку предстояла другая, менѣе завидная задача, а только что выслушанныя полковымъ командиромъ заботы главнокомандующаго объ успѣшной постройкѣ кремальерной линіи и надежды князя на числительный составъ полка, отымали у полковаго командира всякую возможность, даже подъ опасеніемъ заслуженнаго негодованія, проситься въ открытый огонь.

Крѣпкимъ сномъ скованные, лежали какъ убитые, на покрытой росою Севастопольской землѣ баталіоны Брянцевъ. Въ отдаленіи суетилось нѣсколько человѣкъ около только что прибывшаго ротнаго обоза. Разводились огни, чтобы наставить котлы для приготовленія пищи. Тяжело было подъ впечатлѣніемъ испытанныхъ только что чувствъ нарушить спокойствіе живительнаго сна. Но дѣлать нечего; разбудили людей; начались разсчеты; начали торопить варку и поднялась въ своемъ родѣ тревога.

Въ 4 часа утра отправились на работу всѣ чины Брянскаго полка. При котлахъ остались ротные цирульники, заступившіе мѣсто кошеваровъ. Были-ли нижніе чины сыты, успѣли-ли они запастись силами

для безостановочныхъ и, правду сказать, мало имъ любезныхъ, въ виду Севастопольскихъ батарей земляныхъ работъ? О томъ не время было разсуждать. Цѣлый день работали. Передъ вечеромъ пошелъ дождь, онъ промочилъ землю. Въ 9-мъ часу возвратился полкъ съ работъ и вновь отдано приказаніе съ разсвѣтомъ въ томъ же числѣ людей выступить на тѣже работы. Не до ужина, конечно, было людямъ: мало кто пошелъ къ котламъ, другіе бросились на мокрую землю и подъ изобильно накроплявшимъ дождемъ предпочли кратковременный сонъ. Такъ прошла вторая ночь подъ Севастополемъ. Утромъ 28-го апрѣля въ полку появилась холера. Исполнились пророческія опасенія начальника главнаго штаба.

Этотъ новый бичъ не могъ не опечалить чиновъ полка. Не для того же спѣшили Брянцы подъ Севастополь, чтобы въ виду грознаго непріятеля умирать безславною смертію отъ холеры.

Послѣдовало разрѣшеніе полку поставить палатки и избрать новую позицію на открытомъ возвышенномъ морскомъ берегу. Къ счастію, съ перемѣною лагеря болѣзнь утратила свой угрожающій характеръ и если не прекратилась совершенно, то по крайней мѣрѣ похищала немного жертвъ. Вообще состояніе здоровья было сверхъ чаянія весьма удовлетворительно.

Новый лагерь Брянскаго полка встревожилъ непріятеля; заговорили въ союзномъ станѣ о прибытіи цѣлой арміи, пришедшей на подкрѣпленіе сева-

стопольскаго гарнизона. Пригласивъ полковаго командира къ обѣденному столу, главнокомандующій съ удовольствіемъ говорилъ, что полкъ его еще не былъ въ огнѣ, а уже страху задалъ непріятелю. Слова эти вечеромъ того же дня передавались во всемъ полку отъ одного другому и Брянцы поклялись и на дѣлѣ оправдать себя предъ своимъ шефомъ.

Такъ проходили дни за днями. Кремальерная линія начала обрисовываться и возвышаться. Она обратила на себя вниманіе союзниковъ и возводившія ея насыпи войска удостоились чести сдѣлаться предметомъ дѣйствій непріятельскихъ батарей. Однообразіе работъ прерывалось разрывомъ бомбъ и выбытіемъ изъ строя людей; но работы подвигались своимъ порядкомъ къ немалому успокоенію главнокомандующаго, не рѣдко посѣщавшаго работы и постоянно съ любовью ободрявшаго солдатъ.

25-го мая послѣ полудня началась третья бомбардировка севастопольскихъ укрѣпленій. Съ высотъ Сѣверной стороны представлялась грозная картина постепеннаго разрушенія и по видимому беззащитности севастопольскихъ укрѣпленій. 26-го числа въ 6 часовъ послѣ обѣда двинулись французскія колонны на штурмъ Камчатскаго, Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ. Всѣ бы кажется бросились выручать эти передовыя стражи нашихъ позицій, но морскія пучины полагали неодолимыя преграды нашему рвенію. Ужасное положеніе быть свидѣтелемъ торжества непріятеля и не имѣть возможности спѣшить на выручку своихъ.

формировавшагося отряда невольная суета смѣнилась тишиною, и только тогда представилась новымъ защитникамъ Малахова картина, внутреннее его разрушеніе, а разстилавшаяся передъ ними, покрытая труппами, мѣстность свидѣтельствовала, что не легко достается побѣда, если дѣло имѣешь съ храбрымъ гарнизономъ. Скоро свыклись Брянцы съ этою новою, грозною для нихъ обстановкою. Опасность, а болѣе всего сознаніе долга, легко знакомятъ человѣка съ своимъ положеніемъ. Прошло немного часовъ пребыванія Брянцевъ на Малаховомъ курганѣ, а они успѣли уже пріобрѣсть право на окрещенныхъ севастопольскимъ огнемъ солдатъ. Потеря людей считалась не десятками. Большая убыль въ людяхъ тотчасъ же оказалась отъ того, что пока полковое начальство приступило къ предварительному обходу банкетовъ для смѣны Черниговцевъ, плотныя колонны сильныхъ численностію баталіоновъ, тѣснившихся на малыхъ площадкахъ внутренности укрѣпленія, представляли вѣрную цѣль, предварительно избранную непріятельскими батареями. Въ эти минуты жертвы падали не по одному, а массами. Первою жертвою сдѣлался молодой прапорщикъ Фишбахъ, офицеръ, подававшій большія надежды и заслужившій вниманіе своею боевою службою въ траншеяхъ Силистрійскихъ. За храбрость и мужество тамъ оказанныя, прапорщикъ Фишбахъ удостоился награды орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Орденъ этотъ, льстившій ему какъ доказательство вниманія начальства къ его храбрости былъ

Не долги были сборы; съ пристани дано было знать, что пароходы и катера готовы принять полкъ. Переправа, при временно умолкнувшей бомбардировкѣ и воцарившейся тишинѣ, произведена была въ порядкѣ и скоро.

Было около 11 часовъ, когда начальникъ штаба севастопольскаго гарнизона генералъ-адъютантъ князь Васильчиковъ отдалъ лично командиру полка приказаніе идти на Малаховъ курганъ. Еще была ночь, когда сопровождаемый однимъ изъ состоявшихъ при князѣ офицеровъ, вступилъ Брянскій полкъ въ составѣ трехъ полныхъ баталіоновъ на Малаховъ курганъ, гдѣ тотчасъ же былъ привѣтствованъ залпами изъ непріятельскихъ батарей, открывшихъ опять свой смертоносный огонь. Прибытіе Брянскаго полка на Малаховомъ курганѣ ожидали съ нетерпѣніемъ. Тамъ генералъ Хрулевъ собиралъ отрядъ, съ которымъ предполагалось возвратить отнятыя у насъ вечеромъ передовыя наши позиціи. Брянскому полку приказано немедленно смѣнить стоявшихъ на банкетахъ Черниговцевъ, которые при штурмѣ французовъ 26-го числа храбро отразили побѣдителей Камчатскаго редута, бросившихся безуспѣшно и на Малаховъ курганъ.

Темнота ночи, незнакомая мѣстность, множество траверсовъ и другихъ насыпей, обратившихъ Малаховъ курганъ для новыхъ пришельцовъ въ какой то лабиринтъ, затрудняли смѣну Черниговцевъ, а между тѣмъ смѣну торопили; Черниговцы были нужны. Къ разсвѣту опустѣлъ Малаховъ; кипѣвшая отъ

ные. Французскіе офицеры, чуть не раздушенные, въ щегольскихъ лайковыхъ перчаткахъ, щитыхъ мундирахъ, явились какъ будто на какой нибудь торжественный пиръ. Они старались быть любезными; вызывали нашихъ офицеровъ, во множествѣ вышедшихъ на это мирное свиданіе, на разговоры; угощали сигарами; разсыпались въ похвалахъ о мужествѣ нашихъ войскъ и во всемъ этомъ выражалась невыносимая хвастливость и нескрываемое чувство своего превосходства. Всѣ въ одинъ голосъ просили показать имъ генерала Хрулева, казалось всѣ они съѣхались, чтобы посмотрѣть на этого чудо героя. Приторность французскихъ любезностей и хвастовства становились невыносимыми и были вскорѣ прекращены, къ нашему удовольствію, спустившимся съ Камчатки бѣлымъ флагомъ. Еще не вся Брянская цѣпь успѣла сняться и возвратиться къ своимъ ружьямъ, какъ послѣдовалъ первый выстрѣлъ съ французской батареи. Наша артиллерія не осталась въ долгу и завязалась опять сильная канонада съ обѣихъ сторонъ.

Не долго пришлось Брянскому полку оставаться на Малаховомъ курганѣ. Возвратившись съ уборки тѣлъ, онъ болѣе не занялъ на Малаховомъ курганѣ банкеты. Полковому командиру отдано было приказаніе вести свои баталіоны на 3-й бастіонъ, охраненіе котораго поручалось ввѣренному ему полку. Туда же долженъ былъ явиться на присоединеніе къ полку и оставшійся на Сѣверной сторонѣ 3-й баталіонъ. Пообѣдали роты, и баталіоны подъ началь-

имъ полученъ въ самый день переправы съ Сѣверной на Южную сторону. Прапорщикъ Фишбахъ не имѣлъ еще утѣшенія украсить свою грудь пожалованнымъ ему орденомъ, положилъ его въ боковой карманъ шароваръ и съ твердою рѣшимостію оправдать себя предъ своими начальниками и товарищами, ступилъ бодро на Малаховъ курганъ. Не успѣлъ баталіонъ построить колонну, вдругъ чудовищная бомба разрывается надъ головою прапорщика Фишбаха и внезапно исчезъ онъ, какъ будто его никогда не бывало. Только кровь Фишбаха брызнула въ глаза возлѣ стоявшихъ, проговорившихъ ему вѣчную память. Утромъ отыскана была оторванная отъ туловища нога. Въ шароварахъ нашли завернутый въ бумагу, исписанную рукою Фишбаха, орденъ св. Анны 3-й степени. Этой ногѣ отдана была почесть подобавшая Фишбаху.

Нападеніе генерала Хрулева на французовъ не состоялось. Войска возвратились на свои мѣста. На Малаховомъ курганѣ, продолжавшемъ быть цѣлью ожесточенной пальбы, былъ съѣздъ высшаго начальства. О чемъ судили они и къ какимъ пришли рѣшеніямъ—осталось неизвѣстнымъ. Съ вечера того же дня начали поговаривать объ уборкѣ тѣлъ. 28-го мая около полудня, какъ только на бывшей нашей Камчатской батареѣ взвился бѣлый флагъ, безоружные Брянцы выступили изъ своихъ прикрытій и быстро разсыпались для занятія указанной черты. Тутъ было первое знакомство наше съ французами; оно оставило въ насъ весьма непріятное впечатлѣ-

РЫБАЧЕНКО.

...ЕВЪ 15 ЛѢТЪ, ОТЛИЧИВШІЙСЯ НА КАВКАЗСКОМЪ РЕЗУТѢ.

РЫБАЧЕНКО.

ОЛОНТЕРЪ 15 ЛѢТЪ, ОТЛИЧИВШІЙСЯ НА КАМЧАТСКОМЪ РЕДУТѢ,

обстрѣленныя севастопольскимъ огнемъ вой-
невольная осторожность сопровождала всѣ
новичковъ. Усталый видъ изнурившихся на
съ кремальерной линіи солдатъ не могъ рас-
ъ въ ихъ пользу. Ко всему этому слава шеф-
олка также не служила къ скорому брат-
ближенію его съ моряками, взиравшими на
къ на настоящихъ господъ 3-го бастіона.
: это избалованные начальствомъ любимцы,
рыми пожалуй наживешь хлопотъ, а мало

овъ былъ первый, не радостный и мало по-
льный пріемъ Брянцевъ на 3-мъ бастіонѣ,
й пришлось имъ впослѣдствіи оросить своею
на которомъ большая часть полка положила
изнь и который онъ отстоялъ съ честью до
ей минуты. Работы закипѣли; отдыха не было
ло смѣны полку. Разсыпавшіяся насыпи 3-го
обнажали производившихъ на оном работо-
то и убыль людей въ полку въ первые дни
ьсьма значительная. Она происходила и отъ
о новички Брянцы не умѣли приноровиться
ности, не ознакомились съ направленіемъ не-
ьскихъ выстрѣловъ, и не узнали самыхъ опас-
ѣстъ бастіона и способовъ какъ ихъ обхо-
е говоря объ исходящемъ углѣ бастіона, куда
имуществу направлялись всѣ непріятельскіе
ы, самымъ опаснымъ мѣстомъ считалось мало
е пространство, отдѣляющее фланговую ба-
ъ 3-го бастіона. На этомъ пространствѣ

рѣдко кто днемъ проходилъ безнаказанно. Мѣткіе выстрѣлы англичанъ преслѣдовали смѣльчаковъ. Не зная еще особенностей этой мѣстности, полковой командиръ, сопровождаемый ординарцемъ изъ унтеръ-офицеровъ, проходя изъ бастіона на флангову батарею, встрѣтился въ этой долинѣ смерти съ командиромъ 1-го баталіона, подполковникомъ Богдановичемъ. Они остановились, чтобы передать другъ другу свои замѣчанія. Ординарецъ отошелъ шагъ въ бокъ и, чтобы стоять лицемъ къ своему начальнику, оборотился къ сторонѣ непріятеля. Замѣтивъ опасное положеніе ординарца, около котораго валилъ градъ пуль, полковой командиръ приказалъ ему отойти съ своего мѣста. Не успѣлъ кончить приказаніе это командиръ полка, какъ мѣткая пуля щелкнула какъ орѣхъ и бравый унтеръ-офицеръ пораженный въ лобъ, закачался и рухнулся какъ снопъ. Смерть была мгновенная. Не посчастливилось въ этотъ день полковому командиру съ состоявшими при немъ тѣлохранителями. Вмѣсто убитаго ординарца наряженъ былъ другой, котораго постигла таже участь, но только на другой мѣстности. Отставъ нѣсколько отъ командира полка, обходившаго банкеты, онъ сраженъ былъ ядромъ и смерть его также была безъ страданій мгновенная. Эти два случая, одинъ за другимъ, постигнувшіе на глазахъ полковаго командира и въ первый же день пребыванія полка на 3-мъ бастіонѣ двухъ лучшихъ его ординарцевъ, не могли не опечалить полковника Гана и должны были произвесть нѣкоторое впечат-

ніе на нижнихъ чиновъ, склонныхъ всегда видѣть обыя зловѣщія предзнаменованія въ случаяхъ чѣмъ будь поразительныхъ. Подъ вліяніемъ чувства корби, овладѣвшей полковымъ командиромъ, онъ воздержался отдать приказаніе нарядить къ нему третьяго ординарца. Нельзя не вспомнить съ особымъ умиленіемъ и не упомянуть о высокомъ чувствѣ долга нашего добраго солдата: очередной ординарецъ тотчасъ-же явился самъ къ командиру полка заступить мѣсто двухъ убитыхъ. Случаи эти обратили также на себя вниманіе бастіоннаго начальства; они послужили поводомъ приказанію построить блиндажъ для командира полка. Избрано было мѣсто въ открытой горжѣ бастіона и въ недальномъ разстояніи отъ долины смерти. Усердно постарались и саперы скорѣе построить этотъ блиндажъ, чтобы полковаго командира укрыть по возможности отъ ежеминутной опасности. Усердіе офицеровъ полка было достойно похвалы. Полковые штуцерники охраняли постоянно исходящій уголъ бастіона. Тамъ была ихъ главная квартира и тамъ ихъ служба была весьма полезная. Не разъ доходили до насъ жалобы англичанъ, что мѣткій огонь штуцерниковъ крѣпко наскучалъ имъ въ траншеяхъ. Два офицера по преимуществу находились безсмѣнно на исходящемъ углѣ, бывшемъ также мѣстомъ пребыванія начальства.

Прапорщикъ Тищинскій и Юкавскій не охотно уступали свое мѣсто другимъ офицерамъ. Оба они были офицеры усердные, свято исполнявшіе свой долгъ. Прапорщикъ Тищинскій отличался всегдаш-

нею готовностію исполнить какое угодно трудное порученіе. Обладая характеромъ тихимъ и скромнымъ, но вмѣстѣ и предпріимчивымъ до отваги, онъ никогда не встрѣчалъ ни въ чемъ затрудненія. Офицеры его любили какъ добраго товарища; солдаты были къ нему привязаны какъ къ начальнику, постоянно раздѣлявшему съ ними опасность и трудъ. Усталости Тищинскій казалось не зналъ. Въ какую пору угодно: днемъ и ночью, стоитъ только назвать его имя и вѣрно съ исходящаго угла бастіона откликнется онъ: „здѣсь“.

Къ 4-му іюня 3-й бастіонъ представлялъ собою уже сильную крѣпость. Въ это время начали доходить до насъ слухи о готовящемся общемъ штурмѣ всѣхъ нашихъ укрѣпленій. Съ нашей стороны были приняты всѣ мѣры достойнымъ образомъ отразить союзниковъ. Не трудно было и предвидѣть, что Малаховъ курганъ и 3-ій бастіонъ будутъ главными пунктами атаки. Была отдана диспозиція на случай штурма. Всѣ войска имѣли свое назначеніе, а находившимся на Корабельной части города резервамъ были указаны тѣ части войскъ, на подкрѣпленіе которыхъ слѣдовало имъ спѣшить въ случаѣ опасности. Не помню всей диспозиціи, но кажется не ошибаюсь, въ этой диспозиціи предполагалось, что 3-й бастіонъ довольно силенъ числительностію гарнизона и долженъ находить въ самомъ себѣ средство защиты и отбитія непріятеля. Другимъ распоряженіемъ воспрещалось во время штурма выносить раненныхъ и убитыхъ, что бы не ослаблять

силу сражающихся; наконецъ было приказано всѣмъ кашеварамъ и другихъ хозяйственныхъ должностей нижнимъ чинамъ на Корабельной сторонѣ при ротныхъ котлахъ находящимся, число которыхъ могло простираться отъ полка до 60—80 человѣкъ, при первомъ сигналѣ штурма спѣшить къ своимъ полкамъ, что бы принять участіе въ отраженіи штурмующихъ. Это малое количество людей было едва-ли не послѣднимъ резервомъ 3-го бастіона.

4-го іюня послѣ обѣда прибылъ на 3-й бастіонъ командующій 9-ю пѣхотною дивизію генералъ-маіоръ Лысенко, получившій назначеніе принять начальствованіе надъ пѣхотою на 3-мъ бастіонѣ. Появленіе сего славнаго генерала доставило Брянцамъ большую радость. Всегда любящій солдата, генералъ-маіоръ Лысенко былъ въ свою очередь любимъ и уважаемъ всѣми подчиненными его отъ офицеровъ до послѣдняго рядоваго. Его богатырскій ростъ, его мужественная и величавая наружность, открытое лицо съ выразительными и добротою сіяющими глазами, невольно привлекали къ себѣ всѣхъ кто съ нимъ встрѣчался. Его быстрая, твердая, ясная и краснорѣчивая рѣчь ложилась прямо въ сердце солдата, ободряла и одушевляла его. Прибытіе генерала Лысенко на 3-й бастіонъ, мы, Брянцы, довольно съ нимъ знакомые, готовы были принять за залогъ побѣды. Всегда добрый и со всѣми привѣтливый, Михаилъ Захаровичъ казался встревоженнымъ или лучше сказать огорченнымъ. Что могло быть причиной этого чувства, невольно выражавшагося на

его всегда бодромъ лицѣ? Прибывъ съ сѣверной стороны, онъ встрѣтился на Корабельной съ начальникомъ нашей оборонительной линіи генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ. Обя одушевляемые мужествомъ, презиравшіе смерть, стремившіеся къ одной цѣли и съ одинаковымъ рвеніемъ, они, казалось, должны были сблизиться какъ братья родные, но нѣтъ, они не подали другъ другу рукъ своихъ и разошлись не довольные одинъ другимъ. Что породило между ними неудовольствіе, осталось тайною, но оно глубоко тревожило всегда спокойнаго Михаила Захаровича и безпокойство это невольно отражалось въ его душевномъ настроеніи. Генералъ Лысенко устроилъ свою резиденцію въ недавно только оконченномъ блиндажѣ полковаго командира. День склонялся къ вечеру. Ожиданія предстоящаго штурма все болѣе и болѣе дѣлались общими; всѣ были увѣрены, что ночь не пройдетъ даромъ. Еще солнце не скрылось за горизонтомъ, а всѣ находились уже на своихъ ночныхъ мѣстахъ; въ исходящемъ углѣ 3-го бастіона собрались всѣ начальствующія лица. Между тѣмъ время шло; самая пальба, обыкновенно въ ночное время увеличивающаяся, была менѣе ожесточенная и казалось мало по малу стихала. Прошла и полночь и воцарилась никогда почти небывалая подъ Севастополемъ тишина. Одна только англійская батарея съ Зеленой горки начала стрѣлять, направляя на 3-й бастіонъ мѣрными [redacted], выстрѣлъ за выстрѣломъ, которые [redacted] на одно мѣсто. Эта стрѣльба, к

ланія разгадать причину такого исключительнаго дѣйствія одной батареи, большаго вреда намъ не принесла. Надо полагать, что батарейный командиръ шутя упражнялся въ отысканіи угла возвышенія своихъ орудій и наблюдалъ за направленіемъ выстрѣловъ, что бы хорошенько насъ наказать за наше упрямство.

Было прекрасное іюньское утро. Ночныя работы прекратились; англичане отправили изъ траншей свои ночные караулы и рабочихъ въ лагерь; наши люди также скрылись кто гдѣ могъ, что бы подкрѣпить сномъ свои истощенныя силы. Опустѣлъ сравнительно и исходящій уголъ, въ которомъ оставалась дежурная прислуга при орудіяхъ, лихіе штуцерники и съ ними всегда бодрый прапорщикъ Тищинскій. На безоблачномъ небѣ великолѣпно всходило солнце изъ глубины виднѣющагося моря. Въ природѣ было тихо; все дышало миромъ и располагало къ благодаренію Творца, завѣщавшаго человѣку любовь; ощущалась потребность къ молитвѣ, о которой напоминалъ начинавшійся прелестный воскресный день 5-го іюня.

Со стороны французскаго расположенія раздалась сигнальная труба. Звуки ея казались призывомъ къ молитвѣ и напоминали кавалерійскій парцель. Этаже самая труба повторилась и въ англійскомъ лагерѣ и съ послѣднимъ звукомъ ея по всей линіи раздался залпъ всѣхъ орудій, за нимъ другой, третій и разразился адъ надъ только что прославлявшею Подателя всѣхъ благъ природой. Въ одну минуту

всѣ встрепенулись и у насъ. Ясно было каждому, что наступилъ часъ священнаго исполненія долга предъ Царемъ и отечествомъ. Не прошло и минуты, какъ уже всѣ находились на своихъ мѣстахъ съ твердою рѣшимостію умереть, но не уступить. Наши батареи отвѣчали усердно; земля заколебалась; солнце затмилось; замирало дыханіе въ груди, скрылось безоблачное небо въ туманной мглѣ дыма и взвивающейся пыли; все напоминало разрушеніе вселенной. Смерть безпощадно похищала свои жертвы цѣлыми группами и поражала ихъ въ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Невольныя предсмертныя стенанія заглушались громомъ залповъ и разрывомъ чудовищныхъ бомбъ. Къ орудію, обстрѣливавшему исходящій уголъ нашего бастіона, первымъ прибѣжалъ бравый командоръ. Красивая наружность его, благородство лица, выражавшаго кротость, преданность и христіанскую покорность замѣтно выдѣляли его отъ прочихъ товарищей моряковъ. Грудь его украшена была знакомъ отличія военнаго ордена. „Сегодня съ товарищемъ моимъ“, указывая на возлѣ стоящаго моряка, „я встрѣчаю на этомъ мѣстѣ, и при этомъ орудіи, четвертую бомбардировку“, сказалъ онъ командиру Брянскаго полка, всегда внимательному къ этому образцу солдатскихъ добродѣтелей. „Не знаю сподобитъ-ли Богъ намъ пережить сегодняшній день, а дѣло начинается жутко“, прибавилъ онъ и перекрестился. Онъ точно предчувствовалъ свою судьбу. Ни ему, ни товарищу его, ни направляемому ими орудію не суждено б

[illegible]ожить до нашего торжества отбитія штурма. Ожесточенная съ обѣихъ сторонъ канонада продолжалась часа четыре. Около 10-го часа утра изъ 23-хъ орудій 3-го бастіона оставалось не подбитыхъ менѣе половины. Сидя на банкетѣ исходящаго угла, мы любовались дѣйствіемъ моряковъ при огромной 36-ти фунтовой пушкѣ, составлявшей сильную надежду нашего исходящаго угла. Полковые штуцерники были сняты съ банкета, ибо имъ было нечего дѣлать тамъ, гдѣ пыль и дымъ скрывали предъ ними вѣрную цѣль. Настало время подумать о сохраненіи остававшихся неподбитыми орудій. Приказано было не отвѣчать выстрѣломъ на выстрѣлъ, а прикрыть наши орудія за мерлонами, дабы въ случаѣ штурма было чѣмъ встрѣтить картечью атакующихъ. Не успѣли завѣсить, изъ тонкой бичевы сплетенною матою, амбразуру исходящаго угла, какъ внезапно одна злодѣйская бомба разрывается въ близкомъ отъ насъ разстояніи и осколками одновременно сражаетъ храбраго кавалера-командора и товарища его. Одинъ изъ нихъ былъ пораженъ на смерть, а другого вынесли въ безнадежномъ положеніи. Не сподобилъ Богъ пережить имъ четвертую бомбардировку. Сожалѣю, что я забылъ имена этихъ героевъ солдатъ; они заслужили быть переданы потомству. Не долго пережила ихъ пушка—надежда исходящаго угла, при которой они служили.

Погибель этой пушки была замѣчательная и принадлежитъ конечно къ рѣдкимъ явленіямъ на

войнѣ встрѣчающимся. Мѣткое ядро непріятельскаго орудія пробило въ амбразурѣ бичевую матту прикрывшую нашу пушку спасительницу, ударилось въ дуло орудія, произвело выстрѣлъ и на глазахъ всѣхъ насъ, приведенныхъ въ изумленіе, разсѣкло попаламъ дульную часть, которая, какъ будто срѣзанная ножемъ, упала подъ лафетъ. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе ока.

Нашъ исходящій уголъ остался беззащитнымъ. Надо было подвести цѣлую роту подъ убійственный огонь непріятельскихъ выстрѣловъ, чтобы во всякую пору быть въ готовности замѣнить картечь батальнымъ огнемъ пѣхоты.

Былъ полдень, когда радостные сигналы съ высотъ Сѣверной стороны предупредили насъ о приготовленіи непріятеля идти на штурмъ, который долженъ былъ положить конецъ нашему мучительному бездѣйствію. Вскорѣ однако были спущены, помнится мнѣ, желтые флаги; оказалось, что тревога была фальшивая.

„Берегись, наша“ послышался голосъ зоркаго моряка, наблюдавшаго за полетомъ непріятельскихъ выстрѣловъ. „Что значитъ этотъ голосъ“, спросилъ генералъ Лысенко, не знакомый еще съ условнымъ нашимъ разговоромъ? Узнавъ, что „берегись, наша“ служитъ предвареніемъ предстоящей намъ опасности, Михаилъ Захаровичъ, подстрекаемый любопытствомъ, привсталъ и обратился къ сторонѣ откуда ожидалась нерадостная гостья. Лишь только успѣли уговорить его склониться къ землѣ, какъ [illegible] го

размѣра бомба съ злодѣйскою силою врѣзалась въ брустверъ бастіона, закружилась какъ угорѣлая, лопнула и разметала порядочную часть бастіоннаго фаса. Глыба земли обрушилась на нашего добраго начальника дивизіи. Михаилъ Захаровичъ поблѣднѣлъ, тяжело вздохнулъ, привсталъ и, не говоря ни слова, покачиваясь, отошелъ въ сторону. Успокоившись нѣсколько, но жалуясь на боль въ лѣвомъ боку, генералъ Лысенко возвратился, чтобы остаться съ нами на опасномъ мѣстѣ исходящаго угла. Дошла очередь и до командира 4-го баталіона Брянскаго полка, подполковника Домбровскаго, вполнѣ честнаго и до самоотверженія преданнаго своему долгу штабъ-офицера. Красивой наружности, но плотнаго сложенія, полнокровный, съ короткою шеею, подполковникъ Домбровскій, пораженный въ грудь обрушевшеюся на него землею, посинѣлъ и упалъ безъ чувствъ на руки подхватившихъ его товарищей. Положеніе его не обѣщало счастливаго исхода. Его вынесли безсознательнаго на перевязочный пунктъ и каждый изъ насъ проводилъ его съ сокрушеннымъ чувствомъ, какъ близкаго покойника. Относившіе его тѣлохранители возвратились и разсказали, что они донесли подполковника Домбровскаго еще живаго, но едвали будетъ онъ долго жить. Своевременная помощь, поданная ему на перевязочномъ пунктѣ на Павловскомъ мыскѣ, спасла жизнь этого достойнаго штабъ-офицера и онъ по прошествіи мѣсяца, не совсѣмъ еще здоровый, явился опять къ полку, чтобы заступить мѣсто раненнаго командира полка.

Около 4-хъ часовъ пополудни огонь казалось стихалъ. Начальство тотчасъ же распорядилось осмотромъ всѣхъ поврежденій; были сдѣланы распоряженія къ исправленію ихъ, къ перемѣнѣ подбитыхъ орудій и выведены были рабочіе. Не надо было поощрять рабочихъ; каждый ясно понималъ, что онъ работаетъ для своего собственнаго спасенія. Ослабѣвшая бомбардировка возобновилась съ новою силою. Съ наступленіемъ темноты картина разрушенія и ужасъ зрѣлища представились еще болѣе въ грозномъ видѣ. Окончивъ всѣ предварительныя распоряженія на случай штурма, дѣлавшагося несомнѣннымъ, полковой командиръ повѣрилъ всѣ отданныя на этотъ случай приказанія. Въ резервѣ, имѣвшемъ цѣлью приберечь послѣднія силы для послѣдней крайней минуты, оставались двѣ роты 4-го баталіона, считавшія въ своихъ рядахъ не болѣе 150-ти человѣкъ. Къ этимъ ротамъ, укрытымъ въ горжѣ бастіона, должны были присоединиться всѣ находившіеся при ротныхъ котлахъ люди, числительность которыхъ не могла превосходить 50 человѣкъ. Съ этимъ резервомъ предстояло отразить во что бы ни стало наступающія массы непріятеля.

Еще была ночь, когда слухъ дошелъ до насъ, что находившійся съ пластунами въ секретѣ впереди 2-го бастіона подпоручика Брянскаго полка Хрущовъ открылъ приготовленія французовъ, собиравшихся идти на штурмъ Малахова кургана.

Сомнѣнія смѣнились увѣренностію и всѣ молились, что бы скорѣе наступилъ желанный часъ.

Нашъ родной 3-й бастіонъ стоялъ во всеоружіи, готовый встрѣтить врага. Всѣ подбитыя орудія замѣнены новыми; огромную 24-хъ фунтовую пушку, заступившую мѣсто 36 фунтовой, устанавливали въ исходящемъ углѣ.

Передъ самымъ разсвѣтомъ слабо отвѣчавшая съ нашей стороны артиллерія открыла съ Малахова кургана учащенную пальбу,—вслѣдъ за которою раздался ружейный огонь, несомнѣнный признакъ начавшагося приступа. Внимательно прислушиваясь къ направленію и силѣ выстрѣловъ, доносившихся къ намъ съ лѣвой стороны, они намъ показались сомнительными и зловѣщими. На 3-мъ бастіонѣ дѣла пока не измѣнились. Передъ нами лежала еще темнота, увеличившаяся направлявшимся къ намъ со стороны Малахова кургана густымъ дымомъ, застилавшимъ находившіеся передъ нами предметы. Безпокойство наше усилилось, когда запыхавшіеся люди, прибѣжавшіе къ намъ отъ ротныхъ котловъ, принесли страшную вѣсть, что французы въ Севастополѣ! Неизвѣстность нашего положенія была невыносима. Лежавшая передъ нами мгла приводила насъ въ отчаяніе. Вдругъ слабѣетъ сыпавшійся на насъ огонь; внезапно разсѣевается стоявшій передъ нами дымъ и глазамъ нашимъ представились густыя колонны англичанъ, стройно и бодро идущія на насъ. Передовые охотники ихъ бросились разбирать засѣки. Минута была рѣшительная. На душѣ стало легко; надъ головою свободно; уже не слышались разрывы вражьихъ бомбъ; непріятельскія батареи перестали стрѣлять.

Съ быстротою юноши вскочилъ на брустверъ сѣдовласый Лысенко: „Сюда, сюда, ко мнѣ“, произнесъ онъ потрясающимъ голосомъ. „Здѣсь ваше мѣсто! Помните Брянцы, что шефъ вашъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ откажется отъ васъ. если вы не проучите дерзкихъ“. Послѣднія слова героя-начальника были заглушены трескомъ батальнаго огня и громомъ всѣхъ 23-хъ пушекъ, разившихъ смертоносную картечь. Вмѣсто полуразрушенныхъ земляныхъ насыпей, возстала живая, огонь метавшая, стѣна. Минута восхитительная! Вражескія колонны задрожали; передовые охотники, прикрываясь засѣками, открыли слабую пальбу. „Поздравляю васъ, ребята, побѣда за нами“ сказалъ командиръ полка молодецкимъ Брянцамъ, замѣтивши нерѣшительность англичанъ, пораженныхъ неожиданною встрѣчею. Наша смѣлость и восторгъ не знали мѣры, когда мы увидали какъ опрокинутые французы бѣжали отъ Малахова кургана, преслѣдуемые его безпощадными выстрѣлами. Севастополь спасенъ, въ томъ уже не было сомнѣнія, но штурмъ 3-го бастіона не кончался! Ободренные своими начальниками, англичане бросились на исходящій уголъ,—но неумолкаемый огонь остановилъ вторично смѣлый ихъ натискъ. Подъ самымъ орудіемъ исходящаго угла лежалъ прострѣленный двумя пулями постоянный часовой этого опаснаго пункта, молодой прапорщикъ Юкавскій. Велики были его страданія, но вынести его никто не могъ; всѣ были заняты дѣломъ; никто не смѣлъ покинуть свое мѣсто. Пораженный зрѣлищемъ мученій офицера, нашедшаго

смерть на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ постоянно стерегъ, — полковой командиръ передалъ Юкавскаго своимъ тѣлохранителямъ и приказалъ имъ нести его на перевязочный пунктъ. Недолго послѣ того жилъ Юкавскій, наградой его мужеству передъ смертью была вѣсть о спасеніи 3-го бастіона. Напрасно собирали англійскіе офицеры разстроенныя свои колонны на новую атаку. Они безуспѣшно метались съ одного фланга на другой, представляя собою вѣрную цѣль нашей картечи и батальному огню. Трупами ихъ усѣяна была вся мѣстность, словно покрытая краснымъ ковромъ. Одинъ смѣльчакъ, отважнѣе другихъ, бросившійся на исходящій уголъ, попалъ въ ровъ бастіона, гдѣ и пришлось ему ожидать окончанія штурма. Вытащенный нашими солдатами на брустверъ бастіона, обезоруженный англичанинъ, видя себя внѣ опасности и подъ вліяніемъ еще разбиравшихъ его винныхъ паровъ, съ комически-восторженнымъ одушевленіемъ, послалъ поклонъ своимъ соотечественникамъ, вскрикнулъ: „Отечество! ты отъ меня ничего болѣе требовать не можешь, я въ Севастополѣ“.

Съ отбитіемъ англичанъ возобновилась съ ихъ стороны бомбардировка 3-го бастіона. Мы торжествовали, цѣловались, поздравляли другъ друга; обнимались съ моряками какъ съ братьями, полюбившими одни другихъ; не обращали никакого вниманія на падающіе на насъ снаряды. Первою заботою нашею было отнести на перевязочный пунктъ всѣхъ раненыхъ и убирать тѣла умершихъ. Англичане скры-

лись въ траншеи, а французы въ густыхъ колоннахъ построились на высотѣ Камчатки, откуда угрожали намъ повтореніемъ штурма. Въ виду такой угрозы надо было умѣрить нашъ восторгъ и заняться дѣйствительностію. Бросились въ пороховой погребъ пополнять щедрою рукою разстрѣлянные патроны. Патроны розданы — и что-же? Они не входятъ въ дуло ружей. Какое счастіе, что непріятель не зналъ въ какомъ мы положеніи. Что было бы, если бы онъ повелъ атаку? Но великъ Богъ русскихъ, бѣда миновала и воинская честь полка спасена. Распоряженіемъ начальника артиллеріи севастопольскаго гарнизона мы получили патроны, соотвѣтствующіе калибру ружей и опять были готовы на всякую случайность. Начало темнѣть; огонь утомленныхъ англичанъ стихалъ. Вдругъ зашевелилось что-то впереди бастіона. Загремѣли наши орудія; всѣ приготовились вновь отразить штурмъ. „Тищинскій“ — „здѣсь“, послѣдовалъ отвѣтъ храбраго прапорщика. „Поручаю вамъ защиту исходящаго угла; пока вы тутъ, я спокоенъ“, сказалъ ему полковой командиръ, который самъ бросился повѣрять людей на другихъ мѣстахъ бастіона. На нашу пальбу отвѣчали также учащеннымъ огнемъ; понятно, что англичане не стрѣляли по своимъ, а потому и опасенія повтореннаго штурма скоро разсѣялись, наши секреты сообщили, что вся тревога произошла отъ того, что англичане выслали команды для уборки тѣлъ, въ числѣ которыхъ остался убитый на штурмѣ генералъ Кэмпбель. Наша бдительность не допустила ихъ исполнить свое намѣреніе.

Полученная генераломъ Лысенко 5-го числа контузія начала болѣзненно заявлять о себѣ. Не смотря однако на это, Михаилъ Захаровичъ вышелъ на бастіонъ, но поднятая тревога успокоилась и его упросили пойдти въ блиндажъ. Все на бастіонѣ приняло обычный видъ: работы, секреты, пальба и усталость.

7-го числа послѣ обѣда назначено было перемиріе для уборки тѣлъ. Съ поднятіемъ бѣлыхъ флаговъ, выступили съ обѣихъ сторонъ команды для обозначенія деморкаціонной черты. Тѣло убитаго генерала Кэмпбеля было отыскано и съ подобающею честью отнесено въ лагерь нарочно для того назначеннымъ взводомъ. Сабля Кэмпбеля осталась у офицера Брянскаго полка. Вся обстановка уборки тѣлъ не походила на ту, какая была 28-го мая впереди Малахова кургана. Англичане явились не хвастунами; они обращались съ большимъ вниманіемъ къ русскимъ офицерамъ и нелицемѣрно выражали свое удивленіе мужеству гарнизона, встрѣтившаго послѣ суточной убійственной бомбардировки штурмующія колонны съ такимъ непоколебимымъ мужествомъ.

Страданія начальника дивизіи генерала Лысенко увеличились; надо было опасаться дурныхъ послѣдствій отъ усилившейся боли и замиравшаго дыханія. Онъ рѣшился 8-го іюня оставить 3-й бастіонъ, но собравшись съ силами собственноручно написалъ приказъ въ которомъ благодарилъ Брянцевъ и возвѣстилъ объ ихъ храбрости всей дивизіи. Приказъ этотъ переходилъ въ полку изъ рукъ въ руки. Имъ гордились Брянцы, каждый повторялъ его наизусть

и онъ теперь еще хранится въ полку, какъ драгоцѣнный памятникъ честной его службы. Вотъ этотъ приказъ.

ПРИКАЗЪ.

По 9-й пѣхотной дивизіи въ г. Севастополѣ іюня 8-го дня 1855 года № 34.

„Спасибо Брянцы, спасибо разлихіе молодцы! Раздѣляя съ вами вмѣстѣ труды настоящей войны, я восхищался, лично наблюдая съ какимъ геройскимъ презрѣніемъ выдерживали вы двухъ-суточное адское бомбардированіе, производимое непріятелемъ по нашимъ укрѣпленіямъ. Чугунъ страшнаго размѣра, градомъ валившійся на васъ, не только не поколебалъ воинственный вашъ духъ, но даже вызывалъ ваши насмѣшки надъ безчисленными и весьма часто неудачными разрывами вражьихъ бомбъ; но въ день штурма вы показали себя истинными героями. Я ни въ одномъ изъ васъ не только не замѣтилъ безпокойства, напротивъ того, на лицахъ каждаго и даже молодыхъ, еще порохомъ неокуренныхъ солдатъ сіяла улыбка и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали подступа врага, который дрогнулъ и не выдержалъ молодецкой вашей встрѣчи. Спасибо, спасибо, сто разъ спасибо! Ничего не желаю, какъ чтобы вы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ были такими же героями.

Что же касается до гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, то признательность моя за ихъ мужество, отличную храбрость и благоразумныя распоряженія,

такъ велика, что я не въ состояніи выразить ее словами, но запечатлѣвъ въ душѣ моей искреннѣйшую мою на всегда къ нимъ благодарность, я почту священнымъ долгомъ о нихъ лично засвидѣтельствовать шефу Брянскаго егерскаго полка, господину главнокомандующему южною арміею, его сіятельству князю Михаилу Дмитріевичу, удостоивающему меня своею довѣренностію.

Благодарю отъ всей души и прочихъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ ввѣренной мнѣ дивизіи, нынѣ временно въ отдѣльныхъ отрядахъ находящихся и участвовавшихъ въ отраженіи непріятеля. Я съ восхищеніемъ узналъ, что они съ ввѣренными имъ частями въ полномъ смыслѣ исполнили священный долгъ, нынѣ на каждомъ изъ насъ лежащій. Подписалъ командующій дивизіею генералъ-маіоръ Лысенко".

Убыль офицеровъ постоянно увеличивалась. Требованія служебныхъ нарядовъ усиливались. По мѣрѣ приближенія непріятельскихъ траншей, служба въ секретахъ, выставляемыхъ на ночь впереди бастіона, пріобрѣтала болѣе значенія. Люди на эту службу избирались изъ охотниковъ; народъ былъ молодецкій, смышленый и готовый на всякое отважное дѣло. Служба въ секретахъ требовала ближайшаго съ нею знакомства и посылать съ охотниками въ секреты офицеровъ по очередному наряду было опасно. Съ Брянскими охотниками постоянно ходили два офицера: подпоручикъ Добровольскій и прапорщикъ Тиминскій. Оба они были ранены и

отправились на Сѣверную сторону. Предстояло выбрать офицера смѣлаго и неутомимаго. Выборъ командира полка палъ на прапорщика Тищинскаго, испытаннаго въ храбрости, хладнокровіи, офицера неутомимаго усердія и большой любви къ боевому дѣлу. Въ первый же день своей службы въ секретѣ, Тищинскій ознаменовалъ себя ловкимъ и удачнымъ дѣломъ. Это было кажется 20-го или 21-го іюня. Укрывъ своихъ людей въ болѣе или менѣе уже имъ извѣстныхъ мѣстахъ, началъ онъ самъ пристально наблюдать за происходящимъ въ непріятельскихъ траншеяхъ. Видитъ Тищинскій въ темнотѣ ночи, приближаются къ нашимъ секретамъ три человѣка. Одинъ изъ нихъ, по видимому старшій, имѣя въ рукахъ саблю, ощупывалъ ею грунтъ земли. Родилась мысль у Тищинскаго взять этихъ людей въ плѣнъ. Намѣреніе довольно отважное, такъ какъ люди эти были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своихъ траншей. Тищинскій, предполагая разомъ взять въ плѣнъ трехъ, распорядился назначеніемъ для этого двухъ паръ смѣтливыхъ людей. Люди ползкомъ должны были обходить англичанъ и по легкому свистку лѣвая пара должа была шорохомъ обратить на себя вниманіе приближающихся, а тѣмъ временемъ правая должна была броситься на свои жертвы и съ помощію своихъ товарищей и самого Тищинскаго обезоружить плѣнниковъ. Пока дѣлались эти приготовленія, изъ трехъ англичанъ, которыхъ Тищинскій думалъ взять въ плѣнъ, двое удалились въ траншеи, остался только одинъ, тотъ самый который посту-

кивалъ саблей. Нечего дѣлать, надо было довольствоваться однимъ плѣннымъ. Самъ Тищинскій началъ развлекать своего противника, маня его къ себѣ рукою. Англичанинъ пришелъ въ недоумѣніе. Кто бы могъ звать его къ себѣ? присутствія русскаго человѣка тутъ онъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ своихъ траншей предполагать не могъ; да и обмана не предвидѣлъ. Подвигаясь къ Тищинскому медленно, онъ былъ остановленъ шорохомъ справа. Не успѣлъ англичанинъ оглянуться, откуда шорохъ, какъ пара съ лѣвой стороны налетѣла на него, схватила его за руки и вмѣстѣ съ самимъ Тищинскимъ стремглавъ потащила къ резерву. Произошло смятеніе въ траншеяхъ; рабочіе бросили свои инструменты, схватились за оружіе, послали градъ пуль на авось, но уже было поздно. Приведенный на бастіонъ англичанинъ казался очень опечаленнымъ, безпрестанно вздыхалъ, произнося имя Раглана. Мы, не знакомые съ англійскимъ языкомъ, разспрашивать плѣнника не умѣли; оказалось однако, что онъ былъ инженеръ и долженъ былъ испробовать впереди траншей лежащую мѣстность. Печаль плѣнника была намъ понятна, а произносимое имъ имя Раглана, какъ главнокомандующаго, не могло также показаться намъ страннымъ. Впрочемъ, загадочность всѣхъ его пріемовъ и самый способъ плѣненія его давали поводъ нѣкоторымъ предположить не съ умысломъ ли онъ дался въ плѣнъ? Пока шли о томъ толки, начальство прислало на бастіонъ морскаго офицера, знавшаго англійскій языкъ. Печаль плѣн-

ника и повтореніе имени Раглана, разгадались. Плѣнникъ сообщилъ, что вся англійская армія въ печали. Рагланъ въ тотъ день скончался. Извѣстіе это конечно имѣло важное значеніе для насъ. Тищинскъ за свой подвигъ получилъ въ награду отъ контр-адмирала Панфилова саблю плѣннаго офицера, на дорогомъ клинкѣ которой красовалась королевская корона.

Въ первыхъ же числахъ второй половины іюня мѣсяца присланы были изъ Петербурга награды за отбитіе штурма 6-го іюня. Брянскому егерскому полку Всемилостивѣйше повелѣно было именоваться Брянскимъ егерскимъ генералъ-адъютанта князя Горчакова полкомъ. Радость для полка была великая. Онъ тѣснѣе прежняго долженъ былъ соединиться съ своимъ шефомъ и главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами. Самъ князь, главнокомандующій арміею, желалъ ознаменовать это назначеніе праздникомъ. 25-го іюня, Брянскій егерскій генералъ-адъютанта князя Горчакова полкъ былъ смѣненъ на 3-мъ бастіонѣ и перевезенъ на пароходахъ и катерахъ на Сѣверную сторону. Ночь была теплая; погода прекрасная. Переправа производилась не быстро. Почти вся ночь прошла на этомъ. Утромъ 26-го числа роты собрались около лагеря, гдѣ помѣщался полковой штабъ. Гдѣ назначался праздникъ, въ чемъ долженъ былъ онъ заключаться,— этого никто не зналъ. Около 9 часовъ узнали, что гдѣ-то генералъ-лейтенантъ Липранди хлопочетъ объ устройствѣ угощенія для нижнихъ чиновъ и

завтрака для офицеровъ. Мало по малу, и то какъ бы случайно, начали доходить до насъ болѣе подробныя свѣдѣнія о готовящемся праздникѣ. Узнали мѣсто гдѣ полку собраться; наконецъ опредѣленъ былъ часъ пріѣзда главнокомандующаго и, какъ водится, форма одежды. Сія послѣдняя оставалась та же, въ чемъ были на бастіонѣ. До 11 часовъ оставалось часа полтора. Ранѣе этого времени праздникъ не могъ состояться потому, что утромъ этого дня высокопреосвященный владыко Иннокентій, приглашенный на праздникъ, совершалъ служеніе и обходилъ бастіоны многострадальнаго Севастополя. Позднѣе также было неудобно назначить полковое торжество, такъ какъ въ этотъ же день былъ на Инкерманѣ большой обѣденный столъ въ честь преосвященнаго. Полковой командиръ воспользовался свободною минутою, пошелъ навѣстить больнаго начальника дивизіи. Генералъ Лысенко много страдалъ и очень измѣнился; силы его были слабы и голосъ дрожащій. Всегда до этого бодрый, онъ казался грустнымъ. Замѣтно было, что не столько физическія, сколько нравственныя страданія мучили его. Послѣ нѣкотораго принужденнаго разговора, Михаилъ Захаровичъ, оказывавшій благорасположеніе къ командиру полка, высказался, что неожиданное наканунѣ двухкратное посѣщеніе дежурнаго генерала весьма непріятно его поразило. Онъ не зналъ чему приписать такое вниманіе. Но разбирая прошедшее, онъ остановился на несчастной мысли, имъ овладѣвшей: „Ужъ не сомнѣваются ли въ моей болѣзни“ сказалъ

онъ голосомъ въ которомъ слышались сдерживаемыя имъ слезы. „Знаю кому я обязанъ этимъ! Не свидѣтельствовать ли меня пріѣзжалъ вчера ко мнѣ генералъ Ушаковъ. Что же думаетъ обо мнѣ главнокомандующій, который всегда меня любилъ. Сожалѣю, много сожалѣю, что силы мои мнѣ не позволяютъ лично видѣть нашего добраго князя. Думаю, онъ не измѣнилъ бы своего прежняго обо мнѣ мнѣнія". Этотъ разговоръ тяжело палъ на полковаго командира, всѣмъ сердцемъ преданнаго своему начальнику и мало расположилъ его радостно встрѣтить готовящійся праздникъ. Неужели вотъ награда за самоотверженіе, и неужели могутъ частныя неудовольствія наносить такой чувствительный ударъ на самое драгоцѣнное достояніе солдата. Или не есть ли самая мнительность Михаила Захаровича плодъ болѣзненнаго состоянія раздраженныхъ нервовъ. Хорошо бы еще какъ такъ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ и полнымъ участіемъ къ положенію уважаемаго начальника отправился полковникъ Ганъ равнять строившіеся для встрѣчи главнокомандующаго баталіоны.

Въ виду кипѣвшихъ солдатскихъ котловъ и разбитаго шатра, для закуски офицерской, стояли двѣ баталіонныя колонны, построенныя справа. Показался главнокомандующій; заиграла музыка полковой маршъ; но князь, какъ бы не замѣчая баталіоны, обратился къ генералу Липранди съ вопросомъ: пріѣхалъ ли преосвященный? Получивъ отрицательный отвѣтъ, князь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ въ Инкерманъ. Этотъ конечно не очень поощрительный

для полка, эпизодъ не противорѣчилъ извѣстному всѣмъ характеру князя. Озабоченный огромностію лежащихъ на немъ заботъ, подъ давленіемъ которыхъ онъ постоянно находился и, отдавшись своимъ великимъ обязанностямъ со всею силою своей безупречной совѣсти, князь мыслями своими находился часто не тамъ, гдѣ присутствовалъ своею особой. Подъѣхалъ преосвященный, и въ свою очередь поѣхалъ вслѣдъ за княземъ также на Ипкерманъ, но только другою дорогой. Прошло еще довольно времени, вновь пріѣхалъ главнокомандующій, но на этотъ разъ прямо подошелъ къ строю. Принявъ рапортъ отъ командира полка, князь отрывисто спросилъ: „А почему не четыре баталіона?“ Чувствительнымъ показался этотъ вопросъ командиру полка. „Пали на 3-мъ бастіонѣ“, отвѣтилъ полковникъ Ганъ, и болѣе ни слова. Продолжался безмолвный обходъ. Князь казалось былъ погруженъ въ какую то думу; можно было думать, что онъ забылъ за чѣмъ пріѣхалъ и даже гдѣ находился. Все какъ то шло не связно. Князь сталъ говорить объ отбитомъ 6-го іюня штурмѣ, коснулся полка, упомянулъ о себѣ и былъ прерванъ пріѣздомъ преосвященнаго. Краснорѣчивый пастырь въ краткихъ словахъ, проникнутыхъ силою христіанской любви, благословилъ полкъ на предстоящія ему дѣла и службу. „А почему такъ много людей въ строю съ подвязанными головами, руками и даже нѣкоторые есть съ костылями“, спросилъ князь полковника Гана. „Предпочитаютъ, презирая свои раны, оставаться въ строю и класть свой животъ на

Царскую службу, чѣмъ идти въ госпиталь", отвѣчалъ командиръ полка. Благородная слеза блеснула въ глазахъ князя. Безпредѣльная любовь его къ солдату, добрѣйшее сердце вступили въ свои права и взяли верхъ надъ подавлявшими его заботами. Его голосъ измѣнился, сдѣлался мягкимъ; онъ ласково приказалъ вести людей къ котламъ. „А почему нѣтъ Лысенки", спросилъ князь, обратившись къ полковому командиру. „Генералъ Лысенко боленъ, ваше сіятельство, и находится не въ безопасномъ положеніи. Онъ пренебрегъ сильною контузіею, полученною 5-го іюня, и превозмогалъ страданія, пока не слегъ въ постель. Онъ болѣе сокрушается тѣмъ, что не можетъ съ ввѣренными ему полками раздѣлять опасную службу въ Севастополѣ", отвѣтилъ полковой командиръ. „Поблагодарите Лысенко за его честную службу; жаль мнѣ, что онъ сегодня не съ нами", прибавилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ. Роты построились при котлахъ. Князь, обнаживъ голову, высоко поднялъ чарку и провозгласилъ „за здоровье Государя Императора". Ура! Восторженное, неумолкаемое ура и народный гимнъ были отвѣтомъ на эту заздравную чарку. Когда умолкло ура и замерли послѣдніе звуки музыки, полковой командиръ подошелъ къ столу и, обратясь къ солдатамъ, сказалъ: „Ребята! Вы всѣ помните какъ 6-го іюня англичане бросились вырвать изъ вашихъ рукъ порученный вашему мужеству родной нашъ 3-й бастіонъ. Вы помните также, какъ любимый нами начальникъ дивизіи генералъ-маіоръ Лысенко, первый

вскочивъ на брустверъ бастіона напомнилъ вамъ, что вы должны содѣлаться достойными имени вашего шефа. Его пророческія слова сбылись и мы сегодня по волѣ Всемилостивѣйшаго Государя Императора празднуемъ ихъ осуществленіе. Ребята! мнѣ давать отвѣтъ за васъ предъ Царемъ и отечествомъ! Я счастливъ, что раздѣляя съ вами опасность и бывъ свидѣтелемъ вашего геройства, я смѣло могу сказать, что Брянцы достойны славнаго имени, насъ украшающаго. Кто былъ съ вами, тотъ поручится, что вы на вѣки останетесь такими. Привѣтствуйте эту чарку громоноснымъ ура, которое, подобно грому 6-го іюня, пусть судорожно откликнется въ виднѣющемся вдали вражескомъ станѣ: да здравствуетъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, ура!“ Князь приблизился къ полковому командиру, обнялъ его и проникнутымъ добротою голосомъ сказалъ вѣчно памятныя для командира слова: „все хорошее въ полку отъ полковаго командира, каковъ командиръ, таковъ и полкъ“.

Солдаты принялись за дѣло; помѣстились какъ кто могъ и каждый въ душѣ благодарилъ гостепріимнаго хозяина за щедрое угощеніе. Пригласили офицеровъ въ шатеръ; князь посадилъ возлѣ себя съ правой стороны преосвященнаго Иннокентія, а съ лѣвой полковаго командира, возлѣ котораго пригласили сѣсть прибывшаго изъ Петербурга генералъ-адъютанта барона Вревскаго. Начался пиръ на весь міръ; было разливное море. Пили за здоровье Царя; пили за главнокомандующаго; пили за шефа; пили за князя и пили за Брянца и никого не забыли. Князь каза-

лось переродился, вставалъ со стула, самъ угощалъ Брянскую окуренную порохомъ молодежь; любовался ею; ходилъ къ солдатскимъ группамъ; съ удовольствіемъ слушалъ вездѣ раздававшуюся пѣснь:

Жизни тотъ одинъ достоинъ
Кто на смерть всегда готовъ,
Православный русскій воинъ
Не считая бьетъ враговъ.

Кончался пиръ. Князь, куря сигару, разговаривалъ со всѣми офицерами. Разсказъ Тищинскаго о томъ, какъ онъ взялъ въ плѣнъ англійскаго инженернаго офицера, привелъ его въ восторгъ. Взявъ Тищинскаго за руку, князь подвелъ его къ преосвященному: „Благословите его, владыко, и послушайте какъ онъ справился съ англійскимъ капитаномъ“. Преосвященный со вниманіемъ слушалъ повторенный разсказъ и сердечно улыбался, когда Тищинскій началъ говорить какъ онъ манилъ къ себѣ рукою англичанина: „Простоватъ былъ вѣрно англичанинъ“, замѣтилъ преосвященный, „Помилуйте, сами посудите; я маню его къ себѣ, а онъ и въ самомъ дѣлѣ“, прибавилъ Тищинскій. Преосвященный еще сердечнѣе засмѣялся и послѣ того благословилъ Тищинскаго. „Здѣсь хорошо быть въ этой славной семьѣ“, сказалъ князь, обратившись къ генералъ-адъютанту барону Вревскому, „но пора ѣхать домой“. „Правда, ваше сіятельство, особенно когда послѣ такого завтрака да предстоитъ такой же обѣдъ. Вѣдь это въ своемъ родѣ 6-го іюня“.

Князь началъ собираться отъѣхать, но медленно

двигался къ экипажу, останавливаясь на каждомъ шагу, чтобы кого нибудь поласкать, ободрить, поздравить. Наконецъ, подойдя къ колясκѣ, онъ обратился къ полковому командиру со словами: „Сегодня завтра вамъ отдыхъ, а завтра утромъ пріѣзжайте ко мнѣ на Инкерманъ“. Такъ провелъ главнокомандующій этотъ день съ своимъ полкомъ. Никто до него и никто послѣ никогда не видалъ князя подъ Севастополемъ въ такомъ счастливомъ расположеніи духа и это въ виду генералъ-адъютанта барона Вревскаго, пріѣзду котораго стоустая и лживая молва давала Богъ знаетъ какое таинственное значеніе. Дошелъ и до Лысенки милостивый о немъ отзывъ главнокомандующаго. Ободренный встрѣтилъ онъ полковника Гана, пришедшаго передать ему благодарность князя. Выздоровленіе его пошло быстро и онъ вскорѣ возвратился на Малаховъ курганъ и тамъ раздѣлялъ труды съ генераломъ Хрулевымъ. 27-го августа принявъ послѣ раненаго Хрулева начальствованіе надъ войсками, онъ былъ раненъ и чрезъ три дня окончилъ свою честную жизнь.

27-го іюня утромъ явился полковникъ Ганъ къ князю главнокомандующему. „Не буду говорить, сказалъ князь, какъ вамъ служить на бастіонѣ. Это полкъ уже самъ доказалъ; скажу только, что пока мы смотримъ непріятелю въ лицо, наше дѣло не проиграно, а какъ только повернемся къ нему спиной, все погибло. Возьмите 400 р. и отдайте кому знаете отъ шефа. Не забывайте тѣхъ, которые раненые не оставляютъ своихъ мѣстъ“.

Щедрое даяніе князя было роздано нижнимъ чинамъ въ тотъ же самый день. Въ 6 часовъ вечера отслуженъ молебенъ. Тепла была молитва Брянцевъ и они съ новою вѣрою отправились на свой родной бастіонъ и въ ту же ночь заняли банкеты и начали работы. Ошиблись тѣ, которые, провожая Брянцевъ на Сѣверную сторону, думали, что они конечно уже болѣе не возвратятся въ ступку и что имъ найдутъ болѣе безопасное мѣсто. Числительность полка значительно сократилась. Бастіонное начальство нашло нужнымъ поддержать силы оставшихся людей. Съ 28-го іюня ежедневно, по окончаніи ночныхъ работъ, одна часть полка заступала на банкеты, а другая отправлялась на Корабельную сторону на отдыхъ и для того что былюди могли купаться въ бухтѣ. Тамъ было сравнительно безопаснѣе, чѣмъ на бастіонѣ. Около обѣда 28-го же іюня началась бомбардировка несчастнаго 3-го бастіона. По всей линіи атаки было довольно тихо, только англичане неистовствовали и разрушали 3-й бастіонъ. Прибѣжалъ съ бастіона офицеръ передать приказаніе спѣшить на выручку на случай штурма 3-го бастіона. Какъ только баталіонъ поравнялся съ морскими казармами и открылся передъ фронтомъ атаки, всѣ казалось выстрѣлы съ англійскихъ батарей направлены были на насъ. Баталіонъ шелъ отдѣленіями справа съ разомкнутыми шеренгами и рядами. По всѣмъ направленіямъ разрывались бомбы, пролетали и рекошетировали ядра между рядами и шеренгами и ни одинъ офицеръ, ни одинъ солдатъ не былъ ни раненъ ни

онтужень. „Это ваша вчерашняя теплая молитва ранитъ васъ сегодня“, сказалъ полковникъ Ганъ солдатамъ, приведя ихъ на бастіонъ. Вскорѣ бомбардировка умолкла и пальба приняла свой обыкновенный размѣръ. Но другая печальная вѣсть поразила всѣхъ. День роковой для Севастополя. Почти на нашихъ глазахъ смертельно раненъ былъ адмиралъ Нахимовъ. Миръ праху твоему, герой!

Съ отбытіемъ генерала Лысенки съ 3-го бастіона, начальникомъ пѣхоты на ономъ былъ назначенъ генералъ Сабашинскій, бывшій командиръ Селенгинскаго полка, прославившійся впослѣдствіи мужествомъ при выбытіи 27-го августа французовъ изъ занятыхъ ими нашихъ укрѣпленій. Не помню оставался ли генералъ Сабашинскій въ то время командиромъ Селенгинскаго полка, и былъ ли онъ только временно съ нимъ разлученъ, или числился онъ уже бригаднымъ командиромъ. Во всякомъ случаѣ симпатіи его принадлежали Селенгинцамъ, но не къ другимъ полкамъ. Отъ этого Брянцы хотя конечно не страдали, однако и не пользовались исключительнымъ вниманіемъ распорядителя пѣхоты. Послѣдствіемъ же этого встрѣчались случаи неудовольствій, которыя въ виду непріятеля слѣдовало улаживать, но никакъ не раздувать.

2-го іюля, въ ночное время командиру полка, посѣтившему расположеніе 1-го баталіона, которымъ въ то время командовалъ командиръ 1-й егерской роты капитанъ Стеблинъ-Каменскій, командиръ шефской, 1-й карабинерной роты, штабсъ-капитанъ Ка-

шинцевъ заявилъ жалобу въ оскорбленіи его лицомъ при генералѣ Сабашинскомъ состоящимъ. Этому оскорбленію капитанъ Кашинцевъ давалъ значеніе служебное и конечно, чтобы вызвать участіе командира полка, объяснилъ дѣло въ томъ смыслѣ, что тутъ затронута была шефская рота. Штабсъ-капитанъ Кашинцевъ былъ очень возбужденъ; говорилъ, что одни только обязанности военнаго времени воздержали его отъ собственной расправы и многое другое; но все это не совсѣмъ разъясняло сущность дѣла, а потому, чтобы покончить и вмѣстѣ не затронуть чести офицера, полковой командиръ совѣтовалъ штабсъ-капитану Кашинцеву успокоиться, обѣщая на другой день прійдти къ нему и выслушать его, когда онъ будетъ болѣе спокоенъ. Кашинцевъ съ этимъ согласился.

3-го іюля былъ жаркій, удушливый день. Въ 8-мъ часу вечера выступилъ отдыхавшій на Корабельной сторонѣ баталіонъ на ночныя работы. Шествіе этого баталіона, какъ и всегда, сопровождалось направленною на него пальбою съ англійскихъ батарей. Подойдя къ бастіону и отпуская роты на работы, полковой командиръ прощался съ каждою изъ нихъ и пожелалъ имъ помощи Божіей. Надо было успокоить Кашинцева, а потому полковой командиръ, пригласивъ съ собою единственнаго при полку оставшагося штабъ-офицера маіора Сурина, направился къ фланговой батареѣ. Не доходя долины смерти, полковникъ Ганъ сообразилъ, что бесѣда съ капитаномъ Кашинцевымъ можетъ продлиться долго и вызвать необходимость продолжительныхъ объясненій съ

самимъ генераломъ Сабашинскимъ и что такимъ образомъ упустится время повѣрки работъ, рѣшился сперва обойти работы, а затѣмъ уже отправиться къ Кашинцеву.—Маіоръ Суринъ по предложенію полковаго командира отправился на фланговую батарею, гдѣ и долженъ былъ ожидать прибытія полковника Гана. Работы производились съ большимъ спокойствіемъ. 7-я егерская рота очищала ровъ бастіона. Съ нею находился ротный командиръ капитанъ Ризенкампфъ, близкій родственникъ полковаго командира, — ловкій гимнастъ и отчаянный смѣльчакъ.— Чѣмъ опаснѣе предпріятіе, хотя бы самое безцѣльное, капитанъ Ризенкампфъ не побережетъ своей жизни изъ одного молодечества и даже хвастовства. Солдаты его любили, видя въ немъ начальника, съ которымъ пріятно и весело идти въ огонь. На бастіонѣ было тихо; непріятельскій огонь весьма умѣренный. Вдругъ подъ однимъ изъ орудій послышался шорохъ. Артилеристы бросились къ орудію; егеря взвели курки; всѣ напрягли вниманіе. И что-же? изъ рва на брустверъ лѣзетъ Ризенкампфъ. Еще одна минута и былъ-бы съ нимъ конецъ! „откуда вы, что вы?“ сердито и строго спросилъ его командиръ полка. Вздумалось Ризенкампфу испытать крутость рва и высоту бруствера, чтобы заявить начальству о возможности подняться на бастіонъ. „Скройтесь изъ глазъ“, сказалъ Ризенкампфу полковой командиръ. „Помните, что кромѣ вашей жизни, которую вы ни во что не ставите, вамъ ввѣрена рота; идите къ ней и не покидайте ея“. Это было послѣднее замѣчаніе полковаго командира

на 3-мъ бастіонѣ. „Берегись наша!“ прокричалъ сигналистъ, наблюдавшій за полетомъ выстрѣловъ. Двѣ огромныя бомбы плавно поднялись и направляя свой огненный путь одна къ другой, пересѣклись и начали съ ускоренною быстротою спускаться на 3-й бастіонъ. Одна упала въ ровъ и произвела тамъ смятеніе, другая ударилась въ землю шагахъ въ 8 отъ полковаго командира. „Ложись!“ раздался чей-то голосъ и вслѣдъ затѣмъ лопнула бомба. „Вставай“, произнесъ полковой командиръ и въ то-же мгновеніе осколокъ поразилъ его въ голову и повергъ безъ чувствъ на землю. Прійдя въ себя, полковой командиръ находился въ гостепріимномъ блиндажѣ любезныхъ морскихъ офицеровъ; около него хлопоталъ ротный цирюльникъ, чтобы остановить кровь. Дали знать маіору Сурину; доложили генералу Хрулеву; приказано было полковника Гана отнести на Павловскій мысокъ на перевязочный пунктъ. Кашинцевъ успокоился и просилъ маіора Сурина доложить командиру полка, что онъ не ищетъ никакого удовлетворенія.

Желая проститься съ добрыми Брянцами, полковой командиръ приказалъ вести себя вдоль банкетовъ и около работъ. „Не даромъ прощался онъ съ нами сегодня“, послышался въ одномъ мѣстѣ голосъ солдата; „вѣрно предчувствовалъ свою судьбу.“—„Еще разъ прощайте, ребята“ отвѣтилъ на это слабымъ голосомъ командиръ полка. Полковникъ Ганъ возвратился къ полку 31-го августа того же года.

Тутъ оканчиваются воспоминанія полковаго коман-

мира тѣхъ дѣйствій, которыхъ онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ подъ Севастополемъ.

Брянскій, генералъ-адъютанта князя Горчакова полкъ честно прослужилъ до конца обороны въ Севастополѣ. Когда числительность полка на столько уменьшилась, что ему нельзя было оставаться на 3-мъ бастіонѣ, то его перевели на Павловскій мысокъ, откуда каждую ночь ходилъ на работы на Малаховъ Курганъ. 27-го августа подъ начальствомъ командира 4-го баталіона подполковника Домбровскаго, заступившаго мѣсто командира полка, поспѣшилъ полкъ на выручку Малахова Кургана, но исторгнуть его изъ рукъ французовъ было уже невозможно. Въ ночь на 28-е августа подполковникъ Домбровскій перевезъ остатки полка на пароходѣ Владиміръ на Сѣверную сторону.

9-го ноября 1855 года 2-ая бригада 9-й пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ бригаднаго командира, командовавшаго тогда дивизіею генералъ-маіора Хрущова, (нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-губернаторъ Западной Сибири и командующій войсками Западнаго Сибирскаго военнаго округа) выступила изъ лагеря на Качѣ и расположилась на позиціи Инкерманской. При Брянскомъ полку состояла Мѣщевская дружина Калужскаго ополченія, коею командовалъ гвардіи полковникъ Камынинъ. Занятыя на этой позиціи землянки были тѣсныя, низенькія, смрадныя и полуразрушенныя. „Ты погубишь полкъ“, сказалъ полковнику Гану корпусный командиръ, посѣтившій бригаду въ томъ же мѣстѣ.

Зима прошла довольно строгая; служба была тяжелая, а полкъ не погибъ и изъ этой военной стоянки, въ виду всегда готоваго непріятеля, осталось одно пріятное воспоминаніе перенесенныхъ трудовъ и службы подъ начальствомъ прославившагося героя, обладающаго даромъ и самую трудную службу сдѣлать пріятною и умѣвшаго привлечь къ себѣ всѣхъ и заставить себя любить. Намъ солдатамъ было ничего стоять въ грязныхъ землянкахъ, но трудно было начальнику дружины, котораго сопровождала жена, раздѣлявшая съ мужемъ всѣ трудности стоянки подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей. Тамъ Богъ имъ далъ дочь, которую и теперь въ достойномъ ихъ семействѣ зовутъ Пушка Николаева.

Инкерманская позиція была весьма обширная. Она простиралась отъ впаденія Черной въ Бухту и по теченію рѣки подымалась до Генуэзской башни, составлявшей оконечность нашего лѣваго фланга. Высоты этой долины были усѣяны грозными нашими батареями въ числѣ кажется четырехъ или пяти, отдѣлявшимися одна отъ другой крутыми спусками и отвѣсными подъемами. По данной генераломъ Хрущовымъ диспозиціи назначены были всѣмъ частямъ мѣста на всѣ возможные случаи. Каждый день на передовую службу выходили два баталіона; прочіе составляли резервъ. Командиръ полка занимавшаго аванпосты отвѣчалъ за спокойствіе позиціи, а въ случаѣ дѣла долженъ былъ принять начальствованіе надъ авангардомъ. Конца войны никто не видѣлъ; всѣ готовились воевать еще года два или три.

Въ первой половинѣ февраля мѣсяца 1856 года часу въ 10 вечера командиръ полка собирался, сопровождаемый полковымъ горнистомъ, ѣхать на аванпосты. Приносятъ приказаніе генерала Хрущова полковнику Гану, какъ начальнику аванпостовъ. Приказаніе съ надписью: о самонужнѣйшемъ. Не вѣрится глазамъ: повелѣно прекратить непріязненныя дѣйствія, а полковнику Гану принять мѣры, чтобы ни въ какомъ случаѣ, нигдѣ на всей позиціи, никто не смѣлъ стрѣлять. Задача не легкая: ночь, крутизны, овраги; несомнѣнное недовѣріе, каковымъ будетъ встрѣчено приказаніе, все это предвѣщало проволочки, а февральская ночь не безконечная. Чего тутъ ни наслышался полковой командиръ. Никто не вѣритъ привезенному приказанію. Посыпались вопросы какъ поступить въ случаѣ такомъ-то, такомъто и Богъ знаетъ какихъ тутъ не было вопросовъ. Ни одному начальнику и въ голову бы не пришло предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, о которыхъ теперь каждый батарейный командиръ спрашивалъ разрѣшенія, отказываясь даже росписаться въ извѣстности отданнаго приказанія. Пришлось кого упрашивать, кого уламывать. Но труднѣе всего было справиться съ казакомъ находившимся съ ¼ сотнею лихихъ Донцовъ въ засадѣ. Нѣтъ, да нѣтъ. Не можетъ быть; не такъ было въ 12-мъ году. Пускай они покажутся, а я ихъ во флангъ и т. д. Невольно уважаешъ такого молодца, а между тѣмъ досадно; время не терпитъ. Наконецъ снабженный расписками, терпѣніемъ добытыми, возвра-

тился полковникъ Ганъ на позицію успокоить [redacted] нерала Хрущова.

Въ 9 часу утра поѣхали генералъ Хрущовъ свитою, а полковникъ Ганъ съ своимъ неизмѣнны[redacted] полковымъ горнистомъ, повѣрить передовую лин[redacted] Генералъ Хрущовъ поѣхалъ высотами, а полков[redacted] командиръ спустился въ долину, почтовою дорог[redacted] прямо на Инкерманскій мостъ. Они условились с[redacted]диниться на Генуэзской башнѣ, откуда открывал[redacted] пространство до самого трактирнаго моста, гдѣ назначались переговоры. Наши аванпосты были сняты, какъ и было приказано; ни одной души на всемъ видимомъ пространствѣ Инкерманской позиціи. Горы лѣваго берега рѣки Черной покрыты были французами, стоявшими при орудіяхъ съ скрещенными руками. Подъѣхавъ къ Инкерманскому мосту полковникъ Ганъ снялъ фуражку и поднялъ ее вверхъ. Въ отвѣтъ на это мирное привѣтствіе раздались крики и французскія кепи полетѣли на воздухъ. Противъ самой Генуэзской башни, гдѣ у насъ скрывался секретъ, и гдѣ р. Черная не шире шаговъ 20-ти, стоялъ большой французскій караулъ. Лѣвѣе генуезской башни начинались аванпосты отъ Мекензіевой позиціи. Звѣно цѣпи, прикрываясь деревь[redacted], производило пальбу на стоявшихъ французовъ. Никакія убѣжденія полковника Гана не могли заставить усастыхъ егерей 11-й пѣхотной дивизіи прекратить огонь! Одинъ былъ только ихъ отвѣтъ: мы ничего не знаемъ; приказанія никакого не получили; а что намъ смотрѣть на васъ. Въ это время на нашихъ

высотахъ показался генералъ Хрущовъ со свитою. Французы приходили въ ярость; начали кричать и дѣлать угрозы. Не успѣлъ полковникъ Ганъ обогнуть башню, чтобы доложить генералу Хрущову о происходящемъ въ цѣпи, лѣвѣе нашей позиціи, раздался залпъ, другой и третій и все замолкло. Это были послѣдніе выстрѣлы, закончившіе подъ Севастополемъ восточную войну. Осыпанный пулями стоялъ генералъ Хрущовъ въ недоумѣніи. Началъ спускаться туманъ; трактирный мостъ скрылся изъ вида; генералъ Хрущовъ поѣхалъ прежнею же дорогой обратно на Инкерманъ, а полковой командиръ спустился внизъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ цѣпи. Цѣпь была снята; все было тихо; французы успокоились и когда мимо ихъ проѣзжалъ полковникъ Ганъ и сказалъ, что уже не будетъ недоразумѣній, они привѣтствовали его выраженіями дружбы.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 9-я пѣхотная дивизія перешла въ Симферополь, а Брянскій полкъ расположился въ баракахъ по полу-пути между Симферополемъ и Евпаторіею. 15-го іюня полкъ выступилъ во внутреннія губерніи и 29-го августа, Всемилостивѣйше украшенный георгіевскими знаменами, прибылъ Орловской губерніи въ г. Димитровскъ.

Генералъ-Лейтенантъ Ганъ.

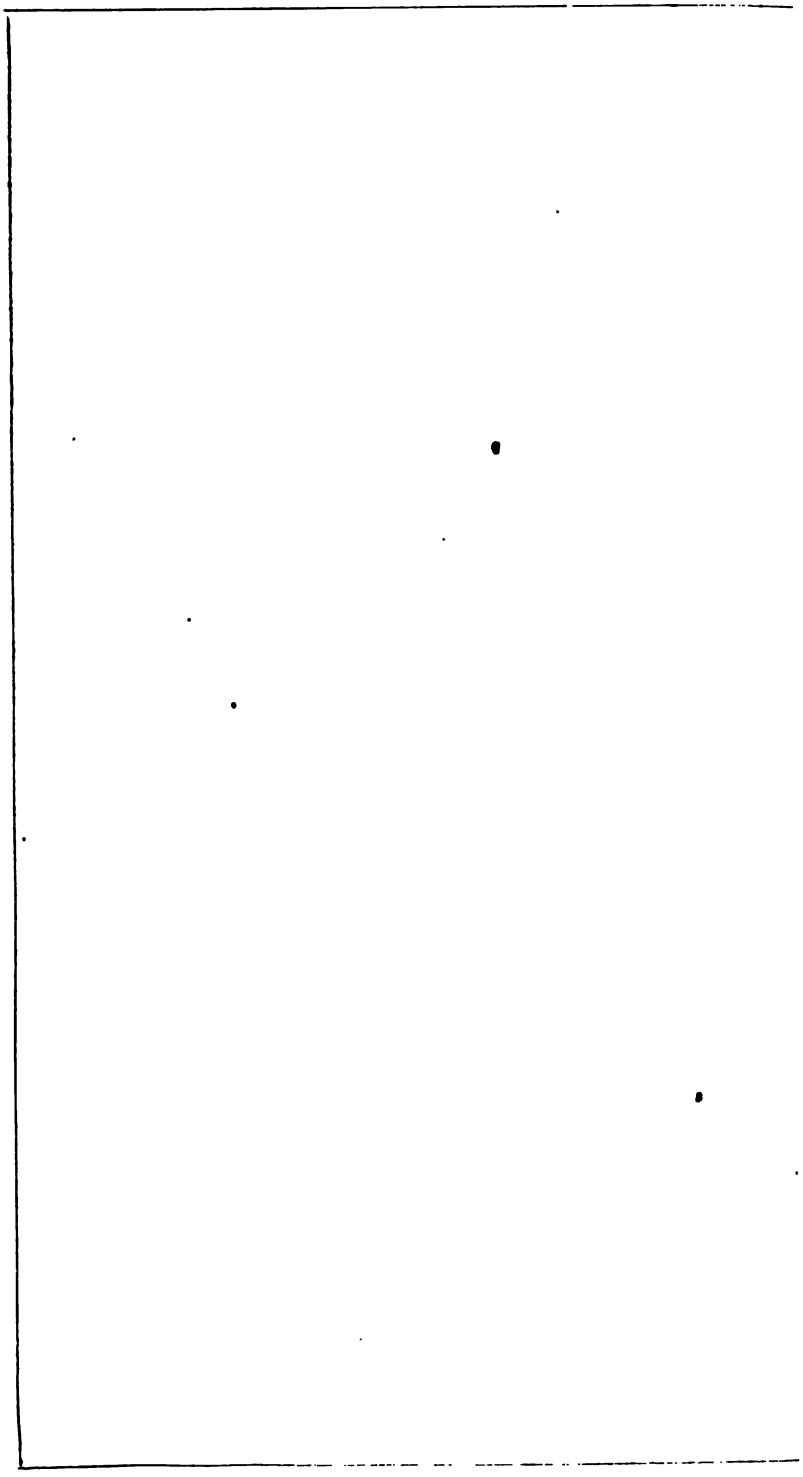
20 апрѣля 1872 г.
Москва.

ДѢЙСТВІЕ

въ Альминскомъ сраженіи Московскаго пѣхотнаго полка 8-го сентября 1854 года

подъ непосредственнымъ распоряженіемъ князя Меншикова.

Владиміра Бейтнера.



высотахъ показался генералъ Хрущовъ со свитою. Французы приходили въ ярость; начали кричать и дѣлать угрозы. Не успѣлъ полковникъ Ганъ обогнуть башню, чтобы доложить генералу Хрущову о происходящемъ въ цѣпи, лѣвѣе нашей позиціи, раздался залпъ, другой и третій и все замолкло. Это были послѣдніе выстрѣлы, закончившіе подъ Севастополемъ восточную войну. Осыпанный пулями стоялъ генералъ Хрущовъ въ недоумѣніи. Началъ спускаться туманъ; трактирный мостъ скрылся изъ вида; генералъ Хрущовъ поѣхалъ прежнею же дорогой обратно на Инкерманъ, а полковой командиръ спустился внизъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ цѣпи. Цѣпь была снята; все было тихо; французы успокоились и когда мимо ихъ проѣзжалъ полковникъ Ганъ и сказалъ, что уже не будетъ недоразумѣній, они привѣтствовали его выраженіями дружбы.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 9-я пѣхотная дивизія перешла въ Симферополь, а Брянскій полкъ расположился въ баракахъ по полу-пути между Симферополемъ и Евпаторіею. 15-го іюня полкъ выступилъ во внутреннія губерніи и 29-го августа, Всемилостивѣйше украшенный георгіевскими знаменами, прибылъ Орловской губерніи въ г. Димитровскъ.

Генералъ-Лейтенантъ Ганъ.

20 апрѣля 1872 г.
Москва.

о расположеніи передъ Бурлюкомъ Московскаго пѣхотнаго полка.

Въ разговорѣ съ нимъ по этому предмету замѣтно было, что я приводилъ ему на память то, о чемъ онъ успѣлъ уже позабыть. Онъ, не желая опровергать сдѣланнаго имъ по начальству донесенія, выразилъ мнѣ свое неудовольствіе за сдѣланныя ему поясненія дѣла, и свой авторитетъ защищалъ слѣдующими словами: „расположенія войскъ вы не могли знать, и потому я не слушаю васъ“.

Разговоръ объ этомъ дѣлѣ происходилъ въ присутствіи или полковника Алабина, или полковника Аничкова, этого я хорошо не припомню, но кто-то изъ нихъ принесъ генералу Кирьянову свою статью, и пригласилъ и меня прослушать очеркъ Алминскаго сраженія, или какъ назвали его англичане: „сраженіе при аулѣ Бурлюкъ.“

Заинтересованный этимъ сраженіемъ, въ которомъ и мнѣ удалось принять участіе, я остановилъ вниманіе присутствовавшихъ на томъ обстоятельствѣ, что Московскій пѣхотный полкъ не весь былъ поставленъ противъ французской дивизіи Боске, а именно фронтомъ одного только 4-го баталіона, при которомъ и я находился.

Пересматривая недавно „Военный Сборникъ“ за послѣдніе годы, я нашелъ въ одной полемической статьѣ, что командиръ Московскаго пѣхотнаго полка совершенно невѣрно донесъ своему корпусному командиру о расположеніи полка въ Алминскомъ сраженіи.

Ошибка эта произошла черезъ полковаго адъю-

ДѢЙСТВІЕ

въ Алминскомъ сраженіи Московскаго пѣхотнаго полка

8-го сентября 1854 года

подъ непосредственнымъ распоряженіемъ князя Меншикова.

Владиміра Бейтнера.

выступъ передъ третьимъ бастіономъ,—замѣтили такой значительный успѣхъ небольшаго числа Московцевъ надъ зловредной батареей, то пришли въ такое восхищеніе, что махая фуражками прокричали намъ громогласное: ура! какъ товарищамъ, съ которыми еще наканунѣ взяли этотъ самый мысокъ.

За отнятіе этого мыска изъ рукъ англійскихъ стрѣлковъ молодой мичманъ князь Путятинъ былъ въ это же утро пожалованъ орденомъ святыя Анны третьей степени съ бантомъ, приколотымъ къ геройской груди его экипажнымъ начальникомъ, имѣвшимъ для такого случая нѣсколько орденовъ этого имяни.

Роты наши: штабсъ-капитановъ Жохова и Яновскаго высыпали на брустверъ изъ траншеи лѣваго фаса, что-бы узнать что такое творится впереди, и для чего тамъ кричатъ ура, ура и ура! Полковой же адъютантъ не только не занесъ этотъ геройскій подвигъ въ послужные списки, но даже и не отмѣтилъ его въ исторіи Московскаго полка, какъ это дѣлалось въ Бутырскомъ, въ одной съ нами бригадѣ, пришедшимъ къ намъ дней восемь послѣ перваго сраженія. Яковлевъ меня спросилъ мѣсяцъ спустя, слѣдуетъ-ли записывать куда нибудь мои движенія съ охотниками, такъ какъ онъ этого не дѣлалъ, потому что письменнаго приказанія изъ главнаго штаба не отдавалось для нашего полка. Я отвѣчалъ ему, конечно слѣдуетъ, хотя и не было объ этомъ приказа по полку. За нимъ прослѣдить я не могъ, потому что труды мы несли сверхъестественные, оцѣненные вполнѣ какъ покой-

нымъ Государемъ, такъ и благополучно Царствующимъ, повелѣвшими намъ считать даже каждый мѣсяцъ нашей службы за годъ. А между тѣмъ этотъ подвигъ остался тайной не только для отдаленныхъ соотечественниковъ, но и для молодыхъ сослуживцевъ.

Подобныя упущенія могли происходить если не отъ невниманія полковаго адъютанта къ обязанностямъ своимъ, то отъ полнаго непониманія достоинствъ военной исторіи, тогда какъ на немъ лежитъ прямая обязанность въ военное время, слѣдить за отличіями каждаго, чтобъ онѣ не скрылись въ будущемъ по крайней мѣрѣ, ни отъ потомства, ни отъ великаго вниманія Царя, горѣвшаго желаніемъ слышать о подвигахъ своего войска.

Въ такую важную эпоху исторической жизни народа, какъ недавно минувшая Крымская война, во главѣ полка были люди слишкомъ близорукіе, подчинявшіеся начальствующимъ лицамъ безъ всякой здравой мысли. Они не находили даже нужнымъ, исключая „приказовъ военнаго министра“, обогащать свой умъ чѣмъ нибудь полезнымъ, И столбецъ „о производствѣ“ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ нѣсколько разъ ими перечитываемый, какъ бы пополнялъ въ нихъ недостатокъ свѣдѣній.

Изъ нихъ выдавался болѣе другихъ командиръ Московскаго пѣхотнаго полка г. Куртьяновъ, который постоянно опровергалъ военные замыслы Европы противъ Россіи. Невольно выслушивая о возможности разрыва Россіи съ другими государствами, онъ

о расположеніи передъ Бурлюкомъ Московскаго пѣхотнаго полка.

Въ разговорѣ съ нимъ по этому предмету замѣтно было, что я приводилъ ему на память то, чемъ онъ успѣлъ уже позабыть. Онъ, не желая опровергать сдѣланнаго имъ по начальству донесенія, выразилъ мнѣ свое неудовольствіе за сдѣланныя ему поясненія дѣла, и свой авторитетъ защищалъ слѣдующими словами: „расположенія войскъ вы не могли знать, и потому я не слушаю васъ“.

Разговоръ объ этомъ дѣлѣ происходилъ въ присутствіи или полковника Алабина, или полковника Аничкова, этого я хорошо не припомню, но кто-то изъ нихъ принесъ генералу Кирьянову свою статью, и пригласилъ и меня прослушать очеркъ Алминскаго сраженія, или какъ назвали его англичане: „сраженіе при аулѣ Бурлюкъ.“

Заинтересованный этимъ сраженіемъ, въ которомъ и мнѣ удалось принять участіе, я остановилъ вниманіе присутствовавшихъ на томъ обстоятельствѣ, что Московскій пѣхотный полкъ не весь былъ поставленъ противъ французской дивизіи Боске, а именно фронтомъ одного только 4-го баталіона, при которомъ и я находился.

Пересматривая недавно „Военный Сборникъ“ за послѣдніе годы, я нашелъ въ одной полемической статьѣ, что командиръ Московскаго пѣхотнаго полка совершенно невѣрно донесъ своему корпусному командиру о расположеніи полка въ Алминскомъ сраженіи.

Ошибка эта произошла черезъ полковаго адъю-

танта подпоручика Яковлева, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ съ производствомъ въ офицеры прекратилъ переписываніе на бѣло разныхъ форменныхъ бумагъ, что дѣлалъ онъ въ свой двѣнадцати-лѣтній терминъ, находясь писаремъ при дивизіономъ штабѣ. Послѣ такого неважнаго занятія, Яковлевъ былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ на постъ, какъ извѣстно, довольно важный даже и не въ военное время. Нисколько незнакомый съ военнымъ дѣломъ, Яковлевъ рѣшительно растерялся среди тѣхъ грозныхъ событій, которые, по обязанности своей онъ долженъ былъ излагать на бумагѣ, и до такой степени былъ смущенъ, что видимое пересталъ видѣть, а о слышанномъ совершенно забывалъ.

Для большей ясности разскажемъ слѣдующій случай: 8-го октября 1854 года находившіеся подъ моей командой 22 человѣка рядовыхъ и волонтеровъ вооруженныхъ круглыми пулями, съ одинадцати часовъ утра и до вечера, заставили замолчать передній фасъ угловой англійской батареи, еще въ это утро и два дня назадъ сильно громившей 3-й бастіонъ, а 5-го числа, т. е., въ первый день бомбардировки, успѣлъ даже взорвать пороховой складъ на этомъ бастіонѣ; при этомъ значительная часть бруствера была сброшена въ ровъ, прислуга вся перебита, а самыя орудія перевернуты, или сброшены съ платформъ. Понятно, что злоба всѣхъ защитниковъ Севастополя на угловую англійскую батарею не имѣла границъ, такъ что когда моряки при двухъ офицерахъ, сидѣвшіе въ этотъ день на мыскѣ, какъ называли тогда

этихъ командировъ по крайней мѣрѣ былъ раненъ, а другой, именно генералъ Волковъ, командиръ Тарутинскаго полка даже и раненъ не былъ. Пока разрозненныя части Московскаго полка сопротивлялись врагамъ слабымъ числомъ своихъ стрѣлковъ, генералъ Волковъ и не подумалъ его подкрѣпить своими штуцерными.

Если отъ подобной попытки его удерживало присутствіе не вдалекѣ самого главнокомандующаго и безмолвнаго на этотъ разъ начальника 17-й пѣхотной дивизіи, котораго авторитетъ въ дѣлѣ военнаго искуства былъ на этотъ разъ, къ сожалѣнію, оставленъ безъ вниманія, то, повернувъ свой полкъ назадъ передъ приблизившимися къ нему ядрами, что онъ сдѣлалъ въ нашихъ глазахъ по собственному внушенію, онъ прежде долженъ бы былъ выставить на этой линіи, которую покидалъ, цѣпь штуцерныхъ, и пропустить сквозь нее отступившій Московскій полкъ, чего однако онъ и не подумалъ сдѣлать. Тарутинскій полкъ, выйдя изъ жестокаго сраженія, такъ и не закоптилъ своихъ ружей, какъ будто въ нихъ и надобности не было.

Отличившись такимъ славнымъ подвигомъ, командиръ этого полка воспользовался на Альмѣ смертью генерала Гогинова, бригаднаго своего командира и потерею власти надъ подчиненными начальникомъ 17-й пѣхотной дивизіи, онъ удалился, какъ мы сказали выше, въ городъ Симферополь, гдѣ, не смотря на явную трусость, оставался въ почетномъ достоинствѣ командира полка.

Спустя года два или три послѣ войны, какъ только въ нашемъ отечествѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что французскіе генералы, именно: принцъ Наполеонъ и Канроберъ по ошибкѣ сочли встрѣтившія ихъ за р. Альмой ротныя и полубаталіонныя колонны Московскаго пѣхотнаго полка за „храбрый Тарутинскій полкъ“, то какъ я слышалъ, этотъ самый командиръ незамедлилъ подтвердить и присвоить себѣ и своему полку это лестное названіе „храбрый“; причемъ онъ нашелъ даже не лишнимъ представить и къ наградѣ ни чѣмъ не отличившихся, но близкихъ ему людей.

Кончивъ говорить о храбрыхъ, скажемъ теперь, что съ генераломъ Кирьяковымъ и вся дивизія вверенная его управленію подверглась сильнѣйшей опалѣ, такъ что ни начальникъ главнаго штаба Крымской арміи, ни самъ главнокомандующій, ни даже корпусный командиръ не обращали на насъ вниманія. И такъ какъ начальникъ дивизіи не могъ быть смѣненъ властью начальника всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ въ Крыму, а въ Петербургѣ медлили перевесть его въ Кіевъ. командовать тамъ резервами, то невниманіе особенно къ Московскому пѣхотному полку стало переходить въ явное презрѣніе.

Чтобъ доказать какъ мало цѣнились и поощрялись наши заслуги, припомнимъ нѣкоторыя слова главнокомандующаго адмирала. Когда ему доносили о какомъ нибудь успѣхѣ съ нашей стороны, то онъ съ видомъ полнѣйшаго равнодушія говорилъ:—этимъ они выполняютъ только обязанность свою.

Не знаю какъ другія части 17-й пѣхотной дивизіи, но Московскій полкъ, могу сказать, рѣшительно не зналъ какъ отправлять необходимыя бумаги къ главнокомандующему. Исправляющій тогда должность полковаго командира подполковникъ Соловьевъ (нынѣ генералъ-маіоръ въ отставкѣ) рѣшилъ, по этому случаю, совсѣмъ не отправлять бумагъ и о присутствіи въ Севастополѣ Московскаго пѣхотнаго полка не напоминать предлежащимъ властямъ.

Противъ такой логики полковые баталіонеры не возражали. Это видно изъ того, что отличившіеся 7-го октября нижніе чины и двое волонтеровъ съ ихъ офицеромъ не были представлены высшему начальству, какъ люди выдавшіеся. Я же не зналъ тогда причинъ, побудившихъ командующаго баталіономъ не исполнить своихъ обязанностей. Бездѣйствіе Попялковскаго принявъ за невниманіе, я, по переводѣ меня въ 3-й баталіонъ, самъ доложилъ рапортомъ командиру полка о военномъ успѣхѣ, что было дня три спустя, какъ удивленные моряки прокричали намъ ура. Но мнѣніе о насъ людей совершившихъ величественный подвигъ храбрости при Синопѣ, намъ немного помогло.

Полковая канцелярія, росписавшись въ разносной книжкѣ завѣдываемой мною роты, не нашла нужнымъ, какъ я узналъ послѣ, отмѣтить мой рапортъ въ журналѣ и сохранить его вмѣстѣ съ другими документами. Можетъ быть съ моей стороны была сдѣлана та ошибка, что я писалъ не черезъ баталіоннаго командира. Но эта ошибка не важная; въ воен-

ное время, по разнымъ причинамъ, случается нерѣдко такъ поступать.

На другой день, т. е., 12-го октября баталіонеры собрались на площади за морскими казармами, куда многія части полка изъ передовой линіи были переведены на отдыхъ. Бывшій мой баталіонный командиръ маіоръ Попялковскій, въ присутствіи моемъ и многихъ моихъ товарищей, засвидѣтельствовалъ командующему полкомъ справедливость моего донесенія и объявилъ, что отъ себя онъ не сдѣлалъ доклада только потому, что огонь непріятеля уничтожилъ всѣ принадлежности его канцеляріи. Подполковникъ Соловьевъ, при графѣ фонъ Зео, Гралѣ и Попялковскомъ, командовавшихъ баталіонами, держа мой рапортъ въ рукахъ, обратился ко мнѣ съ слѣдующими памятными мнѣ словами:

— Уважая вашу службу Государю и отечеству, въ настоящее время я никакъ не могу сдѣлать представленія о васъ и объ остальныхъ охотникахъ. Вамъ должно быть извѣстно, что настоящій нашъ начальникъ генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ, хотя и считается въ званіи начальника нашей дивизіи, но очень не надолго. Онъ лишенъ власти надъ нами. Неудовольствіе главнокомандующаго къ генералу Кирьякову такъ велико, что каждую бумагу за его подписью свѣтлѣйшій князь приказалъ возвращать генералу безъ доклада. Бригадный же командиръ, не считая начальника дивизіи отсутствующимъ, не беретъ на себя право входить съ представленіемъ помимо его, даже въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Такое

положеніе для насъ ужасно тяжело. Черезъ это, продолжалъ командующій полкомъ, мы испытали много горя; въ особенности когда въ полкъ немедленно понадобилось нѣсколько тысячъ аршинъ холста, по случаю потери въ Альминскомъ сраженіи, какъ вы сами знаете, почти всѣхъ срочныхъ военныхъ вещей и всего солдатскаго имущества. Объ этомъ мы подали по дистанціи; дистанція перенесла выше, а изъ главнаго штаба начальнику дивизіи всю переписку возвратили. Онъ отправляетъ вторично, ему вторично обращаютъ. Дѣло нетерпящее отлагательства лежало такимъ образомъ, а бѣдные солдаты, не имѣя возможности отлучиться, ни изъ траншеи, ни отъ работъ, должны были оставаться безъ перемѣны платья.

— Не смотря на то, продолжалъ подполковникъ, бригадный командиръ нашъ, генералъ Гриббе, не принялъ отвѣтственности по такому важному дѣлу и не рѣшился писать отъ себя въ главный штабъ. Полкъ, оставшись въ такомъ безвыходномъ положеніи, увѣдомилъ генералъ-интенданта о своихъ крайнихъ нуждахъ и при томъ совершенно на удачу, такъ какъ это сдѣлано было не въ порядкѣ вещей.

Вотъ почему ни о васъ, ни о комъ и ни о чемъ нельзя писать по начальству".

Съ изумленіемъ слушая, что такое лицо, какъ нашъ главнокомандующій, ставитъ ни во что немедленное удовлетвореніе солдатъ въ самомъ необходимомъ и свои счеты съ Кирьяковымъ вымѣщаетъ больше на своихъ, нежели на его подчиненныхъ,

Спустя года два или три послѣ войны, какъ только въ нашемъ отечествѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что французскіе генералы, именно: принцъ Наполеонъ и Канроберъ по ошибкѣ сочли встрѣтившія ихъ за р. Альмой ротныя и полубаталіонныя колонны Московскаго пѣхотнаго полка за „храбрый Тарутинскій полкъ“, то какъ я слышалъ, этотъ самый командиръ не замедлилъ подтвердить и присвоить себѣ и своему полку это лестное названіе „храбрый“; причемъ онъ нашелъ даже не лишнимъ представить и къ наградѣ ни чѣмъ не отличившихся, но близкихъ ему людей.

Кончивъ говорить о храбрыхъ, скажемъ теперь, что съ генераломъ Кирьяковымъ и вся дивизія вверенная его управленію подверглась сильнѣйшей опалѣ, такъ что ни начальникъ главнаго штаба Крымской арміи, ни самъ главнокомандующій, ни даже корпусный командиръ не обращали на насъ вниманія. И такъ какъ начальникъ дивизіи не могъ быть смѣненъ властью нычальника всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ въ Крыму, а въ Петербургѣ медлили перевесть его въ Кіевъ, командовать тамъ резервами, то невниманіе особенно къ Московскому пѣхотному полку стало переходить въ явное презрѣніе.

Чтобъ доказать какъ мало цѣнились и поощрялись наши заслуги, припомнимъ нѣкоторыя слова главнокомандующаго адмирала. Когда ему доносили о какомъ нибудь успѣхѣ съ нашей стороны, то онъ съ видомъ полнѣйшаго равнодушія говорилъ:—этимъ они выполняютъ только обязанность свою.

этихъ командировъ по крайней мѣрѣ былъ раненъ, а другой, именно генералъ Волковъ, командиръ Тарутинскаго полка даже и раненъ не былъ. Пока разрозненныя части Московскаго полка сопротивлялись врагамъ слабымъ числомъ своихъ стрѣлковъ, генералъ Волковъ и не подумалъ его подкрѣпить своими штуцерными.

Если отъ подобной попытки его удерживало присутствіе не вдалекѣ самого главнокомандующаго и безмолвнаго на этотъ разъ начальника 17-й пѣхотной дивизіи, котораго авторитетъ въ дѣлѣ военнаго искуства былъ на этотъ разъ, къ сожалѣнію, оставленъ безъ вниманія, то, повернувъ свой полкъ назадъ передъ приблизившимися къ нему ядрами, что онъ сдѣлалъ въ нашихъ глазахъ по собственному внушенію, онъ прежде долженъ бы былъ выставить на этой линіи, которую покидалъ, цѣпь штуцерныхъ, и пропустить сквозь нее отступившій Московскій полкъ, чего однако онъ и не подумалъ сдѣлать. Тарутинскій полкъ, выйдя изъ жестокаго сраженія, такъ и не закоптилъ своихъ ружей, какъ будто въ нихъ и надобности не было.

Отличившись такимъ славнымъ подвигомъ, командиръ этого полка воспользовался на Альмѣ смертью генерала Гогинова, бригаднаго своего командира и потерею власти надъ подчиненными начальникомъ 17-й пѣхотной дивизіи, онъ удалился, какъ мы сказали выше, въ городъ Симферополь, гдѣ, не смотря на явную трусость, оставался въ почетномъ достоинствѣ командира полка.

ное время, по разнымъ причинамъ, случается нерѣдко такъ поступать.

На другой день, т. е., 12-го октября баталіонеры собрались на площади за морскими казармами, куда многія части полка изъ передовой линіи были переведены на отдыхъ. Бывшій мой баталіонный командиръ маіоръ Попялковскій, въ присутствіи моемъ и многихъ моихъ товарищей, засвидѣтельствовалъ командующему полкомъ справедливость моего донесенія и объявилъ, что отъ себя онъ не сдѣлалъ доклада только потому, что огонь непріятеля уничтожилъ всѣ принадлежности его канцеляріи. Подполковникъ Соловьевъ, при графѣ фонъ Зео, Гралѣ и Попялковскомъ, командовавшихъ баталіонами, держа мой рапортъ въ рукахъ, обратился ко мнѣ съ слѣдующими памятными мнѣ словами:

— Уважая вашу службу Государю и отечеству, въ настоящее время я никакъ не могу сдѣлать представленія о васъ и объ остальныхъ охотникахъ. Вамъ должно быть извѣстно, что настоящій нашъ начальникъ генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ, хотя и считается въ званіи начальника нашей дивизіи, но очень не надолго. Онъ лишенъ власти надъ нами. Неудовольствіе главнокомандующаго къ генералу Кирьякову такъ велико, что каждую бумагу за его подписью свѣтлѣйшій князь приказалъ возвращать генералу безъ доклада. Бригадный же командиръ, не считая начальника дивизіи отсутствующимъ, не беретъ на себя право входить съ представленіемъ помимо его, даже въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Такое

Не знаю какъ другія части 17-й пѣхотной дивизіи, но Московскій полкъ, могу сказать, рѣшительно не зналъ какъ отправлять необходимыя бумаги къ главнокомандующему. Исправляющій тогда должность полковаго командира подполковникъ Соловьевъ (нынѣ генералъ-маіоръ въ отставкѣ) рѣшилъ, по этому случаю, совсѣмъ не отправлять бумагъ и о присутствіи въ Севастополѣ Московскаго пѣхотнаго полка не напоминать предлежащимъ властямъ.

Противъ такой логики полковые баталіонеры не возражали. Это видно изъ того, что отличившіеся 7-го октября нижніе чины и двое волонтеровъ съ ихъ офицеромъ не были представлены высшему начальству, какъ люди выдавшіеся. Я же не зналъ тогда причинъ, побудившихъ командующаго баталіономъ не исполнить своихъ обязанностей. Бездѣйствіе Попялковскаго принявъ за невниманіе, я, по переводѣ меня въ 3-й баталіонъ, самъ доложилъ рапортомъ командиру полка о военномъ успѣхѣ, что было дня три спустя, какъ удивленные моряки прокричали намъ ура. Но мнѣніе о насъ людей совершившихъ величественный подвигъ храбрости при Синопѣ, намъ немного помогло.

Полковая канцелярія, росписавшись въ разносной книжкѣ завѣдываемой мною роты, не нашла нужнымъ, какъ я узналъ послѣ, отмѣтить мой рапортъ въ журналѣ и сохранить его вмѣстѣ съ другими документами. Можетъ быть съ моей стороны была сдѣлана та ошибка, что я писалъ не черезъ баталіоннаго командира. Но эта ошибка не важная; въ воен-

ное время, по разнымъ причинамъ, случается нерѣдко такъ поступать.

На другой день, т. е., 12-го октября баталіонеры собрались на площади за морскими казармами, куда многія части полка изъ передовой линіи были переведены на отдыхъ. Бывшій мой баталіонный командиръ маіоръ Попялковскій, въ присутствіи моемъ и многихъ моихъ товарищей, засвидѣтельствовалъ командующему полкомъ справедливость моего донесенія и объявилъ, что отъ себя онъ не сдѣлалъ доклада только потому, что огонь непріятеля уничтожилъ всѣ принадлежности его канцеляріи. Подполковникъ Соловьевъ, при графѣ фонъ Зео, Гралѣ и Попялковскомъ, командовавшихъ баталіонами, держа мой рапортъ въ рукахъ, обратился ко мнѣ съ слѣдующими памятными мнѣ словами:

— Уважая вашу службу Государю и отечеству, въ настоящее время я никакъ не могу сдѣлать представленія о васъ и объ остальныхъ охотникахъ. Вамъ должно быть извѣстно, что настоящій нашъ начальникъ генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ, хотя и считается въ званіи начальника нашей дивизіи, но очень не надолго. Онъ лишенъ власти надъ нами. Неудовольствіе главнокомандующаго къ генералу Кирьякову такъ велико, что каждую бумагу за его подписью свѣтлѣйшій князь приказалъ возвращать генералу безъ доклада. Бригадный же командиръ, не считая начальника дивизіи отсутствующимъ, не беретъ на себя право входить съ представленіемъ помимо его, даже въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Такое

положеніе для насъ ужасно тяжело. Черезъ это, продолжалъ командующій полкомъ, мы испытали много горя; въ особенности когда въ полкъ немедленно понадобилось нѣсколько тысячъ аршинъ холста, по случаю потери въ Альминскомъ сраженіи, какъ вы сами знаете, почти всѣхъ срочныхъ военныхъ вещей и всего солдатскаго имущества. Объ этомъ мы подали по дистанціи; дистанція перенесла выше, а изъ главнаго штаба начальнику дивизіи всю переписку возвратили. Онъ отправляетъ вторично, ему вторично обращаютъ. Дѣло нетерпящее отлагательства лежало такимъ образомъ, а бѣдные солдаты, не имѣя возможности отлучиться, ни изъ траншеи, ни отъ работъ, должны были оставаться безъ перемѣны платья.

— Не смотря на то, продолжалъ подполковникъ, бригадный командиръ нашъ, генералъ Гриббе, не принялъ отвѣтственности по такому важному дѣлу и не рѣшился писать отъ себя въ главный штабъ. Полкъ, оставшись въ такомъ безвыходномъ положеніи, увѣдомилъ генералъ-интенданта о своихъ крайнихъ нуждахъ и при томъ совершенно на удачу, такъ какъ это сдѣлано было не въ порядкѣ вещей.

Вотъ почему ни о васъ, ни о комъ и ни о чемъ нельзя писать по начальству".

Съ изумленіемъ слушая, что такое лицо, какъ нашъ главнокомандующій, ставитъ ни во что немедленное удовлетвореніе солдатъ въ самомъ необходимомъ и свои счеты съ Кирьяковымъ вымѣщаетъ больше на своихъ, нежели на его подчиненныхъ,

потому что каждый военный, находившійся въ Крыму, зависѣлъ вполнѣ отъ воли князя Меншикова, повторяю: меня крайне удивило странное поведеніе князя Меншикова, да и не меня одного оно удивило!

Выслушавъ своего полковаго командира, я про себя сказалъ: нельзя не пожалѣть, что ни соотечественниковъ, ни даже начальствующихъ лицъ нельзя увѣдомлять о нашихъ успѣхахъ только потому, что домашнія наши дѣла въ безпорядкѣ; и еще больше сожалѣю о томъ, что первые не могутъ, а вторые не хотятъ знать какимъ способомъ мы достигаемъ этихъ успѣховъ.

Одинъ изъ упомянутыхъ баталіонныхъ командировъ къ словамъ полковаго командира прибавилъ: „какая польза, если бы вамъ пожаловали даже Георгіевскій крестъ. Жизнь каждаго изъ насъ виситъ здѣсь на волоскѣ, а умирать право все равно, что съ крестомъ, что безъ креста“.

Съ послѣдними словами я не согласился и доказывалъ, что мнѣніе такое болѣе чѣмъ несправедливо;—не всѣ же будутъ и убиты, а въ числѣ послѣднихъ можетъ быть будемъ и мы. При томъ же, прибавилъ я, я хлопочу не о себѣ, а о ввѣренныхъ мнѣ солдатахъ, что доказываетъ мой рапортъ; рядовыхъ, вышедшихъ по охотѣ, по моему убѣжденію необходимо чѣмъ нибудь поощрить за усердіе и храбрость.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго выходило: если-бъ не была выражена воля Государя

Императора, чтобъ каждый выдержавшій бомбардировку пятаго октября получилъ Всемилостивѣйшую награду, то весь полкъ нашъ вышелъ бы безъ отличій изъ Севастополя, гдѣ первоначально помогалъ возводить брустверъ на Малаховомъ курганѣ, названнымъ послѣ того Корниловскимъ бастіономъ; и во все время пребыванія въ знаменитомъ городѣ собственными руками приготовилъ извѣстный „Реданъ", остановившій на себѣ всѣ усилія отборныхъ англійскихъ войскъ.

При такихъ, какъ мы сказали, непріятныхъ для насъ обстоятельствахъ, еще болѣе становится удивительнымъ: какъ это во все время войны при дѣлахъ полковой канцеляріи не велось ни малѣйшихъ записокъ,—чему доказательствомъ служитъ вышеупомянутый документъ, такъ перепутавшій важныя событія восьмаго сентября, что никто не могъ толку добиться, читая „Описаніе сраженія на берегахъ Альмы".

Здѣсь еще не оканчиваются мои воспоминанія. Выше я сказалъ, что при чтеніи статьи „Военнаго сборника", я замѣтилъ нѣкоторыя неточности относительно изложенія событій. Попробую же указать на нихъ.

Отдавая полную справедливость стратегическимъ воззрѣніямъ автора описанія сраженія на рѣчкѣ Альмѣ, я намѣренъ разсказать объ этомъ дѣлѣ какъ очевидецъ и въ тоже время какъ дѣйствующее лицо.

На всѣхъ картахъ, какія издавались о сраженіи при аулѣ Бурлюкъ, не исключая плановъ, изданныхъ подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тот-

лебена, не обозначено на лѣвомъ флангѣ конусообразнаго холма, послужившаго естественной защитой двумъ ротамъ Московскаго пѣхотнаго полка отъ снарядовъ, бросаемыхъ съ непріятельскихъ пароходовъ.

И такъ, 8-го сентября, находясь подлѣ того конусообразнаго холма, 10-я и 4-я гренадерскія роты съ двѣнадцатаго и до третьяго часа по полудни изображали исходящій уголъ лѣваго фланга, что приходилось, можетъ быть, шагахъ въ двухъ стахъ отъ крутого яра, поднявшагося отъ рѣки, и не далѣе 600—700 шаговъ отъ аула Алма-Тамакъ.

Яръ этотъ не показывалъ отлогостей своихъ упоминаемымъ ротамъ, потому что крутизна его лицевой стороны обращена къ рѣчкамъ Альмѣ и Булганаку, откуда въ описываемый день приближались враги.

На короткихъ выступахъ этой крутизны помѣстились два малочисленные баталіона резервнаго Брестскаго полка, ни малѣйшей чертой не соединенные съ двумя показанными ротами Московцевъ, и, во время сраженія, совершенно другъ другу невѣдомые.

Брестцы находились въ глазахъ у одного графа фонъ-Зео командира 2-го баталіона Московскаго полка, по указанію главнокомандующаго, занявшаго самую видную террассу надъ рѣчкой, въ пустомъ промежуткѣ, остававшемся между Брестскимъ и Бѣлостокскимъ полками. Послѣдній, какъ говорятъ очевидцы, въ составѣ двухъ резервныхъ

баталіоновъ стоялъ въ наиболѣе выдавшемся мѣстѣ всей позиціи русскихъ войскъ, именно: передъ Бу[illegible]-люкскими садами и аудомъ, виднѣвшимся за ними.

Графъ фонъ-Зео на столько выдвинулся впередъ своимъ правымъ флангомъ, что лейбъ-Бородинскій полкъ, стоявшій въ центрѣ общей позиціи, казался ему сзади.

Въ промежуточную лощину, между Бѣлостокскими резервами и баталіономъ графа фонъ-Зео, вошелъ полковникъ Граль съ 1-мъ баталіономъ того же полка.

Оба они заняли мѣста раньше чѣмъ поданъ былъ сигналъ стрѣлять, и стало быть гораздо раньше, нежели устроена была добавочная линія лѣваго фланга противъ французской дивизіи Боске, изъ полковъ, какъ сказано въ описаніяхъ, Минскаго и Московскаго и противъ котораго былъ двинутъ на самомъ дѣлѣ только одинъ 4-й баталіонъ Московскаго полка подъ командой маіора Гусева,—и былъ выдвинутъ послѣдній баталіонъ только тогда, когда Боске пушечнымъ ударомъ самъ увѣдомилъ какъ своихъ, такъ и нашихъ дѣятелей о совершенной имъ переправѣ черезъ мнимо-непроходимыя болота, какъ мѣсто то значилось у насъ.

Но лучше начать послѣдовательно, съ седьмаго числа, когда мы составили собой по счету 39-й баталіонъ арміи князя Меншикова, къ вечеру того же дня подошелъ 3-й баталіонъ нашего полка. а на утро, т. е. восьмого числа къ девятому часу, втянулись на позицію 1-й и 2-й баталіоны, прибѣжавшіе

изъ подъ Керчи подъ командой генерала Куртьянова и Гриббе.

Стало быть не наканунѣ, а къ девятому только часу восьмого числа, подъ главной командой князя Меншикова, собралось пѣхоты 42 баталіона.

Съ послѣдними двумя князь Меншиковъ такъ же рѣшительно поступилъ, какъ поступаетъ на морѣ адмиралъ съ своими кораблями. Видя ихъ летящими, такъ сказать, на всѣхъ парусахъ, онъ, не удерживая, приказалъ ихъ поставить въ первую боевую линію, бывшую свободной передъ фронтомъ Тарутинскаго полка, нѣсколько дней уже прибывшаго на позицію.

Переходъ въ боевую линію только что пришедшихъ частей происходилъ такимъ образомъ:

Въ половинѣ десятаго приказано собраться штуцернымъ 1-го и 2-го баталіоновъ Московскаго полка и, въ соединеніи съ штуцерными 3-го баталіона, отданными въ завѣдываніе поручика Култашева,— направлены на мостъ, а оттуда, черезъ Бурлюкъ, въ алма-тамакскіе виноградники.

За ними слѣдомъ шелъ 3-й баталіонъ того же полка, подъ командой подполковника Соловьева. Миновавъ аулъ и часть открытаго пространства до поворота рѣчки въ юго-восточномъ направленіи, въ молодомъ разсадникѣ, Соловьевъ расположилъ свой баталіонъ цѣпью, занявъ часть и алма-тамакскихъ садовъ.

Въ этой цѣпи въ половинѣ или $^3/_4$ 11-го часа, подали сигналъ открыть пальбу по неподвижно

стоявшимъ колоннамъ непріятеля; потомъ другой сигналъ—перестать стрѣлять. Оказалось, что круглыя пули наши не доносились до непріятелей и вмѣсто вреда причинили имъ громкую веселость.

Сейчасъ же послѣ этого головы колоннъ разошлись вѣеромъ, стали попарно и огнемъ своимъ произвели дѣйствіе, должно быть болѣе удачное, потому что 3-й баталіонъ весь зашевелился и потомъ сталъ менѣе видимъ.

Западнѣй аула Алма-Тамакъ русскихъ солдатъ не было, точно также не было ихъ, изъ опасенія предательства со стороны татаръ, и въ самомъ аулѣ. Такъ говорилъ мнѣ Култашевъ, когда при общемъ отступленіи онъ съ нами соединился.

Поручикъ Култашевъ сначала дѣйствовалъ на дивизію Боске до переправы и во время ея на лѣвый берегъ Алмы. Потомъ, когда эта дивизія ушла на югъ, Култашевъ перенесъ свои наблюденія на другую часть французскихъ войскъ, къ нему приближавшихся, именно, на дивизію Канробера. Не мало времени у него прошло и съ нею въ борьбѣ, а между тѣмъ съ самаго начала перестрѣлки у него ни одного человѣка не было въ потерѣ.

Онъ уступилъ свои виноградники только тогда, когда французы съ поднятыми прикладами и въ большомъ числѣ бѣгомъ бросились на его маленькій отрядъ.

За рѣчкой онъ былъ неостороженъ; собралъ людей своихъ вмѣстѣ и за это настигнутъ былъ картечью, какъ онъ говорилъ, такъ что потерялъ сразу

тринадцать человѣкъ, отчего снова долженъ былъ разсыпаться впереди Брестскихъ двухъ баталіоновъ.

Обстрѣливая подступы передъ ними, Култашевъ задерживалъ, по возможности, въ тоже время и всѣ движенія принца Наполеона. Но успѣхъ его надъ двумя дивизіями не могъ быть продолжителенъ.

Къ Култашеву мы еще вернемся, а теперь вспомнимъ, что въ десятомъ часу, вскорѣ по уходѣ за мостъ 3-го, баталіона, въ ружье былъ поставленъ и 4-й баталіонъ того же полка, въ которомъ командовалъ я восьмымъ взводомъ. Передъ тѣмъ пришедшіе наши же 1-й и 2-й баталіоны отряхали дорожную пыль съ себя между Бородинскимъ полкомъ, и нашимъ 4-мъ баталіономъ; разскрывъ ранцы, они тутъ же занялись переодѣваньемъ. По старинному обычаю, это всѣ должны были сдѣлать, видя идущихъ на себя враговъ. По случаю же полнаго наступленія непріятельскихъ армій, солдатамъ запретили готовить пищу и утомленнымъ и голоднымъ оставалось одно: вынуть изъ колодокъ патроны и, откусивъ ихъ, зарядить ими ружья.

4-й баталіонъ стоялъ правѣе бѣлокаменной кладки, видимой издалека. Намъ замѣтно было какъ англичане держали свой правый флангъ на этотъ недостроенный маякъ.

Постоявъ потомъ недолго на плоскости, возвышавшейся надъ алминской долиной, и обозрѣвъ оттуда наши аулы, рѣку и мостъ черезъ нее, они всѣ взяли наискось къ аулу Бурлюкъ и къ мосту.

Двигаясь отъ рѣки Булганака еще въ ея да[illegible] огромнѣйшимъ квадратомъ, они часто были заде[illegible] живаемы появленіемъ казачьихъ лавъ, мелькавши[illegible] въ разныхъ мѣстахъ ихъ лѣваго фланга. Серед[illegible]на ихъ великаго каре была наполнена верховыми въ цвѣтныхъ уборахъ, какъ представлялось нашимъ невооруженнымъ глазамъ. И думали мы, не скрываются ли въ этомъ каре, отъ жаднаго казачьяго глаза и длинныхъ копій донскихъ, баши-бузуки.

Французскія войска шли такъ, какъ показано на планѣ, если на немъ, въ представленный моментъ, означить точками густую цѣпь стрѣлковъ, отдѣленныхъ переднимъ эшелономъ.

Съ половины десятаго же главнокомандующій князь Меншиковъ почти постоянно находился около лѣваго фланга нашего баталіона, такъ что къ намъ долетали слова, обращенныя имъ къ кому нибудь изъ приближенныхъ.

Тѣмъ временемъ къ командиру 4-го баталіона маіору Гусеву подъѣхалъ капитанъ Титенковъ, старшій адъютантъ 17-й пѣхотной дивизіи.

Гусевъ спросилъ его:

— Что не видно начальника дивизіи?

— Онъ тамъ, показалъ тотъ впередъ, у маяка. Приказалъ подать коня. Удержится ли въ сѣдлѣ, не знаю.... Онъ налилъ при мнѣ такой пуншъ, что вышелъ голый ромъ. Такой крѣпкій чай съ досады пью, говорилъ онъ мнѣ.

Гусевъ пожалѣлъ своего хорошаго начальника, а Титенковъ продолжалъ:

— Переговариваетъ все слова стараго князя, нашего корпуснаго командира „туда палитъ и сюда стрѣляетъ“, а на повѣрку выйдетъ, говоритъ Кирьяковъ, что непріятели изъ этого же эполемента и нашими же орудіями пустятъ въ насъ картечью. Генералъ не былъ доволенъ этимъ эполементомъ, о чемъ и говорилъ мнѣ чуть ли не въ сотый разъ. И я, чтобы прекратить всякій разговоръ въ ту минуту, когда все вниманіе должно было быть обращено на непріятеля, нарочно шпорами тронулъ своего коня и сказалъ: Василій Яковлевичъ, непріятельскія войска приближаются и главнокомандующій на конѣ васъ ожидаетъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора показался, покачиваясь на прекрасномъ конѣ своемъ, и генералъ Кирьяковъ. Свѣтлѣйшій адмиралъ, сохраняя свой обычный мрачный видъ, отворачивался передъ нимъ. Замѣтивъ это, Титенковъ обратился ко мнѣ съ такими словами: „Посмотрите, паны бранятся, а у хлопцевъ будутъ послѣ чупы болѣть“.

Начальникъ нашъ повернулъ коня въ сторону и поѣхалъ къ Тарутинскому полку, который четырьмя массивными колоннами лежалъ въ это время у маяка съ лѣвой стороны.

Главнокомандующій въ тоже время приказалъ одному казаку слѣдовать за собой и отправился въ третій разъ на возвышенность, куда повелъ самъ двѣ роты изъ нашего баталіона.

— Вотъ въ этомъ направленіи. показалъ онъ правѣе недостроеннаго маяка.

На такое приказаніе Кирьяковъ отвѣчалъ князю Меншикову:

— Послѣ трехъ дневнаго форсированнаго марша, баталіоны эти въ полтора часа не могли отдохнуть, пусть-бы полежали; можно ихъ замѣнить другимъ полкомъ.

— Для нихъ это ничего не значитъ, перебилъ главнокомандующій, поглядывая на нашего полковаго командира, необыкновенно краснаго и толстаго. брань котораго, въ ушахъ великаго адмирала, вѣроятно, еще звенѣла, такъ какъ онъ не могъ ее не слышать, находясь вблизи.

Начальникъ дивизіи выслушавъ, что для баталіоновъ усталость, вслѣдствіе трехдневнаго форсированнаго марша, ничего не значитъ, съ большимъ неудовольствіемъ поставилъ въ ружье измученные баталіоны, объявивъ солдатамъ, что дѣлаетъ это по приказанію самого главнокомандующаго.

Вслѣдъ за нимъ и главнокомандующій приблизился на казачьей лошади верхомъ. Каждому изъ баталіонныхъ командировъ онъ объяснилъ, гдѣ и какъ стать. Подполковнику Гралю назначилъ опуститься къ рѣчкѣ по лощинѣ, которой вершина была намъ ясно видна, и, въ ея наиболѣе расширенномъ мѣстѣ, стать „колонною къ атакѣ“, предупредивъ что правѣй его будутъ находиться два резервные баталіона Бѣлостокскаго полка.

Графу фонъ-Зео онъ указалъ лѣвѣе. Графъ, съ своимъ баталіономъ, долженъ былъ сойдти на широкую террассу и размѣститься по ней ротными

колоннами такъ, чтобъ непремѣнно имѣть въ глазахъ каменную стѣнку и не дать непріятелю за нею укрыться, а въ случаѣ надобности, выбить его оттуда штыками. Эта стѣнка находилась по сю сторону рѣчки и ограждала собой небольшой садъ съ высокорослыми деревьями.

Какъ только эти боевыя части заняли назначенныя мѣста, въ разсыпанномъ, впереди тѣхъ мѣстъ, баталіонѣ № 3-го, подали сигналъ стрѣлять; но, какъ оказалось, слишкомъ рановременно. Произошло это около $^3/_4$ 11-го часа.

Послѣ такой комической пальбы противники разсыпали парную цѣпь съ своей стороны передъ 3-мъ баталіономъ, потомъ сгустили ее второй цѣпью, подаваясь по немногу впередъ.

— Спустя часъ послѣ того, говорилъ маіоръ Зоркинъ, бывшій командиръ 2-й гренадерской роты, „изъ-за сѣвернаго плеча рѣки Альмы, войско въ красныхъ мундирахъ, значительной массой и бѣгомъ, бросилось на крайнюю роту поручика Олова. Оловъ, замѣтивъ во время ихъ намѣреніе, отодвинулъ своихъ людей влѣво и назадъ и пустилъ бѣглый огонь по отважнымъ англичанамъ. За то и самъ онъ попалъ подъ такой-же огонь со стороны французовъ, шедшихъ къ той-же рѣкѣ. По этому онъ приказалъ своей ротѣ броситься въ воду, въ надеждѣ перебраться на противуположный берегъ Альмы, прежде чѣмъ враги успѣютъ сблизиться съ нимъ. Но крутые берега задержали какъ его, такъ и весь 3-й баталіонъ, послѣдовавшій его примѣру,

На такое приказаніе Кирьяковъ отвѣчалъ князю Меншикову:

— Послѣ трехъ дневнаго форсированнаго марша, баталіоны эти въ полтора часа не могли отдохнуть, пусть-бы полежали; можно ихъ замѣнить другимъ полкомъ.

— Для нихъ это ничего не значитъ, перебилъ главнокомандующій, поглядывая на нашего полковаго командира, необыкновенно краснаго и толстаго. брань котораго, въ ушахъ великаго адмирала, вѣроятно, еще звенѣла, такъ какъ онъ не могъ ее не слышать, находясь вблизи.

Начальникъ дивизіи выслушавъ, что для баталіоновъ усталость, вслѣдствіе трехдневнаго форсированнаго марша, ничего не значитъ, съ большимъ неудовольствіемъ поставилъ въ ружье измученные баталіоны, объявивъ солдатамъ, что дѣлаетъ это по приказанію самого главнокомандующаго.

Вслѣдъ за нимъ и главнокомандующій приблизился на казачьей лошади верхомъ. Каждому изъ баталіонныхъ командировъ онъ объяснилъ, гдѣ и какъ стать. Подполковнику Гралю назначилъ опуститься къ рѣчкѣ по лощинѣ, которой вершина была намъ ясно видна, и, въ ея наиболѣе расширенномъ мѣстѣ, стать „колонною къ атакѣ“, предупредивъ что правѣй его будутъ находиться два резервные баталіона Бѣлостокскаго полка.

Графу фонъ-Зео онъ указалъ лѣвѣе. Графъ, съ своимъ баталіономъ, долженъ былъ сойдти на широкую террассу и размѣститься по ней ротными

колоннами такъ, чтобъ непремѣнно имѣть въ глазахъ каменную стѣнку и не дать непріятелю за нею укрыться, а въ случаѣ надобности, выбить его оттуда штыками. Эта стѣнка находилась по сю сторону рѣчки и ограждала собой небольшой садъ съ высокорослыми деревьями.

Какъ только эти боевыя части заняли назначенныя мѣста, въ разсыпанномъ, впереди тѣхъ мѣстъ, баталіонѣ № 3-го, подали сигналъ стрѣлять; но, какъ оказалось, слишкомъ рановременно. Произошло это около $^3/_4$ 11-го часа.

Послѣ такой комической пальбы противники разсыпали парную цѣпь съ своей стороны передъ 3-мъ баталіономъ, потомъ сгустили ее второй цѣпью, подаваясь по немногу впередъ.

— Спустя часъ послѣ того, говорилъ маіоръ Зоркинъ, бывшій командиръ 2-й гренадерской роты, „изъ-за сѣвернаго плеча рѣки Альмы, войско въ красныхъ мундирахъ, значительной массой и бѣгомъ, бросилось на крайнюю роту поручика Олова. Оловъ, замѣтивъ во время ихъ намѣреніе, отодвинулъ своихъ людей влѣво и назадъ и пустилъ бѣглый огонь по отважнымъ англичанамъ. За то и самъ онъ попалъ подъ такой-же огонь со стороны французовъ, шедшихъ къ той-же рѣкѣ. По этому онъ приказалъ своей ротѣ броситься въ воду, въ надеждѣ перебраться на противуположный берегъ Альмы, прежде чѣмъ враги успѣютъ сблизиться съ нимъ. Но крутые берега задержали какъ его, такъ и весь 3-й баталіонъ, послѣдовавшій его примѣру,

баталіоновъ стоялъ въ наиболѣе выдавшемся мѣстѣ всей позиціи русскихъ войскъ, именно: передъ Бурлюкскими садами и ауломъ, виднѣвшимся за ними.

Графъ фонъ-Зео на столько выдвинулся впередъ своимъ правымъ флангомъ, что лейбъ-Бородинскій полкъ, стоявшій въ центрѣ общей позиціи, казался ему сзади.

Въ промежуточную лощину, между Бѣлостокскими резервами и баталіономъ графа фонъ-Зео, вошелъ полковникъ Граль съ 1-мъ баталіономъ того же полка.

Оба они заняли мѣста раньше чѣмъ поданъ былъ сигналъ стрѣлять, и стало быть гораздо раньше, нежели устроена была добавочная линія лѣваго фланга противъ французской дивизіи Боске, изъ полковъ, какъ сказано въ описаніяхъ, Минскаго и Московскаго и противъ котораго былъ двинутъ на самомъ дѣлѣ только одинъ 4-й баталіонъ Московскаго полка подъ командой маіора Гусева,—и былъ выдвинутъ послѣдній баталіонъ только тогда, когда Боске пушечнымъ ударомъ самъ увѣдомилъ какъ своихъ, такъ и нашихъ дѣятелей о совершенной имъ переправѣ черезъ мнимо-непроходимыя болота, какъ мѣсто то значилось у насъ.

Но лучше начать послѣдовательно, съ седьмаго числа, когда мы составили собой по счету 39-й баталіонъ арміи князя Меншикова, къ вечеру того же дня подошелъ 3-й баталіонъ нашего полка, а на утро, т. е. восьмого числа къ девятому часу, втянулись на позицію 1-й и 2-й баталіоны, прибѣжавшіе

колоннами такъ, чтобъ непремѣнно имѣть въ глазахъ каменную стѣнку и не дать непріятелю за нею укрыться, а въ случаѣ надобности, выбить его оттуда штыками. Эта стѣнка находилась по сю сторону рѣчки и ограждала собой небольшой садъ съ высокорослыми деревьями.

Какъ только эти боевыя части заняли назначенныя мѣста, въ разсыпанномъ, впереди тѣхъ мѣстъ, баталіонѣ № 3-го, подали сигналъ стрѣлять; но, какъ оказалось, слишкомъ рановременно. Произошло это около $^3/_4$ 11-го часа.

Послѣ такой комической пальбы противники разсыпали парную цѣпь съ своей стороны передъ 3-мъ баталіономъ, потомъ сгустили ее второй цѣпью, подаваясь по немногу впередъ.

— Спустя часъ послѣ того, говорилъ маіоръ Зоркинъ, бывшій командиръ 2-й гренадерской роты, „изъ-за сѣвернаго плеча рѣки Альмы, войско въ красныхъ мундирахъ, значительной массой и бѣгомъ, бросилось на крайнюю роту поручика Олова. Оловъ, замѣтивъ во время ихъ намѣреніе, отодвинулъ своихъ людей влѣво и назадъ и пустилъ бѣглый огонь по отважнымъ англичанамъ. За то и самъ онъ попалъ подъ такой-же огонь со стороны французовъ, шедшихъ къ той-же рѣкѣ. По этому онъ приказалъ своей ротѣ броситься въ воду, въ надеждѣ перебраться на противуположный берегъ Альмы, прежде чѣмъ враги успѣютъ сблизиться съ нимъ. Но крутые берега задержали какъ его, такъ и весь 3-й баталіонъ, послѣдовавшій его примѣру,

стоявшимъ колоннамъ непріятеля; потомъ другой сигналъ—перестать стрѣлять. Оказалось, что круглыя пули наши не доносились до непріятелей и вмѣсто вреда причинили имъ громкую веселость.

Сейчасъ же послѣ этого головы колоннъ ихъ разошлись вѣеромъ, стали попарно и огнемъ своимъ произвели дѣйствіе, должно быть болѣе удачное, потому что 3-й баталіонъ весь зашевелился и потомъ сталъ менѣе видимъ.

Западнѣй аула Алма-Тамакъ русскихъ солдатъ не было, точно также не было ихъ, изъ опасенія предательства со стороны татаръ, и въ самомъ аулѣ. Такъ говорилъ мнѣ Култашевъ, когда при общемъ отступленіи онъ съ нами соединился.

Поручикъ Култашевъ сначала дѣйствовалъ на дивизію Боске до переправы и во время ея на лѣвый берегъ Алмы. Потомъ, когда эта дивизія ушла на югъ, Култашевъ перенесъ свои наблюденія на другую часть французскихъ войскъ, къ нему приближавшихся, именно, на дивизію Канробера. Не мало времени у него прошло и съ нею въ борьбѣ, а между тѣмъ съ самаго начала перестрѣлки у него ни одного человѣка не было въ потерѣ.

Онъ уступилъ свои виноградники только тогда, когда французы съ поднятыми прикладами и въ большомъ числѣ бѣгомъ бросились на его маленькій отрядъ.

За рѣчкой онъ былъ неосторожень; собралъ людей своихъ вмѣстѣ и за это настигнутъ былъ картечью, какъ онъ говорилъ, такъ что потерялъ сразъ

а непріятелю не сдѣлали ни малѣйшаго вреда. При томъ, не зная вовсе о присутствіи нашихъ двухъ ротъ почти надъ ихъ головами, они благоразумно удалялись теперь въ юго-восточномъ направленіи.

Три баталіона Московскаго пѣхотнаго полка, не имѣя искуственныхъ прикрытій для себя, были не въ лучшемъ положеніи, изъ коего Брестцы уходили, провожаемые сильнѣйшимъ огнемъ съ моря и съ суши.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что 1-й и 2-й баталіоны Московскаго полка находились дѣйствительно въ худшемъ положеніи, нежели какая нибудь другая часть арміи князя Меншикова, надо пріостановиться разсказомъ о текущихъ событіяхъ и вернуться къ самому началу высадки въ Крымъ антисоюзной намъ силы.

Замѣтимъ при этомъ, что для начальника морскихъ и сухопутныхъ силъ, расположенныхъ въ Крыму, совершенная непріятелями высадка въ Эвпаторіи на столько была неожиданна, что извѣстіе о ней въ восточную часть полуострова послѣдовало изъ его штаба, только что сформированнаго, не ранѣе какъ въ ночь на третье сентября. Въ Арабатъ за 160 верстъ, курьеръ прискакалъ въ три часа по полудни уже 4-го числа, тогда какъ высадка началась съ утра 2-го сентября, а появленіе у Эвпаторіи всѣхъ непріятельскихъ флотовъ замѣчено было еще 30-го августа, — о чемъ и сообщено князю Меншикову въ тотъ-же вечеръ во время присутствія его въ лейбъ-Бородинскомъ полку, на балѣ, данномъ въ день тезоименитства высокаго шефа этого полка. Тотъ-же

Двигаясь отъ рѣки Булганака еще въ ея дали огромнѣйшимъ квадратомъ, они часто были задерживаемы появленіемъ казачьихъ лавъ, мелькавшихъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ лѣваго фланга. Середина ихъ великаго каре была наполнена верховыми въ цвѣтныхъ уборахъ, какъ представлялось нашимъ невооруженнымъ глазамъ. И думали мы, не скрываются ли въ этомъ каре, отъ жаднаго казачьяго глаза и длинныхъ копій донскихъ, баши-бузуки.

Французскія войска шли такъ, какъ показано на планѣ, если на немъ, въ представленный моментъ, означить точками густую цѣпь стрѣлковъ, отдѣленныхъ переднимъ эшелономъ.

Съ половины десятаго же главнокомандующій князь Меншиковъ почти постоянно находилея около лѣваго фланга нашего баталіона, такъ что къ намъ долетали слова, обращенныя имъ къ кому нибудь изъ приближенныхъ.

Тѣмъ временемъ къ командиру 4-го баталіона маіору Гусеву подъѣхалъ капитанъ Титенковъ, старшій адъютантъ 17-й пѣхотной дивизіи.

Гусевъ спросилъ его:

— Что не видно начальника дивизіи?

— Онъ тамъ, показалъ тотъ впередъ, у маяка. Приказалъ подать коня. Удержится ли въ сѣдлѣ. не знаю.... Онъ налилъ при мнѣ такой пуншъ, что вышелъ голый ромъ. Такой крѣпкій чай съ досады пью, говорилъ онъ мнѣ.

Гусевъ пожалѣлъ своего хорошаго начальника. а Титенковъ продолжалъ:

въ такомъ случаѣ, еслибы не были туда помѣщены 12-ть солдатъ съ патронными сумами и ружьями.

Отъ такой ѣзды ноги и бока такъ разбивались, что на послѣднемъ привалѣ я какъ снопъ свалился, забывъ обо всемъ, исключая турокъ, французовъ и англичанъ. Жажда, жестокая жажда перебросила меня въ садъ и я глоталъ полузрѣлый виноградъ, почти съ землей, пока не утолился. Это было 6-го сентября. Наступившая ночь, за тѣмъ, была тиха и благоуханна; нигдѣ звука не было слышно, ни надъ рѣкой, ни дальше гдѣ за рѣкой, и съ опустившейся на землю тишиной не совпадало только зарево въ разныхъ мѣстахъ, освѣщавшее небесный кругозоръ и свидѣтельствовавшее, что казаки наши хорошо помнятъ преданіе старины глубокой, и не оставляютъ для незванныхъ непріятелей ничего, кромѣ безобразныхъ грудъ и пепла.

Въ туже ночь и въ томъ-же синемъ небѣ мерцающія звѣзды неотступно кого-то манили въ предѣлы свои, ихъ значенье мы понимали тогда и изъ юныхъ устъ вопросы къ нимъ полетѣли отъ насъ: кого они призываютъ, мигая намъ съ необъятныхъ высотъ. Мы всѣ были готовы тогда перебраться въ надзвѣздный міръ, но такъ, чтобъ имена наши гремѣли въ этой „юдоли плача“, въ прославленіе потомству, а братьямъ на доброе слово. Черезъ день и еще одну ночь эта загадка стала яснѣе.

Утромъ седьмого числа, мнѣ не хотѣлось подниматься съ косматой бурки, на которой я спалъ, я чувствовалъ сильное изнеможеніе. Между тѣмъ съ

На такое приказаніе Кирьяковъ отвѣчалъ князю Меншикову:

— Послѣ трехъ дневнаго форсированнаго марша, баталіоны эти въ полтора часа не могли отдохнуть, пусть-бы полежали; можно ихъ замѣнить другимъ полкомъ.

— Для нихъ это ничего не значитъ, перебилъ главнокомандующій, поглядывая на нашего полковаго командира, необыкновенно краснаго и толстаго, брань котораго, въ ушахъ великаго адмирала, вѣроятно, еще звенѣла, такъ какъ онъ не могъ ее не слышать, находясь вблизи.

Начальникъ дивизіи выслушавъ, что для баталіоновъ усталость, вслѣдствіе трехдневнаго форсированнаго марша, ничего не значитъ, съ большимъ неудовольствіемъ поставилъ въ ружье измученные баталіоны, объявивъ солдатамъ, что дѣлаетъ это по приказанію самого главнокомандующаго.

Вслѣдъ за нимъ и главнокомандующій приблизился на казачьей лошади верхомъ. Каждому изъ баталіонныхъ командировъ онъ объяснилъ, гдѣ и какъ стать. Подполковнику Гралю назначилъ опуститься къ рѣчкѣ по лощинѣ, которой вершина была намъ ясно видна, и, въ ея наиболѣе расширенномъ мѣстѣ, стать „колонною къ атакѣ“, предупредивъ что правѣй его будутъ находиться два резервные баталіона Бѣлостокскаго полка.

Графу фонъ-Зео онъ указалъ лѣвѣе. Графъ, съ своимъ баталіономъ, долженъ былъ сойдти на широкую террассу и размѣститься по ней ротными

колоннами такъ, чтобъ непремѣнно имѣть въ глазахъ каменную стѣнку и не дать непріятелю за нею укрыться, а въ случаѣ надобности, выбить его оттуда штыками. Эта стѣнка находилась по сю сторону рѣчки и ограждала собой небольшой садъ съ высокорослыми деревьями.

Какъ только эти боевыя части заняли назначенныя мѣста, въ разсыпанномъ, впереди тѣхъ мѣстъ, баталіонѣ № 3-го, подали сигналъ стрѣлять; но, какъ оказалось, слишкомъ рановременно. Произошло это около $^3/_4$ 11-го часа.

Послѣ такой комической пальбы противники разсыпали парную цѣпь съ своей стороны передъ 3-мъ баталіономъ, потомъ сгустили ее второй цѣпью, подаваясь по немногу впередъ.

— Спустя часъ послѣ того, говорилъ маіоръ Зоркинъ, бывшій командиръ 2-й гренадерской роты, „изъ-за сѣвернаго плеча рѣки Альмы, войско въ красныхъ мундирахъ, значительной массой и бѣгомъ, бросилось на крайнюю роту поручика Олова. Оловъ, замѣтивъ во время ихъ намѣреніе, отодвинулъ своихъ людей влѣво и назадъ и пустилъ бѣглый огонь по отважнымъ англичанамъ. За то и самъ онъ попалъ подъ такой-же огонь со стороны французовъ, шедшихъ къ той-же рѣкѣ. По этому онъ приказалъ своей ротѣ броситься въ воду, въ надеждѣ перебраться на противуположный берегъ Альмы, прежде чѣмъ враги успѣютъ сблизиться съ нимъ. Но крутые берега задержали какъ его, такъ и весь 3-й баталіонъ, послѣдовавшій его примѣру,

отчего враги мѣстами смѣшались съ нашими солдатами.

Роты Соловьева, выйдя изъ рѣчки, ушли за 2-й баталіонъ, чтобы осмотрѣть свои патроны. Приведя себя въ порядокъ, они стали правѣе графа фонъ-Зео и прикрылись кустарникомъ, единственнымъ на всей позиціи.

Въ ближайшемъ разстояніи отъ непріятелей остались теперь 1-й и 2-й баталіоны Московцевъ, а также два баталіона Брестцевъ, каторые стояли лѣвѣе и вскорѣ начали отходить вдоль береговыхъ неровностей ко 2-му баталіону нашего полка въ лежавшія за нимъ низины.

По уходѣ третьяго баталіона съ открытыхъ мѣстъ праваго берега рѣки, штуцерные Култашева оставались въ алма-тамакскихъ виноградникахъ еще догольно времени. Изъ нихъ нѣкоторые, видя наступленіе французской цѣпи на разсыпанный баталіонъ Соловьева, ловко воспользовались ихъ приближеніемъ къ рѣчкѣ; имъ пустили они съ фланга довольно удачныхъ пуль, такъ что вся наступившая ихъ линія сразу отошла къ прежнему своему мѣсту. Только быстрое движеніе, какъ мы сказали выше, на малочисленный отрядъ нашихъ стрѣлковъ, густой французской цѣпи съ поднятыми прикладами, вынудили ихъ уступить эти удобныя мѣста въ пользу противниковъ.

Теперь резервнымъ баталіонамъ Брестскаго пѣхотнаго полка нечего было дѣлать на занятыхъ ими уступахъ, у нихъ были старыя кремневыя ружья, изъ которыхъ они не могли стрѣлять далѣе 250 шаговъ. Брестцы и безъ того потеряли много людей,

а непріятелю не сдѣлали ни малѣйшаго вреда. При томъ, не зная вовсе о присутствіи нашихъ двухъ рот почти надъ ихъ головами, они благоразумно удалялись теперь въ юго-восточномъ направленіи.

Три баталіона Московскаго пѣхотнаго полка, не имѣя искуственныхъ прикрытій для себя, были не въ лучшемъ положеніи, изъ коего Брестцы уходили, провожаемые сильнѣйшимъ огнемъ съ моря и съ суши.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что 1-й и 2-й баталіоны Московскаго полка находились дѣйствительно въ худшемъ положеніи, нежели какая нибудь другая часть арміи князя Меншикова, надо пріостановиться разсказомъ о текущихъ событіяхъ и вернуться къ самому началу высадки въ Крымъ антисоюзной намъ силы.

Замѣтимъ при этомъ, что для начальника морскихъ и сухопутныхъ силъ, расположенныхъ въ Крыму, совершенная непріятелями высадка въ Эвпаторіи на столько была неожиданна, что извѣстіе о ней въ восточную часть полуострова послѣдовало изъ его штаба, только что сформированнаго, не ранѣе какъ въ ночь на третье сентября. Въ Арабатъ за 160 верстъ, курьеръ прискакалъ въ три часа по полудни уже 4-го числа, тогда какъ высадка началась съ утра 2-го сентября, а появленіе у Эвпаторіи всѣхъ непріятельскихъ флотовъ замѣчено было еще 30-го августа, — о чемъ и сообщено князю Меншикову въ тотъ-же вечеръ во время присутствія его въ лейбъ-Бородинскомъ полку, на балѣ, данномъ въ день тезоименитства высокаго шефа этого полка. Тотъ-же

посланный съ тѣмъ-же извѣстіемъ часовъ около восьми вечера прибылъ за 40 верстъ отъ Керчи въ селеніе Аргинъ, гдѣ находились 1-й и 2-й баталіоны Московскаго пѣхотнаго полка. Баталіоны эти выступили изъ Аргина на другой день послѣ обѣда, когда командиромъ полка были сдѣланы всѣ хозяйственныя распоряженія, бывшія важнѣйшей задержкой къ немедленному выступленію баталіоновъ.

И такъ, для присоединенія къ арміи князя Меншикова, баталіоны эти тронулись пятаго сентября часа въ три или четыре по полудни и 220 верстъ, которыя имъ слѣдовало сдѣлать, проминовали къ восьмому числу, закончивъ трудный походъ этотъ утромъ, часамъ къ восьми.

Нечего говорить о томъ, какъ велика была усталость войска. Довольно сказать, что 4-му баталіону пришелся путь много короче, да и то на послѣднемъ ночлегѣ я почувствовалъ упадокъ силъ. Верховой конь мой шелъ подъ вьюкомъ и я наравнѣ съ нижними чинами долженъ былъ ощупывать дорогу, а другую половину пути ѣхать, стоя на ногахъ. Это такъ было: мѣстные жители, выполняя подводную повинность, выставили подводы, въ видѣ огромнѣйшихъ арбъ, запряженныхъ парами буйволовъ, верблюдовъ и воловъ. Помѣщаясь на громадныхъ колесахъ, издававшихъ при движеніи чрезвычайно рѣзкіе скрипучіе звуки, повозки эти имѣли бо́льшій объемъ вверхъ, нежели въ ширь, по этому и людей можно помѣщать въ нихъ не иначе какъ стоя. Полулежать въ этомъ экипажѣ можно было двоимъ, и то

въ такомъ случаѣ, еслибы не были туда помѣщены 12-ть солдатъ съ патронными сумами и ружьями.

Отъ такой ѣзды ноги и бока такъ разбивались, что на послѣднемъ привалѣ я какъ снопъ свалился, забывъ обо всемъ, исключая турокъ, французовъ и англичанъ. Жажда, жестокая жажда перебросила меня въ садъ и я глоталъ полузрѣлый виноградъ, почти съ землей, пока не утолился. Это было 6-го сентября. Наступившая ночь, за тѣмъ, была тиха и благоуханна; нигдѣ звука не было слышно, ни надъ рѣкой, ни дальше гдѣ за рѣкой, и съ опустившейся на землю тишиной не совпадало только зарево въ разныхъ мѣстахъ, освѣщавшее небесный кругозоръ и свидѣтельствовавшее, что казаки наши хорошо помнятъ преданіе старины глубокой, и не оставляютъ для незванныхъ непріятелей ничего, кромѣ безобразныхъ грудъ и пепла.

Въ туже ночь и въ томъ-же синемъ небѣ мерцающія звѣзды неотступно кого-то манили въ предѣлы свои, ихъ значенье мы понимали тогда и изъ юныхъ устъ вопросы къ нимъ полетѣли отъ насъ: кого они призываютъ, мигая намъ съ необъятныхъ высотъ. Мы всѣ были готовы тогда перебраться въ надзвѣздный міръ, но такъ, чтобъ имена наши гремѣли въ этой „юдоли плача“, въ прославленіе потомству, а братьямъ на доброе слово. Черезъ день и еще одну ночь эта загадка стала яснѣе.

Утромъ седьмого числа, мнѣ не хотѣлось подниматься съ косматой бурки, на которой я спалъ, я чувствовалъ сильное изнеможеніе. Между тѣмъ съ

зарею раздались команды: „подниматься“, „ружья вольно!“ а слово „маршъ!“ и меня поставило на ноги. Не могъ-же я отставать. Оттого-то послѣднія версты пришли мнѣ неимовѣрно какъ тяжело. Подводъ доставили мало и какъ ни скверно на нихъ было ѣхать, все-же лучше чѣмъ идти. А солнце, не пропуская ни дуновинки изъ влажной стихіи, казалось варило меня. заставляя глотать и пыль придорожную, и солнечное свое пламя, особенно въ тѣсной и длинной улицѣ аула Тарханлара.

Напослѣдокъ подошли и къ бурлюкскому мосту. а за нимъ во впадинѣ высотъ курился синій дымокъ. Въ этой глубокой низинѣ стояли баталіоны разныхъ полковъ, а изъ нихъ по нѣскольку человѣкъ имъ готовили пищу.

Тутъ-же передъ мостомъ, не широкой рѣчки Альмы, въ одномъ изъ самыхъ неудобныхъ мѣстъ большая и свѣжая насыпь обозначала люнетъ или эполементъ съ горжи или тыла запертой высокой крутизной.

Сказать по истинѣ, эта батарея насъ изумила. Не дѣлая противъ непріятеля наступательныхъ движеній, князь Меншиковъ на устройствѣ этой батареи показалъ свой гордый характеръ, недоступный по виду, за то легко сокрушимый. Далѣе видны были пни только что срубленныхъ деревъ; они не скрывали ни одного изъ солдатъ его арміи, что также не могло насъ не удивить, потому что сдѣлано было это нарочно и ослабило русскую позицію очень замѣтно.

Не доходя версты четыре до аула Тарханлара, кончается нижняя часть альминской долины и вверхъ

по быстрой рѣчкѣ начинается плоскость, болѣе возвышенная, по которой и идетъ дорога отъ внутреннихъ крымскихъ городовъ, представителями каковыхъ служатъ Симферополь и Бахчисарай.

Когда шедшіе изъ Аргина баталіоны дошли до этой низины утромъ восьмого числа, то съ возвышенной плоскости имъ представилась картина полнаго движенія непріятельскихъ армій. Разъѣзды ихъ казалось были не далѣе двухъ верстъ отъ дороги, по которой слѣдовало нашимъ идти. По этому каждая минута была дорога.

Полковой командиръ Московскаго пѣхотнаго полка, генералъ Куртьяновъ распорядился было образовать цѣпь изъ какой-то роты, но оказалось, у нея не было заряженныхъ ружей. Самъ генералъ Куртьяновъ, на послѣднемъ привалѣ раскричался на штабсъ-капитана Зоркина за то, что тотъ своимъ гренадерамъ велѣлъ расколотить колодки, лежавшія въ сумахъ и вынуть изъ нихъ патроны, чтобъ ихъ послѣ не трудно было доставать. Но Куртьяновъ кричалъ ему:

— Я васъ подъ судъ отдамъ! я приказывалъ строить колодки, а вы ихъ велите разбрасывать.

Не смотря на запрещеніе расколачивать колодки, въ ротѣ штабсъ-капитана Зоркина всѣ ружья были заряжены и только въ одной его ротѣ. Зарядить на ходу никто не умѣлъ, тѣмъ болѣе, что это надо было поспѣшно сдѣлать. По этому по необходимости пришлось отправить въ боковую цѣпь его гренадеръ.

Только что цѣпь эта двинулась параллельно до-

рогѣ, какъ сквозь нее проскочилъ какой-то человѣкъ въ одеждѣ татарина: Зоркинъ спросилъ его:

— Гдѣ ближе пройдти къ войскамъ князя Меншикова?

— Отправляйтесь за мной, я проведу самой ближайшей дорогой, отвѣчалъ неизвѣстный, предлагая себя для услугъ.

Какъ ни кажется страннымъ такой вопросъ господина Зоркина, однако онъ могъ быть обращенъ къ каждому изъ мѣстныхъ жителей; тѣмъ болѣе, что баталіонамъ этимъ никто не встрѣчался, а непріятельскія арміи, двинутыя правымъ плечомъ впередъ, растянулись версты на четыре. Остановленные въ такомъ видѣ, непріятели были въ глазахъ у запоздавшихъ частей, по этому они и подумали: вѣроятно наши полки стоятъ лицомъ къ морю и ожидаютъ на себя нападенія. Слѣдуя съ кѣмъ-то изъ товарищей за этимъ случайнымъ проводникомъ, Зоркинъ замѣтилъ, что незнакомецъ сильно гонитъ свою лошадь, направляясь на непріятельскій конный взводъ. Мало думая, офицеръ пустилъ коня своего маршъ-маршъ за нимъ и влѣпилъ въ него нѣсколько нагаекъ для того, чтобъ онъ хорошенько запомнилъ этотъ случай.

Командиръ идущихъ частей выѣхалъ теперь впередъ. Видя въ полномъ боевомъ порядкѣ и вблизи себя всѣ непріязненныя силы, онъ покатилъ рысью по дорогѣ до Тарханлара.

Солдаты встревожились этимъ: взяли ружья на перевѣсъ и не хотѣли отстать отъ экипажа своего

начальника. Бѣглымъ шагомъ промахнули они разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ аула Тарханлара и удержали бѣгъ свой тогда, когда Демертъ, веселый и лихой адъютантъ 3-го баталіона, указалъ имъ бродъ въ рѣкѣ и тропу, приведшія ихъ на правый флангъ арміи Крыма.

Два лихихъ эскадрона непріятельской кавалеріи моглибы произвести чудеса въ усталыхъ баталіонахъ, похитивъ отъ нихъ добычу двухъ знаменъ и плѣнными двухъ генераловъ. Однако судьба избавила моихъ товарищей отъ такого срама и приготовила имъ участь болѣе достойную.

Люди эти, дурно вооруженные, не умѣя владѣть при томъ и плохимъ своимъ оружіемъ, согласно его назначенію, приписали свое спасеніе особенному чуду. Переходя черезъ рѣчку бродомъ, они рады были освѣжиться ея горной водой. Торжествуя-же послѣдній переходъ съ незаряженнымъ оружіемъ въ виду многочисленнаго непріятеля, они прошли теперь мимо удивленныхъ полковъ съ бубнами, пѣснями и плясуномъ, и огласили хоромъ музыки другихъ и даже поступательно выдвинутый эполементъ князя Горчакова. Изъ-за этого эполемента и вышла, кажется, вся вражда къ начальнику 17-й пѣхотной дивизіи, и вотъ почему оба эти баталіона введены были въ первую боевую линію почти въ тотъ-же часъ какъ появились они на возвышенностяхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ихъ послали впередъ точно въ наказаніе, лишивъ предварительно важнѣйшей силы, состоявшей на оба баталіона, изъ 48 человѣкъ штуцерниковъ.

Къ тому же и боевой порядокъ, въ какомъ они были двинуты впередъ, тоже никуда не годился. Не смотря на то, „не смѣя перемѣнить строй, назначенный самимъ главнокомандующимъ," — какъ отвѣчалъ Граль ротнымъ командирамъ на ихъ желаніе—разомкнуться,—храбрый этотъ подполковникъ подвергъ черезъ то свой тысячный баталіонъ великой, но безплодной потерѣ: — съ фронта — отъ нарѣзныхъ ружей, съ фланга—отъ діагональнаго огня батарей принца Наполеона.

Отъ времени до времени громадная колонна его была переводима съ мѣста на мѣсто, но никто не скажетъ, чтобъ это передвиженіе приносило имъ пользу. У непріятеля были глаза для того, чтобы повѣрнѣе наводить свои жерла на новое мѣсто.

Отъ усталости люди готовы были упасть. Опасаясь, чтобъ изнеможеніе въ самомъ дѣлѣ не превозмогло ихъ бодрости, солдаты сбрасывали съ плечъ своихъ тяжелую ношу. И въ такомъ видѣ, т. е., безъ ранцевъ, облокотясь на безполезныя для нихъ ружья, принимали смерть, какъ гренадеры Наполеона перваго—въ битвѣ при Ватерлоо.

Вызванные Гралемъ застрѣльщики лишены были возможности бороться съ противниками, имѣвшими на своей сторонѣ и лучшее оружіе, нежели мы, и большее знаніе какъ должно обращаться съ своимъ оружіемъ и, наконецъ, они удерживались на такомъ разстояніи отъ насъ, что пальба изъ гладкоствольныхъ нашихъ ружей, заряжавшихся круглыми пулями, по

вреду, которой мы причиняли врагамъ, — похожа была на щелканье орѣховъ.

Застрѣльщичьи цѣпи 1-го и 2-го баталіоновъ, поняв великое искусство врага и не желая болѣе смѣшить его своими выстрѣлами, пошли впередъ, съ намѣреніемъ достигнуть такого разстоянія, съ какого огонь ихъ ружей былъ бы дѣйствителенъ. Но это немногимъ удалось: врагъ перебралъ цѣпь нашу такъ, что въ парѣ оставалось или по одному, или совсѣмъ не оставалось людей.

Застрѣльщики 3-го баталіона, по отступленіи черезъ Альму, поставлены были въ связь съ цѣпями 1-го и 2-го баталіоновъ. По временамъ они пропускали съ склоненными штыками ротныя колонны графа фонъ-Зео и, влекомыя ими, двигались то впередъ, то назадъ.

Графъ носился на каменную стѣнку во исполненіе воли главнокомандующаго, и въ началѣ дѣйствительно имѣлъ успѣхъ, но все же ему не пришлось пропустить свое лезвіе во вражью грудь. Враги не выносили блеска нашихъ штыковъ, и потому при приближеніи 2-го и 3-го баталіоновъ заблаговременно удалялись. За то разрывными пулями союзники старались пронизывать могучія части нашихъ баталіоновъ, наводившія на нихъ ужасъ, даже при томъ плохомъ вооруженіи, какое мы имѣли тогда.

При первомъ движеніи графа фонъ-Зео, французы совершенно очистили садъ за каменной стѣнкой, за то заняли они его немедленно послѣ того, какъ 2-й баталіонъ возвратился на свою террасу.

На этотъ разъ они на столько были многочисленны и на столько были увѣрены, что ни графу фонъ-Зео, ни самому князю Меншикову этотъ садъ не былъ нуженъ, что расположились въ немъ теперь сколько возможно удобнѣй для себя.

Послѣ этого напрасно ходили наши баталіоны на занятую непріятелемъ мѣстность, потому что враги крѣпко засѣли тамъ. Къ тому же ихъ поддерживала отличная артиллерія и огонь всей дивизіи принца Наполеона. И такъ какъ стѣнку эту съ самаго начала наши не обратили въ свою пользу, въ чемъ, полагаемъ, не виноватъ никто изъ баталіонныхъ командировъ, то напрасно они и водили на этотъ пунктъ свои слабѣвшіе баталіоны, потому что должны же были убѣдиться, что это ведетъ только къ напрасной убыли въ людяхъ.

Артиллерія принца Наполеона загремѣла часовъ съ 12-ти, т. е., черезъ полчаса послѣ того, какъ надъ 4-мъ баталіономъ пронесся ураганъ снарядовъ съ морскихъ пароходовъ и вскорѣ послѣ того какъ такой же ураганъ съ другихъ пароходовъ началъ упускаться во 2-й и 3-й баталіоны нашего полка, нисколько не минуя конечно и Брестцевъ.

Орудійный и штуцерный огонь, усиливаясь постепенно отъ скопившейся у Альма-Тамакъ дивизіи Канробера, перебиралъ Брестцевъ и безъ того слабыхъ числомъ, а также 2-й баталіонъ нашего полка, такъ что приблизительно часа черезъ два, послѣ перваго пушечнаго удара, они рѣшительно убрались на высоты.

Затѣмъ осталась малая горсть штуцерниковъ Култашева и больше никого, кто могъ бы удерживать вдали наступавшихъ противниковъ Они медленно, но постепенно подавались впередъ.

Должно быть не кому было надоумить, чтобъ Тарутинскій полкъ хотя въ эту минуту выставилъ своихъ штуцерныхъ на то мѣсто, гдѣ бы слѣдовало быть какой-нибудь батареѣ. Одного развернутаго баталіона изъ второй линіи было бы достаточно расположить лѣвѣе штуцерныхъ надъ крутостью. Тогда кровь потекла бы струями изъ враждебной для насъ силы и уму нашего главнокомандующаго дала бы возможность сообразить, какъ поступить съ правофланговой французской дивизіей, обезсиленной болѣе чѣмъ двухъ часовой пальбой.

Передъ Боске стояли въ готовности идти въ въ атаку двѣ роты Московскаго полка съ ихъ генераломъ, и въ числѣ всѣхъ четырехъ баталіоновъ Минскій пѣхотный полкъ. Кромѣ того, восемь эскадроновъ гусаръ, со множествомъ артиллеріи конной и пѣшей. Къ нимъ могли быть присоединены по надобности нѣсколько сотенъ казаковъ, не считая еще полка гусаръ, которые, нагрянувъ одновременно и съ разныхъ сторонъ, могли бы сдѣлать что нибудь побольше того. нежели при чемъ мы остались тогда, — конечно, еслибъ въ Крыму командовалъ войсками дѣйствительно человѣкъ, понимающій морское искусство и притомъ вполнѣ бы сознававшій, что пароходы, гулявшіе въ морѣ, никакъ не могли помѣ-

шать уничтоженію если не всей дивизіи Боске, то, по крайней мѣрѣ, ея значительной части.

А такъ какъ Тарутинскій полкъ не намѣренъ былъ дѣлать выстрѣловъ ни туда и ни сюда, то можно предположить, что мы такъ одни и отправимся въ лѣвый уголъ, гдѣ пришлось мнѣ быть наблюдателемъ отъ начала и до конца и стоять тамъ передъ тремя различными частями непріятельскихъ войскъ.

Но передъ тѣмъ вернемтесь къ тому пункту, на которомъ застало насъ утро восьмого сентября, и съ возвышенной мѣстности, которою мы любовались плавными движеніями непріятельскихъ армій. Время горячее: 1-й и 2-й баталіоны были уведены, какъ мы знаемъ, впередъ. Одна изъ батарей отправлена была туда же, другая—въ полной готовности ожидала назначенія. Передъ нами — командиръ полка, дальше—главнокомандующій, а лѣвѣе главнокомандующаго три казака, одинъ за другимъ прискакавшіе съ извѣстіемъ о переправѣ непріятелей и о занятіи ими всего лѣваго берега ниже переправы.

Лицемъ мы давно стоимъ въ ту сторону откуда прискакали казаки. И въ томъ мѣстѣ на Алмѣ, гдѣ были наши товарищи, давно кипѣла перестрѣлка, а лѣвѣе ихъ, т. е., прямо передъ нами—ни гу-гу.

— Что за пропасть такая! неужели тамъ нѣтъ никого!

— Да, никого и нѣтъ, говоритъ Титенковъ, знакомый съ этою мѣстностью.

Все же не вѣрилось, чтобъ изъ нашей арміи

не было ни души за алма-тамакской дорогой. Ну, хоть маленькій отрядецъ, такъ, ради удальства!

Дѣйствительно, какъ оказалось послѣ, тамъ находился цѣлый баталіонъ удалаго подполковника Раковича, поставленнаго версты за двѣ отъ рѣчки въ деревнѣ Аклёсъ. Но онъ былъ снабженъ такой тѣсной инструкціей, что и посмотрѣть-то ему было нельзя, что дѣлается на Алмѣ—рѣкѣ.

Но, наконецъ, ударили и тамъ,—первая, вторая!... въ тоже время батарея Кондратьева вдругъ помчалась по направленію пушечныхъ выстрѣловъ.

При третьемъ ударѣ, раздавшемся изъ французской дивизіи, обходившей насъ, главнокомандующій, князь Меншиковъ, быстро обратился къ намъ и произнесъ:

— Второй полубаталіонъ — въ полъ-оборота налѣво, а первый—въ полъ-оборота на-право! шагомъ... маршъ!

По его командѣ мы полетѣли изъ всѣхъ силъ туда, гдѣ давно намъ слѣдовало быть. Быстро прошли мы обѣ низины, занятыя Тарутинскимъ полкомъ, а миновавъ его послѣдній баталіонъ, Куртьяновъ, къ нашему удовольствію, скомандовалъ еще разъ въ полъ-оборота на-право, и затѣмъ все наше начальство отдѣлилось влѣво.

Новое направленіе, намъ данное, согласовалось съ параллельной линіей къ батареѣ Кондратьева, и еслибъ отъ нея мы не уклонились, то могли подойдти къ крутизнѣ, оканчивающейся обрывомъ надъ рѣкой. Уже перевалъ очутился подъ нашими ногами и мѣст-

ность, на которую мы теперь вступили,—покатилась къ сѣверу, или, что тоже, если скажемъ, къ струямъ Алмы рѣки. На этомъ мѣстѣ ротные командиры повернули колонной фронтъ къ морю, съ котораго сильными порывами мчался на насъ вѣтеръ. Сначала посвистывали только пули, потомъ надъ нашими головами покатились и ядра.

Ротный начальникъ, шедшій впереди, остановился.... остановились и солдаты.... Между нами не оказалось никого, кто бывалъ бы въ прежнихъ военныхъ дѣлахъ, и потому не зналъ никто, куда надо идти.... и тутъ нужно было войско, да и впереди его тоже не было!...

Спѣша увидѣться съ врагами, я указалъ на невысокій, но очень замѣтный холмъ, круто поднявшійся надъ неровною равниной, и лѣвѣе котораго батарея полковника Кондратьева, очевидно, не должна была оставаться безъ прикрытія.

Штабсъ-капитанъ Селиховъ видя, что роты тѣмъ холмомъ могутъ быть укрыты со стороны пароходовъ,—немедленно скомандовалъ „впередъ—маршъ!“ Его 4-я гренадерская и 10-я роты пригнувъ головы отъ вѣтра, быстро двинулись и достигли невредимо указанной цѣли.

Съ подпоручикомъ Перовымъ, моимъ однокашникомъ, я бѣгомъ взошелъ на вершину холма, чтобъ скорѣе оглянуть оттуда движенія враговъ и ихъ численную силу.

Все вниманіе мое обращено было на устье Алмы и на гремящіе цѣпями пароходы. Перовъ же осма-

тривалъ, что дѣлалось передъ нами и передъ фронтомъ лѣвѣе нашего.

Французы выстраивались бѣгомъ, пропускали орудія свои одно за другимъ, устанавливали ихъ противъ батареи № 5-го и тотчасъ открывали огонь.

— У французовъ должно быть въ батареѣ всего шесть пушекъ, говорилъ Перовъ, видя выстроенный рядъ у нихъ изъ шести орудій.

— Вотъ и еще двѣ показались изъ оврага и еще.... помѣдлявъ говорилъ онъ о батареѣ генерала Буа.

— Передъ строившимися рядами видны всадники, ужъ не начальство ли это. Барановъ! крикнулъ Перовъ штуцерному, нельзя ли снять того, что на бѣломъ конѣ?

Барановъ отвѣчалъ:

— Сейчасъ посмотрю, ваше благородіе.

Жоховъ, командиръ 10-й роты, услыхавъ о всадникѣ на бѣломъ конѣ, прокричалъ тому же стрѣлку отъ подошвы холма.

— Пожалуйста, Барановъ, убей того, что на бѣломъ конѣ;—навѣрное онъ у нихъ какой нибудь начальникъ большой....

И минуты черезъ три или четыре бѣлый конь, взмахивая хвостомъ и гривой бѣжалъ одинъ по полю чистому, влача на стремени сѣдока, отъ пули роковой поникшаго къ сырой землѣ.

— Молодецъ, Барановъ, спасибо!

— Спасибо, шумѣло много голосовъ.

— Спасибо, радостно кричалъ послѣ всѣхъ ему

штабсъ-капитанъ Жоховъ, — чарка водки за мной! какъ-будто тотъ поддѣлъ очень важную особу.

Я спросилъ Баранова:

— До бѣлаго коня сколько было шаговъ?

— Во весь визиръ, ровно тысячу четыреста шаговъ, отвѣчалъ Барановъ.

Послѣ такого случая, весь фронтъ, которому принадлежалъ всадникъ на бѣломъ конѣ, разсыпался въ стрѣлки, не кончивъ построенія. Другія части непріятельскаго войска въ значительной дистанціи одна отъ другой быстро выходили изъ береговыхъ оврагов и потомъ вскорѣ опять исчезали въ мѣстныхъ неровностяхъ. По ихъ движеніямъ замѣтно было, что они никакъ не ожидали, чтобъ имъ даромъ уступили то обширное мѣсто, которое у нихъ и у насъ лежало передъ глазами.

При этомъ не лишнимъ будетъ сказать, что застрѣльщики генерала Боске не останавливались, когда Сентъ-Арно прислалъ сказать ему, чтобъ онъ остановилъ свою дивизію. Мы видѣли съ нашей ночлежной высоты, что цѣпь его зуавовъ пріостановилась только для того, чтобъ шире разойдтись и потомъ, то осторожно продолжала подаваться впередъ, то пріостанавливалась опять гдѣ находила это нужнымъ и, помѣшкавъ, отправлялась, не бывъ встрѣчена даже съ бока штуцернымъ огнемъ. Поручикъ Култашевъ былъ посланъ въ то время, когда зуавы были на рѣкѣ и на ней отыскивали удобные переходы. Не видя надъ рѣкой русскихъ, они не имѣли надобности и удерживать свои шаги.

Поручикъ Култашевъ появился около Альма-амака въ такое время, когда отъ главнокомандующаго союзныхъ армій пришло второе приказаніе—подобное первому. Дивизія Боске, не бывъ еще раздѣлена, стала спускаться съ послѣдней возвышенности въ долину Альмы и остановилась тамъ, гдѣ застало ее слово Сентъ-Арно. Нѣсколько удачно пущенныхъ пуль заставило враговъ податься назадъ и вернуться на возвышенность. Въ дальнѣйшемъ движеніи своемъ французы — совсѣмъ почти прижались къ морю, проходя въ нашемъ виду съ весьма большими интервалами.

Около одиннадцати часовъ значительнѣйшая часть передняго большого эшелона непріятелей была на нашей сторонѣ и наслаждалась отдыхомъ. Это ясно было изъ того, что когда взглянулъ я къ морю въ половинѣ двѣнадцатаго, то одна лишь маленькая группа изъ бригады Буа дожидалась очереди перейти баръ или морскую отмель. Нѣкоторые лежа на пескѣ приготовлялись къ переправѣ, другіе же, что бродили по водѣ, были въ полу-одѣтомъ видѣ.

Двѣ батареи передняго эшелона, какъ мы видѣли, тоже переправились къ этому времени.

Такимъ образомъ, все, что представлялось глазамъ, мы громко сообщали окружающимъ, чтобъ слышали и тѣ, которые остались лежать по ниже холма.

Вдругъ Перовъ сказалъ мнѣ:

— Я совсѣмъ не вижу непріятельскую батарею, стоявшую тутъ вотъ,—на-искосъ.

— Что это значитъ, въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ онъ, — блеститъ всего одна пушка, другихъ совсѣмъ не вижу. На новомъ мѣстѣ ихъ тоже нѣтъ нигдѣ.

— Это значитъ наводятъ орудія на насъ, отвѣтилъ я; жерлами глядятъ на насъ онѣ, оттого ихъ и не видно.

— Опускайся! крикнулъ я ему.

Въ тоже мгновеніе огни мелькнули тамъ и не одно ядро ударило въ нижній край нашего хранилища. Перовъ весело протянулъ на это....

— Мимо. И не послушавъ меня вторично, продолжалъ говорить, предавшись глубокому вниманію.

— Вижу,—но очень далеко.... они бѣгомъ спѣшатъ въ ту сторону, руку поднявъ показалъ онъ къ югу. Пока я передвигался отъ наведенной на насъ батареи, среди выстрѣловъ мнѣ послышался ударъ, какой происходитъ отъ паденія ранца, сброшеннаго съ солдатскихъ плечъ; — послѣ чего товарищъ мой вдругъ замолкъ....

Я взглянулъ на него.... Перова нѣтъ!... Онъ плотно прилегъ своей грудью къ землѣ, а отъ плеча оторванная рука его указывала, что онъ совсѣмъ предался волѣ Божіей.

Когда я объявилъ объ этой первой жертвѣ, вся колонна наша, ницъ лежавшая въ 6-ть шереногъ глубиной, приподняла себя на колѣни и помолилась за него. Множество чистыхъ молитвъ быстрѣй понесли душу праведную въ ту страну, „гдѣ готова обнять ее радость.“

Ни чья слезинка не канула на его розовыя щеки и пріятное лицо, но еслибъ смерть застигла его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то многіе бы наплакались. Скажу о его предчувствіи, опечалившемъ его мыслью, что дня этого ему не пережить.

Вскорѣ послѣ того какъ во враждебныхъ лагеряхъ, съ первымъ свѣтомъ звонкіе рожки въ соединеніи съ другими инструментами мелодично проиграли утреннюю зорю, а наши отвѣтили имъ черезъ нѣкоторое время, на барабанахъ, громкимъ „генералъ-маршемъ,“ со стороны рѣки Булганака дохнуло на насъ тогда же запахомъ пороха. Товарищи наши изъ Аргина не подходили отчего-то, и, раздѣленные съ ними въ виду близкаго врага, офицеры наши собрались потолковать, отчего бы это могли они такъ запоздать!...

Въ ихъ кружекъ я вошелъ послѣднимъ, и, къ удивленію, на всѣхъ лицахъ увидѣлъ скуку. Оказалось, что это пріятель мой Перовъ на всѣхъ навелъ тоску разсказомъ своимъ о ночной грезѣ. Ему открывалось, черезъ покойную мать, что онъ отозванъ въ небесныя сферы, куда еще до утра онъ ею былъ манимъ.

Желая избавить его и другихъ отъ тяжелаго впечатлѣнія, я сказалъ ему, какъ другу, чтобъ онъ не сокрушался. Если его убьютъ, то расквитаться съ врагами я за него съумѣю.

— Вѣрю, отвѣчалъ Перовъ, но самъ-то я не заслужилъ еще доброй памяти; отъ того-то и нехочется такъ рано умереть!

— Говоришь, однако, первая очередь твоя.

— Да, первая, произнесъ онъ задумчиво.

— А можетъ быть и не первая, говорилъ я, желая его утѣшить.

— Нѣтъ, первая: навѣрно знаю, что первая.

— Стало быть споемъ предсмертную пѣсню, я предложилъ ему.

Онъ на меня посмотрѣлъ и тихо произнесъ.

— Спѣлъ бы какъ пѣвалъ, да нѣтъ, братъ, не поётся.

— Такъ не будемъ же мы трусить, если первый выстрѣлъ попадетъ въ тебя.

— Боже сохрани! я не трушу; а не хотѣлось бы теперь же умереть. Скажу тебѣ, другъ мой, у меня невѣста осталась дома.

— Э, э, воскликнулъ я, — намъ съ тобой и черезъ пятнадцать лѣтъ быть можетъ не достанетъ времени жениться, а не то чтобъ думать о томъ теперь, когда подошло время поражать враговъ востока.

Надѣюсь, я не много повредилъ этому очерку увлекшись воспоминаніемъ о кадетѣ и однокашникѣ моемъ Перовѣ. Покамѣстъ мы о немъ разсказывали, Тарутинскій полкъ успѣлъ перемѣнить свой фронтъ лѣвымъ флангомъ назадъ да и правымъ не остался на томъ же мѣстѣ, а главнокомандующій, ведя 2-ю половину нашего баталіона, имѣлъ довольно времени для того, чтобъ поставить ее лѣвѣе батареи Кондратьева. Ближайшее наше начальство къ нему же отошло, когда собственно мы,

[redacted]роминовавъ Тарутинскій полкъ, получили иное на[redacted]правленіе.

По слѣдамъ главнокомандующаго, впереди полубаталіона, шелъ командиръ 11-й роты штабсъ-капитанъ Токашъ. Онъ, подобно поручику Перову, тоже предчувствовалъ, что минуты его сочтены. Увидя друга своего, маіора Гусева, Токашъ закричалъ ему:

— Прощайте, Яковъ Алексѣевичъ! лихомъ не поминайте.

— На долго ли? Гусевъ спросилъ.

— Яковъ Алексѣевичъ, шутки въ сторону, чувствую, жить недолго мнѣ осталось, говорилъ Токашъ.

Послѣ такихъ словъ, онъ снялъ съ головы своей фуражку и сдѣлалъ на себѣ изображеніе креста по обычаю нервобытной православной церкви, хотя по рожденію былъ мусульманинъ.

Увидя на немъ крестное знаменіе, солдаты съ восторгомъ и громко сотворили молитву о вновь перешедшемъ въ христіанство и послѣ того они замѣтно ускорили шаги, для сближенія съ врагами востока.

Къ общему сожалѣнію, этотъ умный офицеръ, достойно исполнявшій передъ войной обязанность полковаго адъютанта, былъ убитъ. Двѣ пули вонзились въ него въ то время, когда генералъ Куртьяновъ, по приказанію главнокомандующаго, густую полубаталіонную колонну свою поставилъ на ноги, и такимъ плотнымъ редутомъ двинулъ ее „въ штыки.“

Люди посыпались отъ мѣткихъ пуль французской цѣпи, состоявшей изъ наилучшихъ въ мірѣ стрѣлковъ, и густая колонна его, разстроенная непредвидѣнной потерей, прилегла опять къ землѣ. Полковой командиръ и тутъ не догадался обѣ роты эти превратить въ густую цѣпь.

Такой мнимой ударъ штыками былъ нанесенъ непріятелю не ранѣе какъ въ часъ по полудни, когда князь Меншиковъ подумалъ, что враги уже довольно обезкуражены нашимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Замѣтивъ однако, что генералъ Куртьяновъ опять склонился съ своими двѣнадцатью шеренгами, и вся линія, составленная изъ красныхъ воротниковъ, опустилась, по видимому, на прежнемъ же мѣстѣ, князь Меншиковъ вторично прислалъ Куртьянову приказъ двинуться въ штыки.

Мы имѣемъ основаніе думать, что въ умѣ князя Меншикова произошла въ это время полная забывчивость быть можетъ обо всемъ. На этотъ же разъ вотъ какая:

Главнокомандующій забылъ, что у генерала Куртьянова изъ командуемаго имъ полка было въ ту минуту всего двѣ роты, имъ же самимъ и приведенныя и поставленныя по лѣвую сторону батареи № 4. Другія же двѣ роты, при которыхъ находился я, по ближайшему ихъ положенію къ аулу Альма-Тамакъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало трогать для наступленія.

Дивизія Канробера ихъ же засыпала пулями. По-

ложимъ это и не такъ страшно, какъ кажется, но очень важно то, что кромѣ нашихъ двухъ ротъ не было никого на протяженіи можетъ быть цѣлой версты.

Минскій пѣхотный полкъ никакихъ приказаній не получалъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мановеніемъ „свѣтлѣйшаго“ былъ вдвинутъ въ одну линію, съ двумя ротами нашего генерала.

Высшій офицеръ этотъ, получивъ приказаніе „ударить въ штыки,“ пригласилъ къ тому же и Минскій полкъ. На такой призывъ, командиръ Минскаго полка отвѣчалъ, что передъ нимъ нѣтъ непріятельскихъ колоннъ, а потому и надобности нѣтъ идти ему „въ штыки,“ и что честь такая принадлежитъ только одному Московскому полку.

Принявъ эти слова къ свѣденію, генералъ нашъ сообщилъ ихъ отъ себя посланцу, явившемуся передъ нимъ вторично съ тѣмъ же приказаніемъ „идти въ штыки.“

Главнокомандующій, получивъ такой отвѣтъ отъ генерала Куртьянова, вышелъ изъ себя.... И было отчего! Предварительно, какъ мы и видѣли, лишивъ голоса начальника 17-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Кирьякова, самъ же не умѣя распорядиться, князь Меншиковъ понялъ, что въ этой битвѣ не будетъ перелома въ его пользу.

Стало быть тутъ нельзя ожидать ничего хорошаго, когда главнокомандующій позабылъ не только о Минскомъ полкѣ, но и о тѣхъ результатахъ, какіе могли-бы выйдти отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ родовъ оружій находившихся.

По этому теперь можно вернуться къ самому началу дѣйствій непріятеля противъ лѣваго фланга нашей арміи.

Когда съ завѣтнаго холма, гдѣ лежитъ пріятель мой Перовъ, мы посмотрѣли на непріятельскіе пароходы въ началѣ нашего прихода, то тогда-же они начали поворачивать къ намъ свои борта, обставленные орудіями большого калибра. Въ морѣ, подлѣ берега, почти скользя по песчаному дну его, пароходы укрѣпляли себя на якоряхъ для устойчивости и, утвердившись такимъ образомъ, они начали облегчать себя отъ излишняго груза къ намъ въ видѣ ядеръ.

Чрезъ непродолжительное время ядра смѣнились разрывными снарядами, но и это не помогло. По временамъ они дробили свой огонь, то учащая, то разрѣживая, воображая, что онъ производитъ губительное дѣйствіе въ нашихъ рядахъ. Но не такъ было, какъ они думали. Крутая отлогость холма препятствовала ихъ снарядамъ попадать въ людей, пріютившихся за нимъ, и снаряды, дѣлая рикошеты подлѣ насъ, летѣли дальше и падали передъ Тарутинскимъ полкомъ, въ одну общую для нихъ ложбину.

Стрѣлявшіе пароходы не показаны на нѣкоторыхъ чертежахъ алминскаго сраженія. Въ морѣ они стояли къ сѣверу отъ впаденія рѣчки Алмы, очень близко къ берегу и одинъ возлѣ другого.

Изображаемые же на всѣхъ картахъ пароходы дѣйствительно присутствовали; но, какъ по своему далеко-

му положенію въ морѣ, такъ и по большой береговой возвышенности, имъ не было возможности дѣйствовать своимъ огнемъ,—о чемъ свидѣтельствовали офицеры Владимірскаго пѣхотнаго полка, бывшіе на мызѣ Лукуллъ по наряду, еще до высадки въ Крымъ войскъ, враждебныхъ намъ націй. Еслибъ они и нашли возможность перебрасывать снаряды черезъ высокіе утесы, то попадали бы прямо въ своихъ-же союзниковъ, а потому и безмолствовали въ продолженіе всей битвы.

Береговыхъ пароходовъ было четыре: два, вопреки ихъ желаній, дѣйствовали черезъ насъ, а другіе два по брестскимъ баталіонамъ, а черезъ нихъ, по 2-му и 3-му баталіонамъ Московскаго полка, не достигая однако брошенными снарядами ни 1-го баталіона этого полка, командиромъ коего былъ подполковникъ Граль, ни двухъ резервныхъ баталіоновъ Бѣлостокскаго полка. Резервные Бѣлостокскіе баталіоны расположены были передъ ауломъ Бурлюкъ и его садами, раскинутыми по сю сторону рѣчки. Двумъ баталіонамъ этимъ пришлось вмѣстѣ съ 6-мъ стрѣлковымъ баталіономъ встрѣтить всю дивизію англійскаго генерала Эвенса. При этомъ случаѣ лейбъ-Бородинскій полкъ, все время бездѣйствовавшій, однимъ изъ своихъ дивизіоновъ именно по командѣ штабсъ-капитана Шилова, открывалъ пальбу рядами по развернутому фронту лѣвой части той-же дивизіи Эвенса. Стрѣлявшая часть причадлежала къ знаменной ротѣ 4-го баталіона послѣдне-упомянутаго полка.

Пули, ядра и гранаты снопьями проносились около насъ и надъ нами, безъ всякаго вреда.

Во все это время полубаталіонъ нашъ лежалъ ницъ, прислушиваясь къ усиливавшемуся по временамъ грому съ моря и къ равномѣрнымъ ударамъ своихъ пушекъ.

Но, такъ, около часа, должно быть, эти удары равномѣрные участились, и послышалась сильная ружейная перепалка влѣво отъ насъ. Послѣ небольшого перерыва, снова послышалась тамъ таже учащенная пальба и вслѣдъ затѣмъ раздался громкій хохотъ между африканскими егерями, составлявшими застрѣльщичью цѣпь впереди дивизіи Боске.

Этотъ хохотъ раздасадовалъ нашихъ артиллеристовъ и они пустили густой картечью по веселымъ людямъ. Сдѣлали они это отчасти и для того, чтобъ удержать противниковъ на благородной отъ себя дистанціи. Но было поздно: поручикъ, нынѣ полковникъ, князь Трубецкой, послѣ того какъ генералъ Куртьяновъ увидѣлъ всю невозможность двинуться въ штыки, попросилъ у него разрѣшенія вызвать застрѣльщиковъ, въ намѣреніи пойдти ползкомъ противъ хорошо вооруженныхъ французовъ до такой дистанціи, на разстояніи которой было бы можно подѣйствовать на нихъ изъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей; командиръ полка согласился. При этомъ сдѣлана была ошибка, состоявшая въ томъ, что идти слѣдовало не по черепашьему, а пробѣжать бѣгомъ шаговъ сто или двѣсти, а потомъ надо было

выслать вторую цѣпь, для развлеченія непріятельскаго вниманія, если желали успѣха.

Застрѣльщики-же князя Трубецкаго поползли. Работа эта мѣшкотна, при томъ утомительна и непріятель, видя ихъ хорошо, пятналъ ихъ пулями, среди такой трудной работы. А они, не имѣя мѣстныхъ прикрытій, продолжали свой неблагодарный трудъ, пока не были выведены изъ терпѣнія и не открыли огня раньше, нежели достигли дистанціи, сообразной съ ихъ оружіемъ. Стрѣлки наши, стало быть, открыли пальбу раньше чѣмъбы слѣдовало; ихъ пули, имѣя круглую форму, не достигали непріятеля: они скакали по почвѣ разгоряченной солнцемъ, пылили, сшибали сухія былины и въ нихъже исчезали. Видя такое чудо-чудное, французы зашумѣли и, не смотря на усталость, подвинулись быстро впередъ, за что и встрѣчены были поспѣшно картечью, остановившей ихъ отъ нашей линіи шагахъ въ пяти стахъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что генералъ Боске немедленно далъ знать своему главнокомандующему Сентъ-Арно о такомъ вооруженіи нашей арміи, потому что черезъ полчаса послѣ описаннаго, войска ихъ, вдругъ по всѣмъ линіямъ, пошли на насъ въ атаку.

Наступленіе французовъ прежде всего выяснилось тѣмъ, что съ моря перестали стрѣлять ихъ пароходы. Разрѣживая огонь, они опять загремѣли якорными цѣпями, а вся линія Боске въ это-же время повернулась лицомъ къ югу, и въ такомъ направле-

ніи шла вся цѣпь, стоявшая передъ нами и Минскимъ полкомъ, пока не освободила довольно мѣста для одной части изъ дивизіи Канробера. Нѣсколько баталіоновъ генералъ Эспинаса, входя въ эту линію. обозначили свое шествіе тѣмъ, что пытались пулями засыпать совсѣмъ батарею полковника Кондратьева. Этотъ батарейный командиръ нѣсколько разъ просилъ генерала Куртьянова прислать ему взводъ солдатъ. которыхъбы онъ могъ размѣстить между своими орудіями; когда-же командиръ Московскаго пѣхотнаго полка ему отказалъ, то полковникъ Кондратьевъ объявилъ на отказъ, что онъ вынужденъ будетъ черезъ это оставить свою позицію раньше, чѣмъ кто либо придетъ его замѣстить.

Потерявъ много прислуги и лошадей, батарея № 4-го досталась бы неминуемо французамъ, еслибъ не поспѣшила взяться на передки.

Послѣ ухода батареи, мѣсто ея никѣмъ занято не было, а послѣдствіемъ этого было то, что и мы за собой недолго удерживали принадлежащее намъ мѣсто.

Четыре французскія бригады, изъ которыхъ двѣ, еще до соединенія съ послѣдними, не были сражены каскадами картечей, могли быть остановлены однако ручнымъ, хотя и негодными въ то время нашимъ оружіемъ. Но для этой цѣли не было приготовлено у насъ ни шанцевъ, ни заваловъ, изъ-за коихъ-бы слѣдовало встрѣчать шествіе непріятелей на нашу возвышенность.

По этому, находясь въ колонномъ порядкѣ на

мѣстности совершенно открытой, мы видѣли, какъ отъ аула Алма-Тамакъ приближались къ намъ свѣжія и бодрыя силы, унизывая нашъ холмъ жаркимъ вѣнцомъ изъ коническихъ пуль. Въ нашемъ полубаталіонѣ къ этому времени оставалось изъ штуцерныхъ только четыре не раненыхъ человѣка. За то и дѣйствовали они изъ всѣхъ двѣнадцати штуцеровъ, какъ извѣстно, очень трудно заряжаемыхъ; почему для обтегченія стрѣляющихъ, заряжаніе производилось особо приготовленными для того людьми.

По уходѣ батареи Кондратьева, вокругъ насъ возстановилась полная тишина. Взглянувъ во всѣ стороны, я объявилъ баталіонному командиру объ уходѣ батареи назадъ, и о томъ, что непріятель обхватываетъ нашъ правый флангъ и въ тоже время приближается съ фронта.

По приказанію раненаго баталіоннаго командира солдаты поднялись и тотчасъ-же были скрещены залпами съ двухъ сторонъ, впрочемъ безвредными. Съ третьей стороны тоже моглибы выпалить; но не стрѣляли потому, что могли попасть въ своихъ-же.

И такъ, взявъ ружья на плечо, наша колонна пошла къ правому флангу батареи № 4-го, занявшей новое мѣсто позади оставленнаго.

Еслибъ въ замѣнъ батареи прислали баталіонъ Тарутинцевъ, все равно ничего не дѣлавшихъ, то тогда и мы не ушли бы отъ угла, и, вѣроятно, по приказанію ближайшаго своего начальника, разсыпалисьбы цѣпью вправо. Но теперь мы удалялись отъ самаго важнаго пункта на лѣвомъ флангѣ.

Еще до нашего ухода, часть первой бригады изъ дивизіи Канробера, обходя нашъ полубаталіонъ, взобралась на плоскость со стороны, гдѣ помѣщались Брестцы, и пропускала пулю за пулей, по ранцамъ нашимъ и во флангъ батареи № 4-го и № 5-го, стоявшимъ далѣе.

На это обстоятельство не было обращено должное вниманіе и мы, устремивъ свои взоры къ сторонѣ аула Алма-Тамакъ, оставались въ полномъ невѣденіи откуда летали эти шутливыя пули, не убивавшія у насъ никого.

Но вскорѣ послѣ того какъ мы послѣдовали за батареей, тамъ обозначилось присутствіе цѣлой колоны. Отойдя шаговъ двѣсти отъ холма и оглянувшись на лѣво, я увидѣлъ враговъ шагахъ во сто сорока, или во сто-восьмидесяти отъ себя; облокотясь на ружья и въ иныхъ положеніяхъ, они съ удовольствіемъ посматривали, какъ это мы съ такой легкостью имъ уступаемъ поле битвы.

Сообразивъ-же, что они могутъ пронзить насъ сильнымъ фланговымъ огнемъ, я крикнулъ своему взводу: на лѣво—пли! залпъ грянулъ, и новый врагъ долго не показывался на томъ мѣстѣ, гдѣ мы его уложили дурными пулями.

Нельзя не сказать, что покинутый нами уголъ былъ превосходнымъ мѣстомъ для защиты его круглыми пулями, гораздо скорѣе способными опускаться въ дуло, нежели коническія съ ушками въ тяжеловѣсный штуцеръ. Но не видя ни откуда поддержки и при томъ съ тяжелыми ранца-

лыми ранцами, часа четыре душившими людей безъ всякой надобности, нашъ полубатальонъ принужденъ былъ обратиться къ непріятелю тыломъ. При томъ-же отъ командира полка не получалось приказанія разсыпаться, и не ожидалось поддержки отъ тѣхъ двухъ ротъ, при коихъ онъ самъ находился, и которымъ слѣдовало по уходѣ батареи немедленно разбѣжаться въ стрѣлки, о чемъ они кажется и не подумали.

Еще до начала сраженія мы всѣ готовились встрѣтить недруговъ, но мнѣ не привелось ни отъ кого слышать, чтобы мы, русскіе, могли выйдти побѣдителями изъ перваго-же дѣла. Каждый благоразумный воинъ знаетъ, что съ начала надо изучить врага, а потомъ и дѣйствовать на него.

Не бывъ проникнуты воззрѣніями главнокомандующаго, мы отступали въ полномъ убѣжденіи, что мѣстность, по которой мы двигались, не предусмотрѣна къ оборонѣ, стало быть слѣдовало ее покинуть немедленно послѣ того, какъ общіе наши враги сцентрализуются.

Князь Меншиковъ былъ чрезвычайно безмолвенъ и суровъ, за что солдаты наши прозвали его „чортомъ“.

О его намѣреніи можно было догадываться только изъ личныхъ его распоряженій, на нихъ-то и основывали мы свои разсужденія. Еслибъ нашъ главнокомандующій возъимѣлъ твердое намѣреніе защищать мѣсто нашего расположенія, то въ теченіе пяти, шести дней, проведенныхъ нами здѣсь, велѣлъ бы накопать множество рвовъ для укрытія

отъ излишнихъ потерь глубокаго фронта, а также и для болѣе успѣшнаго противодѣйствія наступленію противниковъ. А такъ какъ по высотамъ лѣваго фланга нигдѣ не было сдѣлано приготовленій для серьезнаго отраженія многочисленнаго врага, то мы и были вполнѣ увѣрены въ томъ, что производимъ маневры, съ цѣлью себя показать да и другихъ посмотрѣть, а потомъ отступить на мѣстность болѣе удобную для обороны.

Здѣсь мои воспоминанія рѣзко расходятся съ статьею „Военнаго Сборника," а потому нахожусь вынужденнымъ сдѣлать нѣсколько оговорокъ. Такъ напримѣръ, авторъ говоритъ, „что при движеніи въ атаку главныхъ силъ союзниковъ" Канроберъ вызвалъ впередъ баталіоны пѣшихъ егерей, разсыпать изъ нихъ густыя цѣпи застрѣльщиковъ и направилъ вторую бригаду (Вино) на деревню Альма-Тамакъ, а первую подъ командой Эспинаса назначилъ правѣе, т. е. ниже по Алмѣ, гдѣ былъ бродъ, черезъ которую прошла бригада д'Отмара и обѣ батареи дивизіи Боске. Далѣе видно, что Эспинасъ, поднявшись изъ овраговъ, долженъ былъ примкнуть къ флангу Боске. Генералъ Боске введя свое войско на ближайшую высоту двумя или тремя часами раньше, отъ б ода еще немного удалился. Въ слѣдующихъ строкахъ это обстоятельство еще болѣе выясняется.

„Во время движенія Вино къ Альма-Тамаку, Боске повелъ атаку вправо къ Орта-Кэсеку, т. е., отодвигаясь отъ краевъ обрыва, бывшаго надъ бродомъ, Боске приближался черезъ то къ аулу Орта

Кэсеку, съ которымъ до того времени онъ стоялъ почти на одной параллели, если отъ упомянутаго брода провести прямую на него линію.

„Этимъ маневромъ достигалъ онъ двоякой цѣли: получалъ возможность угрожать лѣвому флангу стоявшихъ противъ него русскихъ войскъ и, удаляясь отъ краевъ обрыва, очищалъ мѣсто Канроберу, на которомъ послѣдній, взобравшись на высоты, могъ развернуть свои силы.“

Боске, сказано, очищалъ мѣсто Канроберу. Но изъ его дивизіи цѣлая бригада, подъ командой Вино, нисколько не нуждалась въ очищеніи мѣста. Будучи направлена на южную сторону рѣки черезъ деревню Альма-Тамакъ, бригада Вино воспользовалась бродомъ на рѣкѣ, которую тутъ же пересѣкала проѣзжая дорога изъ деревни Улукулъ. По переходѣ на лѣвую сторону рѣки, вся бригада Вино пошла вверхъ по рѣчкѣ, тѣсня передъ собой штуцерныхъ Култашева. Только его стрѣлки могли оказывать противодѣйствіе въ одно и тоже время, какъ этой бригадѣ изъ дивизіи Канробера, такъ и другой бригадѣ Моне, изъ дивязіи принца Наполеона. Стало быть Боске очищалъ мѣсто, удаляясь отъ краевъ обрыва, одной бригадѣ Эспинаса, которая и не отставала отъ бригады Вино своимъ лѣвымъ флангомъ. Флангъ этотъ, заходя лѣвымъ плечомъ впередъ на тѣ обрывы, надъ которыми будто бы стояли Тарутинцы, и былъ той головною частью бригады Эспинаса, которая, по моей командѣ, обсыпана была градомъ пуль, какъ говорили сами же французы.

Далѣе авторъ говоритъ, что 9-й баталіонъ пѣшихъ егерей (бригады Эспинаса) занялъ сады на западъ отъ Альма-Тамака съ цѣлью вытѣснить оттуда русскихъ застрѣльщиковъ. Но это было не такъ: и раньше того времени не понадобилось этого дѣлать бригадѣ д'Отмара, при проходѣ ея бродомъ чрезъ тѣже западные сады. Между тѣмъ честь эту французы приписали еще и бригадѣ Вино.

Штуцерные поручика Култашева должно быть сильно имъ досадили, когда честь ихъ изгнанія изъ виноградниковъ отнесли къ себѣ всѣ три бригады, проходившія подъ его выстрѣлами: именно бригады Эспинаса, Вино и Моне. Одинъ д'Отмаръ почему-то смолчалъ объ этомъ, хотя находился тоже нѣкоторое время подъ его, должно быть, довольно мѣткимъ огнемъ. „Но за то и Московскій полкъ," продолжаетъ авторъ, „стоялъ на линіи выстрѣловъ французской батареи, расположенной западнѣе Альма-Тамака, на сѣверномъ берегу рѣки." Могу утвердительно сказать, что и это невѣрно. Никто не могъ помѣшать, по уходѣ нашемъ отъ холма, ввозить непріятелю орудія свои на южную сторону рѣки,—что дѣйствительно они и сдѣлали, поставивъ четыре пушки на возвышеніе, около котораго передъ тѣмъ мы находились.

И наконецъ, кто же приблизилъ эти орудія на картечный выстрѣлъ и смѣшалъ баталіонъ графа фонъ-Зео, тоже отступавшій, когда штабсъ-капитаны Елагинъ и Зоркинъ, въ головѣ своихъ ротъ, бросились оспаривать кому достанется обладать этими

пушками? Изъ четырехъ два орудія были взяты, и Елагинъ упалъ на нихъ, пронзенный двумя или тремя пулями. Зоркинъ тоже двумя пулями былъ раненъ, но легче, и остался пожинать свои лавры. Пули сыпались градомъ на геройскія роты, и пушки были брошены на томъ же мѣстѣ, потому что ихъ невозможно было увезти.

„Немного позже того, по словамъ автора статьи „Военнаго Сборника," какъ Вино занялъ западную часть Альма-Тамака, явился Моне (съ своей дивизіей, конечно) въ восточной части этой (ничтожной) деревни." „Небольшой отрядъ расположенныхъ здѣсь русскихъ стрѣлковъ, не имѣя возможности держаться противъ столь превосходнаго непріятеля, очистилъ (наконецъ) деревню." Оказывается, очистилъ деревню отрядъ такой, котораго тамъ и не было!

Но пока Вино и Моне будто бы управлялись съ одними и тѣми же стрѣлками и все въ одномъ и томъ же аулѣ, — ихъ соединенныя силы между тѣмъ заставили отступить графа фонъ-Зео, Граля и Брестскіе резервные баталіоны съ ихъ позицій. Баталіонъ графа фонъ-Зео, кромѣ того, долженъ былъ выстроиться въ каре при видѣ башибузуковъ, какъ говоритъ Зоркинъ, и дожидаться ихъ; а когда они скрылись, имѣть дѣло съ батареей: о чемъ французы почему то умолчали. Баталіоны Брестцевъ прошли далѣе въ это время, а подполковникъ Соловьевъ остановился съ 3-мъ баталіономъ у телеграфной высоты. 4-й баталіонъ, лишившись бата-

ліоннаго командира, котораго не вдалекѣ несли на ружьяхъ, остался теперь на рукахъ штабсъ-капитана Жохова, который уговаривалъ всѣхъ спѣшить уходить и въ чемъ, однако, я не мало ему воспрепятствовалъ. А потому мы оставались все въ томъ же порядкѣ, отходя дальше и дальше, разсчитывая укрыться отъ выстрѣловъ за Тарутинскимъ полкомъ. Но полкъ этотъ, не допустивъ насъ до себя, повернулся и ушелъ.

Въ это время мы вышли къ югу отъ недостроеннаго маяка. Одинъ изъ нашихъ баталіоновъ намѣревался отстаивать маячную высоту, а другой какой-то, безъ офицеровъ, какъ показалось мнѣ, выпуская пули назадъ, приближался къ намъ. Съ этимъ послѣднимъ, вдругъ отъ одного только слова, произошла очень странная сцена, произведшая такой эффектъ, что побѣдоносные французы стали прекращать нальбу изъ ружей и не пошли насъ преслѣдовать дальше.

Дѣйствующимъ лицомъ этой сцены былъ генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ. Онъ самъ на другой день при мнѣ разсказывалъ объ этомъ произшествіи и потому передаю его разсказъ, смѣшанный съ разговоромъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ у меня записанъ.

Мы такъ утомились и нравственно и физически въ день безполезнаго, а между тѣмъ сильнаго сраженія, что отъ усталости не могли ничего ѣсть, и только къ полудню слѣдующаго дня почувствовали голодъ.

Тогда я съ двумя товарищами пошелъ пообѣдать въ отель.

Въ первой же комнатѣ, спиной къ дверямъ, сидѣлъ нашъ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ. Внимательный взглядъ, брошенный на насъ однимъ изъ собесѣдниковъ его, контръ-адмираломъ, обратилъ и его вниманіе на насъ. Отвѣтивъ на нашъ поклонъ, онъ оказалъ намъ полное привѣтствіе и спросилъ меня перваго:

— Окуда вы пришли?

— Изъ Арбата, поправляли тамъ крѣпость.

— Знаю, перебилъ онъ.

— А вы? обратился онъ къ друзьямъ моимъ.

— Изъ Аргина, сказалъ второй поспѣшно.

— А я, отвѣчалъ послѣдній мой товарищъ, изъ отряда генерала Жабокрицкаго.

— Съ Парнàча,—знаю. Рекомендую,—обратился генералъ къ пріятнымъ собесѣдникамъ,—это офицеры Московскаго полка и моей дивизіи....

— Займитесь, господа, теперь своимъ дѣломъ.

— Скажите, сдѣлалъ онъ послѣдній вопросъ, когда ваши баталіоны выступили изъ Аргина?

— Пятаго числа, послѣ полдня и дѣлали по восьмидесяти верстъ въ сутки.

— Хорошо-съ! Пожалуйста, господа, не стѣсняйтесь, садитесь въ этой-же комнатѣ,—здѣсь свободныхъ мѣстъ много, произнесъ генералъ очень обязательно.

Мы были довольны его словами и начали размѣщаться по ближе къ окнамъ, а генералъ-лейте-

нантъ Кирьяковъ обратился опять къ своимъ слушателямъ и продолжалъ:

„Теперь вы сами изволили слышать: первый и второй баталіоны Московцевъ выступили въ походъ 5-го сентября, ровно въ три часа, какъ мнѣ извѣстно, и въ двое съ половиною сутокъ сдѣлали двѣсти двадцать верстъ. Что это правда, тому служитъ доказательствомъ то, что они успѣли втянуться на позицію восьмого числа къ девяти часамъ утра, имѣя въ глазахъ у себя всѣ силы враговъ.

„И что-же,—не смотря на ихъ усталость, главнокомандующій, давъ имъ время только переодѣться, ровно черезъ часъ приказалъ передвинуть ихъ въ первую боевую линію.

„Я докладывалъ, продолжалъ Кирьяковъ, что баталіоны эти только что пришли и не успѣли отдохнуть. Но свѣтлѣйшій отвѣчалъ: „знаю, для нихъ это ничего не значитъ“.

„Понятно, что распоряженіе князя Меншикова перемѣнить я не могъ; и по одному этому случаю можете судить, что всѣмъ лѣвымъ флангомъ, неприготовленнымъ къ бою, распоряжался не я, а главнокомандующій лично самъ.

„Баталіоны эти, не имѣя при себѣ штуцерныхъ, отобранныхъ отъ нихъ тотчасъ по приходѣ на позицію, движеніемъ въ штыки пробовали опрокинуть наступающихъ. Но ничего не могли сдѣлать. Враги разсыпались, видя двигавшіеся на нихъ редуты изъ живыхъ людей и своимъ пронзающимъ огнемъ били въ ихъ массу чрезвычайно мѣтко.

„Офицеры и солдаты, удостовѣрясь, что на татакой открытой мѣстности нельзя ничего сдѣлать,— стали подаваться назадъ. Ихъ конфузило то обстоятельство, что они своими ружьями не могутъ нанести ни малѣйшаго вреда этимъ ярымъ турко-манамъ. Будь кустики, деревца, тогда дѣло другое, а тутъ какъ на зло—всѣ кусты порублены.

„Я докладывалъ главнокомандующему, волнуясь продолжалъ Кирьяковъ, да и начальнику его штаба говорилъ, что непремѣнно бы надо выстроить нѣсколько ложементовъ, чтобъ до рѣшительнаго момента въ нихъ можно было бы скрываться. Подполковникъ Вуншъ, начальникъ штаба нашей арміи, на мою рѣчь о ложементахъ, указалъ мнѣ на русскую грудь, готовую принять въ себя тысячи пуль, вотъ почему и не видѣли надобности дѣлать какія бы то ни было окопы.

„Когда же передніе баталіоны разстроились и начали оставлять имъ указанныя мѣста передъ наступающимъ по всюду непріятелемъ, тогда возымѣлось желаніе удержать натискъ непріятелей, но для этого опять-таки не было сдѣлано никакихъ распоряженій, если не считать за распоряженіе поставить на ноги Тарутинскій полкъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ предавался отдохновенію.

„И такъ, отступленіе всей первой линіи отъ рѣки—не было остановлено. Производилось оно послѣдовательно и не ранѣе какъ по занятіи батареями новыхъ позицій позади тѣхъ, на которыхъ долѣе нельзя было удержаться.

„Скорѣе другихъ уходили двѣ роты 4-го баталіона Московцевъ. Спѣшили они потому, что стояли въ углу исходящемъ и легко могли быть отхвачены. Къ тому же онѣ должны были открыть мѣсто для дѣйствій батареи Кондратьева, при которой весь баталіонъ этотъ находился въ прикрытіи.

„Находившись передъ бугромъ, полубаталіонъ первыхъ двухъ ротъ дѣйствовалъ противъ непріятеля не болѣе какъ двѣнадцатью штуцерами и сохранилъ себя отъ неминуемаго истребленія однимъ только лежачимъ положеніемъ за этимъ бугромъ. Князь же Меншиковъ нѣсколько разъ повторилъ: 4-й баталіонъ труситъ.

„Когда же главнокомандующій увидѣлъ отступавшіе баталіоны съ фронта и съ фланга, то вскрикнулъ:

— Генералъ Кирьяковъ, 17-я дивизія бѣжитъ отъ непріятеля, что это значитъ?

— Оружіе наше таково, что уравновѣсить бой могутъ только штуцера, а ихъ то у насъ и нѣтъ, отвѣчалъ я.

„Не много погодя, главнокомандующій произнесъ мрачно:

— Генералъ Кирьяковъ, повторяю вамъ, 17-я дивизія бѣжитъ отъ непріятеля.

— Ваша свѣтлость говорите неправду, возразилъ я, 17-я дивизія отступаетъ, но не бѣжитъ, и въ этомъ сію же минуту я представлю доказательство.

„Съ послѣдними словами, я

говорилъ генералъ Кирьяковъ воспаленно, я подскакалъ къ одному изъ отступавшихъ баталіоновъ Московскаго пѣхотнаго полка и скомандовалъ: второй баталіонъ стой! налѣво-кругомъ!

„Подъ ядрами нѣсколькихъ батарей и штуцерными пулями чуть ли не трехъ французскихъ дивизій, я приказалъ людямъ 2-го баталіона взять на-караулъ,—что и было ими исполнено безъ замѣшательства. Сказавъ имъ спасибо, и, принявъ отъ солдатъ „рады стараться ваше превосходительство“ я отпустилъ баталіонъ, передавъ команду маіору графу фонъ-Зео“.

Я выслушалъ начальника дивизіи, не проронивъ ни слова изъ его разсказа. И дѣйствительно, я видѣлъ генерала въ то время, когда онъ подскакалъ къ баталіону, поднявшемуся на плоскость у недостроеннаго маяка. Слова его слышалъ самъ. Не понималъ только, зачѣмъ онъ скомандовалъ баталіону: слушай, на-кра-улъ!!

Наступающій непріятель нисколько не заслуживаетъ такой чести, потому что немного надо было имѣть мужества для того, чтобъ идти противъ дурновооруженныхъ солдатъ, не умѣвшихъ владѣть и дурнымъ оружіемъ, согласно его назначенію.

Какъ-бы то ни было, этотъ фарсъ принесъ свои плоды, и французы, удовлетворясь отданной имъ честью,—остановились и не показали даже намѣренія продолжать насъ преслѣдовать.

По выходѣ изъ алминскаго огня, продолжая командовать восьмымъ, т. е. крайнимъ взводомъ 4-го

баталіона вышеупомянутаго полка я, не состоялъ при аріергардѣ, однако переправлялся послѣднимъ черезъ тѣснины, рѣчки и ручьи, безпрерывно оглядывался и видѣлъ позади себя на первыхъ верстахъ одну сотню казаковъ, по взводу гусаръ справа и слѣва — и никого больше.

Маленькій отрядъ этой кавалеріи остановился, кажется, на рѣчкѣ Качѣ. По крайней мѣрѣ онъ долженъ былъ это сдѣлать послѣ того, какъ мы ее перешли.

На Таврическомъ полуостровѣ, Кача наибольшая рѣка послѣ Алмы. Когда солдаты поспѣшно переходили въ бродъ, то на ходу пользовались ея не глубокими, но прохладными струями. Съ своихъ суровыхъ лицъ они смывали пороховую копоть и кровь, натекшую или отъ своихъ собственныхъ ранъ или набрызганную кровь товарищей, убитыхъ или ядрами, или разрывными снарядами.

Къ великой досадѣ уходившихъ, ихъ усталыя ноги на мѣстѣ перехода безпрестанно натыкались на подводныя сваи, единственные остатки когда-то бывшаго тутъ моста.

По выше этого мѣста, но тутъ-же въ виду, на правой сторонѣ рѣчки находился станціонный дворъ, помѣщенный на полукруглой низинѣ, очерченной конечной чертой алминской плоскости. Низина та была на столько просторна, что во время бурлюкскаго, или алминскаго сраженія весь обозъ лѣваго фланга здѣсь удобно скрывался.

Наступили сумерки, когда поровнялись мы съ од-

ной стороны—съ нашимъ обозомъ, а съ другой—съ легкой изгородью виноградныхъ садовъ.

Старшій офицеръ, командовавшій за ранами баталіоннаго командира, маіоръ Попялковскій, отдалъ строжайшее приказаніе не расходиться. Его голосъ сдѣлался громкимъ только тогда, когда мы были внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. По этому онъ не чувствовалъ той жажды въ сердцѣ, какая возбуждается въ людяхъ послѣ громкихъ командованій, или послѣ гнетущихъ чувствъ, побуждающихъ насъ наносить непріятелю наибольшій вредъ, какъ это было съ штуцерными, дѣйствовавшими рядомъ со мной сначала противъ Боске, а потомъ и противъ силъ Канробера.

Этимъ-то немногимъ господамъ и обязанъ главнокомандующій, что споспѣшествуя своимъ батареямъ, французская дивизія Боске долго удерживалась передъ нами и при томъ на разстояніи значительномъ.

Манерокъ съ водой у насъ не было, а потому темныя гроздіи почти зрѣлаго винограда сильнѣе возбуждали жажду нашу, а между тѣмъ этотъ высокій даръ небесъ мы оставляли для наслажденія врагамъ, многихъ изъ насъ уже искалѣчившимъ.

При этихъ мысляхъ я мгновенно очутился за изгородью, взявъ съ собою двухъ рядовыхъ, умѣвшихъ ловко поражать смѣлыхъ враговъ тамъ, куда только могъ достигать ихъ глазъ. Прочіе просили принести хотя по одной виноградинкѣ. Захвативъ въ саду винограда сколько возможно было взять въ

руки, я роздалъ его стрѣлкамъ, покрытымъ пороховой копотью, и теперь высланнымъ со всего баталіона въ мое распоряженіе.

Освѣжившись виноградомъ и перешедъ Качу, въ томъ же порядкѣ продолжали мы идти до глубокой ночи, во мракѣ которой солдаты расходились, отыскивая чѣмъ бы поживиться. Имъ теперь нужно было все, потому что они оставили въ рукахъ непріятеля и ранцы съ вещами, и сухари, сохранивъ при себѣ только ружья.

Запасъ, какой былъ, находился при общемъ обозѣ въ повозкахъ, оставленныхъ назади и которымъ, какъ намъ казалось, не миновать рукъ непріятельскихъ; а потому всѣ нуждавшіеся въ пищѣ и не надѣялись быть утоленными въ этой мѣстности.

Когда знаменщиковъ остановили на привалѣ, выражаясь походнымъ терминомъ, во фронтѣ не было и половины людей, уцѣлѣвшихъ отъ пуль союзниковъ. Люди эти пропадали въ садахъ, собирая плоды и поѣдая ихъ безъ разбора—годны-ли они въ пищу или не годны, да въ темнотѣ и разобрать это было мудрено.

На привалѣ слышались слова баталіонеровъ и ротныхъ командировъ, потомъ раздавались голоса фельдфебелей. „Такой-то баталіонъ, или такая-то рота сюда-а!“ протягивая послѣдній слогъ до невозможности. Люди подходили, но часто не нашего полка, почему крики возобновлялись снова голосомъ неистовымъ.

Когда-же всѣ возгласы прекратились, поле какъ

будто оцѣпенѣло... Оно смолкло, кое-гдѣ озаренное, тихо мерцающимъ огнемъ. Могучій сонъ, казалось, опустилъ взоры труженниковъ, заставилъ ихъ забыть на время тревоги истекшаго дня; но это казалось только.

Вскорѣ говоръ послышался далеко въ кустахъ, разговоръ приближался, и наконецъ заговорили громко близъ начальствующихъ лицъ.

Пробужденный, генералъ Гриббе сказалъ окружающимъ:

— Вы такъ шумите, что мѣшаете другимъ спать.

— Спать никто не хочетъ, ваше превосходительство, отвѣчало множество голосовъ.

— Отчего же, развѣ мало устали? спросилъ онъ, бывъ нашимъ бригаднымъ генераломъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчали неугомонные: мы еще не обѣдали, не ужинали, да и закусить не чѣмъ. Намъ лучше до мѣста идти, говорили солдаты, сами не зная, гдѣ это обѣтованное мѣсто. Предполагался этотъ рай конечно тамъ, гдѣ обрѣтутъ они себѣ хорошую пищу, прохлаждающее питье и успокоительный сонъ, хотя въ описываемое время и невозможно было всего этого ожидать.

Въ тотъ же часъ было отдано приказаніе подниматься въ сильную темень и мы пошли дальше, на каждомъ почти шагу спотыкаясь о коренья и цѣпляясь за кусты, пока не выбрались на дорогу.

Недалеко отъ рѣки Бельбека мелькнули огни, сторожившіе буйволовъ, верблюдовъ и воловъ, везшихъ къ арміи два корабельныя орудія, а со снаря-

дами при нихъ и повозокъ было не мало. Это даръ Черноморцевъ, желавшихъ всей душой облегчить первую нашу встрѣчу съ непріятелями, а затѣмъ и послѣдующія, если бы такія случились. Черноморцы хорошо понимали, что союзники Османовъ непремѣнно должны держаться морскихъ прибрежій въ тѣхъ видахъ, что флотъ, доставляя имъ припасы, каждый разъ могъ имъ содѣйствовать и огнемъ своихъ пушекъ противъ нашихъ войскъ.

Теперь, чтобы получить вѣрнѣе понятіе объ обстоятельствахъ въ военномъ отношеніи выгодныхъ и невыгодныхъ, необходимо знать, что плоскости и берега небольшихъ рѣчекъ Качи и Бельбека были закрыты сплошной растительностію, позволявшей однако среди высокихъ кустовъ расположить войско даже значительное.

Въ упоминаемое время, еслибъ мы находились въ той или другой долинѣ, преграждая союзникамъ дальнѣйшій путь, и стремясь къ Севастополю, они должны были явить всю свою храбрость, подойдти къ намъ на растояніе само близкое чтобъ заставить всю армію нашу сдвинуться съ дороги.

Русскому войску, снабженному круглыми пулями было легко дѣйствовать изъ мѣстности, закрытой лѣсомъ и пересѣченной оврагами, именно такой, какая была между Качей и Бельбекомъ. Но вмѣсто того, чтобъ поставить армію здѣсь, какъ на лучшемъ пунктѣ, главнокомандующій князь Меншиковъ провелъ ее мимо тѣхъ мѣстъ, не давъ намъ воспользоваться та-

кими широкими зарослями, изъ-за которыхъ мы съ успѣхомъ могли бы защищаться и нападать.

Но почему князь Меншиковъ на эту единственную для насъ мѣстность не обратилъ должнаго вниманія, а предоставилъ ее, хотя и случайно, для пріятнаго кэйфа друзьямъ Ислама, принявшіе участіе въ кровавыхъ дѣлахъ того времени остались въ полномъ невѣдѣніи о томъ.

И почему въ самомъ дѣлѣ было такъ, а не иначе?

Если вѣрить въ старый слухъ, будто мрачный начальникъ морскихъ и сухопутныхъ силъ въ Крыму потому избѣгнулъ передать тѣ мирныя долины во власть всеразрушающаго Марса, что желалъ сохранить ихъ таинственную прелесть,—если такъ, то мысль эта мелка, недостойна полководца.

Соображая однако нѣкоторыя обстоятельства, можно почесть подобный слухъ и за достовѣрный, и именно вотъ отъ чего. Во все время пребыванія въ Севастополѣ, князь Меншиковъ, вѣроятно по болѣзненному состоянію, какъ мы и слышали, не обладалъ прежними качествами ума. Такъ мы говоримъ потому, что даже не посвященному въ военное искуство нельзя не видѣть, что быстрое отступленіе нашей арміи со всѣхъ выгодныхъ позицій могло быть причиной не только потери всего обоза, но и конечной утраты бомбическихъ орудій, которыя, еслибъ не были употреблены немедленно противъ Севастополя, то были бы непремѣнно направлены противъ насъ-же самихъ, если бы союзники догадались насъ преслѣдовать по пятамъ.

Этого-то и опасался лейтенантъ этой батареи. Онъ поспѣшилъ поворотить обратно бомбическія орудія, брошенныя на произволъ судьбы, послѣ кратковременнаго отдыха и при помощи посторонних людей, такъ что съ восходомъ солнца успѣлъ переправить ее за рѣчку Бельбекъ.

Тяжелыя орудія слѣдовало дѣйствительно всячески торопиться увозить, потому что позади насъ не было оставлено такого аріергарда, которому они моглибы пригодиться и кто ихъ могъ бы защитить при приближеніи враговъ. Нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, подававшихся за нами, исполняли одну аванпостную службу и ту несли съ трудомъ, по этому нельзя было думать, чтобъ они могли оказать непріятелямъ какое нибудь сопротивленіе.

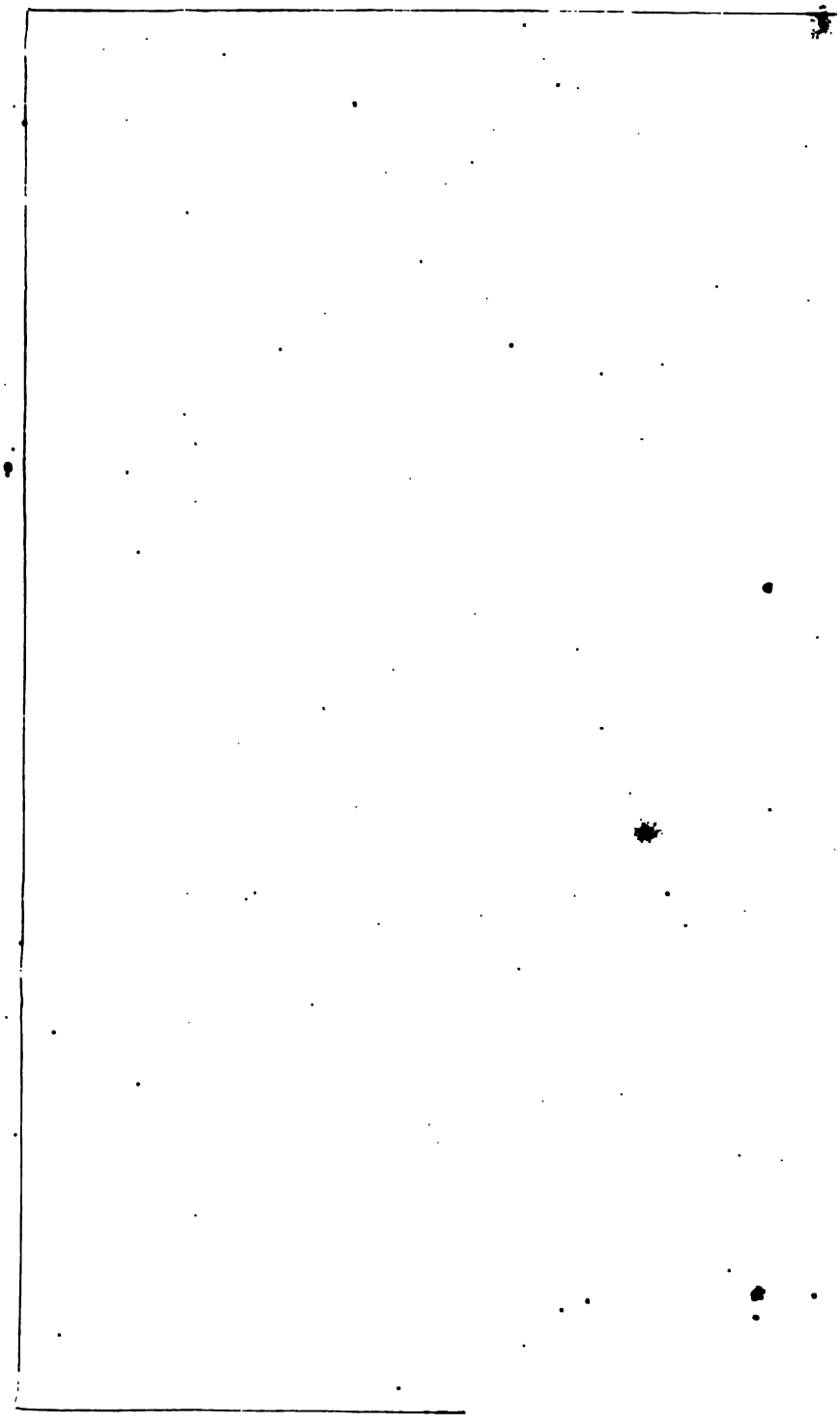
Волынскій же пѣхотный полкъ, хотя и составлялъ аріергардъ всей арміи, но съ тѣхъ поръ, какъ мы опустились въ долину Качи, для насъ оставался невидимъ. Онъ стоялъ на Инкерманской дорогѣ и безъ явнаго для себя ущерба не могъ рястянутся и на ту дорогу, по которой мы прошли, какъ на самую прямую и по близости къ морю считавшеюся опасной.

Нельзя не сказать, что Волынскій пѣхотный полкъ спасъ всѣ полковые обозы тѣмъ, что продержался до глубокой ночи на Качинскихъ высотахъ служившихъ продолженіемъ алминской плоскости.

Крикъ погонцевъ праваго и лѣваго фланговъ пока-

ся союзникамъ за возгласъ нашей арміи. Они дума-
что русская армія распюложилась въ садахъ, а на
ломъ дѣлѣ она стремительно летѣла частію на
керманскую высоту, а частію въ Севастополь, ко-
рый представлялся намъ, не видавшимъ его, не
аче какъ въ видѣ сильной замкнутой крѣпости.
увы, тамъ не нашли того, чего ожидали.

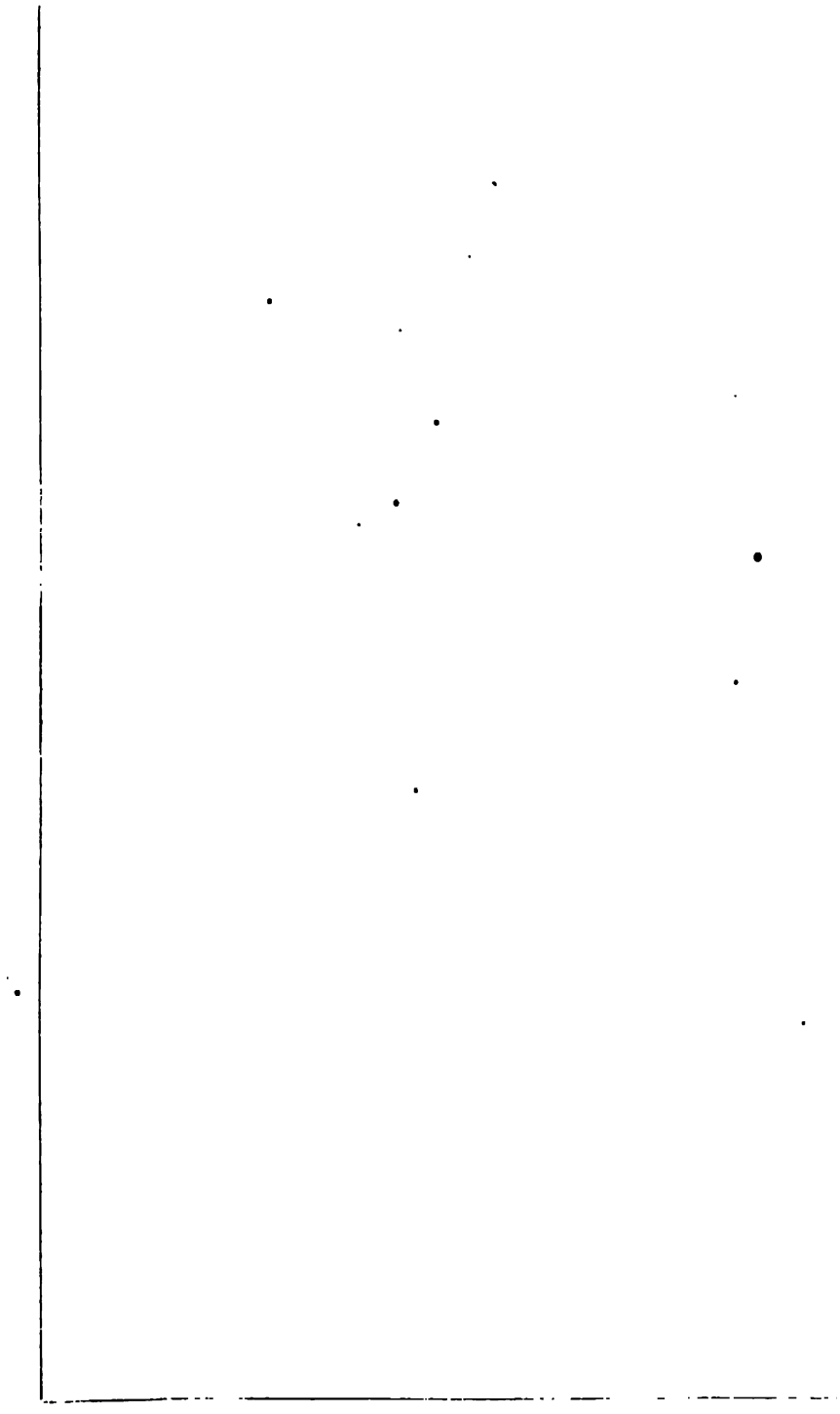
Владиміръ Бейтнеръ.



ИЗЪ ДНЕВНИКА

одного изъ участвовавшихъ въ оборонѣ Севастополя

въ войну 1853—56 годовъ.



ИЗЪ ДНЕВНИКА

одного изъ участвовавшихъ въ оборонѣ Севастополя

въ войну 1853—56 годовъ.

Когда турки были разбиты на кавказской границѣ при Баяндурѣ, Башъ-Кадыкларѣ и Курюкъ-дарѣ, то Александропольская крѣпость была безопасна отъ дальнѣйшихъ нападеній, и я, желая принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, сосредоточившихся въ Крыму, подалъ прошеніе объ увольненіи меня въ отпускъ. Разрѣшеніе получено мной черезъ 4 мѣсяца.

1-го мая 1855 года я оставилъ Александрополь и съ большимъ трудомъ прибылъ къ 12-му мая чрезъ Тифлисъ, Владикавказъ и Ставрополь въ Тамань. Нанявъ здѣсь лодку для переѣзда въ Керчь, мы тотчасъ же отправились туда; но въ виду уже крымскаго берега вѣтеръ сдѣлался противнымъ и мы должны были вернуться. Въ моментъ нашей высадки въ Таманѣ мы были оглушены страшными залпами, заставившими выбѣжать къ

берегу многихъ изъ жителей. Между ними я встрѣтилъ генерала Лобко и полковника Крыжановскаго, съ которыми и поѣхалъ верхомъ по тому направленію, откуда слышались залпы. При подъѣздѣ къ берегу глазамъ нашимъ представилась грозная военная картина: въ Керченскомъ проливѣ на противоположной сторонѣ у Бурунъ-Камыша стоялъ весь непріятельскій флотъ (болѣе 60 кораблей) и осыпалъ берегъ бомбами. Въ тоже время высаживались войска, формировали колонны и стремились на право къ Павловской батареѣ. Вскорѣ мы были поражены необыкновеннымъ зрѣлищемъ: вся эта батарея при приближеніи къ ней непріятеля вдругъ безъ выстрѣла взлетѣла на воздухъ; орудія повалились съ крутого берега въ пропасть; густое громадное облако дыма застлало весь берегъ, на которомъ до самой Керчи въ тоже время объяты были пламенемъ всѣ дома, бараки и пр. и скрыло отъ нашихъ глазъ дальнѣйшее движеніе непріятеля.

Мы увидали далѣе, что два непріятельскіе парохода, отдѣлившись отъ флота, приняли направленіе къ Керченскому рейду и открыли по немъ огонь. Въ нихъ стрѣляли наши 4 крошечные пароходa.

У берега противъ Еникале находилось много купеческихъ кораблей съ провіантомъ, старавшихся укрыться въ Азовскомъ морѣ.

Одна батарея въ Керчи и другая въ Еникале открыли огонь на непріятельскій десантъ, но вскорѣ перестали стрѣлять, и непріятель вошелъ въ городъ

Первые изъ непріятельскихъ войскъ, занявшихъ Керчь, были турки, которые вели себя какъ дикіе звѣри. Тревога была страшная; жители бѣжали на гору, и многіе на лодкахъ прибыли къ нашему берегу. Одинъ писарь, прибывшій на эту сторону съ своимъ семействомъ, разсказалъ мнѣ, что генералъ Врангель, подписавъ предписаніе—взорвать Павловскую батарею, воскликнулъ: „я подписалъ свой смертный приговоръ„; и что въ распоряженіи Врангеля состояло всего разнаго рода войска только 4 т., которое было разбросано по всему берегу до самой Ѳеодосіи.

Уже темнѣло; во многихъ мѣстахъ на берегу и на морѣ вспыхивали пожары; между прочимъ загорѣлись магазинъ въ Еникале и одна лодка съ архивомъ, буксированная пароходомъ, что представляло собой чрезвычайно эффектное зрѣлище. Наши пароходы ушли въ Азовское море.

На горахъ, лѣвѣе насъ, при Бурунъ-Камышѣ, видны были бивуачные огни; отъ туда же производилась стрѣльба противъ Керчи. Такъ какъ Еникале держался до вечера, то мы полагали, что наши войска прибыли изъ Ѳеодосіи и намѣреваются атаковать непріятеля съ сухого пути, и провели всю ночь съ большимъ волненіемъ въ ожиданіи этого. Вдругъ къ утру 13-го мая второй взрывъ потрясъ воздухъ до того, что и въ Таманѣ задрожали и потрескались окна. Это былъ взрывъ пороховаго погреба въ Еникале—знакъ, что наши войска отступаютъ, и Азовское море въ рукахъ непріятеля.

Кто можетъ выразить состояніе души въ такія минуты! Наши береговыя батареи были расположены на высокихъ скалахъ и Лобко мнѣ говорилъ: „Тутъ ни одинъ корабль не можетъ пройдти; я самъ получилъ лестное порученіе вооружить заливъ.“ — „А что, батареи ваши укрѣплены?“ — „Для чего? намъ велѣно только обезпечить море и для того поставлены пушки въ достаточномъ количествѣ.“ — „Въ состояніи-ли Врангель отбить десантъ?“ — „Какъ десантъ? Развѣ они произведутъ здѣсь высадку?“ — „Что же другое“ — „Ахъ! тогда конецъ всему. У Врангеля слишкомъ мало войска.“ — „А что онъ имѣетъ?“ — „Не могу сказать, это противъ моей совѣсти.“ — „Въ такомъ случаѣ Азовское море можно считать Англійскимъ озеромъ!“ — „Э, посмотримъ; до сихъ поръ непріятель не смѣлъ сюда пробраться и береговыя укрѣпленія въ теченіе года выполнили свое назначеніе.“

Нѣсколько сотенъ спѣшенныхъ казаковъ были выстроены на берегу. Генералъ, подойдя къ нимъ, поздоровался и сказалъ: „Теперь, ребята, насталъ моментъ показать себя.“ — Не имѣя никакой возможности прямо черезъ заливъ прибыть въ Севастополь, я послалъ за почтовыми лошадьми, чтобы объѣхать Азовское море сухимъ путемъ. Баронъ Фитингофъ, получившій стрѣлковый баталіонъ въ Севастополѣ, проѣздомъ туда, прибылъ также въ Тамань и имѣлъ въ виду на почтовыхъ же отправиться далѣе. Но почтмейстеръ велѣлъ намъ сказать, что лошадей для насъ нѣтъ, такъ какъ всѣ наличныя

назначены для перевозки почтовой конторы. —Не помогло и то, что генералъ Лобко далъ открытое предписаніе о немедленномъ отправленіи барона Фитингофа: почтмейстеръ отказывался исполнить это предписаніе безъ особаго на то распоряженія своего начальства. Тогда Фитингофъ отправился къ Крыжановскому и спросилъ его—„что намъ дѣлать?“— „На почтѣ находятся 70 т. руб., которые необходимо отправить какъ можно скорѣй; такъ какъ непріятель могъ высадиться каждую минуту. Но мы дадимъ вамъ обывательскихъ лошадей.“Ославъ за таковыми одного унтеръ-офицера, заявившаго, что у него имѣется въ готовности 3 тройки, Крыжановскій прибавилъ: „Вы видите, я дѣлаю все, что только могу, и черезъ полчаса вы отправитесь“. Мы велѣли уложить наши вещи и приготовились къ отъѣзду; но лошади не прибыли и мы прождали ихъ всю ночь. Утромъ я нанялъ подводу для вещей, а сами мы пѣшкомъ отправились на почтовую станцію въ двухъ верстахъ отъ города, запасшись предварительно отъ Крыжановскаго открытымъ листомъ, безъ котораго въ то время почтовыхъ лошадей не давали. Прибывъ на станцію, я увидалъ, что конюшни были полны лошадей. По моему требованію начали запрягать лошадей, какъ вдругъ изъ Тамани пріѣхалъ почтмейстеръ и объявилъ, что не смѣетъ дать лошадей.

Замѣтивъ нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ разною мебелью и указывая ему ихъ, я сказалъ: „Такъ это тѣ 70 т. р., которые вы должны спасать? Если

берегу многихъ изъ жителей. Между ними я встрѣтилъ генерала Лобко и полковника Крыжановскаго, съ которыми и поѣхалъ верхомъ по тому направленію, откуда слышались залпы. При подъѣздѣ къ берегу глазамъ нашимъ представилась грозная военная картина: въ Керченскомъ проливѣ на противоположной сторонѣ у Бурунъ-Камыша стоялъ весь непріятельскій флотъ (болѣе 60 кораблей) и осыпалъ берегъ бомбами. Въ тоже время высаживались войска, формировали колонны и стремились на право къ Павловской батареѣ. Вскорѣ мы были поражены необыкновеннымъ зрѣлищемъ: вся эта батарея при приближеніи къ ней непріятеля вдругъ безъ выстрѣла взлетѣла на воздухъ; орудія повалились съ крутого берега въ пропасть; густое громадное облако дыма застлало весь берегъ, на которомъ до самой Керчи въ тоже время объяты были пламенемъ всѣ дома, бараки и пр. и скрыло отъ нашихъ глазъ дальнѣйшее движеніе непріятеля.

Мы увидали далѣе, что два непріятельскіе парохода, отдѣлившись отъ флота, приняли направленіе къ Керченскому рейду и открыли по немъ огонь. Въ нихъ стрѣляли наши 4 крошечные пароходa.

У берега противъ Еникале находилось много купеческихъ кораблей съ провіантомъ, старавшихся укрыться въ Азовскомъ морѣ.

Одна батарея въ Керчи и другая въ Еникале открыли огонь на непріятельскій десантъ, но вскорѣ перестали стрѣлять, и непріятель вошелъ въ городъ

мѣстечко на Азовскомъ морѣ—сдѣлавшееся извѣстнымъ только при Воронцовѣ. Здѣсь я нанялъ двухпарусную небольшую лодку до Бердянска и немедленно отчалили. Вдругъ на горизонтѣ къ западу показались пароходы. Непріятельскіе ли были они или наши — различить не было возможности. Попутный вѣтеръ намъ благопріятствовалъ и черезъ нѣсколько часовъ мы могли быть на мѣстѣ; но вѣтеръ стихъ, пароходы быстро приближались къ намъ, и мы наконецъ могли различить, что они были англійскіе.

Мы налегли на весла, очередуясь всѣ въ этой работѣ, рѣшившись, въ случаѣ нужды, побросать за бортъ всѣ вещи; но пароходы направлялись въ Бердянскъ, не замѣчая насъ, а потому и мы перемѣнили курсъ — направившись на Таганрогъ, куда и прибыли въ сумерки при помощи небольшаго вѣтерка, сдѣлавшагося намъ снова попутнымъ.

Масса народа встрѣтила насъ тутъ съ разспросами о Керчи: — Не измѣннически ли преданъ непріятелю городъ, такъ какъ тамъ начальствовалъ нѣмецъ. Купцы выражали свои опасенія, говоря: „Начальству легко уйти, имѣя всѣ средства къ тому, а что будетъ съ нами и съ нашими складами“, разспрашивали — „не жгутъ и не рѣжутъ ли англичане?“ На мои увѣренія въ противномъ, они сомнительно качали головами и говорили: „лучше спасать что можно“. На первой станціи глазамъ моимъ представилось необыкновенное зрѣлище: все пространство кругомъ было покрыто всевозможными

экипажами и множество хорошо одѣтыхъ особъ обоего пола лежало на землѣ.

На слѣдующихъ станціяхъ я имѣлъ еще болѣе хлопотъ, чтобъ доставать лошадей. Въ первый день Троицы я прибылъ въ Марунполь. Городъ оказался совершенно пустымъ; я могъ замѣтить только 2 англійскихъ парохода. Когда я подъѣхалъ къ станціи, смотритель Демонтовичъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу со словами: „А, генералъ! скажите, что намъ дѣлать? Въ городѣ ни души, семейство свое я тоже отправилъ; Бердянскъ взятъ; магазинъ и нѣсколько домовъ сожжены; всѣ разбѣжались, черный народъ грабитъ. Уѣхать ли мнѣ тоже и предать все огню; у меня есть нѣсколько тысячь четвертей овса. Какъ прикажите поступить?“—„Приказываю вамъ ни въ какомъ случаѣ не оставлять вашего поста по той причинѣ, что сообщеніе по этому тракту необходимо по своей важности“.—„А если они возьмутъ меня въ плѣнъ?“—„Никто о васъ не будетъ заботиться“.—„Хорошо, я понимаю. Я поручикъ и даю вамъ мое солдатское слово оставаться здѣсь“.

Такъ было вездѣ; въ виду опасности всѣ начальники оставляли свои посты, и народъ на счетъ непріятеля грабилъ оставленныя имущества.

Вскорѣ я встрѣтилъ на дорогѣ полковника Зарубина — командира 35-го казачьяго полка. Онъ остановилъ меня словами: „Вчера я получилъ отъ начальника штаба экстренное предписаніе защищать берегъ отъ г. Геническа до Таганрога, бо-

лѣе 300 верстъ, а у меня только одинъ полкъ. Что мнѣ дѣлать?“ — „Что же намѣрены вы дѣлать?“ спросилъ я его съ напряженнымъ любопытствомъ. „я стоялъ со своимъ полкомъ въ Мелитополѣ; теперь хочу послать на разные пункты по 20 человѣкъ; но что они могутъ сдѣлать! Ручаюсь, впрочемъ, что мои казаки грабить не будутъ“.—„Что васъ могло побудить увѣрять меня въ этомъ?„ „Естественно, когда жители оставляютъ свои дома и имущества; то если мы не возьмемъ, то другіе воспользуются“.—„По моему мнѣнію вамъ слѣдуетъ держать вашъ полкъ въ сборѣ; пусть жители дадутъ вамъ знать гдѣ высадится непріятель и тогда дѣйствуйте на него всѣми силами“.—„Въ самомъ дѣлѣ такъ лучше; я такъ и сдѣлаю“.

Непріятель оставилъ Бердянскъ и отправился въ Геническъ, гдѣ отъ бомбардированія загорѣлись магазины и склады каменнаго угля. Нѣкоторые бѣжавшіе оттуда показывали необыкновенной величины ядра. Въ Мелитополь я прибылъ только 17-го мая, гдѣ встрѣтилъ подполковника Конради и архитектора Энгельгардта. Мы разсуждали о томъ,— какъ лучше попасть въ Крымъ: черезъ Геническъ— но тамъ уже находился непріятель и служащіе при станціи разбѣжались; чрезъ Чонгарскій мостъ—но тутъ нѣтъ почтовыхъ станцій и нужно нанимать обывательскихъ лошадей. Третья же дорога черезъ Перекопъ самая дальняя. Мы избрали трактъ на Чонгарскій мостъ; но для этого необходимо было достать открытый листъ, котораго не могли полу-

черезъ полчаса лошади не будутъ готовы, я арестую васъ какъ измѣнника", и ушелъ въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ почтмейстеръ, предупрежденный Фитингофомъ въ моей горячности, явился ко мнѣ съ извиненіемъ, объявивъ, что лошади сейчасъ будутъ готовы. Въ 11 часовъ мы дѣйствительно отправились. Жара ужасная. Между нѣкоторыми станціями намъ приходилось ѣхать по водѣ. Въ Темрюкѣ у самаго берега былъ большой магазинъ, предназначенный къ истребленію. Мнѣ сказали, что Серебряковъ съ значительнымъ отрядомъ находится въ Анапѣ и Новороссійскѣ. Слѣдовательно вездѣ разбросаны наши войска, принужденныя отступать, какъ скоро показывается непріятель, и уничтожать всѣ запасы. Тоже было на Кавказѣ, отчего въ 50 лѣтъ нельзя было усмирить его; тоже повторилось и на турецкой границѣ съ превосходной арміею, раздѣленною на 5 отрядовъ и разбросанною въ Гуріи, Ахалцихѣ, Ахалкалакахъ, Александрополѣ и Эривани, черезъ что каждый отрядъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы подаваться впередъ, вслѣдствіе чего даже выигранныя сраженія остаются безъ пользы.

Въ Европѣ наши войска раскинуты отъ Торнео до Керчи; въ княжествахъ стояли по баталіонно отъ Браилова до Калафата; на главномъ же пунктѣ— въ Севастополѣ — слишкомъ мало, чтобъ прогнать горсть искателей приключеній, захватившихъ въ свои руки Балаклаву и Евпаторію.

Изъ Екатеринодара я отправился въ Эйскъ—

не ладно, и мы не знаемъ что дѣлать здѣсь, хотя еще далеко отъ выстрѣловъ".

Познакомившись случайно съ полковницею Саблеръ и упомянувъ, что остаюсь здѣсь по неимѣнію подорожной, я тотчасъ получилъ отъ нея взятый ею для себя бланкъ и такимъ образомъ могъ отправиться далѣе.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Симферополя г-жа Энгельгардъ вручила мнѣ большой узелъ корпіи и бинтовъ, сказавъ, что это даръ красивѣйшей дамы въ Курляндіи, предназначенный для храбрѣйшаго и достойнѣйшаго.

Дорога дальше—настоящій глинистый ровъ—была покрыта безконечными транспортами и проходившими въ оба конца войсками; по сторонамъ стояли вагенбурги, доходившіе до 100 повозокъ. Рѣчки большей частію безъ мостовъ; въ окрестностяхъ виднѣлись сады, горы и долины.

На слѣдующей станціи въ первый разъ получилъ лошадей безъ задержки. Уже темнѣло, когда я прибылъ на сѣверную сторону Севастополя. Станція была въ развалинахъ. На той сторонѣ подъ звѣзднымъ небомъ летали туда и сюда бомбы. Здѣсь же все было тихо; въ лагерѣ всѣ уже спали. Въ одной изъ палатокъ я замѣтилъ огонь и, войдя въ нее, увидѣлъ какую то особу въ халатѣ за письменнымъ столомъ. Назвавъ себя, я спросилъ:—„гдѣ главная квартира?" — „Главная квартира здѣсь, я назначенъ комендантомъ — полковникъ Сапуньевъ, Драгунскаго Великаго Князя Михаила Николаеви-

ча полка. Если не взыскательны, то остановитесь въ моей палаткѣ". Въ дальнѣйшей бесѣдѣ онъ разсказалъ мнѣ чудеса объ Евпаторіи, и называлъ себя счастливымъ, что получилъ это мѣсто: такъ какъ тамъ приходилось ему болѣе не въ терпежъ.— „Моя жена—сестра жены Корнилова, говорилъ онъ, и потому Коцебу исходатайствовалъ мнѣ это мѣсто". Потомъ разсказалъ мнѣ какъ при потопленіи флота нашего въ бухтѣ, по совѣту Зарина, одинъ изъ кораблей, не помню навѣрное, 12 Апостоловъ или 3-хъ Святителей не могъ потонуть, хотя и былъ просверленъ, до тѣхъ поръ, пока не вспомнили, что забыта въ каютѣ икона, и только когда ее вынесли, корабль мгновенно погрузился. — „А! это чудо" замѣтилъ я.—„Безъ сомнѣнія; но это дѣйствительно такъ было".

20-го мая поутру я явился генералу Коцебу, котораго нашелъ на дворѣ форта № 4.—Коцебу былъ пораженъ моимъ прибытіемъ—„Шудьцъ, это вы? Какъ вы къ намъ сюда попали?"—„Я въ отпуску для поправленія здоровья".—„Какъ, здѣсь?"—„Если хотите меня имѣть здѣсь, я останусь".—„О, намъ нужны такіе люди, только потерпите. Я доложу о васъ князю Горчакову, подайте мнѣ только рапортъ".

Коцебу придерживался Воронцова принципа, приводить всякое серіезное дѣло въ исполненіе не ранѣе какъ черезъ трое сутокъ, на томъ основаніи, что отъ поспѣшнаго и необдуманнаго вполнѣ рѣшенія дѣла можетъ произойдти гораздо большій вредъ, чѣмъ отъ потери времени.

22-го мая князь Горчаковъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ и привѣтствовалъ меня самыми лестными выраженіями, напомнилъ, что онъ примѣтилъ меня еще при штурмѣ Варшавы въ первой линіи при артиллеріи Ловцова и предложилъ мнѣ явиться графу Остенъ-Сакену—начальнику Севастопольскаго гарнизона, что я и исполнилъ сейчасъ же послѣ обѣда. Я прибылъ въ Николаевскія казармы, гдѣ помѣщался графъ въ то время. когда у него совершалась домашняя церковная служба, при чемъ находилась и вся его прислуга. Я рѣшился воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ осмотрѣть городъ.

Николаевскіе казематы устроены какъ и въ Александрополѣ, т. е. ни къ чему негодны. Такъ напримѣръ Константиновскія при первомъ бомбардированіи остались безъ мерлоновъ и пушки были подбиты. Земляной валъ могъ бы больше выдержать.

Графъ Остенъ-Сакенъ принялъ меня очень радушно, усадилъ меня на отоманкѣ въ своемъ кабинетѣ и подробно разспрашивалъ о Кавказѣ, Александрополѣ и Муравьевѣ, котораго я посѣтилъ проѣздомъ черезъ Тифлисъ. Послѣ того ознакомилъ меня съ положеніемъ Севастополя и въ заключеніе увѣрялъ меня, что онъ очень радъ моему прибытію. — „Переѣзжайте къ намъ, Васильчиковъ укажетъ вамъ квартиру — остальное тоже найдется“, говорилъ онъ.

Мнѣ указали квартиру извѣстнаго хирурга Пирогова, который приготовлялся къ отъѣзду. Домъ

чить за отсутствіемъ уѣзднаго исправника. Къ с[illegible]астію, одинъ чиновникъ за 1 р. 20 коп. достави[illegible]ъ мнѣ открытый листъ.

18-го мая при великолѣпномъ освѣщеніи [illegible]ы проѣхали Чонгарскій мостъ и очутились наконе[illegible]ъ въ Крыму. Съ нетерпѣніемъ я жаждалъ увидать[illegible] и подивиться его красотами; но что же предста[illegible]илось мнѣ? Совершенно голая, низменная степь; [illegible]и-гдѣ не видно даже кустарника; деревни кажу[illegible]ся земляными кучками; пыль неимовѣрная. Одни[illegible]ъ словомъ, на всемъ пространствѣ, сколько може[illegible]ъ обнять взоръ, самая безотрадная мѣстность: ве[illegible]дѣ только солончаки и вызженная солнцемъ болот[illegible]ая трава. Къ вечеру прибыли въ Симферополь. [illegible]ъ обѣихъ сторонъ дороги виднѣлись сады, дачи, р[illegible]чки и канавки; улицы полны дыма и загроможде[illegible]ны фурами съ ранеными и больными; тутъ можно б[illegible]ло встрѣтить людей всѣхъ національностей. Я ос[illegible]а-новился въ домѣ Энгельгардта и, когда хотѣлъ по-слать за лошадьми, то подорожной у меня не ока-залось, и я долженъ былъ остаться.

19-го мая утромъ я отправился къ генерал[illegible]ъ-губернатору графу Адлербергу, который приня[illegible]лъ меня словами: — „А, старый знакомый, кто мог[illegible]ъ думать, что мы встрѣтимся здѣсь и въ такое время. Какъ много дѣла, нѣтъ покоя ни минуты“. Я по-просилъ его выдать мнѣ подорожную.—„Подайте прошеніе“, отвѣчалъ графъ.—„Это лишняя только задержка для меня“.—„Ахъ, вы и то пріѣдете въ Севастополь довольно рано. Тамъ вообще говорятъ

-го мая князь Горчаковъ пригласилъ меня
бѣ на обѣдъ и привѣтствовалъ меня самыми
ыми выраженіями, напомнилъ, что онъ примѣ-
меня еще при штурмѣ Варшавы въ первой ли-
и артиллеріи Ловцова и предложилъ мнѣ явить-
афу Остенъ-Сакену—начальнику Севастополь-
гарнизона, что я и исполнилъ сейчасъ же
обѣда. Я прибылъ въ Николаевскія казармы,
омѣщался графъ въ то время. когда у него
палась домашняя церковная служба, при чемъ
илась и вся его прислуга. Я рѣшился вос-
оваться этимъ временемъ, чтобъ осмотрѣть
ь.

иколаевскіе казематы устроены какъ и въ
андрополѣ, т. е. ни къ чему негодны. Такъ
мѣръ Константиновскія при первомъ бомбар-
аніи остались безъ мерлоновъ и пушки были
ты. Земляной валъ могъ бы больше выдержать.
афъ Остенъ-Сакенъ принялъ меня очень
но, усадилъ меня на отоманкѣ въ своемъ ка-
ь и подробно разспрашивалъ о Кавказѣ, Алек-
ополѣ и Муравьевѣ, котораго я посѣтилъ про-
ь черезъ Тифлисъ. Послѣ того ознакомилъ
съ положеніемъ Севастополя и въ заключеніе
ъ меня, что онъ очень радъ моему прибы-
- „Переѣзжайте къ намъ, Васильчиковъ ука-
вамъ квартиру — остальное тоже найдется“,
лъ онъ.

гѣ указали квартиру извѣстнаго хирурга Пи-
, который приготовлялся къ отъѣзду. Домъ

помѣстительный, съ отличною мебелью, противъ квартиры генерала Сакена. Между тѣмъ я посѣтилъ также Севастопольскаго коменданта, генерала Кизмера — старика, убѣленнаго сѣдинами, съ палкою. Онъ представилъ мнѣ свое семейство и сказалъ: „Я здѣсь ничто иное какъ сторожъ арестантовъ".

Послѣ того я видѣлъ князя Васильчикова, съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ участвовалъ въ экспедиціи въ Чечнѣ, и Тотлебена — въ саду тропическихъ растеній окруженнаго множествомъ инженерныхъ офицеровъ, планами и картами и занятаго различными распоряженіями. Каждый высказывалъ свое мнѣніе и смотрѣлъ на дѣла Севастополя съ своей точки зрѣнія; но всѣ сходились въ одномъ—это въ обвиненіи Горчакова, что наши дѣла не подвигаются впередъ, чѣмъ всѣ особенно были встревожены.

Тотлебенъ предложилъ силою захватить кладбище на правомъ флангѣ. Послѣ долгихъ споровъ, наконецъ рѣшились привести въ исполненіе. Съ этого мѣста можно было амфилировать непріятельскія траншеи.

Быстро заняли это мѣсто, окопались и вооружились 8 орудіями. Въ ночь непріятель атаковалъ его, мы потеряли до 5 т. человѣкъ, но отбили его и продолжали работы. На третью ночь приказано было оставить тамъ только два баталіона; ни просьбы, ни представленія не могли отмѣнить этого приказанія.

ЮНГИ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА

РЯПИЦЫНЪ, ЗОБКРЪ, ФАРАССОКЪ И НОВИКОВЪ.

никовъ артиллеріи и инженеровъ, канцеляріи и ординарцевъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію.

25-го числа утромъ я посѣтилъ генерала Хрулева, бывшаго начальникомъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи, и нашелъ его крайне раздраженнымъ и недовольнымъ положеніемъ дѣлъ въ Севастополѣ. Онъ горячо порицалъ всѣ распоряженія начальства и высказывалъ свое рѣшительное убѣжденіе, что только немедленная атака непріятеля всѣми нашими силами на одинъ пунктъ могла привести къ рѣшительнымъ результатамъ въ нашу пользу; но на мой вопросъ:— „гдѣ же именно этотъ стратегическій пунктъ“, онъ указать его не могъ.

Въ 10 часовъ прибылъ ко мнѣ оберъ-квартирмейстеръ Циммерманъ, и между нами было условлено приступить къ принятію мной 2-го отдѣленія въ 6 часовъ пополудни, и тогда же былъ назначенъ ко мнѣ капитанъ генеральнаго штаба Вессель.

Планъ 2-го отдѣленія оборонительной линіи я получилъ отъ предмѣстника моего, генерала Баумгартена, оставившаго свой постъ по болѣзни; временное же завѣдываніе таковымъ поручено было капитану 1-го ранга Микрюкову.

Едва мы окончили обѣдъ у Пирогова, гдѣ постоянно собирались многіе, какъ послышался ужасный шумъ. Докторъ Обермиллеръ прискакалъ къ дому, и кричалъ съ улицы: „канонада! канонада!... Врачи на главный фербантъ!“ Тотчасъ всѣ разбѣжались. Пироговъ легъ спать, а я послалъ своего деньщика Левина къ князю Васильчикову за лошадью.

Вскорѣ приведена мнѣ верховая лошадь, но безъ казака, и я поскакалъ на 4-й бастіонъ по морской улицѣ, по всей длинѣ которой ложились снаряды, разрушая дома.

Подъѣхавъ къ траншеѣ, я отдалъ свою лошадь сапераму гальванической батареи и пошелъ пѣшкомъ далѣе, будучи безпрерывно осыпаемъ пескомъ и каменьями отъ дѣйствія непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, безпрерывно кругомъ меня падавшихъ со всѣхъ сторонъ, въ особенности же сильно съ англійской батареи.

Множество артиллеристовъ спѣшило изъ города отъ обѣда занять свои посты на батареяхъ.

На самомъ бастіонѣ я встрѣтилъ нѣсколькихъ только офицеровъ; всѣ же прочіе попрятались въ блиндажахъ. Матросы, прислуживающіе при орудіяхъ, дѣйствовали весьма ревностно. Я объявилъ себя ихъ начальникомъ, одобрилъ ихъ рвеніе и стойкость и получилъ въ отвѣтъ громкое „ради стараться".

Не замѣтивъ никакого движенія за валомъ, я приказалъ всѣмъ укрыться въ блиндажахъ, но артиллерійскимъ офицерамъ находиться на своихъ постахъ.

Микрюкова я нашелъ въ центральномъ блиндажѣ, — куда явились и всѣ начальники частей: инженеръ-полковникъ Гарднеръ, капитанъ Реймерсъ, командовавшій 2-мъ фасомъ главнаго вала и командиры полковъ: Томскаго — Лисоевскій, Колыванскаго — Лидовъ; Екатеринбургскаго — Веревкинъ и Тобольскаго — Енохинъ.

Полковниковъ Лидова и Енохина я назначилъ

быть въ готовности въ резервѣ; прочимъ же заботиться о раненыхъ артиллеристахъ, чтобъ не отвлекать для этой цѣли другихъ изъ прислуги при орудіяхъ.

Послѣ того я пошелъ съ Микрюковымъ и Гарднеромъ осматривать остальныя части отдѣленія. Бомбардированіе все усиливалось, но оба эти, сопровождавшіе меня храбрые офицеры не намекнули даже объ угрожающей намъ опасности. У плечеваго угла бастіона я повернулъ вправо, и тутъ только Гарднеръ сказалъ мнѣ: „я иду съ вами, но дорога эта ведетъ къ смерти". — „Извольте, пойдемъ влѣво", былъ мой отвѣтъ. Но едва только мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ одно ядро ударилось въ землю между мною и Микрюковымъ, обдавъ насъ камнями и пескомъ. Одинъ изъ камней попалъ мнѣ въ кисть лѣвой руки, такъ что отъ сильной боли я не могъ владѣть пальцами, а Микрюковъ такой же ударъ получилъ въ лицо, отчего и лишился чувствъ. Въ то же время убитъ мичманъ Васильевъ и ранены лейтенантъ Цацъ и 50 человѣкъ артиллеристовъ.

Въ 6 часовъ сообщено по телеграфу, что прибыло еще 30 непріятельскихъ транспортныхъ судовъ и что пороховой погребъ ихъ въ Киленъ-балкѣ взорванъ на воздухъ.

Канонада продолжалась до поздняго вечера. Реймерсъ раненъ въ голову; но послѣ перевязки остался на позиціи. Много вредитъ намъ, что наши батареи по большей части устроены изъ туровъ, фашинъ и мѣшковъ: вода привозится бочками изъ далека, мгно-

венно расходуется по причинѣ невыносимой жары и когда загорается что-нибудь на эскарпѣ бастіона то, по неимѣнію воды и даже гасительныхъ инструментовъ, люди руками должны разбирать горящія части, при чемъ сегодня 2 человѣка получили такіе сильные обжоги, что отправлены на форбантъ.

Въ ночь 900 человѣкъ изъ резерва исправили разрушенныя и поврежденныя части; привезли 38 бочекъ воды, которую сохраняли въ желѣзныхъ ящикахъ; хоронили убитыхъ, отправляли на перевязку раненыхъ и проч.

Мнѣ тоже всю ночь пришлось писать донесенія, требованія и дѣлать диспозицію на слѣдующій день, такъ что о раздѣваньѣ и снѣ нельзя было и думать.

26-го мая возобновилась канонада съ тою же силой. У насъ всякій находился на своемъ мѣстѣ, и мы ни въ чемъ не уступали непріятелю.

Адмиралъ Нахимовъ, чрезъ котораго всѣ наши требованія удовлетворялись, безъ всякаго промедленія посѣтилъ наши батареи (личность простая, но энергиченъ и замѣчательный фаталистъ). Въ разговорѣ со мной онъ высказалъ свое мнѣніе, что непріятель никогда не осмѣлится на штурмъ. „А какимъ же другимъ способомъ онъ можетъ достигнуть своей цѣли?“ возразилъ я. Онъ понялъ и вздохнулъ. Мы разстались друзьями. Капитанъ Реймерсъ опять раненъ въ голову и лѣвое плечо, и отправленъ на перевязку, а на его мѣсто назначенъ капитанъ Завадовскій.

Въ часъ пополудни прибылъ къ намъ Тотлебенъ.

сказалъ ему: „Устройте валъ вокругъ города: еще
мя. Если непріятель возьметъ хотя одинъ басті-
ъ. то все потеряно, потому что всѣ остальные ока-
тся безполезными“. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Если бы
го было возможно, то Севастополь никогда не до-
ался бы въ руки непріятеля; но мѣстность не поз-
воляетъ устроить непрерывныя укрѣпленія, и въ нихъ
еще не имѣется настоятельной надобности. Если бы
непріятель взялъ одинъ изъ нашихъ бастіоновъ, то
наши резервы могутъ занять всѣ дома, стрѣлять изъ
оконъ, барикадъ и отбросить непріятеля“. На это я
возразилъ: „Когда непріятелю удастся первый ударъ.
то только матеріальныя препятствія могутъ останови-
ть его. Не теряйте же ни одного момента, чтобъ
быть обезпеченнымъ отъ подобнаго случая“.—„Князь
Горчаковъ не даетъ рабочихъ“, сказалъ Тотлебенъ.—
„Если вы потребуете ихъ, какъ гарантію сохраненія
Севастополя, онъ вѣрно не откажетъ, и тогда вы
уже окончательно завершите все, что сдѣлали для
Севастополя“.

Въ 2 часа лейтенанту Соколову ядромъ оторвало
совсѣмъ голову. Мои вещи доставлены на бастіонъ
въ блиндажъ; всѣ же прочіе оставили свои въ го-
родѣ на квартирахъ.

Удивительно, странна натура человѣка! Справа
и слѣва насъ лопаются бомбы; ядра ударяются въ
землю, штуцерныя пули тысячами шныряютъ въ воз-
духѣ; подлѣ насъ падаютъ мертвыми и ранеными
наши друзья и товарищи: а мы преспокойно рас-
хаживаемъ, перебрасываемся шутками.... Солдаты

венно расходуется по причинѣ невыносимой жары, и когда загорается что-нибудь на эскарпѣ бастіона, то, по неимѣнію воды и даже гасительныхъ инструментовъ, люди руками должны разбирать горячія части, при чемъ сегодня 2 человѣка получили такіе сильные обжоги, что отправлены на форбантъ.

Въ ночь 900 человѣкъ изъ резерва исправили разрушенныя и поврежденныя части; привезли 38 бочекъ воды, которую сохраняли въ желѣзныхъ ящикахъ; хоронили убитыхъ, отправляли на перевязку раненыхъ и проч.

Мнѣ тоже всю ночь пришлось писать донесенія, требованія и дѣлать диспозицію на слѣдующій день, такъ что о раздѣваньѣ и снѣ нельзя было и думать.

26-го мая возобновилась канонада съ тою же силой. У насъ всякій находился на своемъ мѣстѣ, и мы ни въ чемъ не уступали непріятелю.

Адмиралъ Нахимовъ, чрезъ котораго всѣ наши требованія удовлетворялись, безъ всякаго промедленія посѣтилъ наши батареи (личность простая, но энергиченъ и замѣчательный фаталистъ). Въ разговорѣ со мной онъ высказалъ свое мнѣніе, что непріятель никогда не осмѣлится на штурмъ. „А какимъ же другимъ способомъ онъ можетъ достигнуть своей цѣли?“ возразилъ я. Онъ понялъ и вздохнулъ. Мы разстались друзьями. Капитанъ Реймерсъ опять раненъ въ голову и лѣвое плечо, и отправленъ на перевязку, а на его мѣсто назначенъ капитанъ Завадовскій.

Въ часъ пополудни прибылъ къ намъ Тотлебенъ.

Васъ?“ спросилъ я его. Вздохнувши, онъ отвѣчалъ:— „Дурно. Мы потеряли очень много офицеровъ и солдатъ; бастіоны разрушены, рабочихъ нѣтъ“.

Между тѣмъ мы работали всю ночь безъ большой потери, ограничившейся только однимъ убитымъ офицеромъ.

28-го мая поутру поднялся вѣтеръ и, благодаря Бога, пошелъ сильный дождь. Мы воспользовались наступившею паузою для собственныхъ своихъ нуждъ, писали письма, приводили въ порядокъ свой гардеробъ и проч.; но спокойствіе продолжалось недолго. Непріятель открылъ пальбу между IV и V бастіонами. Всѣ предполагали, что онъ предприметъ штурмъ на этотъ пунктъ, укрѣпленія котораго были очень слабы и состояли только изъ каменной тонкой безъ связи стѣны, въ срединѣ которой было оставлено широкое отверстіе для вылазокъ. Мы вооружили это мѣсто полевыми орудіями. Вдругъ по всей линіи прекратилась пальба, и я увидѣлъ на Малаховомъ курганѣ развѣвающимся бѣлый флагъ — знакъ перемирія. Съ обѣихъ сторонъ уносили мертвыхъ и раненыхъ; но такъ какъ нашъ бастіонъ не входилъ въ черту перемирія, то мы и не были избавлены отъ бомбъ, изъ которыхъ одной былъ контуженъ между другими и полковникъ Гарднеръ, который и отнесенъ на перевязочный пунктъ.

Вскорѣ явились Васильчиковъ и адъютантъ Сакена — Гротгусъ, и канонада возобновилась съ новою силою.

29-го мая огонь продолжался. Мы замѣтили, что

непріятель приближался саппою отъ высотъ внизъ въ оврагъ къ слабой нашей стѣнкѣ, и тотчасъ открыли со всѣхъ нашихъ батарей самый сильный огонь, который и поддерживали до ночи. На ночь же за стѣнкой поставленъ Одесскій полкъ, вызванный изъ резерва. Полковниковъ: Веревкина назначилъ начальникомъ праваго фланга, Лидова — лѣваго фланга, Тополчанова — IV бастіона, Костомарова — люнета на лѣвомъ фасѣ бастіона за рвомъ, занятымъ двумя ротами Томскаго полка, въ капонирѣ (во рву бастіона), гдѣ помѣщалась одна рота Тобольскаго полка. Въ редутѣ Язонова въ срединѣ дистанціи остался въ резервѣ одинъ только баталіонъ Томскаго полка. Екатеринбургскій и Колыванскій полки (въ составѣ 4200 человѣкъ въ обоихъ) назначилъ на работы.

Лѣвый нашъ флангъ, называемый грибкомъ, былъ достаточно обезпеченъ крутостію оврага. Чувствительнымъ недостаткомъ для насъ было неимѣніе достаточнаго прикрытія для людей, и отъ того мы терпѣли большія потери. Для устройства новыхъ блиндажей мы не имѣли ни матеріаловъ, ни людей. На неоднократное заявленіе мной о томъ Васильчикову, онъ наконецъ сказалъ мнѣ: „Такъ и быть, я вамъ дарю для того нѣсколько домовъ въ городѣ“. Послѣ этого всякій началъ заботиться о себѣ сколько могъ. Солдаты покопали себѣ пещеры въ стѣнахъ траншей и укрѣпляли ихъ балками и камнями, доставляемыми безпрепятственно изъ города. Мы открыли также нѣсколько погребовъ, удобныхъ для блиндированія. На

васъ?“ спросилъ я его. Вздохнувши, онъ отвѣчалъ:— „Дурно. Мы потеряли очень много офицеровъ и солдатъ; бастіоны разрушены, рабочихъ нѣтъ“.

Между тѣмъ мы работали всю ночь безъ большой потери, ограничившейся только однимъ убитымъ офицеромъ.

28-го мая поутру поднялся вѣтеръ и, благодаря Бога, пошелъ сильный дождь. Мы воспользовались наступившею паузою для собственныхъ своихъ нуждъ, писали письма, приводили въ порядокъ свой гардеробъ и проч.; но спокойствіе продолжалось недолго. Непріятель открылъ пальбу между IV и V бастіонами. Всѣ предполагали, что онъ предприметъ штурмъ на этотъ пунктъ, укрѣпленія котораго были очень слабы и состояли только изъ каменной тонкой безъ связи стѣны, въ срединѣ которой было оставлено широкое отверстіе для вылазокъ. Мы вооружили это мѣсто полевыми орудіями. Вдругъ по всей линіи прекратилась пальба, и я увидѣлъ на Малаховомъ курганѣ развѣвающимся бѣлый флагъ — знакъ перемирія. Съ обѣихъ сторонъ уносили мертвыхъ и раненыхъ; но такъ какъ нашъ бастіонъ не входилъ въ черту перемирія, то мы и не были избавлены отъ бомбъ, изъ которыхъ одной былъ контуженъ между другими и полковникъ Гарднеръ, который и отнесенъ на перевязочный пунктъ.

Вскорѣ явились Васильчиковъ и адъютантъ Сакена — Гроттусъ, и канонада возобновилась съ новою силою.

29-го мая огонь продолжался. Мы замѣтили, что

сненія Мартинау съ Сакеномъ были большею частію безполезны.

Вчера к. Васильчиковъ съ полковникомъ Козляниновымъ былъ у меня для составленія диспозиціи 2-му отдѣленію. Мы согласились въ главныхъ пунктахъ. Вечеромъ онъ прислалъ мнѣ эту диспозицію письменно, но я возвратилъ ее по несогласованію съ условленнымъ прежде, между прочимъ и въ томъ, что въ диспозиціи было сказано, что гарнизонъ Костомаровой батареи, находящейся въ люнетѣ на гласисѣ противъ лѣваго фаса бастіона въ случаѣ атаки ея, послѣ картечнаго залпа, тотчасъ долженъ отступить черезъ ровъ въ бастіонъ, тогда какъ ровъ этотъ обстрѣливается двумя нашими пушками и при отступленіи нашихъ войскъ, они подвергались бы нашимъ выстрѣламъ наравнѣ съ непріятелемъ.

Костомаровъ говорилъ мнѣ: „Если мы хотимъ отстоять штурмъ, то никто не долженъ бѣжать:— Будьте увѣрены, что я и гарнизонъ не отступимъ ни шагу“.

Между тѣмъ князь Васильчиковъ прислалъ мнѣ 3 баталіона Одесскаго и Украинскаго полковъ.

До 3 іюня не происходило никакихъ стычекъ съ непріятелемъ и огонь артиллеріи былъ очень умѣренъ.

Гарднеръ явился на позицію хромой.

Инструментовъ для работъ не было; Меншиковъ ассигновалъ 300 руб. на обзаведеніе ими. На исправленіе же дороги на протяженіи 60 верстъ

отпустилъ 200 руб. сер. Все что ни разсказываютъ о немъ—возмущаетъ всякаго.—Главная ошибка его, что непріятель не былъ атакованъ зимою и что мы ограничиваемся только самымъ строгимъ оборонительнымъ положеніемъ. Непріятель безпрерывно усиливается ежедневнымъ прибытіемъ къ нему отъ 9 до 12 кораблей; строитъ въ настоящее время батарею въ 28 саженяхъ отъ нашего бастіона; мы ничѣмъ не можемъ помѣшать ему, какъ только сдѣлать вылазку; а Сакенъ по моему представленію, разрѣшилъ мнѣ для того только 200 человѣкъ.

У насъ работы шли также успѣшно, для чего отъ полковъ дано было до 900 человѣкъ рабочихъ, а Тотлебенъ озаботился пріобрѣтеніемъ инструментовъ.

Я получилъ на мое письмо отвѣтъ отъ генерала Коцебу, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ ясно видитъ наше положеніе и что князю Горчакову все извѣстно. Онъ болѣе опасается бомбардированія, чѣмъ штурма. Съ своей стороны я думаю, что если суждено Севастополю пасть, то скорѣе отъ штурма, нежели отъ бомбардированія.

Крузенштерну, принесшему мнѣ письмо, перебѣжчики сказали, что непріятель сегодня намѣренъ атаковать Малаховъ курганъ.

6-го іюня. Горячіе дни прошли, но предвидятся и еще; вчера за часъ до восхода солнца непріятель открылъ вторичное въ мою бытность сильное бомбардированіе, по общему мнѣнію страшнѣйшее изъ всѣхъ предшествовавшихъ. Описать его нѣтъ воз-

можности, но всѣ говорили, что на всей дистанціи не было ни одного мѣста, которое со всѣхъ сторонъ не осыпалось всевозможными снарядами. Непріятель при томъ имѣлъ въ траншеяхъ войска свои въ готовности. вслѣдствіе чего и мы были вынуждены приблизить наши резервы, терпѣвшіе большой уронъ въ людяхъ отъ выстрѣловъ.

Въ 3 часа по утру 6-го іюня непріятельскія войска устремились на 1 и 2-й бастіонъ, Малаховъ курганъ и редантъ лѣвѣе 4-го бастіона; виднѣлось много войска еще, также въ готовности. Одна колонна спустилась въ оврагъ противъ нашего лѣваго фланга, которымъ командовалъ полковникъ Тобольскаго полка Лисаевскій, и направилась къ гавани; но встрѣченная картечью съ батареи Перекомскаго, заняла рядъ домовъ у оврага нашего фланга и сады съ правой стороны противъ насъ. Нѣсколько англичанъ взобрались даже на самый брустверъ, но были убиты или взяты въ плѣнъ. Борьба безостановочно продолжалась при пушечной стрѣльбѣ въ продолженіи 2-хъ часовъ. Три раза непріятель наступалъ, но всякій разъ былъ отбрасываемъ назадъ. Между тѣмъ я замѣтилъ нѣсколько непріятельскихъ колоннъ, одна за другою по хребту направлявшихся на редантъ. Мы направили на нихъ наши выстрѣлы, не обращая вниманія на очень успѣшную пальбу на насъ непріятеля, и видѣли какъ колонны эти мало по малу разстроены. Тѣмъ не менѣе первая изъ нихъ достигла реданта и вскочила въ него; но, неподдержанная другими, была взята въ плѣнъ, при чемъ

многіе были убиты. Затѣмъ непріятель быстро скрылся въ свои траншеи, и снова открылъ усиленное бомбардированіе. Успѣхъ нашъ, такъ какъ непріятель не достигъ своей цѣли, мы должны приписать дѣйствію артиллеріи. Орудія праваго моего фланга дѣйствовали очень хорошо; батарея Зарновскаго взорвала одинъ пороховой погребъ; батарея Забудскаго другой; также подбито много непріятельскихъ орудій. Мы поддерживали огонь до самой ночи. Ночью же производили выстрѣлы только бомбами, гранатами и ракетами.

Всѣ наши солдаты обращены въ рабочихъ. Подъ непріятельскимъ огнемъ исправили всѣ поврежденія, подбитыя пушки замѣнены новыми; четыре же орудія были совсѣмъ испорчены.

Передъ штурмомъ канонада была общая, но во время штурма сосредоточилась исключительно на IV бастіонъ и казалась адскою. На это время, я отослалъ резервы въ городъ, остальные помѣщены въ блиндажахъ.

Въ 9 часовъ князь Горчаковъ прислалъ своего адъютанта Мезенцова съ извѣстіемъ, что штурмъ отбитъ и 400 человѣкъ и много офицеровъ взяты въ плѣнъ.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ взято въ плѣнъ только 5 англичанъ и на половину пьяныхъ. Всѣ они народъ рослый и хорошо сложенный.

Во время штурма загорѣлся находящійся, прямо противъ моего блиндажа флангъ Язонова редута, гдѣ командовалъ храбрый Лазаревъ. Вызванный

мною караулъ весь бросился на пожаръ и подъ страшными непріятельскими выстрѣлами разобралъ и потушилъ загорѣвшіяся части; но на мое представленіе никто изъ этихъ храбрецовъ не получилъ награды.

Если бы наши солдаты имѣли достаточно крытыхъ блиндажей, то намъ опасаться было бы нечего.

Резервъ теряетъ гораздо болѣе, чѣмъ дѣйствующія войска. Въ баталіонахъ состояло подъ оружіемъ не болѣе какъ 350 человѣкъ.

9-го іюня. Непріятель послѣ штурма сдѣлался гораздо спокойнѣе, и только постоянно поддерживаетъ штуцерный огонь съ цѣлію мѣшать нашимъ работамъ, которыя, при всемъ томъ, подвигаются впередъ весьма успѣшно: 214 орудій крѣпостныхъ и 10 полевыхъ вполнѣ готовы.

Вчера князь Васильчиковъ былъ у меня съ генераломъ Шейдеманомъ; разрѣшено взорвать порохомъ дома въ оврагѣ у подошвы лѣваго фланга; но когда все уже было приготовлено къ тому, то послѣдовала отмѣна этого распоряженія, и вмѣсто того поставлена цѣпь стрѣлковъ. При такихъ обстоятельствахъ просто не знаешь что дѣлать.

7-го іюня графъ Сакенъ былъ у меня, и я просилъ его о нѣкоторыхъ разрѣшеніяхъ мнѣ по разнымъ предметамъ. „Пойду домой, обдумаю это,“ отвѣчалъ онъ, т. е. безъ Васильчикова и Тотлебена не можетъ рѣшиться разрѣшить самъ ничего.

Послѣ обѣда 7-го іюня князь Васильчиковъ

прибылъ ко мнѣ и мы отправились на батарею Кислинскаго и далѣе на Пересыпь на батарею Перекомскаго, гдѣ командовалъ полковникъ Малевскій и расположенъ былъ Охотскій полкъ. Разрѣшено было при захожденіи солнца выдвинуть нашу цѣпь до холма, такъ называемой Сахарной головки, гдѣ до штурма были наши ложементы. Кромѣ Охотскаго полка требовался еще отъ меня одинъ баталіонъ. Я назначилъ 3 баталіона и обѣщалъ даже всю дивизію, только чтобъ предпріятіе это было исполнено съ полною энергіею и непремѣнно окончилось бы занятіемъ Сахарной головки. Вечеромъ, когда баталіоны были уже совсѣмъ готовы, полковникъ Малевскій далъ мнѣ знать, что по распоряженію высшаго начальства предположеніе это отмѣнено.

Непріятель между тѣмъ имѣлъ возможность укрѣпиться и нашъ баталіонъ находился какъ бы въ тискахъ.

1-го іюня вечеромъ, когда жара нѣсколько поуменьшилась, я съ Бюловъ-Вентгаузеномъ, Завадовскимъ, Щелкуновымъ и Тополчановымъ отправился осмотрѣть всѣ верки и указать войскамъ на ночь мѣста. Только что дошли мы до бастіона, какъ гранаты со всѣхъ сторонъ посыпались на насъ градомъ. Я ободрялъ артиллеристовъ. Въ эту минуту одна граната (вблизи меня) ударилась въ землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Мгновенно бывшіе вблизи меня солдаты бросились и прикрыли собой эту гранату. Лопнувши, она оторвала двумъ

мною караулъ весь бросился на пожаръ и подъ страшными непріятельскими выстрѣлами разобралъ и потушилъ загорѣвшіяся части; но на мое представленіе никто изъ этихъ храбрецовъ не получилъ награды.

Если бы наши солдаты имѣли достаточно крытыхъ блиндажей, то намъ опасаться было бы нечего.

Резервъ теряетъ гораздо болѣе, чѣмъ дѣйствующія войска. Въ баталіонахъ состояло подъ оружіемъ не болѣе какъ 350 человѣкъ.

9-го іюня. Непріятель послѣ штурма сдѣлался гораздо спокойнѣе, и только постоянно поддерживаетъ штуцерный огонь съ цѣлію мѣшать нашимъ работамъ, которыя, при всемъ томъ, подвигаются впередъ весьма успѣшно: 214 орудій крѣпостныхъ и 10 полевыхъ вполнѣ готовы.

Вчера князь Васильчиковъ былъ у меня съ генераломъ Шейдеманомъ; разрѣшено взорвать порохомъ дома въ оврагѣ у подошвы лѣваго фланга; но когда все уже было приготовлено къ тому, то послѣдовала отмѣна этого распоряженія, и вмѣсто того поставлена цѣпь стрѣлковъ. При такихъ обстоятельствахъ просто не знаешь что дѣлать.

7-го іюня графъ Сакенъ былъ у меня, и я просилъ его о нѣкоторыхъ разрѣшеніяхъ мнѣ по разнымъ предметамъ. „Пойду домой, обдумаю это," отвѣчалъ онъ, т. е. безъ Васильчикова и Тотлебена не можетъ рѣшиться разрѣшить самъ ничего.

Послѣ обѣда 7-го іюня князь Васильчиковъ

прибылъ ко мнѣ и мы отправились на батарею Кислинскаго и далѣе на Пересыпь на батарею Перекомскаго, гдѣ командовалъ полковникъ Малевскій и расположенъ былъ Охотскій полкъ. Разрѣшено было при захожденіи солнца выдвинуть нашу цѣпь до холма, такъ называемой Сахарной головки, гдѣ до штурма были наши ложементы. Кромѣ Охотскаго полка требовался еще отъ меня одинъ баталіонъ. Я назначилъ 3 баталіона и обѣщалъ даже всю дивизію, только чтобъ предпріятіе это было исполнено съ полною энергіею и непремѣнно окончилось бы занятіемъ Сахарной головки. Вечеромъ, когда баталіоны были уже совсѣмъ готовы, полковникъ Малевскій далъ мнѣ знать, что по распоряженію высшаго начальства предположеніе это отмѣнено.

Непріятель между тѣмъ имѣлъ возможность укрѣпиться и нашъ баталіонъ находился какъ бы въ тискахъ.

1-го іюня вечеромъ, когда жара нѣсколько поуменьшилась, я съ Бюловъ-Вентгаузеномъ, Завадовскимъ, Щелкуновымъ и Тополчановымъ отправился осмотрѣть всѣ верки и указать войскамъ на ночь мѣста. Только что дошли мы до бастіона, какъ гранаты со всѣхъ сторонъ посыпались на насъ градомъ. Я ободрялъ артиллеристовъ. Въ эту минуту одна граната (вблизи меня) ударилась въ землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Мгновенно бывшіе вблизи меня солдаты бросились и прикрыли собой эту гранату. Лопнувши, она оторвала двумъ

головы и смертельно ранила въ бокъ унтеръ-офицера Варфоломея Косоенко, рядоваго 10 роты Симеона Страшинскаго и 4-й мушкетерской Илью Алифанова. Въ это же самое время саперъ безъ рукъ доложилъ мнѣ, что между IV и V бастіонами слышенъ большой шумъ. Непріятель перевозилъ на телѣгахъ снаряды и по телеграфу вскорѣ получено свѣдѣніе, что онъ съ 11 т. человѣкъ остановился передъ IV бастіономъ. Противъ лѣваго фланга на сахарной головкѣ слышна была усиленная работа, замѣтны были массы войска и наконецъ открыта была оттуда ружейная пальба.

Кислинскій послалъ сжечь дома передъ батареею и срубить деревья. При этомъ съ нашей стороны убиты одинъ офицеръ и нѣсколько солдатъ. Непріятель успѣлъ уже окопаться и довести свои траншеи до Сахарной головки. Нѣсколько англичанъ засѣли въ домахъ по оврагамъ, но были выбиты нашими войсками. Одинъ не успѣлъ уйдти, остался въ разрушенномъ домѣ и стрѣлялъ въ нашихъ изъ оконъ, ранивъ нѣсколько человѣкъ. Замѣтивъ его съ бруствера, я крикнулъ ему, чтобы онъ сдался, на что онъ отвѣтилъ выстрѣломъ. Тогда три рядовыхъ подкрались къ дому и убили его.

Если Севастополь будетъ потерянъ, то по нашей винѣ. Эту вину мы и теперь оплачиваемъ жизнью многихъ тысячъ храбрыхъ воиновъ. Мы теряемъ ежедневно сотни ихъ, при бомбардированіи же тысячи. При строгомъ оборонительномъ положеніи необходимо было озаботиться устройствомъ до-

статочнаго количества блиндажей для скрытія людей, которые теперь какъ жертвы присылаются къ намъ изъ главной арміи, вполнѣ бездѣйствующей.

Вчера мы насчитали до 14 т. человѣкъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи направленныхъ на лѣвый флангъ въ Камышевую бухту — доказательство, что съ другой стороны непріятель не предвидитъ никакой опасности.

Правый же флангъ его такъ укрѣпленъ, что въ большемъ числѣ войскъ нѣтъ надобности, и потому силы его могутъ сосредоточиться противъ насъ.

На просьбу гр. Сакена дать ему еще нѣсколько баталіоновъ, Горчаковъ отвѣчалъ: „Не могу, но умереть могу и хочу съ вами и со всѣми храбрыми“.

Съ инженерами я имѣлъ большія распри вслѣдствіе того, что они считаютъ своею обязанностію доносить о своихъ работахъ только своему начальству и никому болѣе; но наконецъ мнѣ удалось заставить полковника Гарднера и капитана Бережникова давать мнѣ знать о ходѣ минныхъ работъ.

7-го іюня Тотлебенъ раненъ въ ногу штуцерною пулею. Чувствительная потеря! Достоинства его несомнѣнны, и кто не видѣлъ лично, тому трудно повѣрить, что имъ было сдѣлано. Я послалъ съ Гарднеромъ бинты и корпію отъ красивѣйшей изъ дамъ Курляндіи съ надписью: достойнѣйшему и храбрѣйшему, врученныя мнѣ г-жею Энгельгардтъ при отъѣздѣ моемъ изъ Симферополя.

Вообще относительно нашего положенія мы на-

ходимся въ совершенной неизвѣстности. Разъ я сказалъ Гарднеру: „Когда наши войска уменьшаются, а непріятельскія возрастаютъ, то для поддержанія равновѣсія намъ остается устраивать новыя верки". На это онъ отвѣчалъ мнѣ: „Всѣ мы понимаемъ, но къ выполненію не располагаемъ средствами. Не вдругъ, но постепенно можно только успѣть". Сакенъ, князь Васильчиковъ и Коцебу отзывались по этому случаю тоже: „у насъ нѣтъ времени". Эта неувѣренность и боязнь въ недостаткѣ времени—наши сильнѣйшіе враги.

На самомъ дѣлѣ осада теперь только ничинается. Прежде непріятель былъ далеко отъ насъ, но теперь онъ готовится взять Севастополь штурмомъ.

На нашей сторонѣ шансовъ на успѣхъ болѣе, если бы мы умѣли только сберегать своихъ солдатъ. Какъ только непріятелю удастся взять одинъ бастіонъ, то всѣ прочіе останутся безъ пользы по причинѣ недостатка силъ внутренней обороны.

Сегодня съ прибытіемъ въ лагерь 7-й дивизіи, надежды и мужество солдатъ возобновились. Всѣ наши укрѣпленія и верки успѣли исправить. Сегодня въ первый разъ я могъ послать на работу днемъ 500 человѣкъ, а въ 2 часовъ болѣе 1000 человѣкъ. Непріятель взорвалъ 2 мины, но безъ вреда для насъ.

Гарднеръ увѣрялъ меня, что непріятель не подвинется болѣе подъ землею ни на одинъ шагъ.

Восемь непріятельскихъ отдѣленій успѣли взбѣжать въ траншеи противъ бастіона, но одно только ядро, попавшее въ послѣднее, разстроило его.

Вчера оставилъ насъ Микрюковъ. Бомба, лопнувшая передъ дверями моего блиндажа, контузила его такъ сильно въ плечо, что кровь открылась изъ ушей. Мѣсто его занялъ капитанъ 1-го ранга Спицынъ — большой разскащикъ. Сегодня перебѣжалъ къ намъ одинъ славонецъ и разсказалъ, что при штурмѣ 6-го іюня, выбыло изъ строя у французовъ 7 т. и убиты 2 дивизіонные генерала. Потеря у англичанъ была еще большая, и 4 генерала ранены.

Въ первый разъ мы получили Георгіевскіе кресты для раздачи солдатамъ съ приказаніемъ не представлять къ этой наградѣ.

Адъютантъ Нахимова Фельдтгаузенъ и посланные отъ всѣхъ прочихъ генераловъ явились къ намъ по случаю взрыва передъ бастіономъ 2-хъ непріятельскихъ минъ, воронки которыхъ были не далѣе 20 саженъ отъ нашего эскарпа.

Тишина со стороны непріятеля безпокоитъ всѣхъ. Графъ Сакенъ отдалъ приказаніе держать половину всѣхъ войскъ на валахъ, чтобъ быть готовыми каждую минуту къ отраженію непріятеля, и не обращать вниманія на потерю людей: такъ какъ малая потеря лучше чѣмъ потеря всего при нападеніи непріятеля въ расплохъ.

Послѣдовало распоряженіе также объ отправленіи благодарственнаго молебствія по случаю отбитія штурма 6-го іюня.

Чебышевъ смотрѣлъ черезъ валъ въ подзорную трубу и штуцерная пуля попала прямо въ стекло, при

чемъ онъ былъ раненъ и отправленъ на перевязочный пунктъ.

14-го іюня. Вчера мною получена новая секретная диспозиція какъ поступать въ случаѣ штурма и дѣлать репетицію при лунѣ. Для присутствованія при этомъ прибыли генералы Мартинау и Циммерманъ. Когда они увидѣли горсть людей, они воскликнули: „Съ кѣмъ вы хотите защищать укрѣпленія"? Между тѣмъ взяли отъ меня еще два баталіона Одесскаго и Томскаго полковъ. Изъ 17 баталіоновъ, состоящихъ въ моемъ распоряженіи, находилось на лицо всего не болѣе 5000 человѣкъ.

Наши валы въ развалинахъ, туры разбросаны, широкіе траверсы занимаютъ большую часть мѣста, такъ что по бокамъ пушекъ можетъ стоять на банкетѣ только одинъ человѣкъ съ ружьемъ, на траверсахъ же нашихъ совсѣмъ нельзя показываться: тотчасъ убьютъ.

15-го іюня. Вчерашній день былъ ознаменованъ посѣщеніемъ нашего бастіона княземъ Горчаковымъ въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ Бибикова и Воейкова. Когда мы пошли по валгангу бастіона, Горчаковъ, проходя быстро, благодарилъ солдатъ, но говорилъ при томъ такъ тихо, что не былъ разслышенъ. Я передалъ слова его солдатамъ и тогда задніе, которыхъ онъ уже миновалъ кричали: „рады стараться".—Мнѣ же лично онъ сказалъ: „Я писалъ о васъ Государю Императору, что кромѣ васъ никого болѣе нѣтъ изъ отпускныхъ. Вы занимаете самый важный постъ. Благодарю васъ, и пе-

редайте всѣмъ вашимъ войскамъ мою благодарность и мое удовольствіе, чтобы они знали, что я признаю ихъ заслуги".

На исходящемъ углу бастіона Горчаковъ посмотрѣлъ чрезъ амбразуру и спросилъ меня: „Что это за мѣшки впереди бастіоновъ"?—„Французскіе окопы".—„Такъ близко"?—„Около 30 шаговъ отъ траншей за воронками".

Онъ молчалъ, но лѣвою рукою показалъ на люнетъ Костомарова, находившійся сплошь на контръэскарпѣ. Тогда я объяснилъ ему дѣло.

Горчаковъ чрезвычайно близорукъ, но при взятіи Варшавы еще онъ видѣлъ какъ орелъ.

Вечеромъ прибылъ генералъ Нахимовъ; мы безъ-заботно прохаживались съ нимъ по батареѣ подъ градомъ пуль и бомбъ, послѣднихъ однихъ насчитывали до 200.—Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что одинъ изъ нашихъ солдатъ перебѣжалъ къ сардинцамъ и имѣлъ при себѣ болѣе 200 руб. денегъ, вслѣдствіе чего и послана была депутація узнать:—не украдены ли эти деньги. Горчаковъ послалъ отвѣтъ, что изъ нашихъ солдатъ многіе имѣютъ свои деньги, и что тѣ 200 руб. также собственность перебѣжчика.

Тобольскій полкъ перемѣщенъ изъ бастіона въ резервъ, Томскій на бастіонъ, Колыванскій на лѣвый флангъ, Екатеринбургскій на правый.

При лунномъ свѣтѣ я спустился внизъ вдоль стѣны до батареи Крягина, гдѣ командуетъ Брылкинъ. Въ развалинахъ домовъ поставлены 3 секре-

та, каждый въ 6 человѣкъ при одномъ офицерѣ 2-хъ унтеръ-офицерахъ. Свободное мѣсто передъ домами было покрыто водою отъ сильнаго выпавшаго недавно на Сапунъ-горѣ дождя.

Поднимаясь по задней траншеѣ вверхъ на Грибокъ, я замѣтилъ въ скалѣ, обращенной къ гавани, пещеру и въ ней огонь. Я пробрался къ ней *по* скаламъ, и нашелъ тамъ нѣсколько семействъ солдатъ съ дѣтьми. Одна изъ женщинъ сказала мнѣ, что мужъ ея артиллеристъ на батареи въ городѣ передъ пещерой, такъ что она можетъ слѣдить за каждымъ выстрѣломъ оттуда и туда и приноситъ своему мужу пищу.

При тихой погодѣ, у насъ выпалъ дождь.

Если у насъ случается какая нибудь неудача, тотчасъ всѣ заговорятъ объ измѣнѣ, такъ на пр. идетъ молва, что Камчатскій, Волынскій и Селингинскій редуты пали черезъ измѣну, вслѣдствіе которой будто-бы оставлено было въ резервѣ — въ Камчатскомъ редутѣ вмѣсто 500 человѣкъ только 100, въ другихъ же редутахъ вмѣсто 400 человѣкъ только тоже по 100, а остальные затѣмъ будто отправлены на квартиры; наконецъ ни одна изъ минъ, находящихся въ редутахъ, не была взорвана и непріятель воспользовался ими. Завадовскій сообщилъ мнѣ, что это общій голосъ всѣхъ генераловъ. Справедливость требуетъ сказать, что Севастопольскія укрѣпленія вообще расположены отлично; но вполнѣ неосновательно Севастополь считать крѣпостью. Южная сторона его открытый городъ.

Проектированные крѣпостныя верки остались только на бумагѣ въ архивѣ. До начатія осады почти ничего не было сдѣлано и все, что мы теперь имѣемъ, выполнено подъ огнемъ непріятеля. Всѣ бастіоны и фасы хорошо фланкированы и выбраны для нихъ лучшія мѣста; но такъ какъ все это дѣлалось въ торопяхъ, то внутри оказываются большіе недостатки, и при употребленіи на верки множества фашинъ и туровъ безпрестанно случаются пожары.—Траверсы между пушками продолженіе мерлоновъ внутрь отнимаютъ всю линію огня; при 30 траверсахъ—каждый въ 2 сажени ширины—не имѣется мѣста для 180 стрѣлковъ. Сверхъ того траверсы, до сажени высоты безъ банкетовъ, внутри круто устроены и обшиты фашинами, и потому невозможно встрѣтить непріятельскую колонну на валу по высотѣ и крутости стѣнъ. Когда я указалъ на эти недостатки князю Горчакову, онъ приказалъ устроить банкеты; но по причинѣ недостатка матеріала и времени, Гарднеръ предложилъ устроить лѣстницы, что мною однакоже не было допущено. Наши рвы передъ бастіонами и въ особенности съ боковъ существуютъ только номинально. Эскарпы и контръ-эскарпы состоятъ отчасти изъ четыреугольно тесанаго песчанаго камня безъ связи и каждый непріятельскій выстрѣлъ разбрасываетъ ихъ въ ровъ, такъ что поврежденія оказываются необходимымъ исправлять безпрерывно. Боковая оборона ихъ мнимая: деревянный капониръ о двухъ крошечныхъ пушкахъ съ правой стороны и съ другой

стороны на флангѣ 2 орудія—подвергнутся ра[illegible]шенію отъ перваго непріятельскаго выстрѣла.

Когда я заявлялъ объ этихъ недостаткахъ, [illegible] отвѣчали, что я черезъ то пріобрѣтаю себѣ только враговъ, и въ самомъ дѣлѣ, я потерпѣлъ болѣе вреда отъ такъ называемыхъ друзей, чѣмъ отъ непріятеля.

16-го іюня прошло, относительно, покойно: 3 убитыхъ и 20 раненыхъ. Князь Васильчиковъ прибылъ съ княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ, получившимъ въ команду 2-ю бригаду 12 пѣхотной дивизіи причисленную къ генералу Семякину. Разрѣшено оборонять рвы двухъ ярусными батареями; возвысить блиндажъ въ исходящемъ углу бастіона для лучшаго прикрытія лѣваго фаса сзади, и поставить туда орудія. Адъютантъ мой Богдановичъ вычиталъ въ сочиненіи какого то греческаго патріарха, что Крымская война въ августѣ будетъ перенесена въ другое государство, чему онъ вѣритъ, какъ турки въ предопредѣленіе.

Непріятель привезъ на свои батареи тяжестей по нашему счету на 300 телѣгахъ. Видны кучи турокъ. Вчера къ нему прибыло 120 судовъ, сегодня еще 40.

Мы пропустили снова самый удобный моментъ для атаки непріятеля послѣ штурма. Сакенъ мнѣ говорилъ, что Англичане отказались отъ новаго штурма, а Сардинцы совсѣмъ не хотятъ болѣе драться.

17-го іюня. Сегодня непріятель окончилъ свои

батареи въ долинѣ противъ IV бастіона, одинадцать амбразуръ заложены имъ мѣшками. Наши пушки могутъ только частію обстрѣливать ихъ, а сдѣлать вылазку—недозволено.

Генералъ-адъютантъ Вревскій изъ Петербурга посѣтилъ меня съ адъютантомъ Рюминымъ. Разнесся слухъ, что онъ присланъ повѣрить на мѣстѣ дѣйствія князя Горчакова.

19-го іюня. Вчера я долженъ былъ разпорядиться очисткою рвовъ, для чего мнѣ было обѣщено 600 человѣкъ рабочихъ, а равно мѣшки и инструменты изъ инженернаго депо; но прибывъ къ назначенному времени на мѣсто, я не засталъ ни людей, ни мѣшковъ, ни инструментовъ. Инженеры отвѣчали мнѣ, что они не имѣли на то прямого распоряженія генерала Тотлебена. Только по новому, личному настоятелъному требованію моему мнѣ было дано все нужное, но много времени потеряно.

Во время этихъ работъ офицеръ Колыванскаго и юнкеръ Табольскаго полковъ изъ секрета принесли извѣстіе, что колонна французовъ при 4-хъ пушкахъ спустилась въ оврагъ противъ лѣваго фланга IV бастіона. Командиры полковъ тотчасъ послали отозвать своихъ людей съ работъ; но, какъ я въ то время находился во рву, и по личному моему осмотру ничего не замѣтилъ, то и остоновилъ ихъ и работы продолжались. Большія недоразумѣнія происходили отъ названія батарей фамиліями, завѣдывающихъ ими офицеровъ, изъ которыхъ многіе были убиты и батареи получили нумера. Я велѣлъ

привозить на обозныхъ телѣгахъ изъ города тесаный камень и строить изъ него банкеты. Работы хотя подвигаются медленно, но тѣмъ не менѣе будутъ окончены.

21-го іюня. Довольно покойно, не считая частой перестрѣлки. Вчера послѣ обѣда въ 2 часа непріятель открылъ огонь съ 2-хъ батарей противъ нашего праваго фланга; дальняя стрѣляла изъ 7 орудій, ближняя изъ 6 и подбили одно изъ нашихъ орудій. Мы могли направить въ ту сторону только 4 изъ своихъ орудій подъ командой поручика Безобразова. Послѣ 2-хъ часовой перестрѣлки, мы подбили 5 непріятельскихъ орудій и тогда онъ заложилъ амбразуры мѣшками. Въ особенности одинъ изъ нашихъ выстрѣловъ былъ удаченъ: брошенный снарядъ попалъ прямо въ амбразуру ближней непріятельской батареи и мы могли видѣть выброшенное человѣческое тѣло черезъ валъ въ ровъ.

Съ 1-го по 20-е іюня у насъ выбыло изъ строя: Колыванскаго полка 294 человѣка, Томскаго 449, Екатеринбургскаго 275 и Тобольскаго 391 человѣкъ.

23-го іюня. Не смотря на всѣ старанія нашей артиллеріи, непріятель, хоть и медленно, но все-таки подвигается впередъ.

Вчера вдругъ въ 60 саж. отъ праваго фаса нашего бастіона появился непріятель, и открылъ пальбу по нашимъ ложементамъ.

Такъ называемыя капральства ни къ чему не ведутъ, ни одна изъ нашихъ бомбъ не попадаетъ; пуш-

ки же не могутъ стрѣлять туда по ненаправленію туда амбразуръ.

Я настоятельно просилъ о вылазкѣ, но тщетно. Наконецъ я далъ знать на батарею VI бастіона, что только съ этой батареи можно сбить кавальера, и дѣйствительно, вечеромъ оттуда послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ не безъ успѣха.

За Сахарною головкою на зеленомъ холмѣ непріятель заложилъ новую батарею, а также другую въ правой отлогости оврага, противъ которыхъ могла дѣйствовать только одна сильнѣйшая вылазка съ нашей стороны.

Князь Оболенскій прибылъ отъ Сакена передать, что, какъ сообщено однимъ перебѣжчикомъ, непріятель сегодня или завтра имѣетъ намѣреніе произвести штурмъ всѣми силами безъ бомбардированія. Общая тревога; хотя здравый разсудокъ съ этимъ не соглашается. Со всѣхъ сторонъ присланы мнѣ приказанія—принять всевозможныя мѣры противъ штурма; изъ штаба же послѣдовало распоряженіе о прекращеніи всѣхъ работъ и имѣть всѣ войска въ готовности.

Гарднеръ, прибывшій только что изъ штаба, передалъ мнѣ общее тамъ мнѣніе, что непріятель истощилъ весь свой умъ: испробовавъ всѣ средства, бомбардированіе, штурмъ и мины, и не имѣвъ ни въ чемъ удачи, намѣренъ испытать теперь послѣднее средство сдѣлать нечаянное нападеніе всѣми силами, а въ случаѣ неудачи этого, сниметъ совсѣмъ осаду.

Разнесся слухъ, что лордъ Рагланъ умеръ отъ холеры. Мы видѣли массы непріятельскихъ войскъ около 40 т., но они производили повидимому только ученье.

22-го іюня прибыло къ союзному флоту 2 сѣверо-американскіе парохода, одинъ съ 3, другой съ 4 мачтами и оба съ двумя машинами.

Семякинъ сегодня представлялся своей дивизіи и при этомъ, между прочимъ, сказалъ: „Смотрите на меня, и не забудьте мою рожу“.

30-го іюня. Въ прошедшіе дни были распри по поводу устройства каменныхъ эскарповъ, и наконецъ рѣшено сдѣлать полисады. Гарднеръ и Сафроновъ выполнили эту работу, и такимъ образомъ нашъ бастіонъ обезпеченъ противъ штурма.

Батарея Львова съ 8 пушками не имѣла никакого гласиса, и непріятель могъ разрушить весь эскарпъ. Малиновскій въ виду явнаго разрушенія его батареи просилъ дать ему приготовленный уже камень и Гарднеръ въ короткое время произвелъ работы по устройству рва, контръ-эскарпа и гласиса.

Однимъ героемъ стало меньше въ нашихъ рядахъ! Павелъ Степановичъ Нахимовъ убитъ штуцерною пулею въ голову. Умный, дѣятельный, опытный и простой морякъ, честный по натурѣ, онъ былъ только служака, но не дипломатъ, и не умѣлъ пользоваться своимъ высокимъ положеніемъ. При этомъ онъ былъ въ высшей степени фаталистъ. Посѣщая наше отдѣленіе, онъ всякій разъ непремѣнно ходилъ на банкетъ въ различныхъ мѣстахъ, чтобы

взглянуть на непріятельскія батареи, но никогда въ такихъ случаяхъ не ходилъ по траншеямъ, а всегда по площадкамъ, гдѣ пули скрещивались безпрерывно. Однажды, когда онъ хотѣлъ пройдти съ лѣваго фланга въ мой блиндажъ, Микрюковъ сказалъ ему: „Здѣсь убьютъ, пойдемте чрезъ траншеи“, онъ отвѣчалъ: „Кому суждено...“—„А вы фаталистъ“? замѣтилъ я. Онъ промолчалъ. Мы оба прошли прямо; Микрюковъ же и всѣ остальные по траншеямъ. Нахимовъ былъ воспитанникъ морскаго кадетскаго корпуса и офицеромъ съ 1818 года; два раза совершилъ кругосвѣтное плаваніе съ адмираломъ Лазаревымъ, и отличился въ Наваринской битвѣ. Онъ съ виду казался бодрымъ, и могъ бы еще много принести пользы. По обыкновенію онъ стоялъ сегодня на банкетѣ и осматривалъ непріятельское положеніе. Въ это время штуцерная пуля попала въ мѣшокъ возлѣ него, и онъ проговорилъ: „Какъ эти подлецы хорошо стрѣляютъ“, и снова высунулся, но тотчасъ безъ чувствъ упалъ навзничь. Пуля пробила околошъ бѣлой фуражки спереди и сзади, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда крови: такъ быстръ былъ полетъ ея.

Въ 7 часовъ вечера Спицинъ, Гончаренко, Твердохлѣбовъ и баронъ Бюловъ-Вендтгаузенъ сидѣли впереди блиндажа противъ меня, и играли въ шахматы.—Вдругъ сигналистъ Иванъ Ракъ закричалъ: „бомба“ и въ то же мгновеніе лопнула возлѣ насъ бомба, которой осколкомъ раздробило ногу Бюлову—Вендтгаузену; я былъ раненъ въ колѣно и опроки-

нутъ вмѣстѣ съ кресломъ. Баронъ курилъ папироску, и не выпуская ее изъ руки, ворочаясь на стулѣ, говорилъ: „Нога капутъ“!—Я вскочилъ и разрѣзалъ ему сапогъ: обѣ кости выше щиколки были раздроблены, кровь обильно текла, и нога висѣла. Мой деньщикъ Левинъ принесъ мнѣ бинты и платокъ; мы обернули ими, какъ могли, ногу; положили на носилки и отправили съ Гончаренко (Колыванскаго полка) въ Николаевскій казематъ.

Прощаясь со мною, баронъ говорилъ: „Не хочу ампутаціи, лучше умереть; хочу Эйхвальда. „Я послалъ Твердохлѣбова къ князю Васильчикову и графу Сакену, и написалъ къ генералу Коцебу. Послѣ этого я наложилъ себѣ на ушибленное колѣно холодные компрессы: такъ какъ чрезъ поврежденіе колѣнной чашки я не могъ ни свободно сгибать, ни упираться на ногу.

На другой день (1-го іюля) я получилъ отъ сестры милосердія—баронессы Эмиліи Лоде письмо, въ которомъ она извѣщала меня, что барону Бюловъ-Вендтгаузену ампутирована нога, и, какъ Гончаренко мнѣ сказалъ, еще 2 раза: потому что въ 1-й разъ мало было оставлено кожи для прикрытія кости. Я уполномочилъ Лоде заботиться о содержаніи барона какъ можно лучше.

Г-жа Конради прислала изъ Альмачика опять цѣлый возъ съѣстныхъ припасовъ, вина, телятъ, корову, курицъ, фруктовъ и проч. Никогда въ своей жизни я не имѣлъ лучшаго стола и роскошнѣе мебели какъ теперь.

2-го іюля. Непріятель снова открылъ сильное бомбардированіе моего бастіона, въ особенности праваго его фаса. Я прекратилъ съ нашей стороны пальбу, приказавъ всѣмъ батареямъ, которымъ это было возможно, направить свои орудія на непріятельскую, стрѣлявшую въ насъ 6-ти пушечную батарею и, по данному сигналу, открыть вдругъ по ней огонь. Мгновенно батарея та была нами разрушена и непріятель замолчалъ, также и на прочихъ батареяхъ.

Во время бомбардированія одна бомба лопнула въ 15 шагахъ отъ моего блиндажа, и разорвала одного плотника такъ, что почти ничего отъ него не осталось: головы и груди не найдено, руки и прочія части тѣла были разбросаны на далекое разстояніе. Сигналистъ Ракъ по этому случаю воскликнулъ: „Какая легкая смерть!“ Бомбы часто падали на мой блиндажъ, и когда я сидѣлъ съ Гарднеромъ, насъ часто осыпало землею. Ракъ говорилъ, что двухпудовыя бомбы, падая съ такой высоты, имѣютъ до 100 пудовъ вѣсу. Богдановичъ отправился въ Николаевъ, на его мѣсто поступилъ Калимитиновъ.

Разнесся слухъ, что непріятель укрѣпляетъ Балаклаву, и Горчаковъ рѣшился предпринять наступательное движеніе. Мы видѣли, какъ непріятель подвозилъ камни для выжиганія извести, изъ чего заключили, что онъ не имѣетъ намѣренія оставить насъ скоро.

Я давно намѣревался командира Тобольскаго

полка замѣнить другимъ. Случайно посѣтилъ меня полковникъ Бельгардъ, который жилъ въ отставкѣ въ своемъ имѣніи, но поступилъ вновь на службу, и только что явился въ Севастополь.

Когда я предложилъ ему Тобольскій полкъ, то онъ объявилъ мнѣ, что ему обѣщали уже Украинскій полкъ, но рекомендовалъ мнѣ полковника Зеленаго, который въ нѣсколько дней потерялъ жену и дѣтей и ищетъ будто бы смерти. Я тотчасъ написалъ князю Васильчикову и просилъ его по прибытіи Зеленаго послать его ко мнѣ для командованія Тобольскимъ полкомъ. Когда онъ дѣйствительно прибылъ, Васильчиковъ поздравилъ его командиромъ Тобольскаго полка, и спросилъ его знаетъ ли онъ меня?—Не лично, но по слухамъ.

Зеленый явился ко мнѣ въ моментъ дѣла. „Принимайте тотчасъ въ командованіе Тобольскій полкъ, объ остальномъ позаботитесь послѣ“, сказалъ я.

На князя Горчакова все болѣе и болѣе возрастаетъ общее неудовольствіе.

Войскъ прибыло достаточно, но всѣ они въ разбродѣ, и ничего серьезнаго не предпринимается противъ непріятеля, который совершенно безпрепятственно передъ нашими глазами возводитъ свои укрѣпленія.

Ожидается еще прибытіе двухъ дивизій Гренадерскаго корпуса и 50 т. дружины.

Сегодня французы взорвали 2 мины.

Въ нашихъ контрминахъ работали 2 солдата, изъ которыхъ одинъ, убѣгая, ударился о балку, и тутъ же остался на мѣстѣ, другой оказался мертвымъ. Галлерея наша осталась неповрежденною. При взрывѣ другой мины одинъ саперъ былъ убитъ, а другой получилъ царапины на лицѣ.

Мы взорвали тоже двѣ мины и видѣли при первомъ взрывѣ 2 человѣческіе трупа выброшенные, а при 2-мъ девять. Иногда при взрывахъ мы замѣчали на развалинахъ шапки и лоскутья одежды; одинъ разъ торчали въ нашей галлереѣ двѣ ноги, и наши солдаты сняли съ нихъ башмаки.

Приснухинъ высказалъ свое мнѣніе, что непріятель не очень искусенъ въ минныхъ работахъ. Его минные заряды или очень малы, или слишкомъ велики: такъ что первые не въ состояніи вредить намъ, а вторые имѣютъ обратное дѣйствіе.

Сегодня мы замѣтили массу войска съ ранцами и съ мѣшками, направляющуюся отъ Панютина дачи къ морю, и полагали, что приготовляется гдѣ нибудь новый десантъ.

2-й Сигналистъ Смѣшной, грамотный, учитъ Левина читать, бомбардированіе называетъ онъ брандовкою.

3-го іюля. Прекрасное утро. Изъ города къ намъ доносится колокольный звонъ: вѣнчали одного офицера съ сестрою милосердія, ухаживавшею за нимъ во время леченія его отъ ранъ.

Штуцерной огонь не умолкаетъ по всей линіи,

артиллерія бездѣйствуетъ; но позже блиндажъ Веревкина пробитъ бомбой. Забудскій и Мендтъ сидѣли въ то время за столомъ и обѣдали и чуть не поплатились жизнью.

Блиндажъ въ горжѣ также пробитъ, при чемъ нѣсколько солдатъ убито. 26, 28 и сегодня перестрѣлка была очень серьезная, мы потеряли до 100 человѣкъ убитыми и еще болѣе ранеными.

Много офицѣровъ, находившихся въ Севастополѣ съ самаго начала осады, не получили другой награды, какъ только орденъ Св. Анны 4 степени, при томъ терпятъ крайній во всемъ недостатокъ.

4-го іюля. Графъ Сакенъ посѣтилъ насъ.

Колѣно мое все еще даетъ себя чувствовать; мы черезъ потерну отправились въ ровъ осматривать работы.

Прійдя на батарею Домбровскаго, мы замѣтили поставленное тамъ солдатами конное чучело для непріятельскихъ штуцеровъ. Мимо насъ пролетѣло непріятельское ядро совершенно красное. Полагали, что непріятель стрѣляетъ калеными ядрами, но это было только отраженіе заходящаго солнца. Сакенъ вскричалъ: „Такъ близко мнѣ не приходилось еще видѣть ядра.“ Сакенъ проповѣдывалъ намъ о мирѣ и согласіи между собою, и что въ этомъ смыслѣ Нахимовъ въ могилѣ яснѣе и убѣдительнѣе говоритъ, чѣмъ когда нибудь онъ это могъ въ жизни. Барону Бюлову-Вендтгаузену Сакенъ тоже читалъ проповѣдь.

Семякинъ прислалъ мнѣ тинктуру-арника, а Ос-

тенъ-Сакенъ квасу и лекарство собственнаго изобрѣтенія противъ холеры.

Непріятельскія войска продолжаютъ движеніе свое къ морю; ихъ насчитываютъ до 17 т. человѣкъ.

Въ послѣдніе дни турки занимаютъ траншеи; они имѣютъ обыкновеніе въ началѣ выстрѣлять всѣ свои заряды, и остальную часть ночи спокойно предаваться сну.

5-го іюля. Вчера вечеромъ вдругъ открылась сильнѣйшая перестрѣлка и также канонада. Гончарѐнко полагаетъ, что непріятель собирается атаковать насъ гдѣ нибудь, но тотчасъ пошелъ проливной дождь. Земля размокла и сдѣлалась скользкою, при томъ наступила непроницаемая темнота, и я велѣлъ прекратить стрѣльбу изъ орудій.

Наконецъ нами получена бомбовая пушка. Послѣ трехдневной работы мы установили ее на батареи № 6, возвысили амбразуры, обрѣзали траверсы и, увеличивъ платформу, начали дѣйствовать противъ кавальера.

Послѣ нѣсколькихъ нашихъ выстрѣловъ, непріятель открылъ огонь со всѣхъ своихъ батарей; но такъ какъ огонь нашихъ орудій расходился въ разныхъ направленіяхъ и слабо дѣйствовалъ на непріятеля, то мной сдѣлано распоряженіе сосредоточить огонь на извѣстные пункты. Это имѣло значительный успѣхъ, и канонада окончилась въ нашу пользу.

Большая часть бомбъ падаетъ на мой блиндажъ

въ серединѣ бастіона или на плацу кругомъ. Непріятель стрѣляетъ залпами изъ 2-хъ пудовыхъ мортиръ.

Въ бытность генерала Баумгартена блиндажъ былъ пробитъ, и адъютантъ его сильно раненъ.

Въ лѣво отъ входа находится другой блиндажъ для полковыхъ командировъ. Въ немъ помѣщаются: Зеленый, Лидовъ, Вессель и адъютанты.

Пятипудовая бомба упала на канцелярію и разрыла всю насыпь, проломила 2 потолочныя балки и разрушила стѣну моего блиндажа; при этомъ раненъ былъ одинъ унтеръ-офицеръ. Поврежденія эти были тотчасъ исправлены подъ выстрѣлами непріятеля.

Для насъ дождь настоящая благодать: тогда дѣйствіе артиллеріи гораздо слабѣе.

Мы получили приказаніе не употреблять другихъ средствъ для воспрепятствованія работамъ непріятеля какъ пушки и мортиры, и какъ скоро мы направимъ огонь на работы непріятеля, то онъ съ своей стороны открываетъ стрѣльбу со всѣхъ своихъ батарей, и тогда со всѣхъ сторонъ являются адъютанты для узнанія причинъ.

Я получилъ отвѣтъ на рапортъ мой объ отчисленіи меня отъ должности Александропольскаго коменданта и оставленіи въ распоряженіи графа Остенъ-Сакена съ сохраненіемъ столовыхъ по 420 руб. въ годъ.

7-го іюля. Утро покойное, свѣтлое и жаркое. Адъютантъ мой Шумскій плакалъ о томъ, что братъ его умеръ въ Симферополѣ отъ горячки.

Непріятель внезапно открылъ канонаду противъ 5-го бастіона. Я тоже приказалъ дѣйствовать нашей артиллеріи со всевозможною энергіею. Послѣдствіемъ этого было то, что непріятель оставилъ 5 бастіонъ и сосредоточилъ весь свой огонь противъ насъ.

Просто адъ; но наша артиллерія преодолѣла. Въ 5½ часовъ непріятель замолкъ, батарея его № 7 была разрушена; кромѣ того на старомъ валу противъ Безобразова одна пушка взорвана, прочіе подбиты и амбразуры разрушены.

Непріятель же напротивъ стрѣлялъ торопливо; большая часть снарядовъ его перелетали, и отъ того наши потери и поврежденія незначительны.

Вечеромъ князь Горчаковъ прислалъ своего очереднаго адъютанта графа Бобринскаго на бастіонъ— узнать о происходившемъ здѣсь. Уже стемнѣло, но бомбы перелетали къ намъ и обратно, штуцерныя пули шныряли по всѣмъ направленіямъ. Съ нимъ и своими адъютантами, я отправился для осмотра дистанціи, гдѣ работы были въ полномъ ходу. Полковникъ Зеленый тоже примкнулъ къ намъ. Едва отошли мы отъ блиндажа на 30 шаговъ, какъ сигналисты закричали: „бомба, бомба, бомба“. Въ тоже время мы увидѣли стремившіяся по направленію къ намъ 3 бомбы. Я схватилъ Бобринскаго за руку и быстро увлекъ впередъ, прочіе же остановились. Въ одно мгновеніе бомбы упали и лопнули. Раздался крикъ, но за темнотою нельзя было ничего видѣть, и я крикнулъ: „Что случилось?“—„Полковникъ убитъ“, отвѣчали мнѣ.— „Отнесите въ блиндажъ“.

Послѣ этого мы отправились съ Бобринским по всей дистанціи до Грибка. Прибывъ домой поздно ночью, я вдругъ увидѣлъ передъ собою полковника Зеленаго. Осколкомъ бомбы онъ такъ сильно былъ ранень въ бокъ, что въ первое мгновеніе лишился совсѣмъ чуствъ. Онъ просилъ меня оставить его на своемъ посту на бастіонѣ.

По уходѣ Бобринскаго, я осматривалъ капонир, потерну и батарею Безобразова; высказалъ солдатамъ свое удовольствіе, и прикололъ имъ куски Георгіевскихъ лентъ за неимѣніемъ самыхъ крестовъ. Только Новосильскій и Нахимовъ передали мнѣ нѣсколько крестовъ для раздачи между солдатами.

Снова получено приказаніе — ограничиваться дѣйствіемъ только одной артиллеріи; но артиллерія можетъ препятствовать, а не останавливать непріятеля и онъ, хотя медленно, все же подвигается впередъ. Къ тому же, наша артиллерія не только не блестяще организована, но скорѣе весьма посредственно; офицеры обладаютъ храбростью, но не спеціалисты; прислуга большею частію матросы и армейскіе солдаты, которыхъ нужно пріучить къ дѣлу, такъ какъ изъ прежнихъ едва осталась $^1/_{10}$ часть. — Пушекъ у насъ достаточно; но снарядовъ нѣтъ, и часто случалось, что на орудіе отпускалось не болѣе 10 снарядовъ. Мортиръ непріятель имѣетъ значительно больше и гораздо большихъ размѣровъ чѣмъ у насъ. У меня во всемъ отдѣленіи находится только 6 мортиръ 2 пудовыхъ; между тѣмъ изъ на-

шихъ пушекъ мы не можемъ обстрѣливать непріятельскія батареи, устроенныя на капиталѣ бастіона. Для этого намъ необходимо имѣть большія морты.

Говорятъ, что князь Горчаковъ больше администраторъ чѣмъ полководецъ. Дѣйствительно, при немъ содержаніе арміи гораздо лучше, но за то войско крайне раздроблено, а потому оно нигдѣ не достаточно сильно. Въ Перекопѣ, Еническѣ, Керчѣ, Өеодосіи, Евпаторіи, Бахчисараѣ, Шулѣ... вездѣ отряды. При такой строгой оборонительной системѣ наступательныя движенія невозможны, если бы и достало на это энергіи.

Главные начальники не имѣютъ довѣрія къ младшимъ офицерамъ.—Я отъ всѣхъ слышалъ, что какъ бы ни было ясно и положительно отдано какое либо приказаніе, какъ бы ни была правильно разчитана и акуратно составлена диспозиція, — все это исполняется не точно, не рѣдко даже на оборотъ.

Теперь всѣ кричатъ:—почему не атаковали непріятеля зимою, когда онъ не былъ способенъ къ сопротивленію, когда плѣнные его плакали отъ холода. — Впрочемъ очевидцы увѣряли меня, что и наши войска терпѣли жестокую нужду, иногда даже не имѣли хлѣба. Между тѣмъ Меншиковъ отправлялъ самыя блестящія донесенія.

Что касается настоящей администраціи, то беру слѣдующій примѣръ: въ 10 дивизіи въ концѣ мая состояло на лицо:

	Штаб-офиц.	Оберъ-офиц.	Унтеръ-оф.	Музыкантов.	Рядовыхъ.
Въ Екатерин. полку. .	2	61	232	108	2024
„ Тобольскомъ . . .	4	71	276	121	2290
„ Томскомъ.	„	53	248	111	2208
„ Колыванск.	2	45	217	98	1682
	8	230	973	438	8207

Но такъ какъ по заведенному порядку напр. каждый полкъ имѣетъ свое депо для излишнихъ ружей и аммуниціи—въ другомъ мѣстѣ опять обозъ, въ третьемъ табунъ, наконецъ палатки и инструменты. Сверхъ того при всякомъ полку находится 3 лазарета и всѣ въ различныхъ мѣстахъ: пріемный — на Сѣверной сторонѣ, другой въ Бандуванѣ, третій въ Бахчисараѣ; наконецъ еще особое депо для рекрутъ, обучающихся стрѣльбѣ изъ нарѣзныхъ ружей. Если ко всему этому, такъ называемому, домашнему расходу людей, еще присоединить людей, состоящихъ при кухняхъ и хлѣбопекарняхъ, для закупки провизіи, мастеровыхъ и вѣстовыхъ то окажется, что чрезъ все это отнимается отъ фронта до 600 человѣкъ въ каждомъ полку. Къ тому же не рѣдко бываютъ и просто злоупотребленія: напр. лучшихъ выздоровѣвшихъ солдатъ удерживаетъ у себя госпиталь какъ работниковъ для врачей и коммисаровъ при уходѣ за лошадьми и сборкѣ сѣна, для мытья бѣлья и пр., мастеровыхъ же для различныхъ подѣлокъ. Уличить въ этомъ довольно

трудно: такъ какъ врачи обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорятъ, что послѣ болѣзни солдату необходимо поправиться, иначе онъ можетъ получить возвратную болѣзнь и тогда въ двойнѣ будетъ стоить его леченіе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ состояло:

	Унтеръ-оф.	Рядовыхъ.
Въ Екатеринскомъ .	116	1738
„ Тобольскомъ . .	230	1851
„ Томскомъ. . . .	215	1756
„ Колыванскомъ. .	196	1507
Всего. .	837	6852

Изъ сравненія этихъ таблицъ оказывается что убыль изъ фронта — больными, ранеными, убитыми и для домашнихъ расходовъ составляла въ 10 дивизіи 142 унтеръ-офицера и 1349 рядовыхъ; въ строю же оставалось въ дѣйствительности менѣе 5000 человѣкъ, а недостававшіе находились на работахъ у помѣщиковъ.

Послѣ мѣсячныхъ самыхъ усердныхъ трудовъ, мы успѣли обнести палисадомъ только одинъ бастіонъ; но батарея Львова совершенно сглажена, а Безобразова не имѣетъ рва. Когда палисады были окончены, графъ Сакенъ сказалъ мнѣ: „Это мы сдѣлали только для васъ, никто больше не имѣетъ палисада“.

Армія намъ мало оказываетъ помощи. Князь

Васильчиковъ по этому случаю объявилъ мнѣ, что Сакенъ требовалъ 10 т. человѣкъ, а ему дали только 2 т.

Въ прошлую ночь непріятель осыпалъ насъ бомбами; часовые его стояли въ ранцахъ. По утру мы замѣтили на зеленомъ холмѣ массу туровъ, пушки же съ дальныхъ батарей изчезли. Эти снятыя съ заднихъ батарей орудія, непріятель ставитъ теперь на новыя. Всѣ сомнѣваются въ этомъ. Князь Васильчиковъ на сообщеніе ему о томъ отвѣтилъ: „Вздоръ“.

Наша неподвижность и нерѣшительность причиною многихъ упущеній, напр. 6 іюня Сардинскій корпусъ дѣлалъ наступательное движеніе отъ Чургуна противъ отряда генерала Бельгардта; сей послѣдній отступилъ далеко за Шули. Быстрымъ движеніемъ нашей арміи отъ Мекензи внизъ можно бы было отрѣзать 8000 Сардинскій корпусъ, который, простоявъ тамъ нѣсколько дней, преспокойно отступилъ безъ всякой помѣхи. Послѣ отбитія штурма, армія наша оставалась совершенно въ бездѣйствіи, и дала непріятелю возможность получить снова значительныя подкрѣпленія и снаряды.

Васильчиковъ передалъ мнѣ слова Пелисье: „Севастополь непобѣдимъ, ну такъ я его возьму.“

Наши минныя работы заслуживаютъ всякой похвалы: непріятель здѣсь не можетъ подвинуться, онъ принужденъ бомбардировать и за тѣмъ штурмовать, такъ что осада обойдется ему весьма дорого, какъ въ отношеніи потери людей, такъ и времени.

Графъ Сакенъ высказалъ мнѣ необходимость беречь людей и не подвергать ихъ выстрѣламъ, и когда я возразилъ ему, что у насъ имѣется блиндажей только на $^1/_3$ людей, а $^2/_3$ принуждены стоять подъ открытымъ небомъ, онъ отвѣчалъ: „Это плохо, но у насъ недостаетъ ни времени, ни матеріала.“

Князь Горчаковъ, личность не представительная: онъ дурно видитъ, скоро забываетъ о слышанномъ, и говоритъ весьма не разборчиво. Проходя по валгангу, не останавливаясь, онъ говорилъ нѣсколько словъ солдатамъ, но артиллеристы перваго отдѣленія могли слышать только начало, а другаго только конецъ, и ни тѣ, ни другіе ничего не поняли. Я повторилъ его слова за нимъ: — „Князь вами доволенъ и благодаритъ васъ.“ и т. п. на что солдаты отвѣчали въ полголоса — „рады стараться, когда уже князь прошелъ, и въ свою очередь не могъ ихъ слышать.

11-го іюля. Вчера хотя воскресенье, но дурной день: съ 3-хъ часовъ бомбы летали безпрестанно. Обыкновенно они лопаются спустя 5—10 секундъ послѣ паденія, такъ что нѣкоторымъ удавалось спрятаться; теперь же ударныя бомбы лопаются въ моментъ паденія. Въ нихъ мѣдная трубка, ввинченная весьма сложно, въ серединѣ имѣетъ ударный составъ.

Мы нашли впрочемъ нѣсколько бомбъ совсѣмъ не лопнувшихъ, которыя я велѣлъ бросить въ воду.

На Малаховомъ курганѣ нѣкоторые офицеры пробовали вывинтить трубку, но въ это время бомба лопнула и убила 4-хъ офицеровъ и еще болѣе солдатъ. При разрывѣ бомбъ винты обыкновенно нахо-

дятся въ кускѣ неповрежденными; я велѣлъ ихъ вывинчивать, чтобъ вырѣзывать изъ нихъ на память печати и пр.

Въ 5 часовъ огонь прекратился. Вечеромъ при полномъ лунномъ сіяніи опять открытъ сильный огонь противъ нашего лѣваго фланга. Ракеты, ядра, бомбы и ружейныя пули по всюду. Разстилавшійся по землѣ дымъ при совершенной тишинѣ воздуха скрывалъ все отъ нашихъ глазъ. Я приказалъ бросать гранаты съ Грибка въ тылъ непріятеля и онъ прекратилъ за тѣмъ стрѣльбу; мы тоже легли отдыхать.

Въ 12 часовъ разбудилъ меня сигналистъ Смѣшной словами: „Ружейный огонь на лѣвомъ бастіонѣ.“ Я побѣжалъ туда съ адъютантомъ моимъ Бакунинымъ.

Это была проклятая прогулка: бомбы падали кучами, и мы не знали какъ туда пробраться. На валгангѣ было спокойнѣе. Изъ амбразуры я обозрѣлъ непріятельское положеніе. Огонь непріятеля былъ направленъ преимущественно на 5-й бастіонъ, на мою же дистанцію падали во множествѣ бомбы.

Я велѣлъ изъ всѣхъ мортиръ какіе были у меня и съ батареи Безобразова открыть огонь противъ траншей, и черезъ полчаса все успокоилось. Отъ разрыва одной бомбы я получилъ сильный ударъ въ правое плечо и долженъ былъ зайти въ ближайшій блиндажъ Спицына. Оправившись, я спросилъ его: почему онъ въ такихъ случаяхъ не помогаетъ нашему сосѣду?—„Охотно бы я это сдѣлалъ, отвѣ-

чалъ онъ, но у насъ осталось только 30 бомбъ. Шейдеманъ насъ губитъ; все обѣщаетъ, но слова не держитъ. Только умѣетъ говорить угодное начальству.“

Гарднеръ по выздоровленіи опять прибылъ на батарею. Васильчиковъ по приключившейся съ нимъ молдавской лихорадкѣ отправленъ въ главную квартиру. Петръ Коцебу, командиръ одной батареи завѣдываемаго мной отдѣленія, по посѣщеніи своего дяди Павла Астафьевича, слышалъ отъ него разсужденія, заставляющія предполагать, что и въ главной квартирѣ не имѣютъ надежды сохранить Севастополь.

Вчера мнѣ сообщила сестра милосердія Эмилія Лоде, что баронъ Вендтгаузенъ скончался.

12-го іюля. Все спокойно. При осмотрѣ мною работъ прибылъ къ намъ намѣстникъ Нахимова контръ-адмиралъ Панфиловъ — простой морякъ — бѣгло прошелъ дистанцію, здоровался съ матросами; но они, не зная его, спрашивали: „кто онъ такой?“ Идея устройства моста черезъ бухту, къ всеобщей радости, наконецъ осуществляется; полагаютъ, что мостъ строится съ тою цѣлію, чтобы всѣми нашими силами атаковать стратегическій пунктъ между IV и V бастіонами и довершить такимъ образомъ Севастопольское дѣло; но послѣ, ко всеобщему унынію, прошелъ слухъ, что мостъ строится съ сѣверной стороны на южную для отступленія нашихъ войскъ: такъ какъ сомнѣваются въ возможности дальнѣйшаго успѣшнаго сопротивленія съ нашей стороны,

и вслѣдствіе этого принимаются дѣятельныя мѣ[redacted] къ укрѣпленію сѣверной части Севастополя. Въ [redacted] часовъ вдругъ непріятель открылъ сильную кон[redacted] наду. Я взошелъ на крышу блиндированнаго п[redacted] греба правѣе выхода изъ нашего блиндажа; та[redacted] были сигналисты: Андрей Слимановъ, Смѣшной и Ракъ, нѣсколько писарей и офицеровъ. Въ этотъ же моментъ упала вблизи насъ бомба. Тотчасъ всѣ разбѣжались, я же осколкомъ получилъ рану въ лѣвую ногу ниже колѣна, безъ перелома впрочемъ кости, но съ поврежденіемъ мышцъ; прочіе спаслись.

16-го іюля. Опытъ и уроки не всѣмъ идутъ въ прокъ; чины, званіе и лѣта не прибавляютъ никому ума. Наша судьба зависитъ отъ дряхлыхъ стариковъ! Почему это? Во первыхъ у насъ нѣтъ гласности, вслѣдствіе чего ни публика, ни даже высшее правительство ничего не знаютъ, или узнаютъ только то, что угодно огласить главнокомандующему, до тѣхъ поръ, когда уже помощь дѣлается безполезной и невозможной; во вторыхъ—никто не смѣетъ заявить своихъ мнѣній и соображеній; ни министру, ни фельдмаршалу никогда и въ голову не приходило, чтобъ изъ 80 милліоновъ населенія Россіи нашелся кто нибудь умнѣе ихъ; въ третьихъ, не рѣдко недостатокъ честности: можно разсчитать, что война эта стоитъ государству втрое дороже, чѣмъ это могло быть при иномъ хозяйствѣ и другихъ распорядителяхъ и исполнителяхъ. Наконецъ, несчастная система раздробленія войскъ, чему образецъ, какъ уже было сказано выше,—кавказская армія въ дѣлѣ про-

въ турковъ раздѣленная на 5 отрядовъ, безъ взаимнаго сообщенія между ними; стратегическія ошибки обыкновенно преодолѣваютъ всѣ тактическіе мѣстные успѣхи; послѣ самыхъ блестящихъ побѣдъ ни одного шага впередъ по причинѣ разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ на всѣхъ пунктахъ весьма слабыхъ отрядовъ, не имѣвшихъ возможности по одиночкѣ дѣйствовать наступательно. Когда загорается домъ, то для потушенія пожара необходимо употребить всю массу воды, которая есть подъ рукою въ то мѣсто гдѣ горитъ, а не раздѣлять воду по стаканамъ, разставленнымъ на окнахъ, столахъ, стульяхъ и пр., и поочередно выливать изъ нихъ воду въ такомъ маломъ количествѣ. Такія мѣры противудѣйствія огню, очевидно, не могутъ принести должной пользы и имѣть успѣха. Система раздробленія у насъ примѣнена не только къ главнымъ силамъ, но и къ составнымъ ихъ единицамъ: отрядамъ, полкамъ и баталіонамъ, напр, изъ настоящаго состава 10 дивизіи:

	Штаб.-офиц.	Обер.-офиц.	Унтер.-офиц.	Музыкант.	Рядовыхъ.
Екатерин. полка . .	3	27	163	69	1294
Тобольскаго . . .	4	45	149	56	1267
Томскаго	3	20	170	60	1050
Колыванскаго . . .	3	42	160	52	1324
	13	134	642	237	4935

Состоитъ въ домашнемъ расходѣ:

	Обер.-офиц.	Унтер.-офиц.	Музыкант.	Рядовых.
Екатерин. полка .	4	64	42	562
Тобольскаго. . .	3	52	46	566
Томскаго. . . .	2	43	45	559
Колыванскаго . .	1	52	47	457
	10	211	180	2144

т. е. что почти третьей части не достаетъ во фронтѣ, которая не можетъ быть собрана во время. На донесеніе мое о томъ по начальству, хотя я и не былъ хозяиномъ дивизіи, послѣдовало только безуспѣшное разслѣдованіе этого дѣла и все осталось по прежнему. Между тѣмъ въ этомъ хозяйствѣ кроется большое зло, и по моему мнѣнію, весь этотъ домашній расходъ солдатъ въ военное время необходимо было бы замѣнить вольно-наемными людьми, чтобы не отвлекать отъ фронта обученныхъ уже солдатъ.

19-го іюля. Выпалъ проливной дождь, наполнившій водою всѣ траншеи.

Носятся различные слухи о томъ, что на Инкерманѣ составился военный совѣтъ изъ старшихъ генераловъ; двѣ дивизіи на пути къ намъ; рѣшено наступательное движеніе, и обозы отправить въ Перекопъ; въ Николаевѣ и Одессѣ собираются войска. Атаку рѣшено будто бы направить на Чоргунъ; но это не вѣроятно, потому что Чоргунъ вовсе

не стратегическій пунктъ; въ случаѣ даже успѣха, пользы отъ него не можетъ быть. Севастопольскій гарнизонъ долженъ оставаться спокойнымъ; на Мекензіевой горѣ собраны будто 6, 7, 12 и 17 дивизіи, сверхъ того драгуны и казаки.

20-го іюля. Сегодня уже 2 мѣсяца, какъ я прибылъ сюда; къ службѣ моей прибавилось 2 года, но для меня это безполезно, такъ какъ я причисленъ къ 1-му классу раненыхъ.

Ночью два раза шелъ дождь и въ траншеяхъ вода доходила людямъ до пояса. Когда нашъ флотъ былъ потопленъ, паруса отъ нихъ были сложены ярусами на берегу для продажи; но такъ какъ покупщиковъ не нашлось, то предложили раздать эти паруса арміи по желанію. Моимъ людямъ достались цѣльные тенты. Я велѣлъ одинъ изъ нихъ растянуть передъ входомъ въ мой блиндажъ для защиты отъ солнца. Подъ этимъ навѣсомъ мы иногда завтракали и собирались посидѣть. Въ это время посѣтилъ насъ графъ Сакенъ и разсказывалъ послѣ, какъ я слышалъ отъ Коцебу, будто я со своими офицерами считаю себя вполнѣ защищеннымъ этимъ тентомъ отъ непріятельскихъ бомбъ. Съ зеленаго холма англійскія бомбы, направленныя на грибокъ, не долетаютъ и, падая въ воду, образовавшуюся отъ дождя на пересыпи, тухнутъ. Сигналистъ Ракъ при такихъ случаяхъ обыкновенно кричалъ: „пить, пить, пить и въ воду.“

Изъ ложемента донесли мнѣ, что масса французовъ вошла въ траншеи 4 бастіона съ лѣстницами,

фашинами и турами. Капитанъ Вессель прибылъ изъ госпиталя. Полковникъ Зеленый весьма серьезно страдаетъ отъ ранъ; Гюбенетъ лечитъ его.

21-го іюля. Сегодня прибылъ французскій винтовой фрегатъ, которому салютовалъ весь союзный флотъ. Говорятъ, что на этомъ фрегатѣ прибылъ маршалъ на смѣну генерала Пелисье.

Послѣ обѣда непріятельская мина взорвана и убила 3 саперъ и 7 рабочихъ, прочіе почти задохлись, но были спасены. Вездѣ подземная война и взрывы все ежедневно приближаются къ намъ, хотя и медленно.

25-го іюля Графъ Сакенъ высказалъ, что сопротивленіе Севастополя въ теченіе 315 дней и, что онъ все еще держится, приноситъ большую честь нашей арміи. Въ послѣднемъ письмѣ онъ подъ выставленнымъ числомъ добавилъ 312-й день обороны. Коцебу сказалъ мнѣ: „Я надѣюсь удержать Севастополь, но полагаю, лучше пожертвовать имъ и спасти армію для Россіи, какъ единственную“. — „Почему такъ, возразилъ я, армія содержится не для сохраненія ея, а для одержанія побѣды“. Эта вся наша единственная армія совершенно спокойно смотритъ, какъ непріятель передъ ея глазами постоянно укрѣпляется на нашей землѣ, заводитъ себѣ даже огороды, коситъ сѣно въ Байдарской долинѣ, рубитъ лѣсъ и пасетъ свой скотъ (мы же платимъ за фуражъ втрое дороже противъ обыкновенныхъ цѣнъ), устраиваетъ даже казармы, завладѣлъ Керчью, Еникале и другими приморскими городами и распоря-

жается въ нихъ по произволу. Напротивъ того, мы сами взрываемъ наши батареи и порохъ, уничтожаемъ наши запасы и топимъ свои корабли.

26-го іюля Муравьевъ прислалъ къ намъ изъ Малой Азіи Доливо-Добровольскаго, который разсказалъ мнѣ, что онъ довелъ армію до 36 т., а ряды до 32 человѣкъ. Когда отъ князя Бебутова принималъ команду, онъ обнажилъ свою голову и воскликнулъ: „Нѣтъ во всемъ мірѣ арміи въ лучшемъ положеніи, какъ ваша“. Турецкая армія имѣла вокругъ Карса укрѣпленный лагерь, атака котораго считалась невозможною. Муравьевъ, оставивъ передъ Карсомъ 15-ти-тысячный корпусъ для наблюденія, присоединилъ къ остальной части дивизію Ковалевскаго изъ Ардагана и, миновавъ Карсъ, уничтожилъ всѣ магазины турокъ; но далѣе не зналъ, что предпринять, и потому послалъ Добровольскаго къ кн. Горчакову спросить: принесетъ ли пользу, если онъ подвинется къ Эрзеруму?

Я спросилъ Добровольскаго, почему онъ не организуетъ возстаніе христіанъ противъ турокъ, такъ какъ ему одному невозможно бросаться съ своимъ незначительнымъ отрядомъ взадъ и впередъ на такомъ огромномъ пространствѣ. Добровольскій отвѣчалъ, что армяне не способны къ возстанію. Я полагаю, что отъ неспособности дѣйствующихъ лицъ.

Сегодня ночью наши захватили въ плѣнъ одного изъ французовъ, когда они напали на наши ложементы. Во время провода его, онъ раненъ былъ пулею своихъ же въ лѣвую руку, которую нужно было

ампутировать. На Малаховомъ курганѣ во время рекогносцировки захвачены англійскій маіоръ и унтеръ-офицеръ.

Непріятель устраиваетъ теперь батарею противъ редана, куда ни одно изъ нашихъ ядеръ не попадаетъ.

Графъ Сакенъ опять прислалъ мнѣ 2 бутылки походнаго квасу.

28-го іюля. Графъ Сакенъ явился на моей дистанціи, и мы проходили съ нимъ до Грибка. По поводу только-что оконченныхъ нами 3-хъ внутреннихъ батарей между лѣвымъ флангомъ и Язоновымъ редутомъ, онъ сказалъ мнѣ: „Непріятель не можетъ надивиться успѣшному устройству нами новыхъ батарей. Итальянцы въ послѣдней степени изнеможенія, у нихъ только 2000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Ламармора совершенно упалъ духомъ".

— Ну такъ надо атаковать ихъ, замѣтилъ я.

— А! и они укрѣпили себя въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ, и ихъ также трудно атаковать, какъ и насъ. Мы пріобрѣли себѣ большую честь, сопротивляясь столько мѣсяцевъ.

— Ну, въ этомъ не могу съ вами согласиться; мы должны были прогнать непріятеля.

— Ахъ! что намъ дѣлать, если мы не въ состояніи.

Послѣ этого Сакенъ поинтересовался узнать, что именно непріятель затѣваетъ въ воронкахъ. Такъ какъ огонь съ нашей стороны ему не препятствуетъ, я предложилъ энергическую вылазку всѣми нашими силами. Сакенъ отвѣчалъ на это: „Я не имѣю права

жертвовать болѣе, какъ только 200 чел., потому что всякое наступательное движеніе воспрещено". Наконецъ Сакенъ обѣщалъ исходатайствовать тѣ награды, къ которымъ я представилъ назадъ тому 2 мѣсяца нѣкоторыхъ офицеровъ, состоявшихъ во 2-мъ отдѣленіи.

29-го іюля. Теперь положеніе непріятеля самое трудное, наше, напротивъ, самое лучшее; но, не смотря на это, мы совершенно бездѣйствуемъ. Перебѣжчики сообщили, что большая часть ихъ артилеріи пришла въ негодность, и предположено замѣнить ее новою, еще не прибывшею; приготовляются къ новому штурму на 3-е (15-е) августа, въ ожиданіи скораго прибытія подкрѣпленія въ 40 т. чел.

Въ морѣ замѣтно большое число лодокъ, вмѣстительностію на 500 человѣкъ, безъ парусовъ, но назначеніе ихъ неизвѣстно. Всѣ эти дни прошли въ разсужденіяхъ и военныхъ совѣтахъ, но такъ какъ они не привели ни къ какимъ результатамъ, то предложено старшимъ генераламъ изложить свои мнѣнія на бумагѣ собственноручно.

Семякинъ сказалъ мнѣ: „Я усталъ какъ собака, сначала я составилъ на-черно, потомъ переписывалъ на бѣло, и цѣлую ночь не сомкнулъ глазъ".

Нѣкоторые генералы требовали немедленнаго отступленія войскъ на сѣверную сторону Севастополя. Горчаковъ на это замѣтилъ, что выставленныя причины признаетъ основательными, но желаетъ выдержать еще одно бомбардированіе и штурмъ. Наконецъ всѣ склонились къ тому, чтобы арміею въ 7

дивизій атаковать непріятеля при Чоргунѣ, и назначили для этого предпріятія 2-е августа.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ на 2-мъ отдѣленіи оборонительной линіи убыло изъ фронта 2000 чел., изъ числа которыхъ убито 6 и ранено 22 офицера; нижнихъ же чиновъ убито 86, ранено 932 и контужено 346. Большая часть раненыхъ оставалась также во фронтѣ. Сегодня я израсходовалъ съ этой цѣлію 4156 руб.

2-е августа. Наканунѣ ожидаемаго великаго событія я обошелъ всю мою дистанцію, осмотрѣлъ потерны, капониры, рвы; рабочихъ засталъ вездѣ на своихъ мѣстахъ; погода ясная, жаръ уменьшился. бастіонъ очищенъ, войска на своемъ мѣстѣ.

Со мной были: Спицынъ, Завадовскій и Лидовъ. Послѣдній спросилъ своихъ колыванцевъ: желаютъ ли они штурма?—на что они отвѣчали: „чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше“.

Наша армія должна была атаковать непріятеля при Чоргунѣ; бомбардированіе непріятеля предполагалось на завтра, въ день имянинъ Наполеона.

Вессель сообщилъ мнѣ, что 7-я дивизія отправится на сѣверную сторону и вмѣсто ея прибудетъ дружина.

Иррегулярныя войска поставить подъ бомбами! Они совершили бы чудеса, если бы ихъ укрыть отъ бомбардированія, а послѣ массами опрокинуть на непріятеля. Это свойство простаго человѣка; но если поставить его подъ выстрѣлы безъ всякаго дѣйствія, въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ упадетъ духомъ и навсегда останется деморализованнымъ.

3-е (15-е) августа. Наполеоновскій день насталъ, и всѣ въ напряженномъ ожиданіи. Все тихо и спокойно. Непріятельскій флотъ разцвѣченъ флагами; въ лагерѣ большой парадъ съ музыкой; большія колоны расположены на высотахъ внѣ нашихъ выстрѣловъ.

Кто первый начнетъ атаку — мы или непріятель? Наша армія совершенно приготовлена къ наступленію на Чоргунъ, но атака отложена до завтра. Хрулевъ, начальникъ 1-го отдѣленія, долженъ сдѣлать вылазку по телеграфическому приказанію изъ главнаго штаба, когда начнется атака на Чоргунѣ; всѣ прочія части гарнизона должны оставаться въ бездѣйствіи.

Главные начальники высказывались, что если непріятелю и удастся штурмъ, то онъ по крайней мѣрѣ потеряетъ половину своихъ войскъ. Какъ будто не понимаютъ, что тогда во всякомъ случаѣ выгоды побѣды останутся на сторонѣ побѣдителя.

Вечеромъ. День окончился, и настала могильная тишина. Изъ главной квартиры безпрерывно получаются свѣдѣнія; приготовленія къ роковому сраженію продолжаются.

Непріятель усиливаетъ траншейныя работы; противъ праваго фаса видны 4 амбразуры, и противъ батареи праваго бастіона пять; на нихъ направлены во множествѣ бомбы и гранаты.

4-го августа. 4 часа послѣ обѣда. Сраженіе при Чоргунѣ окончено; оно должно рѣшить нашу судьбу, а мы ничего до сихъ поръ не знаемъ, тогда какъ

извѣстія о побѣдахъ распространяются съ необыкновенною быстротою. Мучительная неизвѣстность! Тишина до такой степени, что даже прекращены и штуцерные выстрѣлы. На высотахъ замѣтно передвиженіе войскъ, пушекъ и обозовъ къ морю.

Я отправилъ Весселя за свѣдѣніями. Телеграфическаго сигнала не послѣдовало.

9 часовъ вечера. Генералъ Шейдеманъ первый привезъ мнѣ свѣдѣнія въ 7 часовъ вечера. Реадъ со своимъ корпусомъ атаковалъ Федюхины горы; не получивъ своевременно подкрѣпленія, войско его отступило, а самъ онъ съ своимъ начальникомъ штаба, Веймарномъ, убитъ. Липранди, 4 версты далѣе на лѣвомъ флангѣ, въ то же самое время атаковалъ Чоргунъ, но послѣ жаркаго дѣла, также отступилъ *). Три наши дивизіи совсѣмъ не явились на полѣ сраженія. Генералъ-адъютантъ Вревскій, въ свитѣ князя Горчакова, убитъ.

Сраженіе потеряно чрезъ тактическія ошибки; но и въ стратегическомъ отношеніи избранный пунктъ не былъ вѣренъ. Если бы мы одержали побѣду и взяли Федюхины горы, то и тогда побѣда эта не имѣла бы никакого значительнаго послѣдствія. Горы эти уже прежде были заняты нашими войсками, но въ послѣдствіи оставлены по безполезности этого поста. Дѣйствительный стратегическій пунктъ нахо-

*) Занявши телеграфную гору, гдѣ находились сардинцы и утвердившись на ней отрядъ генерала Липранди оставался на мѣстѣ во время боя и отсупилъ только по окончаніи сраженія. *Ред.*

дился только на высотахъ впереди 4-го бастіона. Занятіе этого пункта значительными силами съ нашей стороны сразу рѣшило бы севастопольское дѣло.

Тактическія же ошибки были тѣ, что, во 1-хъ, наша армія съ Мекензіевой горы должна была спуститься по одной дорогѣ въ долину и потомъ уже взять расходящіяся боковыя направленія, а не развѣтвиться съ самаго начала, послѣдствіемъ чего было то, что голова колонны доходила до непріятеля, тогда какъ большая часть войска находилась еще на Мекензіевой горѣ, и изъ нашей многочисленной артиллеріи, въ нѣсколько сотъ пушекъ, достигли боя только около 30.

Другая ошибка состояла въ томъ, что весь гарнизонъ оставался въ бездѣйствіи, хотя и было условлено о начатіи вылазки дать знать, но сигнала не послѣдовало, а графъ Сакенъ не умѣлъ угадать настоящій моментъ для того. Главный вредъ состоялъ въ самомъ характерѣ князя Горчакова, который при неудачѣ перваго натиска оставлялъ тотчасъ дѣло, при удачѣ же не умѣлъ пользоваться.

5-го августа въ 4 часа непріятель открылъ страшное бомбардированіе, сначала противъ 3-го бастіона, а потомъ вскорѣ зашумѣли выстрѣлы и надъ нашими головами. Войска прячутся, какъ умѣютъ. Болѣе всѣхъ терпитъ Язоновъ редутъ. Артиллерія съ нашей стороны дѣйствуетъ также очень энергично; но дымъ и пыль до того сильны и непроницаемы, что нѣтъ возможности наводить ору-

дія. Впрочемъ намъ удалось подбить 7 непріятельскихъ орудій; еще 4 пушки были завалены землею, и 13-ти-пушечная батарея прекратила пальбу. К мортирнымъ же непріятельскимъ батареямъ наш огонь не достигалъ. Въ теченіе одного часа на крышу моего блиндажа падали 10 разъ бомбы по 3 разомъ. Спицынъ насчиталъ ихъ послѣ до 50 штукъ.

По окончаніи бомбардированія, я осмотрѣлъ въ подробности всю дистанцію, назначилъ заняться исправленіемъ поврежденій, благодарилъ артиллеристовъ, и раздавалъ имъ Георгіевскіе кресты.

На Малаховомъ и 2-мъ бастіонѣ взорвано нѣсколько пороховыхъ погребовъ и убито много людей. Одна бомба пробила офицерскій блиндажъ, при чемъ капитану Барковскому (Тобольскаго полка) оторвана рука и пробито бедро, а двумъ другимъ офицерамъ причинены тяжелыя раны.

Коцебу совершенно правъ, говоря „что у насъ нельзя ничего предпринять, потому что все выходитъ совершенно противно сдѣланнымъ распоряженіямъ; я каждому объясняю и указываю на картѣ что нужно сдѣлать; всѣ мнѣ отвѣчаютъ: сдѣлаю, понимаю; но что же оказывается? дивизія, которой слѣдовало стоять на лѣво отъ дороги, очутится на право, другая, которой слѣдовало быть на извѣстномъ пунктѣ и ожидать приказанія, находится еще въ лагерѣ, или уходитъ въ слѣдъ за другими. Любезный, Морицъ Христіановичъ, я такъ много уже испыталъ, что страшусь уже предпринимать что нибудь рѣшительное.

Сегодня зашелъ ко мнѣ Семякинъ и по обыкновенію описывалъ свое положеніе. Вотъ слова его: „Было рѣшено въ военномъ совѣтѣ, когда Горчаковъ возьметъ Федюхины горы, тотчасъ атаковать Сапунъ гору, и въ тоже время по телеграфному сигналу должна была послѣдовать сильная вылазка изъ Корабельной, для чего я долженъ былъ отправить изъ моего отдѣленія 6 баталіоновъ и вашего—полкъ;—но эти 6 баталіоновъ отозваны были для другой цѣли и направились по Екатериненской улицѣ; я остался безъ войска. Все что у меня было—это только дружины и резервный баталіонъ Минскаго полка. Въ такой крайности я писалъ къ князю Горчакову о возвращеніи мнѣ войска, что наконецъ исполнилось, и я могъ быть на всякій случай покоенъ; но что за суматоха происходила ночью — это ужасъ! когда одинъ баталіонъ взошелъ въ редутъ, то нѣсколькими бомбами убито 5 офицеровъ, а нижнихъ чиновъ безъ числа.

„Теперь каждый знаетъ, что ему нужно дѣлать; непріятельскія траншеи были почти пустыя; виднѣлись непріятельскія колонны, направляющіяся къ востоку. Графъ Сакенъ сидѣлъ въ своей обсерваторіи и ожидалъ сигнала. Князь Горчаковъ прибылъ на Черную не въ 3, а въ 5 часовъ и только съ одною 12-ю дивизіею. Реадъ при атакѣ непріятеля не могъ взять съ собою артиллеріи, такъ какъ въ рѣчкѣ и канавѣ было слишкомъ глубоко, а мостовъ не было и навести ихъ не было возможности. Канава снабжающая водою Севастопольскій докъ имѣ-

ла глубины 8 футъ. Кавалерія также не прибыла [redacted] мѣсто дѣйствія. Липранди очутился на Чургунѣ бе[redacted] всякаго сообщенія съ Реадомъ. 12-я дивизія шту[redacted] мовала Федюхины горы, захватила непріятельск[redacted] батареи и удерживалась тамъ 1½ часа. Непріяте[redacted] между тѣмъ успѣлъ сосредоточить свои силы противъ Реада, къ которому подкрѣпленіе не поспѣло.

„Непріятель торжествовалъ и всю ночь иллюминовалъ свои корабли и разцвѣтилъ ихъ флагами".

7-го Августа. Сегодня ночью непріятель бросилъ безчисленное множество бомбъ на нашъ бастіонъ и лѣвый флангъ, но не смотря на то, рабочіе вышли и разставлены были по возможности въ разсыпную. Когда луна скрылась, я легъ спать, но вскорѣ сигналистъ Смѣшной вбѣжалъ ко мнѣ съ крикомъ:—что на 3-мъ бастіонѣ огонь. Мнѣ слышались также картечные выстрѣлы. Мы всѣ приготовились встрѣтить нападеніе, и открыли огонь по непріятельскимъ траншеямъ противъ 3-го бастіона, освѣщаемымъ штуцерными выстрѣлами непріятеля; бросили нѣсколько бомбъ въ оврагъ и также между 4 и 5-мъ бастіонами свѣтящіяся ядра, но ничего тамъ не замѣтили. По прошествіи часа все успокоилось; большая часть офицеровъ собралась ко мнѣ. Разсвѣтало. Вдругъ опять возобновилась канонада противъ 3-го бастіона. Но мы мало можемъ помочь ему: непріятель устроилъ свои батареи на противуположной покатости (такъ называемой „рѣзня"), такъ что намъ видѣнъ былъ только брустверъ ихъ заваловъ, но амбразуры

обращены отъ насъ. Съ платформъ не видно даже и бруствера. Тѣмъ не менѣе мы попробовали бросить туда 2-хъ пудовыя бомбы, другихъ у насъ не было.

Ординарецъ мой унтеръ-офицеръ Тобольскаго полка Ларіонъ Алферовъ раненъ штуцерною пулею въ лѣвую ногу. Я далъ ему червонецъ и отправилъ въ госпиталь.

Петръ Коцебу возвратился изъ главнаго штаба со свѣдѣніями, сообщить которыя не рѣшался.

Все происходило съ ужасной суматохой безъ порядка, безъ связи и прямыхъ распоряженій; резервы вовсе не прибыли; кавалеріи тоже не было; изъ назначенныхъ для дѣйствія нѣсколькихъ сотъ пушекъ достигли назначенія только 22; только 12-я и 17-я дивизіи дошли до мѣста боя; первая имѣла полки: Украинскій, Одесскій и Азовскій и находилась подъ командою генерала Мартинау.

Когда дивизія перешла рѣку, полковникъ князь Святополкъ-Мирскій штурмовалъ съ своимъ баталіономъ укрѣпленіе непріятеля на противуположномъ берегу Черной рѣчки и получилъ рану въ плечо на сквозь. Французы, бросивъ укрѣпленіе отступили; наши быстро преслѣдовали ихъ и взошли на высоты; но тутъ они должны были остановиться: такъ какъ подкрѣпленій у нихъ не было, а между тѣмъ противъ нихъ сосредоточивалась цѣлая армія. Самъ главнокомандующій со своимъ штабомъ подвергался сильнѣйшему ружейному огню, не говорилъ ничего и отворачивался отъ посланныхъ къ нему. Непрія-

тель обходитъ наши полки и своею кавалеріею атакуетъ нашъ лѣвый флангъ. Здѣсь падаютъ Реадъ, Веймарнъ, Бельгардтъ и Скюдери; наши войска отступаютъ.

Между тѣмъ Липранди дерется у Чоргуна и ничего не знаетъ о происходящемъ. Коцебу сказалъ, онъ ничего не сдѣлалъ. Это не въ первый разъ. При Инкерманѣ 24 октября онъ стоялъ съ отрядомъ въ 20 т. человѣкъ на Федюхиныхъ горахъ и не пошевелился, когда маршалъ Боске проходилъ мимо его на помощь англичанамъ. Спицынъ говорилъ о немъ: „Когда онъ дѣйствуетъ самостоятельно, то все идетъ хорошо; но какъ скоро подъ командою другого, то наперекоръ.“

8-го августа. Убыло только 50 человѣкъ. Осколокъ бомбы влетѣлъ въ середину моего блиндажа; бомба при разрывѣ разрушила окно и насъ засыпало пескомъ и досками отъ стѣнъ.

Я получилъ сегодня пріятное удовлетвореніе тѣмъ, что вышла большая часть наградъ по моимъ представленіямъ. Въ 6 часовъ непріятель открылъ новую канонаду противъ нашего праваго фланга. Спицынъ тотчасъ отправился туда. Бомбардированіе усиливалось съ минуты на минуту. Передъ моимъ бастіономъ я замѣтилъ непріятеля, въ числѣ до 12 т. съ кавалеріею. Мы стояли въ готовности, но верки наши были страшно разрушены.

При осмотрѣ линіи я нашелъ убыль людей не столь значительною, какъ можно было предполагать: 5 офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ.

Блиндажъ мой сильно поврежденъ.

Вотъ еще бомба, и я оглушенъ ея разрывомъ. При восходѣ луны бомбардированіе вдругъ, какъ бы по сигналу, прекратилось; мы приготовились къ встрѣчѣ штурма; но его не послѣдовало.

Одна непріятельская батарея на капитали горѣла полнымъ пламенемъ, другая на зеленомъ холмѣ была разрушена, у третьей — на правомъ флангѣ въ 6 орудій и на старомъ валу всѣ амбразуры были засыпаны. Наши же пушки уцѣлѣли, но траверсы разрушены.

9-го августа, 5 часовъ послѣ обѣда. Всѣ работы по исправленію нашихъ верковъ окончены. Сдѣланы 12 новыхъ щитовъ изъ веревокъ, навѣсы — изъ толстыхъ корабельныхъ канатовъ, которые навѣшиваются на шестѣ съ внутренней стороны амбразуры съ отверстіями въ серединѣ для дулъ орудій. Навѣсы эти служатъ защитою для прислуги отъ штуцерныхъ пуль. Генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ прислалъ наконецъ мнѣ подробный и отчетливый планъ окрестностей Севастополя. Бакунинъ разсказалъ мнѣ, что князь Горчаковъ сегодня былъ въ Николаевскихъ казармахъ и лично раздавалъ раненымъ георгіевскіе кресты.

16-го августа. Наконецъ мостъ черезъ бухту оконченъ. Строитель, генералъ Бухмейеръ, первый переѣхалъ черезъ него и донесъ о томъ графу Сакену. Устройство моста произвело пріятное впечатлѣніе на тѣхъ, которые желали наступательнаго движенія съ нашей стороны, и не подлежитъ сомнѣ-

нію, что въ такомъ случаѣ севастопольскій вопрос еще могъ быть рѣшенъ въ нашу пользу, а именн если бы мы атаковали непріятеля на стратегиче скомъ пунктѣ, т. е. высоты передъ IV бастіономъ Фланги наши здѣсь совершенно были бы обезп чены, и мы могли сосредоточить у этого пункта в наши силы. Здѣсь именно мы должны были одер жать побѣду, но никто объ этомъ и слышать *не* хочетъ.

Генералъ Семякинъ называетъ Николаевскія казармы — „депо нашихъ генераловъ“. Одна только бомба на дняхъ упала туда, и всѣ переполошились, и начали перебираться въ сѣверную часть города: вѣдомство (?) и штабъ переведены уже туда. Отъ перваго отдѣленія отправлено три пушки; бомбъ болѣе не отпускаютъ намъ; двѣ однопудовыя мортиры взяты отъ меня и дано приказаніе: если имѣются еще въ запасѣ снаряды, то выстрѣлять ихъ, а мортиры отправить въ арсеналъ. У меня осталось только 300 штукъ, которыя и сберегаю до послѣдней минуты; но мучительно переносить непріятельскіе выстрѣлы, не имѣя возможности въ то же время отвѣчать на нихъ. Между тѣмъ мы уже доказали, что наши бомбы приносили пользу: два непріятельскіе пороховые погреба взорваны и батареи разрушены тамъ, гдѣ наши ядра ничего не могли сдѣлать.

17-го августа въ 2 часа ночи сигналистъ Ракъ разбудилъ меня извѣстіемъ, что на III бастіонѣ будто послѣдовалъ взрывъ. Я послалъ туда узнать

рдинарца. Капитанъ лейтенантъ Карцевъ написалъ мнѣ, что пороховой погребъ на Камчатскомъ редутѣ взлетѣлъ на воздухъ; брусья были отброшены отъ бастіону; непріятель потерялъ много людей, такъ какъ къ ночи удвоилъ свои посты. Сегодня цѣлый день носили оттуда мертвыхъ и раненыхъ. Остававшихся еще въ городѣ нѣкоторыхъ купцовъ удалили на сѣверную сторону, и приступили къ устройству барикадъ.

Расположеніе войскъ было слѣдующее: на первомъ отдѣленіи—13-я резервная дивизія и 6 баталіоновъ частей 14-й и 15-й дивизій; на второмъ—10-я дивизія; на 3-мъ—8, 9, 11 и 16-я дивизіи и Муромскій полкъ. Въ резервѣ, въ городѣ расположена 4-я дивизія.

Въ Крыму вообще находится 5 корпусовъ: 2, 3, 4, 5 и 6, стрѣлковые баталіоны, Черноморцы, кавалерія, казаки, флотскіе экипажи и артиллеристы, послѣднихъ до 14 т. человѣкъ.—Сверхъ того 20 т. человѣкъ дружины; ожидается прибытіе еще двухъ резервныхъ дивизій Гренадерскаго корпуса.

Съ такою арміею, кажется, можно бы было очистить Крымъ, но этому препятствуетъ—несчастная система раздробленія силъ!

Сегодня мы замѣтили 10 большихъ пушекъ, перевозимыхъ на лошадяхъ. Они, повидимому, были внѣ нашихъ выстрѣловъ и спустились въ оврагъ между 4 и 5 бастіонами; по мѣрѣ приближенія ихъ къ намъ они скрывались въ траншеяхъ и обстрѣливать ихъ съ нашей стороны можно было только

бомбами, которыхъ у насъ нѣтъ, равно какъ и пороху.

21-го августа. Мы всѣ подъ вліяніемъ тревожнаго ожиданія: лазутчики и перебѣжчики сообщили, что на будущее воскресенье назначено окончательное бомбардированіе и штурмъ. У насъ рѣшено оставить южную часть и защищать сѣверную.

Сегодня взорваны 2 непріятельскія мины, которыми разрушено до $1\frac{1}{2}$ саженей одной нашей галлереи, въ другой только на 1 сажень. Ближайшая воронка отстоитъ отъ нашего эскарпа около 15 саженъ, а у насъ нѣтъ оборонительныхъ средствъ—такъ называемыхъ капральствъ. Бомбъ мы болѣе не получаемъ, $\frac{1}{4}$ пуд. гранатъ у насъ нѣтъ, $\frac{1}{2}$ пуд. малое количество, а 2-хъ пудов. совсѣмъ нѣтъ.

Непріятель вооружаетъ Чоргунъ орудіями большого колибра; впереди IV бастіона выстроены 50 орудій полевой артиллеріи.

Подъ Николаевскія казармы подводится подкопъ, и продолжаютъ устройство барикадъ въ городѣ.

Если бы всѣ средства, употребляемыя теперь для укрѣпленія сѣверной стороны, были обращены на южную, мы были бы въ состояніи удержать еще Севастополь.

Болѣе всего претерпѣваетъ лѣвый флангъ.

Одинъ баталіонъ Колыванскаго полка пошелъ на работу въ такъ называемый Аполлоновъ оврагъ сзади 2-го бастіона, который нынѣ брошенъ. За нимъ устраиваютъ вторую линію съ новыми батареями.

Непріятель поддерживаетъ страшнѣйшій разнаго рода огонь на первое отдѣленіе; ночью кажется, что тамъ происходитъ сильнѣйшая битва.

Семякинъ рапортовался больнымъ.

Дождь могъ бы сдѣлать штурмъ невозможнымъ, но небо ясно, и звѣзды и луна ярко освѣщаютъ мѣстность.

22-го августа. Спицынъ черезъ Бережникова передалъ мнѣ, что въ штабѣ несомнѣваются въ штурмѣ, который будетъ направленъ на лѣвый флангъ.

По телеграфу дано знать, что 50 непріятельскихъ полевыхъ орудій, бывшихъ передъ IV бастіономъ, и весь лагерь отправлены на Чоргунъ. Полагаютъ, что непріятель имѣетъ намѣреніе атаковать нашъ лѣвый флангъ арміи въ полѣ; но впереди насъ мы дали ему всѣ средства приготовиться къ бомбардированію.

24-го августа. Транспортное судно зажжено непріятельскими ракетами и всю ночь освѣщало работы на Малаховомъ курганѣ.

При восходѣ солнца, непріятель вдругъ открылъ канонаду противъ IV и V бастіоновъ, которую и продолжалъ весь день съ тремя промежутками по 2 часа.

25-го августа. Адмиралъ Новосильскій передалъ мнѣ для раздачи 20 георгіевскихъ крестовъ. Спицынъ раненъ. Бомбардированіе продолжается какъ и вчера.

26-го августа. Горчаковъ прислалъ 8 георгіевскихъ крестовъ. Въ городѣ пожаръ на Морской улицѣ, Фрегатъ „Коварна“ загорѣлся въ бухтѣ;

ночью 2 барказа, нагруженные готовыми снарядами, взлетѣли на воздухъ.

29-го августа. Начавшаяся съ 24 числа и продолжавшаяся 3 дня сряду канонада, съ 27 августа усилена противъ IV бастіона, въ особенности же противъ II и III бастіоновъ.

Послѣ первой канонады, начавшейся съ восхожденіемъ солнца, послѣдовала небольшая пауза; за тѣмъ снова усиленная продолжалась до 11 часовъ. Въ это время я увидѣлъ передъ III бастіономъ непріятельское войско; мы направили туда всѣ наши батареи, и вскорѣ увидѣли англичанъ бросившихся въ разсыпномъ строѣ на исходящій уголъ бастіона; нѣкоторые изъ нихъ перешли ровъ и взошли на валъ; слѣдующіе за ними, разстроенные картечнымъ огнемъ, бросились назадъ.

Оставшіеся же убиты или взяты въ плѣнъ. Три раза возобновлялась атака, но безъ успѣха.

Поднявшійся съ моря сѣверный вѣтеръ нагналъ на лѣвый флангъ отдѣленія столько дыму отъ горѣвшихъ на Морской улицѣ зданій, что трудно было различить что нибудь. Слышна только безпрерывная перестрѣлка на I и II бастіонахъ.

Насъ очень удивило, что Малаховъ курганъ совсѣмъ не отстрѣливался, я навелъ туда зрительную трубу: вдругъ увидалъ я тамъ одно непріятельское знамя, правѣе еще другое. Такимъ образомъ Малаховъ курганъ былъ взятъ безъ выстрѣла.

Адъютантъ графа Сакена—Гельфрейхъ въ тоже время прибылъ ко мнѣ и подтвердилъ взятіе не-

пріятелемъ Малахова кургана, и спросилъ: „Что дѣлается у васъ“? Я отвѣчалъ: „Хорошо, но Малаховъ нужно взять обратно; два полка въ готовности, время не терпитъ; скорѣе доложите графу“.

Гельфрейхъ ускакалъ, я стоялъ на бастіонѣ, вдругъ увидалъ колонну, вышедшую изъ траншей. Противъ нея съ V бастіона открыли огонь залпами; Томскій и Екатеринбургскій полки вскочили на банкетъ, и также направили на эту колонну ружейный огонь, равно какъ и пушечные выстрѣлы со всѣхъ правыхъ батарей. Впрочемъ непріятель былъ въ маломъ числѣ (около 5 т.). Запоздалая попытка! Французы мужественно бросились на редутъ Шварца и вскочили на валъ; но къ счастію, командиръ Екатеринбургскаго полка, полковникъ Веревкинъ, командовавшій правымъ флангомъ, ударилъ въ штыки съ крайнею ротою въ узкій проходъ въ редутъ. Въ тоже время подоспѣли подкрѣпленія изъ резерва отъ Хрущева, и непріятель прогнанъ. Заднія его колонны не могли помогать, такъ какъ были остановлены направленнымъ на нихъ сильнымъ огнемъ нашей батареи.

Въ редутѣ было много убитыхъ и взято въ плѣнъ 90 человѣкъ иностраннаго легіона. Когда ихъ отправляли, они спрашивали меня: „Господинъ генералъ, это насъ отправляютъ на смерть?“ („C'est pour nous faire du mal?) Они были предупреждены, что русскіе плѣнныхъ убиваютъ съ страшными мученьями.

При отбитіи этого штурма командиръ Томскаго

полка полковникъ Лисовскій осколкомъ бомбы былъ раненъ въ губы.

Графъ Сакенъ увѣдомилъ меня, что штурмъ 2-го бастіона отбитъ съ большимъ урономъ для непріятеля, но Малаховъ курганъ все еще въ его рукахъ.

Отъ насъ видны были только колонны подъ горою сзади Малахова кургана и слышна ружейная перестрѣлка тамъ,—больше ничего нельзя было замѣтить.

Между тѣмъ мы всѣ отъ перваго до послѣдняго приступили къ исправленію поврежденій и замѣненію подбитыхъ пушекъ новыми.

Чебышевъ, командовавшій артиллеріею вмѣсто Спицына, который раненъ, кричалъ своимъ артилleристамъ: „Работай! нѣтъ отступленія"!

Во время самаго разгара работъ прибыли къ намъ адъютантъ князя Васильчикова Тихменевъ и ординарецъ графа Сакена съ приказаніемъ за подписью князя Васильчикова: отвести войско изъ 2-го отдѣленія на Сѣверную сторону города.

Я изумился: мы на трехъ пунктахъ только что отбили непріятеля, который имѣлъ сравнительно съ нами гораздо большій уронъ, и принуждены были теперь отступать!

Здѣсь опять проявлялся характеръ князя Горчакова: при малѣйшей неудачѣ, вся армія готовая къ бою обрекалась на бездѣйствіе.

Начинается отступленіе войскъ въ городъ со всѣхъ бастіоновъ. Офицеры и солдаты имѣли видъ

отчаянія. Въ 11 часовъ дивизія оставила 2-е отдѣленіе.

Полковникъ Зеленый со своимъ полкомъ занималъ баррикады при входѣ въ городъ.

По отступленіи войскъ блиндажи были наполнены удобовоспламеняющимися составами и въ пороховые погреба заложены станины, другіе же предположено взорвать при помощи гальванизма.

Ночь была совершенно темная; пожары по всюду, въ особенности на Корабельной.

Послѣ полуночи я прибылъ въ Николаевскія казармы. Князь Горчаковъ, окруженный своими генералами, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; генералъ Коцебу сидѣлъ у стола и писалъ.

Князь спросилъ меня: успѣлъ ли я испортить орудія, взорваны ли пороховые погреба, есть ли еще цѣпь на банкетѣ?

Я отвѣчалъ, что полковникъ Зеленый находится съ своимъ полкомъ у баррикадъ. Вдругъ князь снова прервалъ меня:—„А если непріятель замѣтилъ наше отступленіе и будетъ насъ преслѣдовать, а мы до разсвѣта не успѣемъ еще перейти мостъ“.

„Успѣемъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, отбитый непріятель не преслѣдуетъ“.

Многіе генералы спали въ креслахъ въ ожиданіи переправы войскъ, черезъ мостъ, происходящій весьма медленно, потому что мостъ отъ слишкомъ большой тяжести погрузился въ воду, такъ что она доходила солдатамъ до колѣнъ.

Когда начала переправляться 10-я дивизія, я ска-

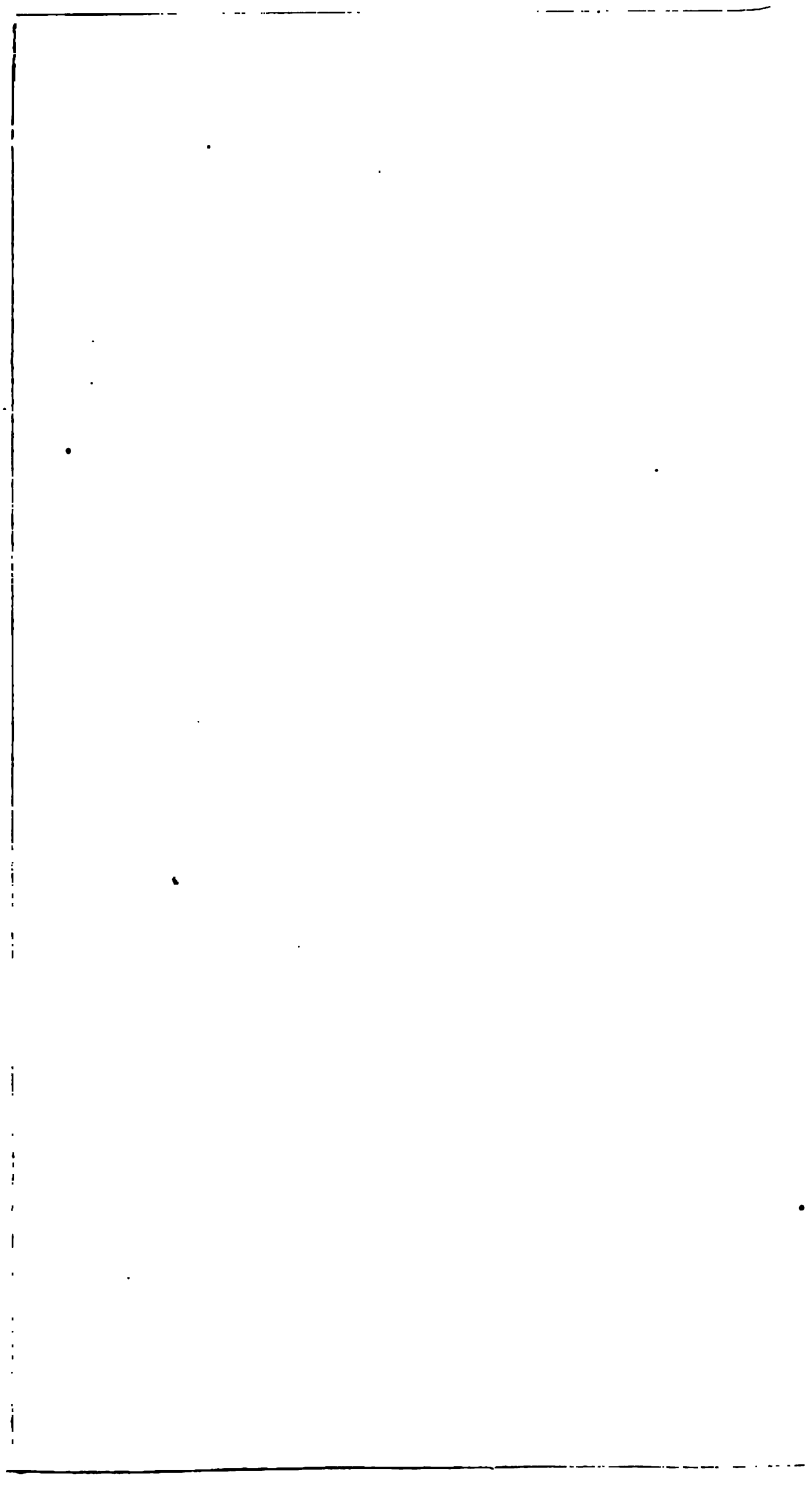
залъ князю Васильчикову:—„Здѣсь невыносимо, я уйду“.—„Идите, здѣсь нечего дѣлать“, отвѣчалъ онъ.

Я досталъ лодку; Вессель, Бакунинъ, Едлинскій, Твердохлѣбовъ и 4 ординарца переѣхали со мной на Сѣверную сторону.

Комендантъ спалъ; адъютантъ его уступилъ мнѣ свою кровать, другимъ пришлось спать на стульяхъ. Но прежде чѣмъ я легъ спать, я долго еще стоялъ на бастіонѣ, и долго не могъ оторвать глазъ отъ представлявшагося мнѣ поразительнаго зрѣлища: въ городѣ во всѣхъ концахъ пожары; изрѣдка—взрывы пороховыхъ погребовъ. Небо совершенно темно; съ непріятельскихъ батарей бросаютъ только свѣтящія ядра; войска расходятся по разнымъ направленіямъ въ совершенной тишинѣ, какъ при погребальной процессіи.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	строка сверху.	напечатано.	читай.
63	20	отравливали	стравливали.
70	15	себѣ	себя.
84	1	общій	общей.
158	3	морѣ	мирѣ.
161	9	Теперь мы	Теперь ты
161	10	отправляемъ	отправляешъ.
166	3	изъ строю	изъ строя.
208	4 и 5	не внимательно	внимательно.
366	5	Марунполь	Маріупольъ.
386	9	бастіонъ	бастіоны.
397	27	оказываются	оказывается.
398	23	туровъ	туровъ.



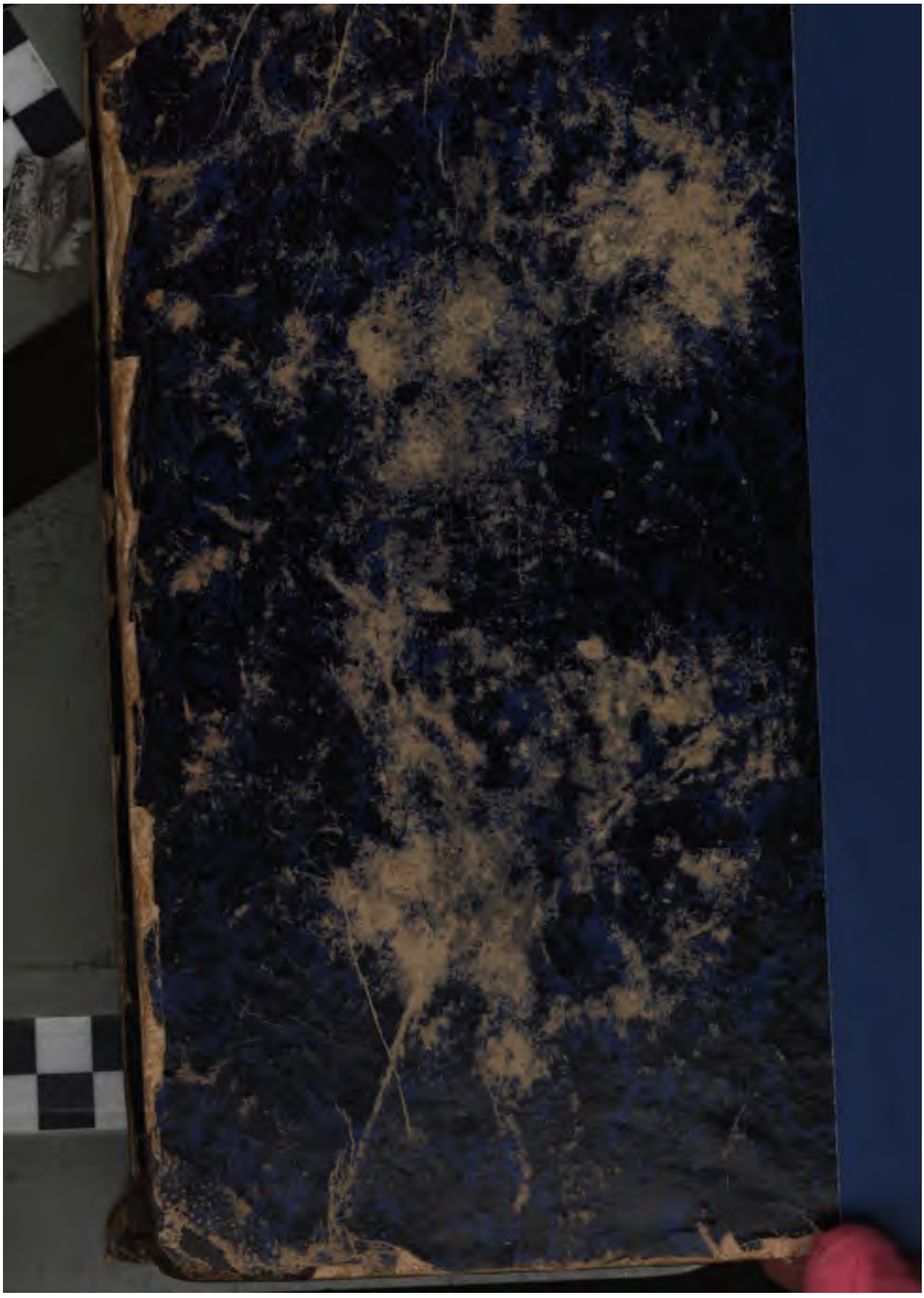
Цѣна каждаго тома отдѣльно

2 руб. **50** коп.

Stanford University Libraries
3 6105 001 314 819

DK 215.
S3
V.3

65-0010-
108250/771

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305